

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков, А.И. Корсак.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 30.09.2020. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 20,45. Уч.-изд. л. 24,10. Тираж 100 экз. Заказ 531.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 (476.6): 355 (09)

**СОСРЕДОТОЧЕНИЕ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕЛАРУСИ
В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ПРЕДДВЕРИ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.****А.Б. АРЛУКЕВИЧ***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)**vaftrudnirgorohov@yandex.by*

В статье нашли отражение процессы сосредоточения и территориального размещения войск Российской империи в Беларуси в период Крымской войны и преддверии восстания 1863–1864 гг. Проведенный анализ причин концентрации соединений и подразделений российской армии с учетом сложившейся на тот момент военно-политической обстановки в Европе, а также общественно-политических процессов, протекавших внутри белорусских губерний, позволил автору определить цели и задачи войск, решаемые ими в Беларуси в исследуемый период. Работа опирается на широкий круг впервые вводимых в научный оборот источников, выявленных автором в архивах и книгохранилищах России и Беларуси. До настоящего времени рассматриваемые в представленной публикации проблемы не становились предметом исследования отечественной исторической науки.

Ключевые слова: Крымская война, Российская империя, Беларусь, белорусские земли, российские войска.

Введение. Сегодня принято считать, что события Крымской войны 1853–1856 гг. напрямую не затронули Беларусь и в целом 50-е гг. XIX в. ничем не примечательны для отечественной истории. Расположенные на линии времени между восстанием 1830–1831 гг. – периодом реакции (общественно-политическими и социально-экономическими преобразованиями 30-х – 40-х гг. XIX в.), с одной стороны, и отменой крепостного права – восстанием 1863–1864 гг., с другой, они выпадают из поля зрения исследователей. Между тем, имеющиеся в нашем распоряжении источники указывают на то, что в белорусских губерниях¹ в 1854–1862 гг. происходили масштабные процессы военного характера, которые оказали существенное влияние на все стороны их социально-экономического и общественно-политического развития, долгие годы определяли содержание повседневной жизни гражданского населения.

До настоящего времени в белорусской (так же, как и зарубежной) историографии нет ни одного исследования, которое бы раскрывало причины и обстоятельства сосредоточения войск Российской империи в Беларуси в период Крымской войны и преддверии восстания 1863–1864 гг. Хотя и необходимо отметить, что контуры военно-политической обстановки в Европе, предшествовавшей размещению гвардейского корпуса на белорусских землях в 1854 г. были очерчены профессором Л.Г. Бескровным в монографии «Русское военное искусство XIX в.» (1974 г.), а до него отдельные причины концентрации войск на западных границах Российской империи во взаимосвязи с позициями центрально-европейских государств обозначил академик Е.В. Тарле в книге «Крымская война» (1936 г.). Материалы и выводы классиков советской военной историографии представляют несомненную ценность, однако их транспозиция из общеевропейского в белорусский контекст требует привлечения дополнительного круга источников. Для решения данной задачи в архивах России и Беларуси автором были выявлены: документы делопроизводства Департамента Генерального штаба Российской империи, позволившие раскрыть причины сосредоточения, численность и схему территориального размещения войск гвардии, а также частей и подразделений 1-й армии на территории белорусских губерний в период Крымской войны и преддверии восстания 1863–1864 гг.; материалы делопроизводства канцелярий Гродненского, Минского, Витебского губернаторов и губернских правлений одноименных губерний, детализировавшие обстоятельства стоянки войск.

Дополнить панораму событий 1854–1862 гг. в Беларуси позволили данные полковой историографии. Составленные на основе полковых архивов и воспоминаний ветеранов в виде исторической хронологии переживаемых воинскими подразделениями событий, полковые хроники предоставили подробные сведения о их перемещениях и размещении, позволив, таким образом, уточнить картину дислокации войск в границах белорусских губерний. Отдельные из числа данных работ содержат ценные для нас описания стоянок и отношений военнослужащих с гражданским окружением на постое.

¹Под белорусскими губерниями автор понимает Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую в границах 1843 г.

Основная часть. Гвардия в Беларуси (1854–1856). Белорусские земли, расположенные у западных границ Российской империи, непрерывно служили одним из ключевых центров сосредоточения оперативной группировки войск, выступавшей в качестве форпоста российского государства на европейском направлении. С завершением Наполеоновских войн, во второй половине 10-х – начале 30-х гг. XIX в., белорусские губернии стали центром дислокации Отдельного Литовского корпуса, в 30-е – начале 60-х гг. XIX в. – частей и подразделений I-го пехотного корпуса Действующей армии (в марте 1856 г. Действующая армия была переименована в «1-ю», а пехотные корпуса – в «армейские»). В период Польского (1830–1831 гг.) и Венгерского (1848–1849 гг.) восстаний в Беларуси непродолжительное время квартировали направлявшиеся из Петербурга в зону боевых действий части российской гвардии.

В период Крымской войны белорусские губернии в силу сложившейся военно-политической обстановки также не могли оставаться без надежного прикрытия вооруженных сил. С началом кампании на Дунае обострились отношения Российской империи с Австрией, которая опасалась усиления позиций России на Балканах. После того как 20 апреля 1854 г. Австрия подписала союзническую конвенцию с Пруссией, а в июле того же года они совместно потребовали от российской стороны вывести войска с территории Молдавии и Валахии, над Беларусью нависла угроза военного вторжения германцев. Непреклонность своих позиций союзники подтвердили сосредоточением «125 тыс. австрийских войск в Галиции и 180 тыс. прусских войск у границ Польши» [1, с. 269]. В сложившихся обстоятельствах белорусские земли в случае открытой агрессии со стороны Пруссии и Австрии открывали кратчайшие пути для наступления потенциальных противников на Петербург и Москву.

Особое место российский Генеральный штаб в случае вступления центрально-европейских государств в войну отводил бассейну р. Неман, что объясняется боязнью возможного окружения российских войск в «польском мешке» в случае совместных действий Австрии и Пруссии против России. Избежать окружения, в частности, помогло бы равномерное продвижение войск вглубь Восточной Пруссии с территории Гродненской, Виленской, Ковенской губерний и прилегавших к ним районов Витебской и Минской губерний. Не будучи уверены в успехе возможного наступления командование вооруженных сил Российской империи рассматривало белорусские и литовские земли, лежавшие вдоль среднего течения Немана, в качестве одного из основных оборонительных рубежей на западном направлении. Район Брестской крепости занимал срединное положение в устье «польского мешка», что позволяло контролировать ей в равной степени оба фланга (пруссский и австрийский). Припятские болота, прикрывавшие крепость с тыла, препятствовали бы окружению войск, сосредоточенных в южной части Гродненской губернии, а также исключали возможность соединения прусских и австрийских сил восточнее Бреста по руслу Припяти.

Активные действия в Крыму, на Кавказе и Дунае к осени 1854 г. заставили, по оценкам Николая I, восполнять малочисленность войск на западной границе их «качеством» и отправить в район Виленской, Гродненской и прилегавших к ним уездов Минской губернии подразделения императорской гвардии: «нет сомнения, – писал Николай I, – что этот участок сухопутной границы, прикрывая путь в сердце России, требовал особого внимания. По этой причине в состав армии, здесь расположенной, были назначены отборнейшие войска» [2, с. 68]. Подчеркивая важность этого стратегического участка, в случае открытого противостояния с австро-пруссским блоком он намеревался лично отправиться в Брест-Литовск [2, с. 68].

В июле 1854 г. (после того как отпала угроза высадки английского десанта в районе Петербурга) военное министерство сообщило Виленскому генерал-губернатору И.Г. Бибикову о запланированном на сентябрь движении двух кавалерийских и двух пехотных дивизий гвардии в район белорусских губерний [3, лл. 1–2об.].

Согласно действовавшим нормам, когда подразделения войск направлялись к новым местам дислокации, «их начальники предварительно должны были известить губернаторов тех губерний, через которые им надлежит следовать, о времени вступления в каждую губернию и доставить копию маршрута движения» [4, с. 574]. В частности, по сведениям, полученным минским губернатором 15 сентября 1854 г., первая колонна гвардейской кавалерии в составе подразделений 1-й Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии (Конно-гренадерский, Уланский и Гусарский полки, а также 2-я легкая и Донская батарея), следовавшая из Петербурга, с 21 октября до 14 ноября 1854 г. должна была пройти через Оршу – Коханово – Толочин – Бобр – Начу – Борисов – Жодино – Смоленичи – Юхновку – Минск. За Минском колонне предстояло разделиться и направиться в район Койданово, Сверженья, Несвижа, Мира и Новогрудка [5, лл. 5–12]. В составе колонны 2 сентября 1854 г. из Санкт-Петербурга выступил лейб-гвардии Уланский полк [6, с. 273]. Из числа подразделений Легкой Кавалерийской дивизии 5 сентября приказ о выступлении в поход к западным границам получили также солдаты и офицеры лейб-гвардии Казачьего полка [7, с. 476]. В Гатчине полк был удостоен императорского смотра: Николай I выехал перед ним в лейб-казацком мундире. Проехав по фронту и поблагодарив лейб-казаков за службу, он осенил себя крестным знаменем и благословил их в поход [7, с. 476].

Вторая колонна кавалерии в составе Гвардейской кирасирской дивизии, следовавшая через Динабург, Вильно и Лиду, переправившись за Гончарами Новогрудского уезда через Неман в первой половине октября, должна была остановиться в районе Пружан (л.-гв. Кирасирский Наследника Цесаревича полк), Волковыска (л.-гв. Кирасирский Его Величества полк), Ружан (батарея и 1-я Конная батарея), Слонима (лейб-гвардии Конный полк) и Новогрудка (Кавалергардский полк) [5, лл. 5–12].

На территории Гродненской губернии должны были сосредоточиться 1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии [8, с. 131]. По сведениям генерал-губернатора, правой колонне пехоты предстояло расположиться в районе Волковыска, Свислочи, Беловежи, Каменки и Брест-Литовска. Средняя колонна пехоты должна была остановиться в районе Слонима, Сельца, Пружан, Терешева и Брест-Литовска; левая колонна – в районе Миловид, Михнович, Березы, Кобрин, Ракитницы и Брест-Литовска [3, лл. 2–3 об.]. Пехотные дивизии гвардии с приданными им 2-й л.-гв. артиллерийской бригадой и л.-гв. Саперным батальоном начали движение из Петербурга по Ковенскому шоссе в первой половине сентября. В числе прочих в 5 часов утра 9 сентября к западным границам выступил л.-гв. Финляндский полк [9, с. 318] (рисунком 1).

По воспоминаниям участников, поход этот был одним из самых трудных за все время их службы: «Что нам довелось перенести – никогда не изгладится из памяти; переходы были большие, постоянно льющий, мелкий осенний дождь пронизывал насквозь, нести на себе приходилось более 2 пудов – ружье, сумму с тяжелыми патронами, шанцевый инструмент, шинель, мундир, запасные сапоги, каску, фуражку, хлеб и сухари» [9, с. 324].

Неоднократно командующие гвардейских войск требовали от уездных чиновников белорусских губерний ремонта дорог и мостов на своем пути [3, л. 57 об.]. Губернаторы, получая выписки из маршрута движения войск, командировали гражданских чиновников для встречи и сопровождения гвардейских подразделений, закупки необходимого им продовольствия и отвода гражданских жилищ. Все расходы по продовольственному обеспечению войск и использованию подвод заносились в специальные шнуровые книги [10, лл. 80–80 об.]. На чиновников земской полиции, в ведении которой находились населенные пункты, лежавшие на пути гвардии, была возложена ответственность за отвод «дневных» и «ночных» квартир [11, л. 40].

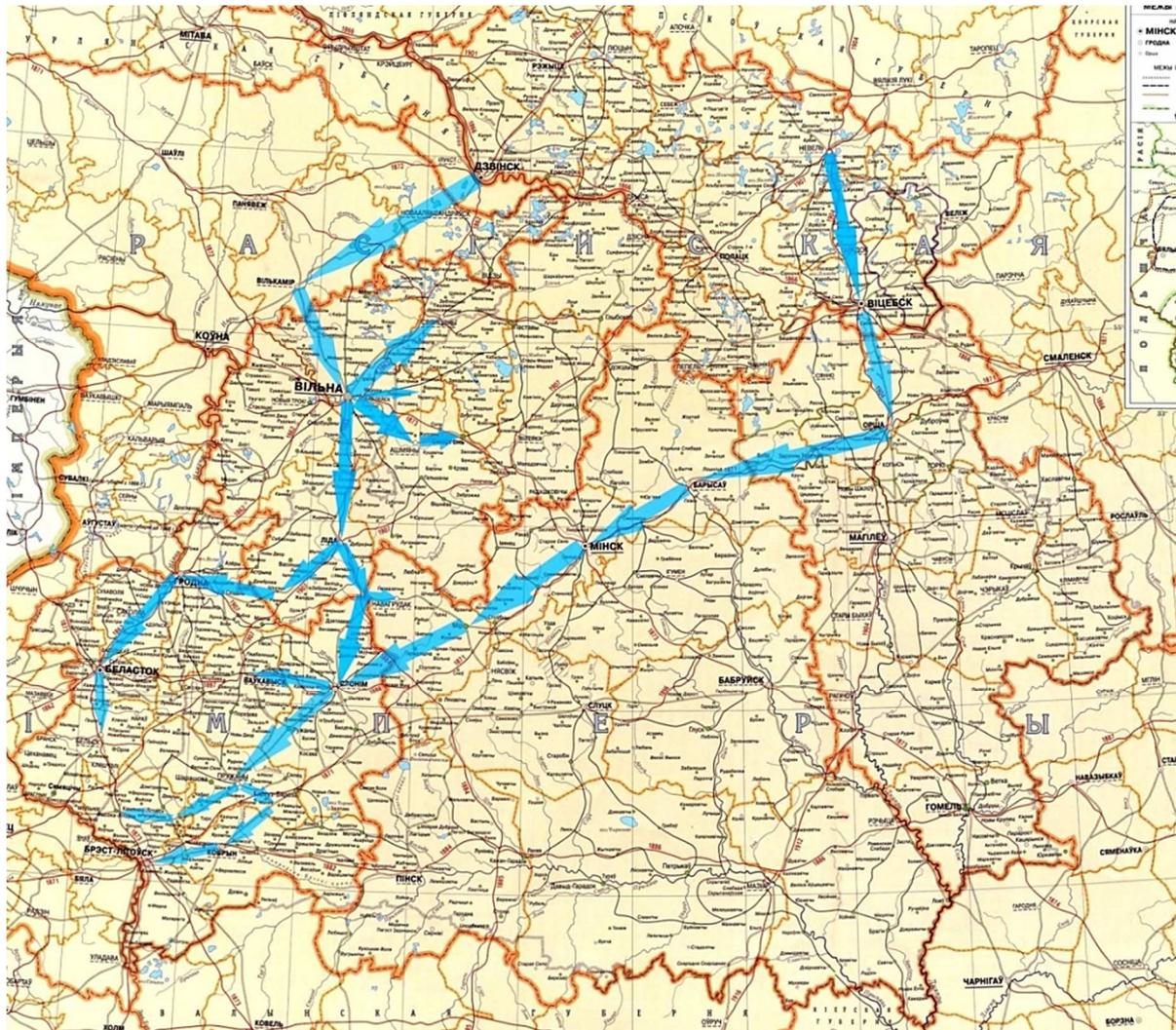

Рисунок 1. – Основные маршруты движения войск гвардии в границах Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний²

²Составлена автором на основе карты Михайлоўскай Л.Ю, Насевіча В.Л. Беларусь у другой палове XIX – пачатку XX ст. В : *Нацыянальны атлас Беларусі*. – Минск : Белкартаграфія; 2002. – С. 274–275. и наложением архивных данных, а также сведений полковой историографии из [3; 5–31; 36; 39].

Маршруты движения войск были разделены на т. н. «этапы», где они меняли подводы, а также пополняли запасы продовольствия и фуража. Так, в частности, на участке Брест-Бобруйского шоссе в Минской губернии в качестве этапных пунктов выделялись Городище, Моствиловичи, Филиповичи, Лядно, Слуцк, Горки, Дороги, Осиповичи и Бобруйск [12, л. 21]. На упомянутых пунктах по ценам, согласованным с губернским предводителем дворянства, должно было быть заготовлено от 1,6 до 3,2 тыс. ведер водки, от 1,2 до 2,4 тыс. четвертей овса, по 7,5 тыс. пудов сена. Для приготовления пищи и разведения костров необходимо было запастись дровами [12, лл. 16–18]. По маршруту следования войск в Минской губернии была заготовлена 3 301 подвода из 9 близлежащих уездов (по 370 подвод на уезд) [12, л. 32]. С этой целью помещикам заблаговременно были разосланы извещения с требованиями о приготовлении необходимого числа подвод. Для присмотра за ожидавшими войска подводами на станциях Осиповичи и Дороги уездным предводителем в качестве представителей от дворянства были назначены Л. Поповский и К. Аллингер. Населению за используемые подводы войска выдавали так называемые «контрамарки», или «расписки», которые впоследствии обменивались на наличные деньги [13, л. 15 об.; 14, лл. 53–55; 15, л. 223 об.]. В марте 1855 г. генерал-губернатор объявил благодарность помещикам Минской губернии за усердное исполнение возложенной на них обязанности по поставке подвод [12, лл. 49–56 об.]. Николай I лично благодарил «сословия» Минской губернии, которые, по его мнению, «с большим радушием принимали войска» [16, л. 1].

Колонные войска в день проходили от 15 до 30 верст. В частности, дорога из Петербурга в Вильно для лейб-гвардии Финляндского полка заняла два месяца [9, с. 317–325]. Солдаты пехотных полков в походе шли пешком, офицеры – в нанятых на почтовых станциях повозках, за ними тянулись подводы с полковым хозяйством. Так, колонну Московского полка сопровождал обоз из 26-ти ротных повозок, 24-х провиантских телег, 17-ти офицерских повозок, 2-х телег для лазаретных вещей, церковной фуры, казначейской телеги с «ящиком для казны и полковой канцелярии», 6-ти телег для перевозки больных и аптечных выюков. Солдаты полка были обеспечены четырехдневным запасом провианта, для полковых тяжестей у местного населения были взяты 42 подводы и еще 30 подвод для заболевших в пути солдат [11, лл. 70 об.–71].

«В походе (вспоминает С. Гулевич – А. А.) для каждой роты было определено свое место в строю, который замыкался караулом. При караульной роте следовали: знамена, обоз, лазарет, музыканты и нестроевые нижние чины. При дежурной роте постоянно следовала штуцерная команда. Каждую колонну войск в пути сопровождал колонный офицер, отвечавший за правильную организацию ее движения» [9, с. 321]. «Артельные и офицерские повозки полка двигались при своих ротах» [17, с. 120].

Из состава Гвардейской кирасирской дивизии 29 сентября 1854 г. в Вильно вступил л.-гв. Кирасирский Наследника Цесаревича полк. Военный губернатор И.Г. Бибиков с купцом Апотовым устроили угощения для нижних чинов полка. В эскадроны было отправлено по быку, а также по пирогу и рюмке водки для каждого кирасира. К 10 октября полк из Вильно переместился в район Пружан, после чего был направлен к м. Соколка под Белостоком, где и расположился на зимних квартирах [18, с. 415]. Вместе с Кирасирским Наследника Цесаревича полком 29 сентября в Вильно вступил л.-гв. Кавалергардский полк (25 октября полк покинул город и, пройдя через Слоним (28 октября) и Кобрин (7 ноября), к 9 ноября разместился в районе Брест-Литовска) [19, с. 81]. Благополучно переправившись за Гончарами через Неман, 7 октября 1854 г. в Волковыск вступил л.-гв. Кирасирский Его Величества полк (рисунок 2). К 11 ноября 1854 г., пройдя через Брест-Литовск, полк расположился в районе м. Луков соседней Люблинской губернии [20, лл. 13–13 об.; 21, с. 84]. Лейб-гвардии Конный полк, прошел через Вильно, Лиду, Слоним, где простоял до 26 октября, и Брест-Литовск [22, с. 99].

Из состава 1-й гвардейской пехотной дивизии 14 октября 1854 г. в м. Свентяны вступил л.-гв. Семеновский полк (24 октября он перешел в м. Тыкоцин близ Белостока, а с 24 февраля по 21 июня 1855 г. квартировал в районе Гродно, после чего был направлен в Ковенскую губернию) [23, с. 185–186]. Завершив переход из Петербурга, 20 октября 1854 г. в Ошмянах разместился полковой штаб со штабом 3-го батальона л.-гв. Измайловского полка (штаб 1-го батальона – в д. Варняны, штаб 2-го батальона – в Сморгони). К 14 ноября л.-гв. Измайловский полк, пройдя через Лиду, Гродно и Белосток перешел в район Бельска (штаб полка со штабом первого батальона обосновался в Бельске, штаб 2-го батальона – в д. Кейники, штаб 3-го батальона – в д. Боцьки) [8, с. 131–132]. 22 октября в Вильно торжественно вступил лейб-гвардии Преображенский полк и после парада на Кафедральной площади расположился на отдых. 30 октября полк продолжил свой путь через Гродно в район Белостока, куда прибыл 17 ноября [24, с. 249]. 4 ноября 1854 г. в Гродно вступил лейб-гвардии Егерский полк [25, с. 306].

Из состава 2-й гвардейской пехотной дивизии 5 ноября 1854 г. в Вильно вошел л.-гв. Финляндский полк, квартировавший в городе и его окрестностях до 16 мая 1855 г. По воспоминаниям участников похода, «во время стоянки полка в Вильно офицеры проводили зиму приятно и весело благодаря гостеприимству генерал-губернатора И.Г. Бибикова и окрестных помещиков» [17, с. 121]. Пройдя через Динабург, Вилькомир и Вильно, 8 ноября в Свентяны вступил л.-гв. Московский полк (в мае 1855 г. полк перешел в район Новогрудка) [26, с. 223; 27, с. 237]. 17 ноября в Гродно вступил л.-гв. Саперный батальон, где гождане угостили каждого нижнего чина рюмкой водки и обедом с фунтом говядины [20, л. 36].

Рисунок 2. – Группа чинов л.-гв. Кирасирского Его Величества полка (с картины А.И. Гебенса)³

Из состава 1-й Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии эскадроны лейб-гвардии Гусарского полка, пройдя через Витебск, Оршу, Борисов, Минск, Мир и Слоним, вошли в Пружаны 23 ноября 1854 г., где «остановились на зимних квартирах по деревням и местечкам в окрестностях города» (здесь полк квартировал до 18 мая 1855 г., после чего перешел в м. Высоко-Литовск) [28, с. 259]. В третьей декаде ноября 1854 г. при вступлении в Слоним л.-гв. Конно-гренадерского полка помещики угостили всех нижних чинов полка рюмкой водки и обедом из двух фунтов говядины с гарниром. Офицеры полка были приглашены на ужин в доме предводителя Слонимского уездного дворянства Воловича. Во время застолья, которому аккомпанировал полковой оркестр, поднимались тосты за здоровье чинов гвардии и Слонимского дворянства [20, лл. 18–20]. Дойдя до Лиды в ноябре 1854 г., на зимних квартирах разместился л.-гв. Казачий полк: штаб полка – в городе, лейб-казацкие эскадроны – в окрестных деревнях (к 22 февраля 1855 г. полк перешел в район Новогрудка) [7, с. 463–464]. В это же время, проследовав через Витебск, Минск, Слоним, в районе Волковыска на зимних квартирах остановился л.-гв. Уланский полк (рисунок 3), расположивший свои эскадроны в окрестностях города (22 мая 1855 г. штаб полка перешел в Кобрин, а 6 сентября того же года – в Слоним) [6, с. 29].

По воспоминаниям гвардейцев, зима 1854–1856 гг. в Беларуси и Литве «отличалась свирепостью – с жестокими морозами, резким ледяным ветром, вьюгами и метелями. Сырые, холодные помещения зимних квартир служили плохой защитой от наступивших холодов. Солдат, заступавших в караул, было велено одевать как можно теплее. По распоряжению Николая I все нижние чины были снабжены полушубками» [25, с. 319]. В канун нового 1855 г. владелец им. Селец Пружанского уезда, Ф.М. Высоцкий, вместе с поздравлениями командиру в качестве праздничного угощения для квартировавшего в Сельце 1-го эскадрона л.-гв. Гусарского полка, отправил убитых им на охоте лося и двух диких коз [20, л. 27].

К моменту прихода гвардии на белорусских землях на протяжении нескольких лет свирепствовала эпидемия тифа, занесенного сюда войсками из Австрии в 1849 г. «Солдаты сразу начали болеть и целыми группами загромождали лазареты и госпитали» [25, с. 312]. «Тиф стал, буквально, косить солдат» [24, с. 249]. 15 января 1855 г. от тифа умер командир л.-гв. Измайловского полка полковник Делингаузен [8, с. 133]. «Зимой 1854–1855 гг. смертность в войсках достигла небывалых размеров. Из 37 тыс. гвардейского корпуса умерло около 3 тыс. человек. Для пополнения убыли в течение 1855 г. из резервных частей, расположенных в Петербурге, два раза были отправлены маршевые команды – в феврале и мае» [25, с. 312].

³Гебенс, Адольф Иванович – художник немецкого происхождения, долгое время живший в России (в 1861 г. был удостоен звания академика Императорской академии художеств). Полотна, запечатлевшие образы солдат и офицеров российской армии, создавались Адольфом Ивановичем в 50-е – начале 60-х гг. XIX в. и, таким образом, отражают облик войск в исследуемый нами период (рисунок взят с сайта: <https://vadim-305.livejournal.com/46040.html>).

Рисунок 3. – Группа чинов л.-гв. Уланского полка (с картины А.И. Гебенса)⁴

По распоряжению Николая I войска, сосредоточенные на западных границах Российской империи, 29 мая 1855 г. были разделены на Западную и Среднюю армии. Гвардия, дислоцировавшаяся на белорусских землях, вошла в состав Западной армии под общим командованием генерал-адъютанта С. П. Сумарокова со штаб-квартирой в Варшаве [8, с. 137].

Несмотря на свирепствовавшую эпидемию в конце августа 1855 г. в окрестностях Гродно командование намеревалось провести сборы 2-й гвардейской пехотной дивизии. На это же время были назначены сборы 1-й Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии в районе Брест-Литовска (до начала августа сборы кавалерийской дивизии планировалось проводить в районе Пружан). Проведение сборов было одобрено Николаем I [10, лл. 34–36].

В июле в Гродно был командирован дивизионный квартирмейстер 2-й гвардейской пехотной дивизии капитан Н.Н. Обручев «для выбора учебного места и составления дислокации на тесных квартирах в ближайших окрестностях». Здесь частям дивизии предстояло пройти ряд тактических занятий. Командующий гвардейским корпусом П.А. Витовтов просил губернатора позаботиться «об отводе для дивизии учебного места в возможно скорейшем времени, чтобы жалонерные учения могли начаться тотчас по сборе в Гродно 8 августа» [10, с. 1–1 об.].

Дивизионным квартирмейстером для предстоящих учений в окрестностях Гродно были избраны «пространства по правую сторону р. Немана между селениями Станиславо, Переселкой и Грандичами, а по левую – между мытой Августовкой и городом» [10, лл. 23–23 об.]. Сбор войск 2-й гвардейской пехотной дивизии должен был посетить командующий Западной армией генерал-адъютант С.П. Сумароков в сопровождении начальника штаба Западной армии генерал-майора М.Л. Фантон-де-Веррайона, генерал-квартирмейстера полковника В.С. Семеки и начальника артиллерии ген.-майора Лутновского. На случай приезда Николая I и посещения Гродно генерал-фельдмаршалом князем И.Ф. Паскевичем-Эриванским, а также командующим Западной армии генерал-адъютантом С.П. Сумароковым губернатор потребовал от местных властей «придать городу самый благопристойный вид» [10, л. 23]. Гостей было решено разместить в губернаторском доме. Сам губернатор вынужден был его покинуть и остановиться у князя Четвертинского, которому платил за постой по 5 руб. в день [10, л. 24].

Для проведения летних сборов 1-й легкой кавалерийской дивизии гвардии в районе Брест-Литовска было выбрано «луговое пространство между Брест-Литовском и Белостокской слободкой, площадью около

⁴Рисунок взят с сайта: <https://vadim-305.livejournal.com/46040.html>.

одной квадратной версты». По окончании сборов комиссии «Для оценки потоптанных полей», предстояло определить сумму компенсации крестьянским и помещичьим хозяйствам за потраву лугов [10, лл. 49–49 об.].

Накануне (к июню 1855 г.) штаб 1-й Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии и штаб л.-гв. Конно-Гренадерского полка размещался в Пружанах (к 15 октября штаб дивизии из Пружан перешел в Новогрудок, а штаб Конно-гренадерского полка – в Несвиж), штаб л.-гв. Уланского полка был расположен в Кобрине (к 15 октября 1855 г. штаб Уланского полка перешел в Слоним), штаб л.-гв. Гусарского полка – в Высоко-Литовске (1 сентября 1855 г. полк был переведен на зимние квартиры в район г. Новогрудка, где простоял до 20 апреля 1856 г.), штаб л.-гв. Казачьего полка – в м. Домачево (к зиме 1855 – 1856 гг. штаб полка перешел в Пружаны) [7, с. 463–464; 10, лл. 34–36; 28, с. 287; 29, лл. 24–25]. На рубеже 1855–1856 гг. численность 1-й Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии, по данным Гродненской губернской канцелярии, составляла: 3 572 солдата и офицера, 8 генералов [30, л. 3 об.].

К июню 1855 г. из состава 2-й гвардейской пехотной дивизии штаб л.-гв. Гренадерского полка квартировал в Белостоке, штаб л.-гв. Финского стрелкового батальона – в Деречине, штаб л.-гв. Финляндского полка находился в Бельске [10, лл. 34–36]. Последний был переведен в Бельск из Вильно в мае 1855 г., а из Бельска, впоследствии, перешел в Гродно. «Помимо перемещений всего полка, часто происходили перемещения рот и батальонов из одного местечка в другое как вследствие хозяйственных соображений, так и нарядов в караулы» [9, с. 325]. В частности, по приходу в Гродненский уезд часть полка решено было расквартировать в деревне Грандичи, неподалеку от Гродно, где ранее квартировала «слабосильная команда» гродненского военного госпиталя, на время переведенная в деревни Большую и Малую Ольшанку [10, лл. 55–56 об.]. 20 мая 1855 г. из Вильно выступил Московский полк, направившись в район Новогрудка, куда прибыл 30 мая [26, с. 221] (рисунок 4).

Рисунок 4. – Солдаты л.-гв. Московского полка стирают белье (с картины А.И. Гебенса)⁵

Не позднее 3 августа 1855 г. л.-гв. Московский полк из Новогрудка через Слоним и Волковыск перешел в район Гродно (полковой штаб и 1-й батальон квартировали в самом городе, а 2-й и 3-й батальоны – в окрестных деревнях), где находился до апреля 1856 г. [26, с. 221]. Летом 1855 г. в Волковыске расположился штаб л.-гв. Павловского полка [31, с. 317–325]. Численность 2-й гвардейской пехотной дивизии на рубеже 1855–1856 гг. вместе с л.-гв. Финским стрелковым батальоном, по данным Гродненской губернской канцелярии, составляла: 12 757 солдат и офицеров, 29 генералов [30, л. 4].

⁵Рисунок взят с сайта: <https://vadim-305.livejournal.com/46040.html>.

Из состава 1-й гвардейской пехотной дивизии Семеновский полк с 15 февраля до 21 июня 1855 г. квартировал в районе Гродно [23, с. 186]. 23 июля 1855 г. из района Белостока через Гродно, Лиду и Вороново в Вильно на место Московского перешел Преображенский полк [10, лл. 34–36; 24, с. 260].

Из числа инженерных и артиллерийских подразделений гвардии к июню 1855 г. л.-гв. Саперный батальон квартировал в районе Гродно, л.-гв. батарейная № 4 батарея квартировала в м. Маковляны, л.-гв. легкая № 5 батарея была расположена в м. Крынки, л.-гв. батарейная № 3 батарея с бригадным штабом – в Соколке, конная № 2 батарея квартировала в м. Селец, л.-гв. Донская батарея – в Березе-Картузской [10, лл. 34–36]. Общую численность последних пяти батарей на рубеже 1855–1856 гг. составляли 1001 солдат и офицер, 2 генерала [30, л. 4 об.] (рисунк 5).

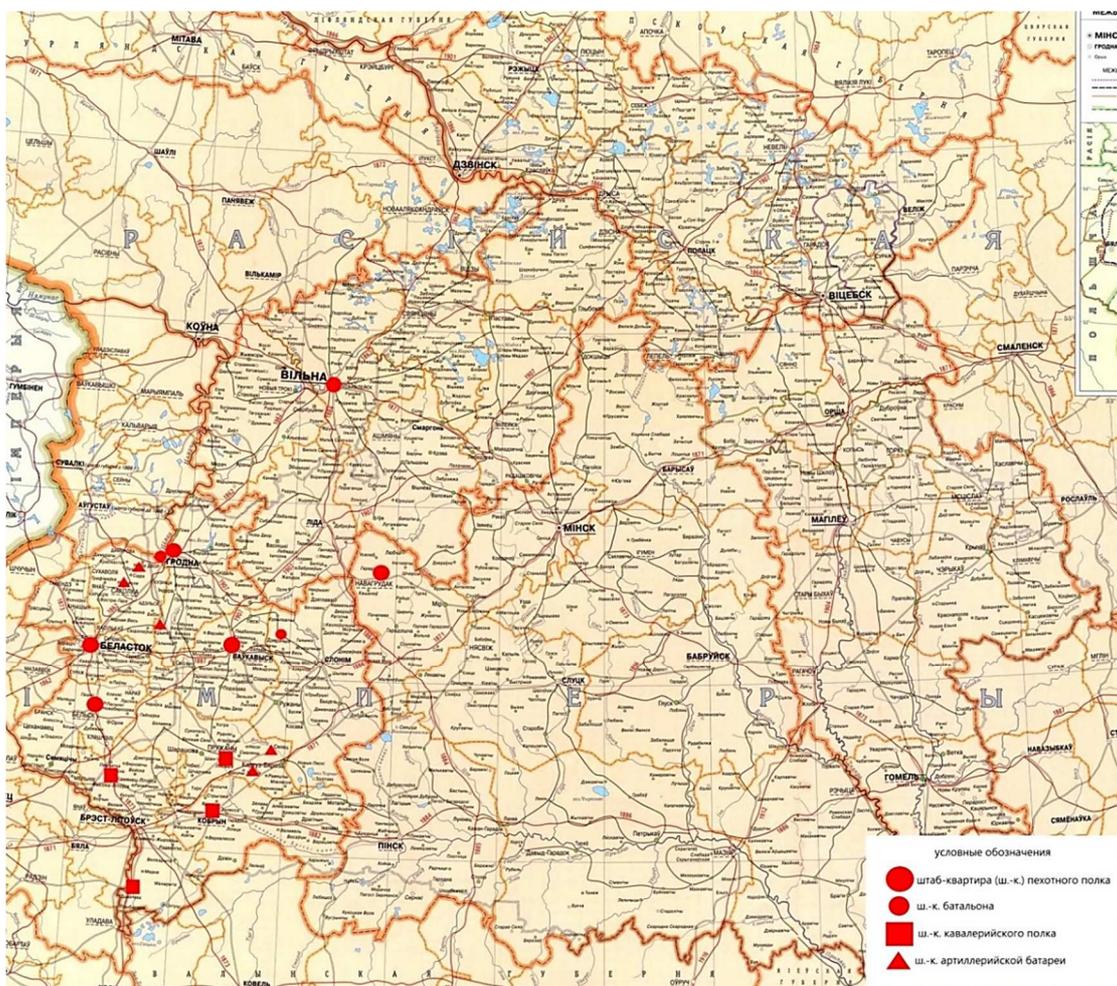

Рисунок 5. – Схема дислокации войск гвардии на территории Виленской, Гродненской и Минской губерний летом 1855 г.⁶

Анализ и сопоставление схемы территориального размещения отдельных частей и подразделений гвардии со сложившейся на тот момент военно-политической обстановкой в Европе свидетельствует: выбор района расположения гвардейского корпуса в 1854–1856 гг. определили относительная близость (в масштабах империи) Виленской, Гродненской и восточных уездов Минской губерний к восточно-прусской и австрийской границам, а также развитость сети дорожных коммуникаций (обеспечивавших быстрое передвижение войск), плотность населения и уровень его материального благосостояния в перечисленных губерниях. В сравнении с последними, в частности, Витебская губерния, по оценкам российского Генерального штаба, из-за относительной бедности населения и низкой производительности труда не могла стать центром дислокации большой массы войск [32, с. 32]. Сравнительно низкая плотность населения Могилевской губернии, дороговизна и не-

⁶Составлена автором на основе карты Михайлоўскай Л.Ю., Насевіча В.Л. Беларусь у другой палове XIX – пачатку XX ст. В : *Нацыянальны атлас Беларусі*. – Минск : Белкартаграфія; 2002. С. 274–275. и наложением архивных данных, а также сведений полковой историографии из [7; 10; 23; 24; 28–29; 31].

достаток фуража затрудняли расквартирование на ее территории кавалерии и артиллерии [33, с. 1]. Неблагоприятной для размещения войск была признана большая часть Минской губернии, за исключением Новогрудского, Слуцкого, Минского, части Игуменского и Борисовского уездов. Особенно неудобными для этого были малонаселенные долины Припяти и Березины, усеянные редкими небольшими деревнями, не имевшими между собой устойчивых коммуникаций. По этой причине Генеральный штаб избегал расположения войск в Пинском, Мозырском, Речицком и Бобруйском уездах, а также на левобережье р. Березины, используя для стоянки войск лишь населенные пункты, лежавшие вдоль почтовых дорог [34, с. 45].

Наиболее благоприятными условиями для сосредоточения войск на фоне остальных выделялись Виленская и Гродненская губерния (последняя, в частности, отличалась высокой плотностью населения, что, по оценкам Генерального штаба, позволяло расположить на ее территории армейский корпус в полном составе) [35, с. 15]. Данные факторы, в сложившейся военно-политической обстановке, предопределили расположение гвардейского корпуса именно на территории Гродненской и соседствовавших с ней уездов Виленской и Минской губерний.

Весной 1856 г., с завершением Крымской войны и подписанием Парижского мирного договора, полки гвардии покинули Беларусь и направились в Москву для присутствия на коронации Александра II. В числе прочих 20 апреля из Пружан выступил л.-гв. Гусарский полк. Пройдя через Мир, Минск, Борисов и Оршу, 20 июня 6 действующих эскадронов полка вышли на старую Смоленскую дорогу [28, с. 288]. Выступив из Вильно, Преображенский полк на пути в Москву прошел через Витебск и Полоцк, где командующий гвардейским корпусом генерал-адъютант П.А. Витовтов устроил полку смотр [24, с. 267]. Выступив двумя колоннами из Гродно, л.-гв. Московский полк прошел через Волковыск, Слоним, Новогрудок, Минск, Борисов и Оршу [26, с. 226]. По указанному маршруту 16 апреля из Белостока в Москву в числе прочих соединений гвардии выступил также лейб-гвардии Финляндский полк [36, с. 11]. Двумя колоннами из Волковыска 24–25 апреля выступил л.-гв. Павловский полк [31, с. 390]. Во время похода «в города гвардия вступала с церемонией, поротно, с примкнутыми штыками» [17, с. 125].

Гвардия являлась самой привилегированной частью российской армии и была особым образом приближена к императору: исторически, гвардия в Европе – личная охрана королей. Туда отбирали самых сообразительных и атлетичных рекрутов со всей империи, офицерами гвардии становились выходцы из первого эшелона истеблишмента: потомственные князья, дети правительственных сановников, видных деятелей культуры и искусств, а также менее родовитые офицеры, заслужившие место в гвардии благодаря личным дарованиям. О статусе гвардии свидетельствуют приведенные выше цифры – 29 генералов в одной 2-й гвардейской пехотной дивизии. В то же время в рядовой армейской пехотной дивизии генералов могло быть всего два. Последнее никоим образом не указывает на потенциал отдельных частей армии, а только их титульный статус. В контексте истории Беларуси, присутствие высшего света петербургского общества в лице гвардейских полков не могло остаться незамеченным для населения белорусских губерний. Отмеченные выше факты, свидетельствующие о многочисленных дружественных контактах и знаках внимания, оказываемых гвардии в Беларуси, подтверждают наличие повышенного интереса к титулованным и креативным столичным гостям со стороны всех слоев и сословий в местах дислокации гвардейских подразделений.

В частности, накануне выступления лейб-гвардии Павловского полка из Волковыска управляющий акцизным откупом по Гродненской губернии Рюшин отпустил всем без исключения нижним чинам полка по чарке водки на человека. Волковысское еврейское общество пожертвовало «на каждого человека полка по булке, в каждую роту 3-го батальона – по 80 сельдей, в стрелковую роту – 60 сельдей, а в команды – сельдей по числу людей. При прохождении л.-гв. Московским полком Слонима купец 3-й гильдии Миллер отпустил по чарке водки всем без исключения нижним чинам полка» [13, лл. 12–36 об.]. В день выступления 4-й саперной роты лейб-гвардии Саперного батальона из м. Озеры Гродненского уезда помещиком Л. Валицким было пожертвовано нижним чинам роты пять ведер вина и по булке на человека [13, лл. 12–36 об.].

Части I-го армейского корпуса в Беларуси (1857–1862). С выводом подразделений гвардии и завершением Крымской войны на белорусских землях расположились части I-го армейского корпуса 1-й армии (в период войны последние квартировали в пределах Радомской и Люблинской губерний Царства Польского, а также на побережье Балтийского моря в Курляндской губернии) [29, лл. 2–19 об.]. В состав 1-й армии, во главе которой стоял наместник в Царстве Польском, входили также II-й и III-й армейские корпуса, дислоцировавшиеся к началу 1857 г. на территории Царства Польского (II-й АК) и украинских землях (III-й АК) со штабами в Варшаве и Львове, соответственно [37, лл. 1–8]. Задачей армии являлось поддержание военно-стратегического паритета Российской империи с европейскими государствами, а сама армия, по мнению Д.А. Милютина, «должна была создавать постоянную угрозу для Европы». I-й армейский корпус к осени 1857 г. занимал северо-западную часть района расположения 1-й армии и подобно войскам гвардии в период Крымской войны был призван удерживать среднее течение Немана (рисунок 6).

Подразделения корпуса на белорусских землях к 1 января 1857 г. дислоцировались в Виленской, Гродненской и западных уездах Минской губерний. Штаб корпуса находился в Вильно. Штабы Ревельского, Эстляндского, Староингерманландского, Новоингерманландского и Великолуцкого пехотных полков были расположены, соответственно, в Ошмянах, Лиде, Гродно, Волковыске и Белостоке [38, лл. 14–26].

Рисунок 6. – Пехота 1-й армии (с картины А. И. Гебенса)⁷

Из состава I-го армейского корпуса 1-й армии Эстляндский полк в конце 1858 г. был переведен в Ковенскую губернию, где, растянувшись по кордонам прусской границы, находился до начала восстания 1863–1864 гг. [39, с. 242–243]. Весной 1857 г. из района Бельска для содержания караулов в крепости Брест-Литовск ходил Великолуцкий пехотный полк, после чего осенью 1857 г. вернулся обратно в Бельск, где оставался до осени 1862 г. (полковой штаб – в Бельске, а батальонные штабы – в местечках Орля, Клещели, Шерешев и г. Белостоке) [40, с. 35–36]. Осенью 1857 г., завершив полевые сборы под Варшавой, в районе Белостока на зимних квартирах расположился Псковский пехотный полк (штаб полка – в Белостоке, штаб 1-го батальона – в м. Кнышин, 2-го батальона – в м. Заблудов, 3-го батальона – в м. Крынки). В августе 1858 г. Псковский полк был направлен в Ковенскую губернию, где оставался до июня 1860 г. [41, с. 294–295]. В сентябре 1857 г. из окрестностей Гродно, где располагался штаб Новоингерманландского полка, в Вильно для несения караулов были направлены его 1-й батальон, а также 9-я и 10-я роты 2-го батальона. В 1858 г. в Вильно перешел и штаб полка. К осени 1858 г. роты 1-го батальона новоингерманландцев стояли в окрестностях Свентян, стрелковые роты – в районе Ошмян, основная же масса полка квартировала в Вильно в Игнатовских казармах [42, с. 278–280].

Помимо пехотных полков I-го армейского корпуса в Беларуси были размещены также его артиллерийские части. Среди них, к 1 января 1857 г. батареи 1-й полевой артиллерийской бригады квартировали в районе Вилейки, Воложина, Радошкович, Сморгони (не позднее 25 сентября 1858 г. бригада перешла в район Новогрудка); батареи 2-й полевой артиллерийской бригады – в районе Новогрудка, Любчи, Столбцов, Мира, Койданово (к 25 сентября 1858 г. бригада временно покинула Беларусь); 3-й полевой артиллерийской бригады – в районе Слонима, Пружан, Сельца, Несвижа. 2-я парковая артиллерийская бригада квартировала у Брест-Литовска [43, лл. 14–20] (рисунок 7).

Общая численность войск I-го армейского корпуса, дислоцировавшихся в границах белорусских губерний, к сентябрю 1858 г., по данным Департамента Генерального штаба, составляла 11 588 солдат и офицеров [44, лл. 32–94].

Не позднее 17 февраля 1859 г. части 2-й пехотной дивизии (Ревельский и Эстляндский полки), а также 2-я артиллерийская бригада (последняя покинула Беларусь до 25 сентября 1858 г.) были направлены в командировку в Царство Польское [44, лл. 32–94; 45, лл. 4–5].

В это же время части 3-й пехотной дивизии по-прежнему оставались в полосе белорусских губерний: батальоны Староингерманландского полка квартировали в районе Лиды, Скиделя, Волковыска; Новоингерманландского полка – в районе Вильно, Свентян, Ошмян; Великолуцкого полка – Бельска и Белостока (в октябре 1862 г. полк перешел в крепость Бобруйск, в начале февраля 1863 г. из Бобруйска выступил в Игумен, а 24

⁷Рисунок взят с сайта: <https://vadim-305.livejournal.com/46040.html>.

марта того же года прибыл в Минск) [40, с. 35–36]. Батареи 1-й артиллерийской бригады были сосредоточены у Новогрудка, Клецка, Несвижа; 3-й артиллерийской бригады – у Слонима, Деречина, Пружан [45, лл. 4–12].

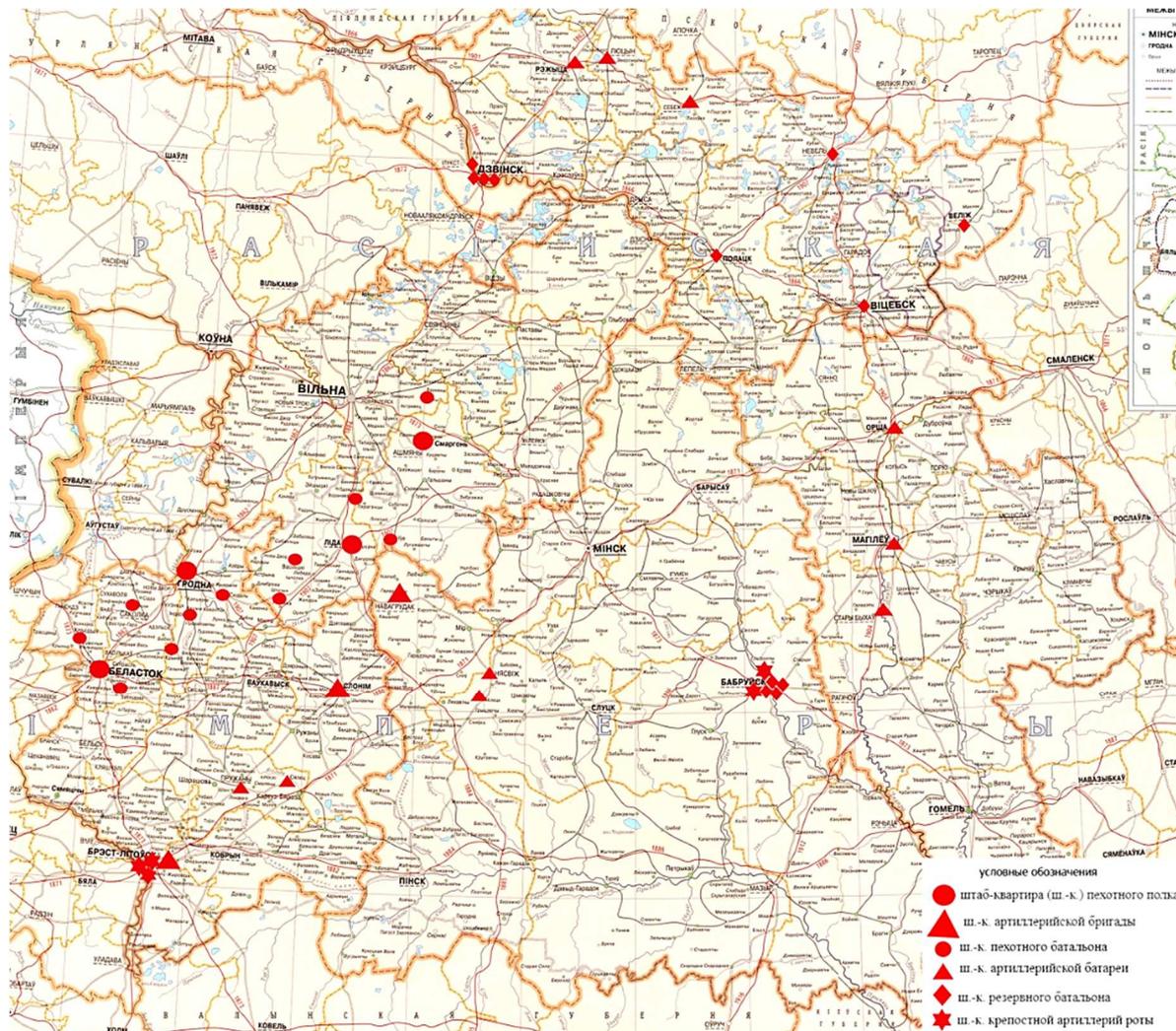

Рисунок 7. – Схема дислокации войск Российской империи на территории Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний к 25 сентября 1858 г.⁸

Не позднее 15 февраля 1860 г. в Слуцк из Ковенской губернии перешел штаб Санкт-Петербургского уланского полка 1-й легкой кавалерийской дивизии (эскадроны полка расположились у Семежево, Тимкович, Погоста, Кривичей), в Минск – штаб лейб-уланского Курляндского полка той же дивизии (эскадроны полка расположились у Ракова, Логойска, Узды, Койданово). По воспоминаниям офицеров, «горожане Слуцка встретили Санкт-Петербургский полк радушно и полку жилось в Слуцке не скучно. В то время город находился на главном пути сообщения Варшавы с Петербургом и через него часто проезжали известные артисты, дававшие в присутствии офицеров концерты и спектакли. Кроме того, регулярно устраивались вечера в дворянском собрании и местной гимназии. Любителям охоты здесь было полное раздолье – болотистая местность изобиловала дичью» [46, с. 448]. К сентябрю 1860 г. части 1-й легкой кавалерийской дивизии покинули Минск и Слоним, перейдя на квартиры в Ковенскую губернию [47, лл. 16–55].

К 15 февраля 1860 г. батальоны Староингерманландского полка квартировали у Волковыска, Лиды и Белостока; батальоны Новоингерманландского полка – у Вильно, Свентян, Ошмян; Великолуцкого полка – у Орли, Семянич и Бельска. Летом 1860 г. Новоингерманландский полк перешел из Виленской в Сувальскую губернию, где простоял до конца 1862 г. (в ноябре 1862 г. полковой штаб перешел в Минск, а батальонные штабы расположились в Койданово, Ракове и Смолевичах) [42, с. 278–280]. Староингерманландский же полк летом 1860 г. был собран у Гродно. Здесь проезжавший через город Александр II удостоил его высочайшего

⁸Составлена автором на основе карты Михайлоўскай Л.Ю., Насевіча В.Л. Беларусь у другой палове XIX – пачатку XX ст. В : *Нацыянальны атлас Беларусі*. – Минск : Белкартаграфія; 2002. С. 274–275. и наложением данных из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2064. лл. 33–94.

смотра, после чего объявил начальнику 3-й пехотной дивизии благодарность, отметив, что «полк предстал перед ним в наилучшем виде» [48, с. 80]. К 15 мая 1860 г. Псковский пехотный полк с литовско-прусской границы был переведен в район Белостока, где квартировал до октября 1862 г. [41, с. 294–295].

21 мая 1860 г. из Царства Польского в Брест-Литовск вернулась 2-я артиллерийская бригада (с 1 августа штаб бригады с одной батареей разместился в Кобрине, остальные три батареи – в Ружанах, Пружанах и Сельце). К концу июля из Царства Польского вслед за одноименной бригадой выступили и полки 2-й пехотной дивизии. Последние к сентябрю 1860 г. прибыли в Виленскую и Минскую губернию, расположившись следующим образом: части Калужского пехотного полка – в районе Минска, Койданово и Ракова; Ревельского полка – в районе Ошмян, Вилейки, Воложина, Сморгони; Эстляндского полка – в районе Лиды, Щучина, Ивье.

Со времени окончания Крымской войны в тылу 1-й армии, на территории Витебской и Могилевской, а также восточной части Минской губернии, были сосредоточены резервные батальоны II-го и III-го армейских корпусов, которые в случае необходимости, пополнившись рекрутами, могли быть развернуты в полноценные пехотные полки. Из числа резервных батальонов к январю 1857 г. в районе Полоцка квартировал батальон Муромского пехотного полка, в районе Витебска – батальон Низовского полка. У Бобруйска дислоцировались резервные батальоны Елецкого, Севского, Брянского и Орловского пехотных полков. В районе Могилева, Орши и Быхова квартировали батареи 3-й сводной резервной артиллерийской бригады. Общая численность резервных подразделений, расположенных на территории белорусских губерний к сентябрю 1858 г. составляла 5 712 солдат и офицеров [44, л. 49].

К июлю 1861 г. из состава резервных войск резервный батальон Смоленского полка квартировал в районе Гродно; резервный батальон Могилевского полка – в районе Гомеля; резервные батальоны Олонечского, Низовского, Шлиссельбургского и Нижегородского полков – в районе Динабурга (два последних батальона к 14 августа были переведены в Вильно); резервный батальон Муромского полка – в районе Полоцка. Из-под Чернигова летом для несения караульной службы в Бобруйской крепости были направлены резервные батальоны Черниговского, Алексопольского и Полтавского полков, непродолжительное время квартировавшие в районе Слуцка, Мира и Новогрудка [49, с. 6–7; 50, лл. 1–136].

В ответ на рост числа крестьянских выступлений в Минской губернии, связанных с недовольством условиями отмены крепостной зависимости и проходивших здесь более интенсивно нежели в других губерниях, правительство приняло решение дополнительно сосредоточить в Новогрудском, Игуменском, Минском и Борисовском уездах ряд резервных батальонов. В частности, к 4 сентября 1861 г. в Новогрудский уезд из Гомеля был переведен резервный батальон Могилевского полка. На смену ему в Гомель 19 августа из Нежина (Черниговской губ.) вошел резервный батальон Белостокского полка. 8 и 9 сентября в Новогрудский уезд вошло еще два резервных батальона (Витебского и Смоленского полков), переведенных туда из Черниговской губернии. К 16 сентября в Игуменский уезд из Новгород-Северского прибыл резервный батальон Елецкого полка. К 25 сентября в Минском и Борисовском уездах был расквартирован резервный батальон Полоцкого полка, переведенный накануне из г. Рославль Смоленской губ. [50, лл. 1–136].

В январе 1862 г. для организации патрулей в окрестностях Могилева в связи с участвовавшими случаями грабежей на дорогах из Слуцка были командированы 50 казаков 33-го казачьего полка, части которого также квартировали в Пинске. В январе, отвечая на требование военного министра командировать сотню казаков названного полка из Пинска в Минск, минский губернатор заметил, что в этом случае Пинск останется беззащитным перед лицом акций гражданского неповиновения, которые сотрясали город на протяжении 1861 г. [38, лл. 1 – 14 об.]. Последние факты свидетельствуют об активном использовании казачьих отрядов в полицейских целях, опыт которого будет продолжен в период восстания 1863–1864 гг.

По данным расписания сухопутных войск, к 25 сентября 1858 г. в Брест-Литовске и Бобруйске несли службу три и две роты крепостной артиллерии, соответственно, в каждой из которых, согласно крепостным штатам, должно было служить по 208 солдат и офицеров, а их общая численность составляла 1 040 военнослужащих [44, лл. 32–94; 51, с. 5–14]. При этом, организационно Брестская крепость входила в состав Западного артиллерийского округа, Бобруйская – в состав Киевского [44, лл. 32–94].

Помимо полевых войск и брест-литовской крепостной артиллерии в каждой губернии постоянно дислоцировались батальоны местных войск Корпуса внутренней стражи. К сентябрю 1858 г., по данным Департамента Генерального штаба, общая численность Корпуса на территории пяти белорусских губерний составляла 4 575 солдат и офицеров [44, лл. 66–74]. Организационно, гарнизонные батальоны Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губернии входили в состав 9-го Округа внутренней стражи со штабом в Гродно. Могилевский губернский батальон входил в состав 6-го округа со штабом в Смоленске [44, лл. 66–74].

Заключение. Анализ приведенных выше фактов и, в частности, концентрация подразделений российской гвардии в 1854–1856 гг., свидетельствуют: события Крымской войны стали катализатором масштабных военно-стратегических мероприятий в Беларуси, инициированных российским государством. Позиция, которую в ходе конфликта заняли Пруссия с Австрией, придерживавшиеся по отношению к России политики враждебного нейтралитета, заставили правительство Николая I экстренно наращивать военное присутствие у западных границ империи, что перед лицом возможного вторжения прусских и австрийских войск превратило бело-

русские земли в один из ключевых центров сосредоточения Западной армии. Оперативное формирование армии из числа действовавших частей потребовало организовать экспедицию войск императорской гвардии в район среднего течения Немана. На протяжении 1854–1856 гг. основными центрами дислокации подразделений 1-й и 2-й пехотной, а также 1-й и 2-й кавалерийской дивизий российской гвардии с приданными им артиллерийскими и саперными подразделениями стала территория Гродненской и соседствовавших с ней уездов Виленской и Минской губерний. Выбор данного района в качестве центра расположения гвардейского корпуса был обусловлен как его расположением на пути вероятного вторжения потенциальных противников по направлению к Москве и Санкт-Петербургу при относительной близости (в масштабах империи) к восточно-прусской и австрийской границам, так и уровнем социально-экономического развития, плотностью дорожной сети и населения в отдельных губерниях. С окончанием Крымской войны и уходом гвардии в Москву, на белорусских землях дислоцировались части I-го армейского корпуса 1-й армии, использовавшейся в качестве силовой опоры внешней политики российского государства в Европе. Центром расквартирования I-го армейского корпуса, как и накануне войск гвардии, стала территория Гродненской, Виленской и западной части Минской губерний. В тылу 1-й армии, на территории Витебской, Могилевской и восточной части Минской губернии были размещены резервные батальоны II-го и I-го армейских корпусов.

В 1854–1862 гг. расположение войск в Беларуси носило неустойчивый характер. Обширная территория Российской империи, несовершенство системы дорожной коммуникации и приграничной фортификации вынуждали правительство использовать вооруженные силы в качестве заслона перед лицом вероятного противника и в зависимости от внешнеполитической обстановки перебрасывать массу армейских соединений с одного участка границ на другой. По этой причине части, дислоцировавшиеся на белорусских землях, были сосредоточены вдоль важнейших транспортных магистралей, соединявших внутренние области империи с западными операционными районами по линиям Двинск – Вильно – Лида – Гродно – Белосток, Витебск – Орша – Борисов – Минск – Новогрудок – Слоним – Пружаны – Высоко-Литовск, Бобруйск – Слуцк – Кобрин – Брест-Литовск. При этом территории к югу от последней линии и к востоку от Бобруйска оставались за пределами района концентрации основной массы войск.

Анализ причин сосредоточения армии Российской империи в Беларуси в исследуемый период свидетельствует о превалировании внешних геостратегических факторов в рамках противостояния с центрально-европейскими государствами над внутривосточными. Хотя и необходимо отметить использование отдельных резервных батальонов и казачьих частей для борьбы с крестьянскими выступлениями в ходе реформы 1861 г. Также обращает на себя внимание отсутствие до последней декады января 1863 г. какой бы то ни было заметной подготовки (в отношении усиления воинской группировки или активной передислокации частей) на территории белорусских губерний к возможному силовому решению польского вопроса, который с новой силой заявил о себе в 1861 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескровный, Л.Г. Русское военное искусство XIX в. / Л.Г. Бескровный. – М. : Наука, 1974. – 359 с.
2. Тарле, Е.В. Крымская война / Е.В. Тарле. – М. : Изографус, 2003. – 348 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 13. Д. 794.
4. Свод законов Российской империи : в 34 т. – СПб. : Тип. Второго отделения. – Т. 4. – 1857. – 846 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 320. Оп. 2. Д. 77.
6. Александровский, К. Очерк истории лейб-гвардии Уланского ея величества государыни императрицы Александры Федоровны полка / К. Александровский. – СПб. : Тип. Эдуарда Гоппе, 1897. – 81 с.
7. Жеребков, А.Г. История лейб-гвардии Казачьего ея величества полка / А.Г. Жеребков. – СПб. : Тип. Второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. – 636 с.
8. Зноско-Боровский, Н. История лейб-гвардии Измайловского полка / Н. Зноско-Боровский. – СПб. : Тип. Лобанова, 1882. – 265 с.
9. Гулевич, С.А. История лейб-гвардии Финляндского полка : в 3 т. / С.А. Гулевич. – СПб. : Эконом. тип.-лит. – Т. 2. – 1906. – 387 с.
10. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 834.
11. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 846.
12. НИАБ. – Ф. 320. Оп. 1. Д. 334.
13. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 879.
14. НИАБ. – Ф. 2572. Оп. 1. Д. 205.
15. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 809.
16. НИАБ. – Ф. 320. Оп. 2. Д. 81.
17. Ростковский, Ф.Я. История лейб-гвардии Финляндского полка / Ф.Я. Ростковский. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. – 458 с.
18. Марков, М.И. История лейб-гвардии Кирасирского ея величества полка / М.И. Марков. – СПб. : Гос. тип., 1884. – 662 с.
19. Панчулидзе, С.А. История кавалергардов 1724–1799–1899 / С.А. Панчулидзе. – СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. – 476 с.
20. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 22. Д. 420.
21. Туган-Мирза-Барановский, А.А. История лейб-гвардии Кирасирского полка / А.А. Туган-Мирза-Барановский. – СПб. : Тип. Балашева, 1872. – 476 с.

22. Штакельберг, К.К. Полтора века конной гвардии. 1739–1880 / К.К. Штакельберг. – СПб. : Тип. В.Ф. Демакова, 1881. – 232 с.
23. Дирин, П. История лейб-гвардии Семеновского полка / П. Дирин. – СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1883. – 556 с.
24. Долгов, С. История лейб-гвардии Преображенского полка / С. Долгов. – СПб. : Тип. Преображенского полка, 1888. – 696 с.
25. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет 1796–1896. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. – 524 с.
26. Ляпунов, А.Я. Хроника л.-гв. Московского полка. 1811–1879 / А.Я. Ляпунов. – М. : Канцелярия л.-гв. Моск. полка, 1889. – 304 с.
27. Петриков, Н.С. История лейб-гвардии Московского полка / Н. С. Петриков. – СПб. : Тип. А. Бенке, 1904. – 238 с.
28. Манзей, К.Н. История лейб-гвардии Гусарского полка. 1775–1857 / К.Н. Манзей. – СПб. : Воен. тип., 1859. – 291 с.
29. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 28. Д. 599.
30. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 28. Д. 708.
31. История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890 / ред. П.Н. Воронов. – СПб., 1890. – 519 с.
32. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба : в 17 т. – СПб. : Тип. Департамента Генерального штаба. – Т. 8 (ч. 1 : Витебская губерния). – 1848. – 282 с.
33. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба : в 17 т. – СПб. : Тип. Департамента Генерального штаба. – Т. 8 (ч. 3 : Могилевская губерния). – 1848. – 154 с.
34. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба : в 17 т. – СПб. : Тип. Департамента Генерального штаба. – Т. 9 (ч. 3 : Минская губерния). – 1848. – 73 с.
35. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба : в 17 т. – СПб. : Тип. Департамента Генерального штаба. – Т. 9 (ч. 3 : Гродненская губерния). – 1848. – 161 с.
36. Гулевич, С.А. История лейб-гвардии Финляндского полка : в 3 т. / С.А. Гулевич. – СПб. : Экономическая типо-литогр. – Т. 3. – 1906. – 498 с.
37. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 28. Д. 934.
38. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2816.
39. Гулевич, С.А. Четырех-с-половиной-вековая с 1478 по 1911 г. история 8-го пехотного Эстляндского полка / С.А. Гулевич. – СПб. : Тип.-лит. Вас. остр. 14 л. д. № 5, 1911. – 508 с.
40. Краткая история 12-го пехотного Великолуцкого полка. – М. : Т-во скоропечатни А.А. Левинсон, 1911. – 335 с.
41. Гениев, А. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881 / А. Гениев. – М. : Тип. А. Иванова, 1883. – 388 с.
42. Пирожников, П. История 10-го пехотного Новоингерманландского пехотного полка / П. Пирожников. – Тула : Электротипография и тип. И.Д. Фортунатова, 1913. – 431 с.
43. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2078.
44. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2064.
45. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2233.
46. Каменский, Е.С. История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка / Е.С. Каменский. – М. : Тип. Вильде, 1900. – 624 с.
47. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2385.
48. Мрочковский, К.И. Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского генерал-фельдмаршала князя Голицына полка / К.И. Мрочковский. – М. : Тип.-лит. В.А. Просина, 1892. – 123 с.
49. Островский. Историческая памятка 119 пехотного Коломенского полка / Островский. – Минск : Тип.-лит. К.И. Соломонова, 1897. – 15 с.
50. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2778.
51. Вакар, Я.Я. Хроника рот крепостной и осадной артиллерии / Я.Я. Вакар. – СПб. : Изд-е Глав. Арт. Управл., 1908. – 167 с.

Поступила 15.05.2020

CONCENTRATION OF TROOPS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN BELARUS DURING THE CRIMEAN WAR AND THE RUN-UP TO THE UPRISING 1863–1864

A. ARLUKEVICH

The article reflects the processes of concentration and territorial deployment of troops of the Russian empire in Belarus during the Crimean war and the run-up to the uprising 1863–1864. The analysis of the reasons for the concentration of formations and units of the Russian army in the region taking into account the current military and political situation in Europe and socio-political processes that took place within the Belarusian provinces themselves allowed the author to determine the goals and tasks of troops that they solved in Belarus during the studied period. The research is based on a wide range of sources first introduced into scientific circulation identified by the author in the archives and book repositories of Russia and Belarus. To date the processes described in this work have not received proper coverage in the national historical science.

Keywords: Crimean war, Russian empire, Belarus, Belarusian lands, Russian troops.

УДК 902.2:378(476.7)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В РЕСТАВРАЦИИ ВНУТРЕННЕГО ИНТЕРЬЕРА КОССОВСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ XIX В. НА БРЕСТЧИНЕ

канд. ист. наук, доц., А.А. БАШКОВ
(Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина)
bashkow@mail.ru

Рассмотрены примеры использования археологических материалов в реставрации внутренних интерьеров Коссовской резиденции XIX в. на Брестчине. Особое внимание уделено тесному сотрудничеству архитекторов-реставраторов и археологов в подготовке и реализации проектов по воссозданию отдельных элементов внутреннего интерьера дворца Пусловских. Представленный материал является результатом проведённых автором за последние десятилетия археологических исследований на территории Коссовской резиденции.

Ключевые слова: археология, артефакт, архитектура, реставрация, резиденция, реконструкция, воссоздание, проект, конструкция.

Введение. Общественный и научный интерес к памятникам усадебной и резиденционной архитектуры эпохи Нового времени неуклонно растёт, являя собой результат разрывавшихся реставрационных работ, совершенствования юридической базы по сохранению историко-культурного наследия, а также закономерного роста интереса белорусов к своей национальной истории. Об этом свидетельствует ряд специализированных работ белорусских и польских исследователей, посвящённых изучению архитектурных памятников Беларуси и, в частности Брестского региона: работы историков архитектуры, архитекторов и краеведов, где архитектурные памятники Брестчины рассматриваются, в основном, как неотъемлемая часть европейского культурного наследия [5–14].

В последние десятилетия на территории Брестской области проводятся реставрационные и восстановительные работы ряда памятников усадебной и резиденционной архитектуры, которые внесены в Государственный список историко-культурных ценностей. Археологические исследования являются неотъемлемой частью реставрационно-восстановительных работ, причём как на начальном их этапе, так и в ходе их поэтапного проведения. В результате археологи добывают вещевой материал, который даёт представление не только об особенностях архитектурных конструкций, их сохранности, технических приёмах их возведения, но и об отдельных элементах внутреннего интерьера. На протяжении всего периода реставрации и археологического изучения памятника истории и культуры Беларуси «Коссовский дворец», между археологами и специалистами-реставраторами филиала «Белреставрация» «Брестреставрацияпроект» установилось тесное сотрудничество. Его результатом стала подготовка и реализация ряда проектов по воссозданию отдельных деталей внутреннего интерьера Коссовского дворца XIX в., максимально приближенных к ранее существовавшим оригиналам.

Целью представленной работы является рассмотрение и анализ результатов практического использования добытых археологических материалов в восстановлении внутреннего интерьера резиденции Пусловских XIX в. в г. Коссово Брестской области в ходе широкомасштабных реставрационных работ.

Основная часть. Сегодня нарабатан обширный археологический материал, связанный с системным и комплексным изучением шляхетских резиденционных комплексов Брестчины эпохи позднего Средневековья и Нового времени [4]. С 2008 по 2019 гг. включительно автором проводились археологические исследования на территории дворцово-паркового комплекса в г. Коссово Ивацевичского р-на Брестской области. В результате было исследовано 454 м² площади археологических раскопок. Кроме того, археологический надзор был проведён при освобождении внутреннего пространства центрального корпуса и восточного флигеля в Коссовском дворце, при прокладке коммуникаций на прилегающей территории с восточной северной и западной сторон. В общей сложности в Коссово археологический надзор проведён на площади около 2000 м². Собранный коллекция сегодня насчитывает 848 артефактов.

Основными категориями артефактов, используемых в реконструкции и реставрации внутреннего и внешнего интерьера шляхетских резиденций и усадеб выступают печные изразцы, элементы мраморных каминов, оконное стекло, элементы облицовки и декоративной лепнины, декоративные элементы из металла (печные задвижки и дверцы, ручки, перила, ограждения и т.п.). Приведём наиболее яркие примеры использования археологических материалов для воссоздания отдельных элементов интерьера Коссовского дворца.

Например, каминная печь 3 (КП-3 согласно проекту) спроектирована на основе имеющейся фотографии интерьера Коссовского дворца начала XX в., а также обнаруженных в ходе археологических исследований фрагментов глазурованных изразцов тёмно-коричневого цвета [2, с. 83, фото 44]. Кроме того, использовались аналогии печей фабрики «HARDTMUTH». Печи такого типа зачастую называются «старонемецкими». Аналогии на территории Беларуси имеются в Несвижском замке и Лошицком усадебном доме. Согласно комплекту

проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2» (288.2-05-2-АИ. – Помещение 2. – Стадия С. – Лист 4; 288.2-05-2-АИ-КП-3. – Общественно-культурный центр. Помещение 9. – Каминная печь 3 КП-3. – Стадия С. – Лист 1), печь состоит из трёх основных объёмов, которые разделены карнизами: нижний, средний и верхний. В соответствии с проектом, основание печи будет иметь размеры 142 × 68 см. Общая высота нижней части печи – тумбы, украшенной маской, колоннами, пилястрами и гирляндами, – составит 139 см с учётом высоты цоколя в 23 см. Высота средней части, украшенной пилястрами и росписью, – 61 см, верхней, с учётом карниза, – 127 см. Венчает печь декоративная коронка с медальоном и валютами по сторонам высотой 39 см. Таким образом общая высота печи составит 367 см. Основа реконструируемой печи будет собрана из газосиликатных блоков на клее-аналоге *Ceresit CM-16* и облицована изразцами. Лепной декор моделей должен соответствовать уровню пластики выше названного производителя и качеству, характерному для лучших образцов декоративно-прикладного искусства конца XIX – начала XX вв. Изразцы для печи должны быть изготовлены согласно реставрационным технологиям из керамической массы и покрыты коричневой прозрачной потечной глазурью, окрашенной на основе оксида марганца, закреплены на основание печи клеем-аналогом *Ceresit CM-16*. Таким образом, реконструируемая каминная печь 3 в Коссовском дворце воссоздаётся как эстетический элемент интерьера и не будет функционировать.

Аналогичная ситуация с воссозданием печи 2 с малиновой росписью (П2МР согласно проекту). Основой для реконструкции печи стал обширный археологический материал, добытый в ходе исследований внутренних помещений Коссовского дворца в 2008 г. [2, с. 25–26, с. 43, рис. 6]. Коллекция глазурованных изразцов, была обнаружена в северо-восточной части центрального корпуса дворца. Самую большую группу представляют коробковые изразцы, покрытые белой плотной глазурью с рельефным растительным и розеточным орнаментом. Размеры пластины составляют: ширина 20 см, высота 22 см, толщина 2 см. Румпа имеет прямоугольную форму с округлёнными углами. Её размеры 17 × 19 см, глубина 3 см. Общая толщина изразца 5 см. Толщина округлённого края румпы 0,8 см. Верхние грани румпы имеют сквозные отверстия диаметром 0,5 см. Лицевая сторона изразцовой пластины разделена на два поля размерами 10 × 22 см. Создаётся эффект двух аналогичных прямоугольных изразцов, объединённых в одну конструктивную часть. Каждый из образованных прямоугольников имеет аналогичный рельефный декор. В центре поля розетка диаметром 6,5 см, с отходящими от неё вверх и вниз резными листками размером 6 × 6 см. По сторонам каждого листа имеется по две полусферы («жемчужины») диаметром 1 см. Такая же «жемчужина» имеется в самом центре поля, в середине центральной розетки. «Жемчужины» покрыты позолотой, центральная розетка и отходящие от неё листья – розовой краской. На оборотной стороне изразца, в центре имеется штамп производителя. Надпись «OEFEN FABRIK von L&G HARDTMUTH» расположена в виде овальной медальона. Рядом с надписью стоит цифра 84, вероятно обозначающая номер производственной партии изразцов. Клеймо указывает на Австрийского поставщика данной продукции, которая широко известна в Европе со второй половины XIX в.

Кроме рассмотренных стеновых, обнаружены фрагменты карнизных, поясных, базовых изразцов, входящих в одну конструкцию печи. Все они идентичны по качеству и декоративной отделке. На основе собранных фрагментов сделана попытка реконструкции фасада данной печи, исходя из имеющихся конструктивных элементов и аналогий известных печей этого периода данного производителя. К сожалению, мы не смогли в данном случае указать точные размеры печи [1]. Однако вариант, предложенный специалистами «Брестреставрацияпроект», существенно отличается от авторского формой основания печи, а также верхним и нижним оформлением печной тумбы. Согласно комплекту проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2» (288.2-05-2-АИ. – Блок 1 в осях 5-16. Помещение 14. – Стадия С. – Лист 5; 288.2-05-2-АИ.И-П2МР. – Печь 2 малиновая с росписью П2МР. – Стадия С. – Лист 1) общая высота печи 318 см, ширина в основании 129 см. Основа печи будет сложена из газосиликатных блоков на клей-аналог *Ceresit CM-16* и облицована глазурованными изразцами. Изразцы будут изготовлены согласно реставрационным технологиям из керамической массы с последующим покрытием белой, возможно с оттенком типа *RAL090 90 10*, прозрачной или полупрозрачной эмалью. После последует роспись надглазурной краской, а часть декора выделится керамическим золотом с дополнительным обжигом.

Отметим, что нами в 2016 г. был осмотрен аутентичный аналог восстанавливаемой печи во дворце второй половины XIX в. немецкого промышленника Карла Шейблера в г. Лодзь (Польша). Фотоматериалы, собранные во дворце К. Шейблера, были переданы проектировщикам для работы над проектом реконструкции Коссовской печи 2 (П2МР).

На фоне положительных примеров нельзя обойти факты с отрицательным результатом. В одном из северо-восточных помещений центрального корпуса дворца в ходе выборки завалов были обнаружены остатки печи [2, с. 41, рис. 4; с. 42, рис. 5]. Конструкция представляла собой базу печи, выложенную из кирпича и облицованную терракотовыми изразцами второй половины XIX в. В конструкции читалась прямоугольная топка со следами штукатурки и фрагмент отходящего дымохода. Длина основания с севера на юг 175 см; ширина основания с запада на восток 120 см; высота основания 52 см; глубина

топки 80 см; ширина топки 67 см. Топка сохранилась на три кирпича на высоту 22 см. Размеры используемых в конструкции кирпичей: 25 × 12 × 6 см. Основание печи облицовано коробковыми терракотовыми изразцами. Стенные изразцы имеют размер 27 × 33 см, карнизные – 27×10 см. Хорошая сохранность конструкций и обнаруженные рядом металлические детали отопительной системы дворца могли стать хорошей базой для консервации и экспонирования их в подвальной помещении. К сожалению, приходится констатировать, что на следующий день после проведённых зачистки и замеров сохранившаяся печь была обнаружена полностью разрушенной. Установить и задержать вандалов не удалось. Таким образом данная конструкция выпала из ряда объектов, планируемых к восстановлению, консервации и экспонированию.

Ещё один необычный конструктивный элемент был обнаружен в одной из башен южного фасада центрального корпуса – ванна, выложенная белыми поливными изразцами, характерными для первой половины XX в. Ванна имеет форму прямоугольника со сторонами 1520 на 580 см, глубину 530 см, вписана в шестиугольник, выстеленный изразцами. Вся эта конструкция шириной 1210 см и длиной 2590 см занимает половину внутреннего пространства башни [2, с. 44, рис. 7]. Функциональное назначение ванны до конца не ясно. Она не имеет слива и следов подвода водопроводных труб. Скорее всего, она наполнялась и освобождалась от воды вручную. Вероятно, ванна несла на себе хозяйственную или техническую функцию. Данная конструкция не вызвала интереса, как объект достойный консервации и будущего экспонирования, и была демонтирована.

Следующим элементом, воссозданным на основе обнаруженных артефактов, стали литые чугунные лестничные ограждения, которые представляют собой прямоугольную рамку со стилизованными цветочными бутонами по краям и четырёхлепестковым цветком посередине [2, с. 68, фото 29:1, 2]. Примером могут послужить воссозданные по этим образцам лестничные ограждения (Ог-4 согласно проекту) из секции С-1. Комплект проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2» (288.2-05-2-АИ. – Блок 1 в осях 5-16. Помещение 1. – Стадия С. – Лист 16) даёт представление об особенностях изготовления и монтажа данного элемента интерьера. Размер рамки с декоративными элементами составит 610 × 220 мм. Первоначально планируется изготовить гипсовую модель стойки, столба и кронштейна под литьё третьей категории сложности. Затем отлить сложноорнаментированные стойки из чугуна. Поверхность развёрнутой поверхности составит 3,95 дм². Масса одной стойки Ог-4 планируется 18,59 кг. Всего для Ог-4 планируется изготовить 24 стойки. Масса двух столбов составит 49,23 кг каждый. Масса каждого из десяти запланированных составит 1,94 кг. Следующий этап предусматривает обработку отлитых деталей. Необходимо удалить остатки пригоревшей формовочной смеси и литниковую систему при помощи угловой шлифовальной машинки. Опиливание, зачистка, шлифование, проработка рельефа от наплывов, неровностей и заливов на изделии предусмотрена вручную. Рихтовка декоративных элементов также будет проводиться на плите вручную. Площадь развёрнутой поверхности обработки для всего ограждения составит 943,74 дм². Перед сбором всей конструкции необходимо будет произвести фактические замеры и подогнать путём подрезки верхней части стойки под фактический угол наклона. Затем будет изготовлена подпоручневая полоса сечением 4 × 40 мм и 13,85 м.п., произведена её подгонка и сборка сваркой. Для крепления стоек, кронштейнов и поручня в ней будут просверлены соответствующие отверстия разных диаметров с нарезкой внутренней резьбы. Этап монтажа изготовленного ограждения предусматривает сверление отверстий в ступенях лестницы диаметром 19 мм и глубиной 170 мм. В столб и стойку будут вкручены шпильки Ф16 длиной 210 мм и произведён монтаж на химический анкер типа *Sormat* или аналог. Следующий этап – окраска по обезжиренной поверхности ограждений общей площадью 10,65 м². Предусмотрено нанесение двойного слоя эпоксидного или алкидного грунта, содержащего цинковые добавки (хромат цинка). Окраска планирует осуществляться в два слоя акриловой полуглянцевой краской *WS-plast M 4200* или аналогом. Расход грунтов, растворителей и красок, а также цвета планируется согласовывать дополнительно в соответствии с утверждённым цветовым решением. Заключительным этапом воссоздания лестничного ограждения станет изготовление и подгонка поручня из твёрдолиственных пород древесины (дуб) длиной 13,6 м с высококачественной окраской морилкой и устойчивым атмосферостойким лаком по типу *RENER*. Криволинейные участки поручня планируется изготовить клееными с последующей ручной обработкой (дорезкой и шлифовкой).

Комплект проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2». (288.2-05-2-АИ. – Блок 3. – Стадия С. – Лист 121) указывает на то, что аналогичным способом будут изготовлены и смонтированы детали лестничного ограждения (Ог-1 согласно проекту), которая представляет собой рамку стрельчатой формы размером 800 × 200 мм со стилизованным цветочным бутонем внизу и отходящим от него вверх стеблем, раздваивающимся в верхней части рамки. За основу воссоздания данного элемента лестничного ограждения взяты также артефакты, обнаруженные в ходе археологических исследований 2008 и 2009 годов [2, с. 68, фото 29:3, 4; 3, с. 28, фото 14:1, 2].

Таким образом, большинство центральных лестниц дворца приобретёт литые декоративные ограждения, созданные по исходным образцам, обнаруженным в ходе археологических исследований, придав внутреннему интерьеру оригинальность и аутентичность.

Вентиляционная система практически любого помещения является одной из ключевых систем его функционирования. Взяв за основу металлическую накладку на вентиляционную отдушину, обнаруженную в ходе археологического исследования внутреннего пространства дворца в 2008 г., реставраторами было разработано проектное решение по воссозданию и использованию аналогичных накладок во внутреннем интерьере Коссовского дворца [2 с. 61, фото 22:4]. Разработанные проекты решёток вентиляционных металлических (Рвм-2 и Рвм-3 согласно проекту) предполагают использование как накладок на вытяжные отверстия в санузлах и подвальных помещениях, так и дверных вентиляционных решёток для притока воздуха.

Согласно комплекту проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2» (288.2-05-2-АИ. – Блок 1 в осях 5-16. Общественно-культурный центр. Помещение 7, 8, 10, 16 (подвал). – Стадия С. – Лист 10), решётка Рвм-2 изготовлена по форме и размерам идентично имеющемуся артефакту – 120 × 120 мм. Характерная особенность решётки – отверстия при пробивке должны иметь вогнутый по периметру край в сторону, обращённую к дверному полотну. Планируемый материал изготовления решёток Рвм-2 – бронза листовая. После изготовления прорезных декоративных элементов в виде кругов овалов и сердечек из листовой латуни толщиной 2 мм, необходимо будет провести шлифовку и полировку их лицевой поверхности. Затем требуется нанесение после обезжиривания защитного покрытия – патинование с применением кислотосодержащих составов. Затем необходимо будет удалить с поверхности изделия высолонь, а также промыть и осветлить. Решётки Рвм-2 планируется устанавливать с двух сторон в нижней части двери. Сегодня планируется изготовление 36 решёток.

Комплект проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2» (288.2-05-2-АИ. – Блок 1 в осях 5-16. Помещение 2, 4, 19. – Стадия С. – Лист 23) указывает на то, что вентиляционная решётка Рвм-3 создаётся по образцу Рвм-2 с аналогичным рисунком, однако больших размеров и по другой технологии. Размер решётки 234 × 234 мм. Для изготовления планируется выполнить гипсовые модели под литьё третьей категории. Развёрнутая площадь решётки составит 6,6 дм². Изготовлена решётка будет методом литья из алюминиевого сплава с последующей обработкой поверхности отливки. Масса решётки составит – 1,78 кг. Отлитые детали будут обработаны следующим образом: удалены остатки пригоревшей формовочной смеси; удалена литниковая система с применением угловой шлифовальной машины; изделие будет опилено, зачищено, отшлифовано с тщательной проработкой и чеканкой рельефа поверхности отливки вручную. Площадь обработки составит 26,4 дм². Затем предусмотрено нанесение защитного покрытия. Первоначально слой эпоксидного или алкидного грунта (аналогичного *WS M 4021*), затем два слоя акриловой полуглянцевой краски типа *WS-plast M 4200* (или аналога). В завершении наносится слой патины типа *WS-plast*, цвет «бронза».

Представленные выше примеры указали на активное использование реставраторами добытых в ходе археологических исследований металлических артефактов в качестве образцов для воссоздания деталей внутреннего интерьера как основных, так и вспомогательных помещений Коссовского дворца.

Заключение. Значительный археологический материал, добытый в ходе многолетних археологических исследований, позволил сегодня воплотить в жизнь исторически достоверные элементы внутреннего интерьера Коссовской резиденции. Специалисты филиала «Брестреставрацияпроект», во главе с директорами Владимиром Нахимовичем Козаковым и Александром Павловичем Кочановским, используя представленные нами артефакты, подготовили высокопрофессиональные проекты по воссозданию прекрасных памятников резиденционной архитектуры, которые уже частично реализованы и работа над которыми ещё продолжается. Справедливости ради, были отмечены и факты отрицательного опыта, когда объективные причины не позволили реставраторам провести мероприятия по восстановлению, реставрации, консервации и сохранению некоторых открытых нами археологических объектов (печь и кафельная ванна в подвальном помещении дворца).

Проделанная работа показала высокую результативность совместной работы археологов и реставраторов на объектах, подлежащих реставрации и восстановлению, в частности – Коссовской резиденции XIX в. Получение нового вещевого материала в ходе возможных будущих археологических исследований резиденционного комплекса Пусловских позволит расширить базу источников для дальнейшей работы реставраторов над восстановлением этого уникального архитектурно-археологического памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башков, А.А. Архитектурно-археологические исследования 2008 г. в Коссовском дворце XIX в. / А.А. Башков // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : “Беларуская навука”, 2011. – Вып. 20: Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. – С. 387–392.
2. Башков, А.А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2008 г. / А.А. Башков // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Спр. 2623. – 29 с.

3. Башков, А.А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2009 г. / А.А. Башков // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Спр. 2652. – 29 с.
4. Башков, А.А. Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Косово, Закозель / А.А. Башков. – Брест : БрГУ, 2017. – 287 с.
5. Страчаная спадчына / Т.В. Гарбусь [і інш.] ; Уклад. Т.В. Гарбусь – Мінск : Беларусь, 2003. – 351 с.
6. Квитницкая, Е.Д. Архитектура Белоруссии XVII–XVIII вв. / Е. Д. Квитницкая // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. : Архитектура России, Украины и Белоруссии XIV — первая половина XIX вв. / Под ред. П. Н. Максимова (отв. ред.) [и др.]. – Л. ; М. : Изд-во лит-ры по строительству, 1968. – Т. 6. – 568 с.
7. Кулагин, А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии. Вторая половина XVIII – начало XIX вв. / А.Н. Кулагин. – Минск : Наука и техника, 1981. – 134 с.
8. Локотко, А.И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А.И. Локотко. – Минск : Белорусская наука, 2006. – 470 с.
9. Морозов, В.Ф. Архитектура пограничья культур Беларуси, Литвы и Польши. Эпоха классицизма / В.Ф. Морозов. – Минск : БНТУ, 2012. – 176 с.
10. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л.Н. Несцярчук. – Мінск : БЕЛТА, 2002. – 336 с.
11. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук ; ред. Т.Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 2006. – 576 с.
12. Чантурия, В.А. Архитектурные памятники Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск : Полымя, 1982. – 233 с.
13. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia. Wojewodztwa brzesko-litewskie, nowogrodzkie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1992. – Т.2. – 473 s.
14. Dworki i pałace polskiej szlachty w byłym województwie Brzeskim: przeszłość i teraźniejszość / oprac. red. A. Chojnacki, D. Grzegorzuk / Instytut Historii Wyższej Szkoły Rolniczo-Pedagogicznej w Siedlcach, Studenckie Koło Naukowe Historyków przy Instytucie Historii WSP-P w Siedlcach. – Siedlce : IH WSRP, 1997. – 150 s.

Поступила 01.06.2020

USE OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN THE RESTORATION OF THE INTERIOR OF THE KOSSOVSKY RESIDENCE OF THE XIX CENTURY IN BREST REGION

A. BASHKOU

The article considers examples of the use of archaeological materials in the restoration of the interior of the Kosovo residence of the XIX century in Brest region. Special attention is paid to the close cooperation of architects-restorers and archaeologists in the preparation and implementation of projects to recreate certain elements of the interior of the Puslovsky palace. The presented material is the result of archaeological research conducted by the author over the past decades on the territory of the Kossov residence.

Keywords: *archaeology, artifact, architecture, restoration, residence, reconstruction, recreation, project, construction.*

УДК 908:377.5:63«1919-1926»

**ВИТЕБСКИЕ СРЕДНЕ-СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ
ЗАВЕДЕНИЯ И ИХ УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ:
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЛИКВИДАЦИИ
(1919 – 1926 гг.)**

Т.В. БУЕВИЧ, Е.М. БОНДАРЕВА*(Государственный архив Витебской области, Витебск)*

Излагаются причины, послужившие основанием для создания в г. Витебске после событий Октябрьской революции (1917 г.) специальных сельскохозяйственных учебных заведений, рассмотрены этапы их возникновения и реорганизация. Дана краткая характеристика факультетов, органов управления, преподавательского состава, учащихся; перечислены вспомогательные учебные структуры, описаны их возникновение и юридический статус. Прослеживается значение учреждений сельскохозяйственного образования и их вспомогательных структур в истории не только Витебщины, но и государства в целом. Основная часть статьи посвящена Витебскому сельскохозяйственному техникуму имени В.И. Ленина, который послужил базой для создания Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины – одного из центров не только высшего образования, но и науки в современной Республике Беларусь.

Ключевые слова: Витебск, Октябрьская революция, Наркомпрос, техникум, сельское хозяйство, лесное хозяйство, академия ветеринарной медицины, учхоз.

Введение. Отношение интеллигенции и служащих Российской империи к итогам Октябрьской революции хотя и не было однозначным, но поначалу не привело к открытым конфликтам между «старыми спецами» и новой властью [2]. Однако участие большинства «спецов» в акции ненасильственного сопротивления большевикам, или «саботаже», в октябре 1917 г. – апреле 1918 г., основанное на отказе от профессионального сотрудничества с новой властью, послужило причиной тому, что государство определило одним из направлений своей деятельности задачу воспитания интеллигентно-специалистов, абсолютно лояльных к советской власти. Основу «новой» интеллигенции должны были составить выходцы из пролетарско-крестьянских слоев населения. Поэтому не случайно в течение 1918 г. принимается целый ряд нормативных правовых актов, призванных максимально быстро вовлечь рабочих и крестьян в процесс получения образования. Были изданы постановление Народного Комиссариата Просвещения (Наркомпроса) РСФСР от 31.05.1918 «О введении обязательного совместного обучения»; Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 05.06.1918 «О передаче в ведение Народного Комиссариата Просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств»; Декрет СНК РСФСР от 26.06.1918 «Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)» [8]; Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 «О правилах приема в высшие учебные заведения»; постановление Наркомпроса РСФСР от 24.09.1918 «Об условиях приема учащихся в высшие учебные заведения в 1918/1919 учебном году» [7]; постановление Наркомпроса РСФСР от 1918.11.10 № 885 «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях». В результате средние специальные и высшие учебные заведения стали открыты для всех слоев и категорий населения. Дипломы и свидетельства о ранее полученном образовании, дававшие преимущество при поступлении, были упразднены.

Но такой подход не только не решил проблему создания «новых» кадров, но и усугубил ее.

Причина неудачи крылась в том, что представители этих слоев населения в имперской России практически не получали среднего образования, наличие которого является обязательной основой для подготовки специалистов высшей квалификации. Реформа школьного образования, начатая в Российской империи с принятия Думой Закона от 1 ноября 1907 года «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», к 1917 г. не была завершена. Введение всеобщего среднего образования планировалось осуществить только к середине 1920-х гг. И хотя уровень грамотности населения накануне Октябрьских революционных событий по данным официальной статистики оценивался от 43% до 56%, говорить о глубоких знаниях, например, среди крестьян не приходится. При отнесении к категории «грамотный» в расчет не принимались узкоспециальные знания (математика, физика, химия и т.п.): учитывалась только степень владения навыками письма и чтения на родном языке [9]. Иными словами, итоги обучения студентов средних специальных и высших заведений в 1918/1919 уч. году показали, что уровень освоения учебных программ выходцами из крестьянско-пролетарской среды крайне низок. В результате государство ввело систему различных профильных подготовительных курсов, а позднее расширило ее за счет массового открытия вечерних курсов и рабочих факультетов по тем предметам, без которых невозможно освоение учебного плана в учреждениях среднего специального и высшего образования.

Основная часть. В Витебской губернии в 1918 – 1919 гг., в период восстановления сельского хозяйства после немецкой оккупации, особенно остро стоял вопрос о потребности в специалистах, которые могли бы разбираться не только в землеустройстве, но и имели бы агрономическую подготовку. Центральные органы в этот период еще не взяли на себя обязанности по распределению сельскохозяйственных кадров, прошедших подготовку в профильных высших и средне-специальных учебных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга и других городов страны. Единственный выход из сложившейся ситуации требовал организовать подготовку требуемых кадров своими силами.

В этот период в Витебской губернии действовало единственное учебное заведение, готовившее профессионалов в области сельского хозяйства – Лужеснянское сельскохозяйственное училище, открытое в 1910 г. [14, л. 20]. Однако уровень квалификации его выпускников не отвечал критериям высоко компетентного специалиста в области сельского хозяйства, поэтому в губернии возникла идея открытия учреждения специального сельскохозяйственного профессионального образования. Но ситуация с уровнем образованности населения в Витебской губернии ничем не отличалась от ситуации в стране, что не позволило сразу создать полноценное учебное заведение. Поэтому в Витебске по инициативе Г.М. Садовского, заведующего агрономическим подотделом отдела народного образования исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебского губоно), в составе Витебских губернских политехнических курсов 15.10.1919 г. было открыто всего лишь специализированное сельскохозяйственное отделение, которое назвали «Витебские губернские вечерние сельскохозяйственные курсы» [14, л.19; 16, л. 73; 50, л.26]. Их цель определили как организацию начальной подготовки специалистов сельского хозяйства. Одновременно с курсами в Витебске была открыта Белицкая сельскохозяйственная школа в Сенненском уезде [17, л. 70]. Однако, как и Лужеснянское сельскохозяйственное училище, высококвалифицированных специалистов школа подготовить не могла ввиду отсутствия, во-первых, должной квалификации преподавательского состава и, во-вторых, необходимого уровня начального образования учащихся.

Таким образом, к 1920 году в Витебске была создана сеть учреждений начального сельскохозяйственного образования. Однако ее создание никак не решило вопрос подготовки кадров высшей квалификации, поэтому в августе 1920 г. была сформирована специальная комиссия, в задачи которой входила организация техникума, который мог бы готовить для всей губернии профессионалов в области сельского хозяйства [20; 22, л. 1–2]. Комиссией были разработаны учебные программы и программы лекций [20, л. 6об.].

Проблема подготовки квалифицированных специалистов для сельского хозяйства к этому моменту стояла уже так остро, что члены комиссии смогли привлечь к себе внимание местных властей. В результате идея организации сельхозтехникума нашла государственную поддержку. В итоге в сентябре 1920 г. на межведомственном совещании представителей исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполкома), подотдела профессионально-технического образования Витебского губоно (губпрофобра), земельного отдела Витебского губисполкома (губземотдела) и Витебского губернского совета народного хозяйства (губсовнархоза) было принято решение, ходатайствовать перед Наркомпросом РСФСР об открытии в г. Витебске самостоятельного сельскохозяйственного учебного заведения повышенного типа. Повторно вопрос об открытии техникума был рассмотрен на заседании коллегии Витебского губпрофобра от 20.09.1920 г. Коллегия, несмотря на отсутствие разрешения из «центра», приняла самостоятельное решение, открыть в г. Витебске сельскохозяйственный техникум в составе трех отделений (агрономического, землемерного и лесного) [20, л. 5]. Так, поддержка местных органов власти позволила комиссии уже с сентября 1920 г., т.е. еще до получения согласия от Наркомпроса, начать прием заявлений от абитуриентов.

Открытие сельскохозяйственного техникума в Витебске в конечном итоге было одобрено и Главным комитетом профессионально-технического образования (Главпрофобром) Наркомпроса РСФСР, который направил в г. Витебск специальный циркуляр от 03.11.1920 г. № 2576 [20, л. 18об.].

Занятия в Витебском сельскохозяйственном техникуме начались 16.11.1920 г. [21, л. 283; 24, л. 6; 15, л. 103]. Преподавание велось по лекционной системе. Занятия проводились с 10⁰⁰ до 16⁰⁰. Техникум осуществлял подготовку специалистов по лесоводству, гидротехнике и земледелию для Витебской, Смоленской и Могилевской губерний [19, л. 16–17]. Студенты получали специальности агронома, землемера-землеустроителя, лесовода-таксатора [47]. Срок обучения составлял 3 года (по три триместра; всего за три года обучения прошло 9 триместров). Первые два триместра в учебном году посвящались изучению теоретических знаний, а третий – практическим занятиям. С 1923 года курс обучения стал составлять 4 года [16, л. 55].

Приему в техникум в первую очередь подлежали вернувшиеся с фронта красноармейцы, а также лица, командированные на обучение партийными, комсомольскими или профсоюзными организациями. Все остальные, желавшие обучаться в техникуме и сдавшие успешно вступительный экзамен, зачислялись только при наличии мест, хотя изначально основным условием приема в техникум было наличие свидетельства об окончании 2-ой ступени Единой трудовой школы (ЕТШ). Таким образом, в техникум попадали лица, совершенно не подготовленные к средне-специальному обучению. Для них с 1921 г. было введено обязательное предварительное обучение. С этой целью из состава Витебских губернских политехнических курсов были выведены Витебские губернские сельскохозяйственные курсы и переданы техникуму. На их базе 16.09.1921 г. был организован Витебский вечерний сельскохозяйственный техникум. Несмотря на громкое название, вечерний техникум не имел права юридического лица и выполнял функцию подготовительного отделения [26, л. 25об., 10об.; 23, л. 36–37].

Если на начальном этапе существования Витебского сельскохозяйственного техникума в ноябре 1920 г. в его состав было зачислено 340 учащихся [20, л. 6об.], то в 1922/1923 уч. году обучалось уже 425 человек [33, л. 32, 33об.]. Однако к 1924 году наметилась тенденция к уменьшению числа обучающихся: на 19.02.1924 г. в техникуме имелось всего 290 студентов (в т.ч. на сельскохозяйственном отделении – 103, на землестрои-

тельно – 187). Объясняется этот факт тем, что с 01.08.1923 г. было закрыто лесное отделение. Для завершения обучения студенты лесного отделения были переведены в Воронежский сельскохозяйственный институт и Псковский землеустроительный техникум [40, л. 16; 48, л. 46; 49, л. 16; 42, л. 10].

Заведующим техникумом с момента его создания [27, л. 1] и до 1924 г. работал Тихомиров Клавдий Иванович, педагог, историк и краевед, бывший действительный статский советник, председатель правления Витебской ученой архивной комиссии, первый директор Витебского учительского института.

В первый учебный год на работу было зачислено семь преподавателей. В 1922/1923 уч. году в учебном заведении и на вспомогательных учебно-практических предприятиях работало уже 60 человек, из них непосредственно преподавателей было 26, в том числе по общеобразовательным предметам – 15, специальным предметам – 11 [33, л. 32, 33об.]. На момент создания техникума находился в ведении Главпрофобра Наркомпроса РСФСР. Декрет «Положение о Народном комиссариате по просвещению (положение)», принятый СНК РСФСР 11.02.1921 г., преобразовал Главпрофобр в Главное управление профессионально-политехнических школ и высших учебных заведений [8], а Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 г. «Положение о высших учебных заведениях» – в Главный комитет профессионально-технического образования [4]. При этом сокращенное наименование комитета не менялось. Постановлением Главпрофобра от 08.12.1920 г. Витебский сельскохозяйственный техникум был отнесен к группе так называемых «ударных учебных заведений» [21, л. 144]. В соответствии с отношением Главпрофобра от 01.01.1921 г. № 54 техникум был причислен к высшим учебным заведениям и преобразован в Витебский высший сельскохозяйственный техникум [29, л. 4]. На основании отношения Главпрофобра от 03.03.1922 г. № 11048 техникум был переименован в Витебский практический сельскохозяйственный институт [20, л. 74об.; 29, л. 4; 31, л. 19]. В соответствии с Инструкцией Наркомпроса РСФСР по реорганизации высших практических сельскохозяйственных институтов в техникумы от 15.05.1923 и на основании постановления бюро Витебского губернского комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) от 10.07.1923 г. Витебский практический сельскохозяйственный институт был вновь преобразован в Витебский сельскохозяйственный техникум [30, л. 17; 40, л. 14об.; 10, л. 7]. Совместным постановлением коллегии Витебского губоно и бюро ячейки РКП(б) от 23.01.1924 г. Витебскому сельскохозяйственному техникуму было присвоено имя В.И. Ленина, и наименование «Витебский сельскохозяйственный техникум имени В.И. Ленина» [13, л. 3; 19, л. 7].

Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) «О руководстве сельскохозяйственным образованием» с 20.04.1922 г. дополнительный контроль над деятельностью сельскохозяйственных учебных заведений был возложен на Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) РСФСР. При этом прямая подчиненность учебных заведений не изменялась. Наркомзем РСФСР определял «ударность», степень нагрузки и утверждал общую сеть сельскохозяйственных учебных заведений (их создание, реорганизацию, упразднение и т.п.), но все эти преобразования вступали в силу только после утверждения Наркомпросом РСФСР. Финансирование на содержание персонала, хозяйственные нужды техникума и его учебно-вспомогательные учреждения проходило по смете Наркомзема РСФСР, а общее политическое, научное, педагогическое и административно-хозяйственное руководство, назначение и перемещение ректоров, заведующих, профессоров, преподавателей осуществлялось Главпрофобром Наркомпроса РСФСР [25, л. 1; 26, л. 96]. В губернии контроль за деятельностью техникума был возложен на члена коллегии губземотдела, который одновременно входил в коллегию губпрофобра [26, л. 97]. Что касается непосредственного контроля над учебным процессом и административно-хозяйственной деятельностью техникума, то его осуществлял совет техникума. В его состав входили все профессора, лекторы, ассистенты и руководители практическими занятиями, заведующие учебно-вспомогательными учреждениями и предприятиями, а также представители студентов (по два от каждого отделения). На каждом отделении также учреждался совет, который состоял из преподавателей и руководителей практическими занятиями [21, л. 499].

В связи с передачей территории Витебской губернии с 03.03.1924 г. в состав БССР и на основании постановления СНК БССР от 20.06.1924 г. об утверждении сети учебных заведений Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) БССР техникум изменил свою подведомственность и перешел в подчинение Главного управления профессионально-технического образования (Главпрофобра) Наркомпроса БССР [10, л. 47]. Дополнительный контроль деятельности техникума осуществлял отдел сельскохозяйственного образования Наркомзема БССР [45, л. 56].

С 17.07.1924 г. город Витебск стал центром Витебского округа [1, с. 159]. Создание округа никак не повлияло на наименование техникума. В его задачи по-прежнему входила подготовка высококвалифицированных практических специалистов сельского хозяйства, правда, ареал распределения выпускников перестал ограничиваться рамками той или иной территории. Учебный план строился на широком применении практических и лабораторных работ. Теоретические знания закреплялись на производственной практике, проходившей на подсобных предприятиях.

Для проведения практических занятий и студенческой практики Витебский сельскохозяйственный техникум в этот период располагал учебно-вспомогательными учреждениями и предприятиями. Например, учебно-показательное лесничество «Авдеевичи» (лесная дача «Авдеевичи»). Ныне на месте лесной дачи «Авдеевичи» расположен дендропарк «Рубовский», ботанический памятник природы местного значения. Еще одной площадкой для прохождения практики студентов было учебное советское хозяйство (учсовхоз) «Журжево» с учебно-показательной фермой. Это был первый в Витебской губернии учсовхоз. Инициатором его создания

выступил Витебский губернский военно-революционный комитет (губревком) на основе постановления коллегии Витебского губернского управления совхозами (губсовхоза) от 20.10.1920 г. Учсовхоз был организован на базе советского хозяйства (совхоза) «Журжево», который в свою очередь возник в бывшем имении дворянина Э. Самовича [5] (ныне земли бывшего имения входят в городскую черту Витебска и располагаются в районе улицы Гагарина). Решение о передаче Витебскому сельскохозяйственному техникуму учсовхоза «Журжево» было принято Витебским губоно практически сразу с момента его открытия, а вот непосредственная передача назначена на 26.10.1920 г. [53, л. 127, 171]. С течением времени задачи учсовхоза были расширены, и он стал не только производственной базой, но и поставщиком продуктов питания для преподавателей, технического персонала и учащихся; а еще позднее – объявлен центром пропаганды среди населения улучшенных способов ведения сельского хозяйства. Несмотря на свой статус, «Журжево» прав юридического лица не имело и являлось всего лишь удаленной структурой техникума. В хозяйственном отношении учсовхоз дополнительно подчинялся губземотделу [53, л. 145]. До 1924 года располагался учсовхоз в деревне Журжево Бабиничской (с 15.02.1923 – Королевской) волости Витебского уезда. После перехода Витебской губернии в БССР и создания Витебского округа учсовхоз стал действовать на территории Елаговского сельского Совета Витебского района [1, с. 39, 121, 45–46, 252].

В особую структуру в учсовхозе «Журжево» была выделена учебно-показательная ферма «Журжево». Она определялась как учреждение для практического обучения студентов рациональным приемам ведения сельского хозяйства [53, л. 34]. Располагалась на окраине Витебска, на Суражском тракте (ныне – городская черта Витебска, район улицы Гагарина). Помимо фермы в совхозе действовали опытно-показательный участок и опытно-показательное поле [52, л. 17].

Первоначально материально-техническое снабжение учсовхозов осуществлялось через Главное управление советскими и коллективными хозяйствами (Главсовхоз) Наркомзема РСФСР. После его ликвидации с 25.02.1921 – через Главное управление советскими и коллективными хозяйствами (Главсовхоз), а с декабря 1921 г. – через Центральное управление земледелия и советских хозяйств Наркомата. После 23.07.1923 г. финансирование шло через Управление сельского хозяйства Наркомзема РСФСР [6]. Для этого учебные заведения направляли в Главпрофобр наряды, а Главпрофобр представлял общую сводную смету на все учсовхозы в Наркомземе. На места финансовые средства направлялись через губернские земельные отделы. Планы и сметы подлежали обязательному утверждению Главпрофобром. Ежегодно составлялись общие отчеты о работе, дополнительно делались отчеты о сельском хозяйстве и об учебной деятельности, которые направлялись президиуму учебного заведения. Оттуда они попадали в сельскохозяйственную секцию Главпрофобра и в губземотдел. В Инструкции, изданной в 1920 г. Главсовхозом для учсовхозов, особо подчеркивалось, что отчетность в Главпрофобр, губземотдел и губпрофобр направлялась только через учебное заведение. Непосредственное управление учсовхозом осуществлял заведующий, который назначался на должность администрации учебного заведения. Штаты разрабатывались советом учебного заведения. Работники в учсовхозе были как постоянные (штатные), так и поденные (временные). Их прием и увольнение осуществлялись учебным советом по представлению заведующего [53, л. 145].

По акту приема-передачи от 13.11.1923 г. техникуму был дополнительно предоставлен учсовхоз «Лукишки» (создан на базе имения «Лукишки»; ныне – городская черта Витебска, участок между гостиницей «Ветразь» и рекой Лучоса) [18, л. 353]. Однако уже 23.03.1924 г. его передали в распоряжение 12-й детской еврейской коммуны [44; 11, л. 7]. На одном из этапов существования техникуму принадлежала ферма «Большие Летцы». Помимо «Авдеевичей», «Лукишек», «Журжево» и «Больших Летц» в Витебском техникуме работали химическая лаборатория, геодезический кабинет, библиотека [21, л. 283; 23, л. 15].

Дополнительно техникуму от губоно был передан Витебский естественно-исторический музей, основанный еще в 1919 г. Владимиром Алексеевичем Плющевским-Плющиком, энтомологом, действительным членом Московского общества естествознания, антропологии и этнографии [16, л. 93; 12, л. 133]. В музее действовало три раздела: зоологический, минералогический, сельскохозяйственный. Зоологический отдел состоял из подразделов: млекопитающих, где было представлено около 45 объектов, в т.ч. огромное чучело местного бурого медведя; орнитологического с числом объектов до 500, в том числе богатое собрание чучел птиц Восточной Сибири; энтомологического, где была представлена знаменитая коллекция В.А. Плющевского-Плющика, состоящая из 13 057 видов жуков, а также коллекция местных бабочек и биологических вредителей [51, л. 1]. При музее действовала препараторская, в которой создавались чучела животных, изготавливались спиртовые препараты и выполнялся ряд других высококвалифицированных работ.

Техникуму была также отдана мастерская по изготовлению наглядных пособий: передача состоялась 05.07.1921 г. Заведующим мастерской работал сам В.А. Плющевский-Плющик [21, л. 535об., 537].

В соответствии с письмом Витебского губпрофобра от 16.07.1921 г. в распоряжение техникума перешел учебно-показательный сад «с ботанической плантацией, где собраны все виды лекарственных растений, встречающихся в окрестностях Витебска» [16, л. 56; 21, л. 497, 506]. В документах его часто называют «учебно-показательный сад» или «бывший сад Ханы Гуревич» [39, л. 122]. Сад занимал площадь около 3-х десятков. Студенты проводили там практические занятия по ботанике, садоводству и огородничеству. Для ознакомления с древесными растениями имелось дендрологическое отделение, где произрастало 368 яблонь сорока двух сортов и 32 груши; росли сливовые и вишневые деревья. В саду имелась пасека, и проходили занятия по пчеловод-

ству. Функционировал питомник, где выращивали саженцы плодовых деревьев и ягодных кустарников. В питомнике также разводили грибы. Были разбиты парники, которые использовались в качестве производственной площадки для выращивания студентами продукции растениеводства, грибов и плодово-ягодных насаждений с применением полученных теоретических знаний. Иногда в парниках проходили учебные занятия, и растения использовались в качестве наглядных пособий [16, л. 82–83]. Ботанический сад сохранился до настоящего времени, и сегодня он является ботаническим садом Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Находится по адресу Коммунистическая улица, 15 [3].

Первоначально Витебский сельскохозяйственный техникум располагался в здании бывшей Духовной семинарии по Успенской улице (ныне – дом № 7 по улице Комиссара Семена Крылова), где до этого размещались Витебские губернские политехнические курсы. Техникуму было выделено 6 аудиторий, зал и 6 комнат. Но помещений все равно не хватало. Поэтому постановлением СНК РСФСР от 04.10.1921 г. техникуму было предано здание бывшего Витебского отделения Крестьянского поземельного банка [24, л. 83; 41, л. 1] по Алексеевской улице (так называемый район Гуторовщина; ныне здание находится на пересечении улиц Баумана и Доватора) [51, л.13; 15, л. 99]. Здание бывшего отделения, состоящее почти из 40 комнат, являлось одним из лучших в городе, было оснащено центральным водяным отоплением, системой вентиляции, собственной электрической станцией. Вместе с ним были переданы надворные постройки и двухэтажный каменный флигель [24, л. 83; 28, л. 506; 34, л. 2]. В здании разместились: канцелярия, аудитории, кабинеты, актовый зал, парикмахерская, мастерская естественноисторического музея, квартиры ректора и преподавателей, библиотека [34, л. 6]. Сейчас это здание принадлежит Витебской орден «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины.

Несмотря на то, что в пределах БССР Витебский сельскохозяйственный техникум имени В.И. Ленина был единственным техникумом, готовящим специалистов «широкого масштаба, которые необходимы для реорганизации сельского хозяйства губернии на рациональных началах», финансирование его было крайне недостаточным [36, л. 6; 45, л. 8], а учебно-вспомогательные учреждения и предприятия вообще являлись убыточными [39, л. 48]. В этой связи постановлением СНК БССР от 06.08.1924 г. было принято решение Витебский сельскохозяйственный техникум имени В.И. Ленина закрыть. В перечне сельскохозяйственных учебных заведений, подготовленном отделом сельскохозяйственного образования Наркомзема БССР 07.08.1924 на 1924/1925 уч. год, техникум уже не значился [10, л. 77 – 78]. В письме заведующего техникумом от 08.09.1924 г., адресованном Управлению земледелия и животноводства Наркомзема БССР, имеются сведения о том, что «здание техникума закрыто» [46, л. 88–89]. Но ликвидация техникума не повлекла за собой прекращение деятельности по подготовке в Витебском округе высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства. На базе техникума по инициативе преподавателя зоологии Алонова Евгения Филипповича был открыт Белорусский государственный ветеринарный институт (ветинститут) имени Октябрьской революции Наркомпроса БССР (ныне – Витебская орден «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины), первым ректором которого он и стал [37, л. 12; 46, л. 122].

В соответствии с приказом начальника Управления земледелия и животноводства Наркомзема БССР от 04.09.1924 г. № 79 с 1 сентября были уволены все работники техникума [38, л. 211; 46, л. 90]. В процессе ликвидации техникума приказом Наркомзема БССР от 16.08.1924 г. № 111 учебная ферма (зооферма) «Журжево» должна была быть передана Витебскому государственному ветеринарно-бактериологическому институту, геодезический кабинет – Горецкому сельскохозяйственному институту. Документы свидетельствуют, что само «Журжево» действительно было передано ветеринарно-бактериологическому институту по акту от 01.09.1924 г., а вот его зооферма перешла к ветеринарному институту, правда, не сразу, а значительно позднее – в 1925 г. [52]. Энтомологическую коллекцию техникума предполагалось разместить в одном из музеев (ветеринарно-зоологическом или другом по усмотрению ликвидационной комиссии), а все остальное имущество и ферму «Большие Летцы» – передать ветинституту.

Ликвидационный период должен был быть закончен к 10.09.1924 г. Однако в документах архивного фонда отдела народного образования исполнительного комитета Витебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окроно) обнаружены сведения о том, что окончательно имущество Витебского сельскохозяйственного техникума имени В.И. Ленина перешло, например, к ветинституту только 18.09.1924 г. [12, л. 135]. Более того, обучение студентов 3-го курса Витебского сельскохозяйственного техникума имени В.И. Ленина было продолжено вплоть до 1926 г., т.е. уже после его ликвидации. Этот курьез объясняется тем, что в процессе ликвидации в целях завершения обучения двадцати семи человек – выпускников 3-го курса техникума Наркомзем БССР своим распоряжением от 29.08.1924 № 3090 перевел их на 4-й курс техникума с целью дать возможность пройти полный курс обучения [46, л. 110]. Подтверждение этому факту также обнаружено в письме бывшего заведующего техникумом от 18.09.1924 г. в Наркомзем БССР, где имеется информация о том, что 4-й курс бывшего сельскохозяйственного техникума сохранен и будет функционировать при ветинституте. Преподавание осуществлялось 8-ю педагогами, которые до сентября 1924 г. являлись служащими техникума, а затем перешли на работу в ветинститут [46, л. 91, 115].

Теоретическая подготовка студентов 4-го курса продлилась до мая 1925 г. Сельскохозяйственную практику они проходили в июне 1925 г. на опытной станции «Подберезье» (впоследствии – учебное хозяйство

(учхоз) общесоюзного значения «Подберезье» ветинститута, ныне – территория сельскохозяйственного производственного кооператива «Ольговское» Витебского района). В августе 1925 г. состоялись выпускные экзамены, но только для двенадцати из них [43, л. 5 – 7]. Остальные пятнадцать человек, в связи с тем, что их практика в совхозе «Подберезье» была продолжена до августа 1925 г., не смогли завершить обучение. Для них выпускные экзамены были назначены на март 1926 г., и постановлением объединенного заседания испытательной комиссии и совета техникума от 17.03.1926 г. результаты экзаменов были признаны удовлетворительными [43, л. 8 – 9]. Это был последний выпуск техникума, поэтому дату – 17.03.1926 – можно считать датой окончательной ликвидации Витебского сельскохозяйственного техникума имени В.И. Ленина.

Заключение. Таким образом, Витебский сельскохозяйственный техникум имени В.И. Ленина являлся одним из первых полноценных учреждений среднего специального образования, готовивших квалифицированных специалистов сельскохозяйственного профиля на территории Витебской области в современных границах. Благодаря опыту, полученному в процессе обучения студентов техникума, Витебщина смогла достичь основной цели, поставленной правительством в области подготовки квалифицированных специалистов: создать крепкую учебную и производственно-практическую базу для освоения выходцами из рабоче-крестьянской среды учебных программ высшего образования в области сельского хозяйства. Тем самым Витебский сельскохозяйственный техникум имени В.И. Ленина принял активное участие в работе по формированию в советском обществе новой социальной группы – группы советской интеллигенции, полностью лояльной к власти и способной принимать активное участие в развитии общества.

Главным показателем положительного результата функционирования техникума стал тот факт, что его ликвидация не повлекла за собой уничтожение системы сельскохозяйственного образования на Витебщине, а вывело ее на качественно новый уровень. Техникуму послужил базой для организации учреждения высшего сельскохозяйственного образования – Витебского государственного ветеринарного института, который действует в настоящее время как Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины и является ведущим высшим учебным заведением в отрасли. За годы работы академия подготовила более 35 тыс. специалистов. Сегодня в академии работают 180 кандидатов, 27 докторов наук, 22 профессора. В состав академии входят 5 факультетов, 28 кафедр; действует аграрный колледж в п. Лужесно (Витебского района), филиалы в Речице (Гомельской области) и Пинске (Брестской области), а также научно-исследовательский институт прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии, Республиканская лаборатория информационных технологий. При академии открыты аспирантура и докторантура, действует совет по защите диссертаций. Таким образом, академия работает в Республике Беларусь не только одним из центров высшего образования, но и в качестве научного центра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное устройство БССР : справ. в 2 т. / Гл. архив. управ-е при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права Акад. наук БССР ; редкол.: В.А.Круталевич [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985. – Т. 1 (1917–1941 гг.) – 390 с.
2. Анисимов, В.Д. Ненасильственное сопротивление интеллигенции и служащих установлению большевистской власти в России, октябрь 1917 – весна 1918 гг. [Электронный ресурс] / В.Д. Анисимов // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/nenasilstvennoe-soprotivlenie-intelligentsii-i-sluzhashchikh-ustanovleniyu-bolshevistskoi-vl#ixzz5EKyWpIjD>. – Дата доступа: 01.04.2018.
3. Ботанический сад [Электронный ресурс] // Витебская энциклопедия. – Режим доступа: http://evitebsk.com/wiki/Ботанический_сад. – Дата доступа: 08.11.2017.
4. Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 «Положение о Высших Учебных Заведениях» [Электронный ресурс] // Сейчас.ru. Новости России и мира. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sss/17840>. – Дата доступа: 03.03.2018.
5. Журжево // Витебская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evitebsk.com/wiki/Журжево>. – Дата доступа: 07.04.2018.
6. Органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.) [Электронный ресурс] : справ. : (По материалам гос. архивов). / Центр. гос. архив РСФСР; сост.: Н. П. Беликова [и др.] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7457.htm. – Дата доступа: 10.04.2018.
7. Об условиях приема учащихся в высшие учебные заведения в 1918—1919 учебном году [Электронный ресурс] : постановление № 771 Народ. Комиссариата Просвещения РСФСР // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/31546>. – Дата доступа: 10.04.2018.
8. Здесь и далее нормативные правовые акты (если не дана индивидуальная ссылка) анализируются на основе текстов, опубликованных: Консультант Плюс (некоммерческая версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 03.03.2018.
9. Романов, Б. Школьное образование и грамотность в России к 1917 году [Электронный ресурс] / Б. Романов // Эхо Москвы. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/fedor/951266-echo/>. – Дата доступа: 15.04.2018.
10. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО). – Ф.170 «Витебский окружной инспекторiat народного образования». Оп. 1. Д. 200.
11. ГАВО. – Ф. 170. Оп. 1. Д. 203.
12. ГАВО. – Ф. 170. Оп. 1. Д. 215.
13. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 116.
14. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 268.

15. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 269.
16. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 271.
17. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 273.
18. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 279.
19. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 284.
20. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 1.
21. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 6.
22. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 11.
23. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 14.
24. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 15.
25. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 17.
26. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 20.
27. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 21.
28. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 29.
29. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 34.
30. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 35.
31. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 36.
32. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 38.
33. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 42.
34. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 45.
35. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 46.
36. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 55.
37. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 59.
38. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 60.
39. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 85.
40. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 88.
41. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 89.
42. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 90.
43. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 101.
44. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 105.
45. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 106.
46. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 108.
47. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 112.
48. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 136.
49. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 1. Д. 185.
50. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 2. Д. 4.
51. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 3. Д. 1.
52. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 3. Д. 2.
53. ГАВО. – Ф. 44-ОАФ. Оп. 3. Д. 6.

Поступила 12.05.2020

**VITEBSK SECONDARY SPECIAL AGRICULTURAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS
AND THEIR TRAINING AND AUXILIARY ENTERPRISES: HISTORY OF ORIGIN,
STAGES OF DEVELOPMENT AND PECULIARITIES OF LIQUIDATION (1919 – 1926)**

T. BUYEVICH, A. BONDARAVA

The article presents the reasons that served as the basis for the establishment of special agricultural educational institutions in the city of Vitebsk after the events of the October Revolution (1917), the stages of their emergence and reorganization are considered. The brief characteristic of faculties, management bodies, teaching staff, students is given; auxiliary training structures are listed, their appearance and legal status are described. The importance of the institutions of agricultural education and their auxiliary structures in the history not only of Vitebsk region, but also of the state as a whole is traced. The main part of the article is devoted to Vitebsk Agricultural Technical School named after V.I. Lenin, which was the basis for the creation of the Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine, one of the centers of not only higher education, but also of science in the modern Republic of Belarus.

Keywords: Vitebsk, October revolution, Narkompros, technical school, agriculture, forestry, Academy of veterinary medicine, Uchkhoz.

УДК 94(476.4)

**ГОРАД БЫХАЎ У XIV–XVIII стст.
(УЗНІКНЕННЕ, РАЗВІЦЦЁ, ЭКАНОМІКА, ВАЙСКОВАЯ СПРАВА І РОЛЯ Ё РЭГІЁНЕ)**

Р.Д. ГАЛЫНСКІ
(*Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова*)

Горад Быхаў з’яўляецца адным з найменш даследаваных у гістарычным плане гарадоў Магілёўскага Падняпроўя, нягледзячы на тое, што горад граў значную ролю ў вайскова-палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XIV–XVIII стст. Гісторыя ўзнікнення Быхава і яго эвалюцыя да сёняшняга часу засталіся амаль не высветленымі. На падставе аналізу пісьмовых, картаграфічных і археалагічных крыніц давялося вылучыць некалькі стадыяў яго эвалюцыі, а таксама змянення ролі ў рэгіёне, як населенага пункта.

Ключавыя словы: *Быхаў, узнікненне горада, эвалюцыя горада, вайсковая справа, мілітарны цэнтр, “двор”, горад-крэпасць, латыфундыя.*

Уводзіны. Адным з найменш вывучаных гарадоў магілёўскага Падняпроўя з’яўляецца Быхаў, нягледзячы на той факт, што ўрбаністычная традыцыя гэтага прыватнаўласніцкага горада ў XV–XVIII стст. істотным чынам уплывала на горадаўтваральныя працэсы, сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё мікрарэгіёна. Горад быў сталіцай Быхаўскага графства, найважнейшай магнацкай рэзідэнцыяй у рэгіёне Верхняга Падняпроўя. Тым больш не вызначана месца і значэнне Быхава ў сістэме горадабудаўнічай і сацыяльна-эканамічнай структуры Вялікага Княства Літоўскага.

Нажаль, на сёняшні дзень адсутнічаюць ґрунтоўныя даследаванні па гістарыяграфіі гэтага населенага пункта. У навуковай і навукова-папулярнай літаратуры дамінуюць невялікія сюжэты, якія ўскосна, апасродкавана тычацца гісторыі горада. Асобныя эпізоды з гістарычнага развіцця Быхава паказаны на фоне іншых урбаністычных комплексаў і прыватнаўласніцкіх гарадоў, прыводзяцца ў якасці дадатковых прыкладаў для ўмацавання аўтарскай аргументацыі.

Адзначна, горад Быхаў адыгрываў значную ролю ў вайсковых падзеях, што адбываліся на тэрыторыі сучасных беларускіх земляў сярэдзіны XVII – пачатку XVIII стст. Між іншым, больш ранняя гісторыя горада мае значную колькасць пытанняў, асабліва яго ўзнікненне і першыя стагоддзі існавання.

Асноўная частка. Узнікненне. Першая згадка Быхава змяшчаецца ў “Спісе гарадоў рускіх далніх і бліжніх” і дэманструе яго ўмацаваным паселішчам (пад тэрмінам “паселішча”, мы разумеем звычайны населены пункт, як гарадскога, так і вясковага тыпу – збіральны тэрмін) са складу Кіеўскіх гарадоў [1, с. 214–259; 2, с. 88–89]. Тэрмінам “горад” ці “град” у XIV ст. называлі ўмацаваныя аб’екты, якія мелі розныя ўмацаванні, нават і цэлыя абарончыя сістэмы (сцены, агароджы, валы і інш.) [3; 4]. На думку Л.В. Аляксеева ў XIV ст. Быхаў, разам з Рагачовам і Магілёвам, уваходзіў у склад Друцкага княства [5, с. 224–225; 6, с. 48]. На прыканцы XIV ст. горад, як і ўсё ўзбярэжжа Дняпра ад Шклова да Быхава, мог належаць князям Талочкавічам-Буйніцкім, ад якіх перайшоў да Кіева-Пячэрскага манастыра і князёў Крошынскіх [2, с. 87]. М.М. Ціхаміраў называе першым уладаром згаданых тэрыторый кіеўскага князя Скіргайлу Альгердавіча [1, с. 214–259; 2, с. 88–89]. У 1393 г. (В.Л. Насевіч ліча, што ў 1444 ці 1459 г.) князь Дзмітрый Сямёнавіч Зубравіцкі (1400? – пасля 1444 г.) [2, с. 87] з роду князёў Друцкіх запісаў сваёй жонцы Зоф’і ўсю сваю маёмасць, у склад якой уваходзіў “двор Быхава” [7, с. 169; 8, с. 93]. Няясна, што тут мелася на ўвазе – двор як гаспадарка, паўнаватасны комплекс пабудов з чэлядзю і землямі, ці горад цалкам. З гэтай прычыны падаецца верагодным, што ў XIV ст. Быхаў з’яўляўся ўмацаванай сядзібай пры невялікім сельскім паселішчы, але, не горадам. Так, А.А. Трусаў звязвае паселішчы з назвай “двор” з паселішчамі феадалаў – сядзібамі [9, с. 34]. Дачка Дзмітрыя Сямёнавіча Зубравіцкага – Марына Гальшанская-Трабская падаравала Быхаў свайму ўнуку Альбрэхту Гаштольду ў 1496 г. [2, с. 93; 10, с. 58]. М.А. Волкаў адзначае, што Быхаў у крыніцах гэтага часу згадваўся і як “дворац” [7, с. 169], што пацвярджае нашу думку аб першапачатковым існаванні Быхава як умацаванай рэзідэнцыі-сядзібы. Пасля смерці Станіслава Гаштольда (сын Альбрэхта Гаштольда) Быхаў як “вымарачны” маёнтак адышоў ва ўласнасць Вялікага князя, які закладаў паселішча арандатарам.

М.А. Волкаў адзначае таксама, што Быхаўская воласць была падзелена паміж некалькімі ўладальнікамі, сярод якіх, акрамя Гаштольдаў, быў Іван Хадкевіч. Ад яго, маёнтка перайшоў яго сыну Аляксандру [7, с. 169]. Вынікае, што акрамя воласці магло быць падзелена і паселішча Быхаў.

Адміністрацыйна ў XVI ст. Быхаў уваходзіў у склад Аршанскага павета Віцебскага ваяводства. Так да Віленскага сойма 1565–1566 гг. было складзена апісанне межў Аршанскага павета, дзе Быхаўскія землі выступаюць у якасці памежных па рацэ Бярэзіне [8, с. 90].

На стратэгічнае значэнне Быхава звярнуў увагу Конрад Бабятынскі. Ім адзначана, што Быхаў знаходзіўся ў гэтак званай “Смаленскай браме” – адным з трох асноўных вайскова-стратэгічных маршрутаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Маскоўскім Царствам (дарога са Смаленска на Слуцк) [11, с. 291–292]. Гэтая акалічнасць адыграла значную ролю ў яго далейшым існаванні. М.К. Любаўскі і А.П. Грыцкевіч адзначылі, што Быхаў з’яўляўся прыватнаўласніцкім паселішчам з катэгорыі “важнейшие княжеские и панские дворы при местах и селах”. М.К. Любаўскі таксама выказаў думку, што шэраг мястэчак у XVI–XVII стст. ператварыліся ў гарады, а вёскі – ў мястэчкі, што гэта была звыклая з’ява ў згаданай эпосе [12, с. 33].

А.П. Грыцкевіч выказаў думку, што Быхаў узнік на месцы рамеснага паселішча, ці слабады, што ляжалі блізка да ўмацаванага гаспадарскага двара. Больш таго, ён адносіць Быхаў да старажытнарускіх гарадоў [12, с. 45]. Але гэтае сцвярджэнне памылковае, нават пры наяўнасці ў межах горада гарадзішча, бо няма дакладных згадак у пісьмовых крыніцах да якой катэгорыі паселішчаў адносіўся Быхаў у Старажытнарускі час. У сваю чаргу, В.М. Ляўко звярнула ўвагу на тое, што шэраг гарадзішчаў VIII–X стст., пераўтварыўся ў гарады, замкі, крэпасці і феадальныя двары. Кожная са згаданых катэгорый паселішчаў мае свае асабістыя прыкметы, але незаўжды гэтыя прыкметы выразныя. Больш таго, у розныя часы паселішча магло адносіцца да розных катэгорый, і Быхаў – не выключэнне [8, с. 75].

Ю.М. Бохан у сваіх даследаваннях выказаўся, што шэраг гарадоў з’яўляўся ў пісьмовых крыніцах са спазненнем. Акрамя таго, застаецца адкрытым пытанне: ці былі згаданыя ў пісьмовых крыніцах XV ст. паселішчы гарадамі? Гэтае пытанне, на яго думку, больш за ўсё тычыцца Быхава і Рэчыцы. Першы населены пункт быў “дваром”-сядзібай і “местам”, а горадам у поўным сэнсе слова стаў толькі ў XVI ст. Другі, маючы замак, – горадам стаў звацца толькі ў 1520-я гг., пасля разбудовы гарадской пляцоўкі [7, с. 199; 8, с. 7]. Так ці інакш, час першых згадак Быхава ў пісьмовых крыніцах канца XIV–XV стст. Ю.М. Бохан характарызуе хуткім павелічэннем паселішчаў гарадскога тыпу на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Звязвае ён гэты працэс з інтэнсіфікацыяй эканамічнага развіцця ВКЛ, уключэннем у грашовы абарот сялянскіх масс (выплаты грашовых рэнт) [13, с. 199; 14, с. 7].

На нашу думку, XIV ст. – гэта перыяд значных катаклізмаў – эпідэмія чумы “Чорная смерць” і татарскія набегі на тэрыторыю сучаснай Украіны. З аднаго боку, гэта прывяло да абязлюдзення Старажытнарускіх гарадскіх цэнтраў. З другога, – людскія масы, каб пазбегнуць татарскага палона, прасоўваліся на поўнач і пераходзілі пад уладу гаспадароў, якія надзялялі іх зямлёй. Акрамя таго, у гэты час ішла феадалізацыя тэрыторыі – феадалы “асядалі на зямлю” – перасяленне ва ўласныя маёнткі падорання сеньёрам – гэтак званае “абаярванне” дружыны. З гэтай прычыны частка насельніцтва гарадоў пераходзіла ў феадальныя сядзібы каб забяспечваць іх уладальнікаў рамеснай прадукцыяй [13, с. 199, 262; 14, с. 7]. Усе гэтыя фактары ўплывалі на павелічэнне колькасці “сядзіб”-двароў і іх несельніцтва, што прыводзіла да трансфармацыі апошніх ў мястэчкі і “месцы”, у той жа час, да скарачэння насельніцтва гарадоў. На падставе адзначанага выніке, што ў канцы XIV–XV стст. Быхаў не мог з’яўляцца паўнаўартасным горадам. Ён з’яўляўся сельскім паселішчам з умацаванай рэзідэнцыяй (“дваром”-сядзібай). Па сутнасці, гэта быў прота-замак. Як ён дакладна выглядаў, – нам невядома.

У першай палове XVI ст. быхаўчане атрымалі права на знешні гандаль, што пазначала юрыдычнае замацоўванне Быхава як “места” (горада) [7, с. 169]. Тэрмін “места” як назва горада вядомы з XIII ст., ён азначаў паселішча гарадскога тыпу, адрознае ад замка. Месца магло быць умацаванае (звычайна драўляна-землянымі ўмацаваннямі) або неўмацаванае. Другасныя кварталы, якія не былі ахоплены гарадскімі ўмацаваннямі, або адзелены ад іх прыроднымі перашкодамі, называліся прадмесцямі. Невялікія гарадкі звалі мястэчкамі [15, с. 302]. Местам таксама называлі вакольны горад [17, с. 256–257]. Зыходзячы з гэтага, да першай паловы XVI ст. Быхаў з’яўляўся мястэчкам. Мясцічкі вельмі часта разбудоўваліся вакол феадальных сядзіб, якія выконвалі ролю гаспадарчага і адміністрацыйнага цэнтра воласці. Гэтая катэгорыя паселішчаў мела дзве асаблівасці – значная роля гандлю і дамінаванне сельскай гаспадаркі над рамяством. Так мястэчкі вялі гандаль на невялікай адлегласці, тады як гарады распаўсюджвалі сваю прадукцыю і тавары ў замежжа [8, с. 91]. Між тым, Быхаў яшчэ не згадваецца як горад.

Цяжкасці ў вызначэнні адмежавання горада ад мястэчка, кансалідуюцца ў сістэме размеркавання гарадоў у першакрыніцах. Так, горад (*civitas*) і мястэчка (*oppidum*) не мелі прававога вызначэння, градацыя ішла выключна па якасных паказчыках – вялікія і малыя. У падаткаабкладанні выкарыстоўвалі наступныя назвы: найвялікшыя, галоўныя, лепшыя, вялікія, першасныя гарады. Потым ішлі мястэчкі: малыя, меншыя і горшыя гарады. Гэтая сістэма была ўмоўнай і не надта трывалай [12, с. 33–34].

Эвалюцыя. Пры разгляданні эвалюцыі Быхава, на нашу думку, трэба прытрымлівацца ідэі З.Ю. Капыскага і А.П. Грыцкевіча – абпірацца на памеры горада. Даследчыкі звязваюць Быхаў пачатку XVII ст. з сярэднімі па памеры гарадамі (ад 3 да 10 тыс. чалавек). У канцы XVII ст. – Быхаў ужо буйны горад (10 і больш тыс. жыхароў), а ў XVIII ст. – зноў сярэдні [12, с. 38–39]. Да сярэдніх гарадоў адносіць Быхаў і Ю.М. Бохан [13, с. 204; 14, с. 13]. Але мы ня ведаем дакладнай колькасці насельніцтва Быхава ў згаданы перыяды і зыходзячы з якіх крыніц гісторыкі рабілі падлікі. Таму выпадае арыентавацца толькі на згадкі ў пісьмовых крыніцах і асноўныя функцыі, якія магло выконваць паселішча ў розныя часы яго існавання.

У 1540-х гадах Станіслаў Гаштольд і Аляксандр Хадкевіч мелі сваіх асобных ураднікаў у Быхаве [7, с. 170]. Зыходзячы з гэтага, тут маглі існаваць і два асобныя “двары”, а значыць і двое замкаў. У 1556 г. Рыгор Хадкевіч атрымаў ад Жыгімонта II Аўгуста шэраг зямельных уладанняў, сярод якіх і “двор” Быхаў з вёскамі. Па назіраннях М.А. Волкава, гэта трэцяя частка Быхаўскай воласці, якая пазней звалася “Новы Быхаў” [3, с. 170]. Раней гэтыя тэрыторыі належалі Івану Васільевічу Саламарэцкаму. У 1560 г. Марыя Янава Гарнастай прадала сваю застаўную частку Быхава Гераніму Хадкевічу. Так вакол Быхава ўтварылася вялікая зямельная латыфундыя ў руках аднаго магнацкага рода – Гераніма і Рыгора Хадкевічаў, потым усё перайшло да сына Гераніма – Яна [3, с. 171].

У 1560 г. ад Вялікага князя Рыгорам Хадкевічам быў атрыманы прывілей на будаўніцтва горада і замка [3, с. 171]. Так, мы бачым, што казаць пра Быхаў у якасці горада можна з сярэдзіны XVI ст., але мы не ведаем, пра які канкрэтна населены пункт ішла гаворка ў прывілеі. На той момант ужо існавалі ў нязначнай адлегласці адзін ад аднаго два Быхава і ў другой палове XVI ст. абодва мелі драўляна-земляныя замкі. На думку М.А. Волкава, будаўніцтва драўляна-землянога замка і правільнай геаметрычнай гарадскоў забудовы было распачата на месцы будучага мястэчка Новы Быхаў [3, с. 171]. Але найбольш верагодна, горад быў проста перанесены на некалькі сот метраў на поўнач. Гэта было звязана, на нашу думку, з поўным зборам у руках аднаго рода ўсіх Быхаўскіх зямель. Ускосна, гэта пацвярджае і той факт, што ў 1560–1570 гг. Ян Хадкевіч праводзіў лакацыю – заклаў новы горад з рэгулярнай планіроўкай і гандлёвай плошчай. Як вядома, з часоў Старажытнай Русі гарады разрасталіся веерна ці радыяльна ад дзядзінца. Такую ролю ў Быхаве адыгрывала паўднёвае гарадзішча. Больш таго, калі тэрмін “дзядзінец” атаясамляецца з тэрмінам “сядзіба” і “двор”, падаецца верагодным першапачатковае месцазнаходжанне “старажытнага” Быхава на тэрыторыі паўднёвага гарадзішча.

Перанос замка і “места” перажыў і Шклоў, калі правесці аналогію паміж Шкловам і Быхавам, выяўляюцца пэўныя падабенствы. “Места Шклоўскае” было закладзена на аддаленасці (4 км) ад феадальнага двара-сядзібы. Быхаў таксама быў перанесены прыкладна на 800 м (па меркаванні М.А. Волкава, за 20 км ад сучаснага агр. Новы Быхаў да сучаснага горада Быхава [3, с. 171]). Абодва паселішчы (Шклоў і Быхаў) належалі Хадкевічам. Абодва места ляжалі на гандлёвых шляхах: сухапутным Віцебск – Гомель і рачным – Днепр. В.М. Ляўко бачыць галоўнай прычынай павелічэння сеткі гарадскіх паселішчаў у Падняпроўі будаўніцтва канала паміж рэкамі Зах. Дзвіна і Днепр у ваколіцах Воршы ў другой палове XVI ст. Больш таго, у XVI – пачатку XVII стст. кіраўніцтва дзяржавы ўсяляка падтрымлівала шляхту ў разбудове гандлёвых паселішчаў уздоўж Дняпра [8, с. 107].

У 1560–1570 гг. Ян Хадкевіч разам з бацькам, Геранімам Хадкевічам, будаваў новы драўляна-земляны замак. Але такія ўмацаванні не адпавядалі рэаліям баявых дзеянняў канца XVI ст., што прывяло да новых змен. Важна адзначыць, што мела месца выдзенне баявых дзеянняў на Магілёўшчыне падчас Інфлянцкай вайны (1558–1583 гг.). У гэты час Быхаў быў захоплены маскоўскімі войскамі, з яго вывозяць артылерыю [16, с. 224]. Але ў верасні 1568 г. з Быхава і Магілёва на будаўнічыя работы ў Вулу Хадкевічы накіравалі 300 чалавек [18, с. 114]. Быхаў тут – прыватны горад, тады як Магілёў накіроўваў людзей пад уплывам адміністрацыйна-вайсковага рэсурсу Хадкевічаў. Гэта дэманструе нам горад, які развіваецца, бо будаўнічыя работы на новым замку патрабавалі дастатковай колькасці працоўных, тады як факт адпраўкі людзей ў Вулу дэманструе ўжо сфармаваны горад з пэўнай колькасцю свабодных ад пастаяннай працы людзей. Але, магчыма, гэта была чэлядзь, альбо прыгонныя, якія раней працавалі на будаўнічых работах. У 1568 г. Быхаў разам са Шкловам, Слуцкам і Мышшу былі ўключаны ў тытулатуру Яна Караля Хадкевіча, як графскія землі [8, с. 95].

У 1590 г. замак моцна пацярпеў ад нападу атрада «нізавых казакоў» данскога гетмана Мацюшы Федаровіча, якія, «наехавши гвалтовне..., шкоды немалые... починили». У варотах брамы і ў драўляных сценах засталіся «есьмо куль і стрел немало» [19, с. 81]. Зімой 1595 г. пасля разгрому Магілёва праз Быхаў на Рэчыцу, праходзіў атрад Севярына Налівайкі. Гэтыя падзеі сталі прычынай перабудовы замка. Дарэчы, Ян Кароль толькі ў 1601 г. стаў адзінаасобным уладаром Быхава. У 1611 г. ён пачаў узводзіць быстыённыя ўмацаванні. Вядома, што Ян Станіслаў Сапега (зяць Яна Караля Хадкевіча) дабудоўваў каменную рэзідэнцыю.

А.П. Грыцкевіч звязвае будаўніцтва Быхаўскага замка з Янам Карелем Хадкевічам і датуе яго 1590–1610 гг. Адзначае ён таксама і падабенства Быхаўскіх будаўнічых работ па фарміраванні фартыфікацыйных комплексаў са Шклоўскімі [19, с. 46].

Найбольш аб’ектыўна прычыны разбудовы менавіта Быхаўскай латыфундыі абгрунтаваў М.А. Волкаў. Верагодна, гэта тлумачыцца рознымі функцыямі і ролямі асноўных сядзіб Яна Караля Хадкевіча (Ляхавічы і Быхаў). Магутны бастыённы замак у Ляхавічах уяўляў сабой рэзідэнцыю новага тыпу, якая акрамя забеспячэння надзейнай абароны з’яўлялася таксама новай формай рэпрэзентацыі палітычнага і сацыяльнага статусу яго ўласніка. Выбар Ляхавічаў для ўзвядзення сядзібы такога кшталту тлумачыцца блізкасцю паселішча да палітычных цэнтраў дзяржавы. У сваю чаргу, Быхаў знаходзіўся на ўсходняй мяжы дзяржавы і магчымасці яго выкарыстання для рэпрэзентацыі ў палітычнай дзейнасці былі абмежаваныя. Аднак гэтае паселішча было цэнтрам найбольшай зямельнай латыфундыі Я.К. Хадкевіча, а яго жыхары атрымлівалі значныя прыбыткі ад гандлю па Дняпры. Таму асноўныя высылкі былі скіраваны на ўзвядзенне абарончых умацаванняў вакол самога паселішча. Пераўтварэнне Быхава ў горад-фартэцыю

давала магчымасць забяспечыць абарону мяшчанам, а разам з тым, дэмаграфічнага і эканамічнага патэнцыялу ўсёй латыфундыі. Між тым, будаўнічыя работы на замку вяліся яшчэ ў 1630-я гг. Так, у 1637 г. вырабляліся замкі, завесы і іншыя слесарскія работы, дзеля паўнаважнага забяспячэння функцыянавання замка. Але абарончы патэнцыял замка ў Быхаве, пасля яго перабудовы Я. К. Хадкевічам і яго наступнікам Я. С. Сапегай, знізіўся. Новазбудаваная мураваная рэзідэнцыя выконвала найперш рэпрэзентацыйныя і адміністрацыйныя функцыі [7, с. 167–194; 20, с. 81]. Асноўная стаўка ў абароне горада ўскладалася на сістэму бастыёнаў і правільную гарадскую забудову з каменнымі будынкамі ў ёй. Так, Ляхавічы выконвалі ролю апоры ў палітычным жыцці Хадкевічаў і Сапегаў, а Быхаў дэманстраваў вайсковую моц, бо з’яўляўся ўжо горадам-крэпасцю.

Трэба адзначыць, што вонкавы выгляд забудовы горада, яго ўмацаванняў і замка ўвогуле паступова змяняліся. Замак і горад моцна пацярпелі ад вайны Рэчы Паспалітай з Масквой (неаднаразовыя аблогі як польскіх, так і расійскіх ды казацкіх войск). Так, асобна на аднаўленне замка і гарадскіх умацаванняў у 1669 г. кароль выдаткаваў прывілеі быхаўскім мяшчанам, якімі скасоўваў выплаты падаткаў [21, с. 46–48, 177–182]. Увогуле, у гады Казацка-сялянскай вайны (1648–1649 гг.), вайны Расіі з Рэччу Паспалітай (1654–1667 гг.), вайны магнацкіх групавак (1696–1702 гг.) і Паўночнай (1700–1721 гг.) вайны Быхаў быў шэсць разоў у шматмесячных аблогах, ва ўсіх выпадках у горадзе былі разбурэнні і пажары, якія закранулі і замкавы комплекс. Найбольшыя разбурэнні замак пацярпеў падчас асады 1702 г. – яго бамбардзіравалі з “Галандкі” – вялікай мартыры. Падчас бамбардзіровак горада былі пашкоджаны цэйхгаўз і паўночная глухая сцяна замкавага комплексу. У 1716 г. гарадскія брамы ўвогуле былі ўзарваныя, а частка вонкавых умацаванняў зрыта адыходзячым расійскім гарнізонам. Паступова Сапегі здолелі аднавіць сістэму ўмацаванняў і адбудаваць брамы [22–23].

Пасля ўваходжання Усходняй Беларусі ў склад Расійскай Імперыі (1772 г.), Стары Быхаў некаторы час быў аб’ектам пільнай увагі з боку расійскіх ваенных, бо новая мяжа паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай прайшла па тэрыторыі цяперашняга Быхаўскага раёна – па р. Друць. Для вывучэння на месцы абарончых магчымасцей крэпасцей у Беларусь быў накіраваны ваенны інжынер Ф.В. Баўр. У сваім дакладзе 1782 г. ён прапанаваў на захадных межах Расійскай Імперыі заснаваць дзве галоўныя крэпасці: новую, каля «места» Будзілава, і рэканструяваную, у Старым Быхаве. Пры апошнім на выгоднай гары каля Рагачова планавалася «пабудаваць цытадэль ці невялікае ўмацаванне, якое магло прыкрываць перавоз па Дняпры і Друці». У праехах паміж галоўнымі крэпасцямі патрабавалася размясціць меншыя крэпасці ў Талачыне, Дрысе і Дынабургу [24, с. 72]. Аднак далейшыя падзелы Рэчы Паспалітай зрабілі гэтыя планы неэтазгоднымі, бо мяжа Расійскай Імперыі адсунулася далёка на захад. Таму Быхаў страціў сваё стратэгічнае значэнне горада-крэпасці, а яго ўмацаванні паступова прыйшлі ў заняпад і былі разбураны і ў значнай долі разабраныя. У першай палове XIX ст. мясцовыя жыхары разрылі бастыёны і курціны, а ў другой – разабралі на цэглу ўяздныя брамы.

Эканоміка. У Быхаве, як і ў шэрагу іншых гарадоў, рамесніцкая дзейнасць была дамінуючым заняткам у параўнанні з сельскай гаспадаркай і промысламі. Пра гэта кажуць пісьмовыя і археалагічныя крыніцы. Рамеснікі, якія прысутнічалі ў горадзе ў XVI–XVIII стст., працавалі са скурай і мехам, тканінай, займаліся апрацоўкай металаў і вырабам зброі, драўніны, вырабам харчовай прадукцыі, будаўніцтвам, а таксама выконвалі транспартныя ды іншыя сацыяльныя (цырульнікі, мяснікі, пекары, бровары і г.д.) паслугі. Разам з тым, у адрозненні ад большасці беларускіх гарадоў таго часу, асноўную ролю ў Быхаве адыгрываў выраб зброі. Гэта была рамесная спецыялізацыя горада, выкліканая наяўнасцю людвісарні і мэтавай палітыкі гаспадароў (выраб пораху, адліўка гармат і ядраў, выраб агняпальнай і халоднай зброі, засцерагальнага ўзбраення). Гэта было неабходна для забяспячэння функцыянавання мясцовай адміністрацыі, гарнізона, збройнікаў і выканання экспертных паставак узбраення на рынку Усходняй і Цэнтральнай Еўропы [25, с. 20–28; 26, с. 115–122].

Найбольш якасным відам комплекснага рамяства, адпавядаючым усім еўрапейскім крытэрыям таго часу, было надзвычай высока развітае ў Быхаве збройніцтва. Ім займаліся людвісары (адліўка гармат і званоў), збройнікі, панцырнікі (выраб даспехаў), мечнікі (выраблялі халодную зброю), “ювеліры-наводчыкі” (майстры якія аздаблялі халодную і ахоўную зброю). Для іх паўнаважнай працы неабходны былі кавалі, цесляры і слесары. У горадзе існавалі шаўцы, краўцы, шорнікі, гарбары, ганчары, гутнікі (выраблялі шкло) і іншыя спецыяльнасці. У Быхаве таксама працавалі бровары і млынары. Цырульнікі забяспечвалі асноўныя мерапрыемствы па ахове здароўя, займаліся хірургіяй і праводзілі санітарна-эпідэміялагічныя мерапрыемствы ў горадзе [12, с. 65–66, 74, 81, 84; 27, с. 19–20; 28; 25, с. 20–28]. Наяўнасць у інвентарах прылад працы і разнастайных прыстасаванняў для апрацоўкі металаў указвае на высокае развіццё мясцовай апрацоўкі чорных і каляровых металаў. Аб гэтым кажуць і згадкі значнай колькасці майстроў (асабліва ювеліраў) і непасрэдна згадкі пра выраб у Быхаве званоў, гармат і ўзбраення [12, с. 65–66].

Прысутнасць у Быхаве ювеліраў ускосна пацвярджае мясцовы выраб разнастайных аксэсуараў і прадметаў упрыгожвання адзення. Згадкі бровараў, тартаку, вадзянога млына і разнастайных прыстасаванняў і прылад (таксама выяўленых археалагічна) дэманструюць шырокі спектр спецыяльнасцей і заняткаў па апрацоўцы арганічнай сыравіны (шаўцы, краўцы, бондары, цесляры, токары і інш.) [25, с. 20–28]. Наяўнасць шкляных вырабаў з геральдычнай сімволікай Сапегаў з’яўляецца пацвярджэннем існавання шкловытворчых гут у непасрэднай блізкасці ад горада ў другой трэці XVII ст. [25, с. 20–28].

Керамічны матэрыял ў сваёй большасці з’яўляўся шэраговым і, верагодна, быў мясцовага паходжання. Імпарт керамікі быў звязаны з тытунёвымі люлькамі, кафляй, дахоўкай, белагліняным посудам і “каменным таварам” (рэйнскай керамікай). Частка чырвонаглінянага посуду імпартавалася з іншых гарадоў Беларусі [25, с. 20–28; 29, с.44–50; 30; 31; 32].

У пісьмовых крыніцах адсутнічаюць звесткі пра выраб адзення, але маюцца ўскосныя сведчання здабычы сыравіны для яго вырабу – футра (бавровае). Наяўнасць значнай колькасці спрацаваных абутковых падковак дэманструе прысутнасць спецыялістаў па рамонце абутку, магчыма і адзення. Комплекс адзення з канца XVI–XVIII стст. у асноўным арыентаваўся на заходне- і цэнтральнаеўрапейскія традыцыі (Венгрыя, Польшча, Германія). Гэта звязана з мілітарызацыяй грамадства, вялікай колькасцю заходнееўрапейскіх наёмнікаў, імкнення мясцовай шляхты і магнатэрыі да заходнееўрапейскіх вайсковых і шляхетных традыцый. XVII–XVIII стст. характарызуе наяўнасць мясцовай моды – сарматызму [33; 34].

Дакладна высветлены гарады, з якімі найбольш інтэнсіўна гандляваў Быхаў – Магілёў, Масква, Гародня, Вільня, Каралевец (Кёнігсберг), Кіеў. Выхад на міжнародны гандлёвы рынак Быхава адбыўся ў 1530-я гг. Да экспартных тавараў адносіліся: збожжа, зброя, лес. Імпартаваліся: жалеза, шляхетныя металы, салетра і сера, прадметы раскошы, тытунь [7]. Месца размяшчэнне горада на Дняпры, наяўнасць замка, людвісарні і кантраляванне сухапутных шляхоў з поўначы на поўдзень уздоўж Дняпра, моцныя фартыфікацыйныя ўмацаванні рабілі Быхаў важным гандлёва-рамесным цэнтрам Беларускага Падняпроўя. Найбольшае значэнне горад набывае з канца XVI стст. (як цэнтр вельмі вялікай магнацкай латыфундыі), пік яго развіцця прыпадае на пач. XVII ст. З сярэдзіны XVIII ст. горад пачынае заняпадаць у сацыяльна-эканамічным плане, нягледзячы на паступовую рэканструкцыю гарадской забудовы.

Вайсковая справа. Быхаўскі гарнізон складаўся з наёмнікаў, мясцовых выбранцаў і апалчэнцаў (падчас аблог). Жаўнеры забяспечваліся з кошт магнатаў, апалчэнцы – за ўласны кошт. Баяздольнасць гарнізона кантралявалася і падтрымлівалася на дастатковым узроўні. Стары Быхаў прымаў непасрэдны ўдзел у вайсковых канфліктах канца XVI – пачатку XVIII стст. Доўгатэрміновыя аблогі з’яўляюцца красамоўным паказчыкам таго, што горад з’яўляўся добраўмацаванай і ўзброенай цытадэллю, “ідэальным горадам-крэпасцю”. Хаця асноўнае прызначэнне самога палацава-замкага комплекса – рэпрэзентацыя моцы і ўлады Хадкевічаў і Сапегаў.

Да сярэдзіны XVI ст. Быхаў баранілі самі ўладары са сваімі вайсковымі слугамі і кантынгентамі залежных ад іх рыцараў і баявых слуг. Другая палова XVI–XVII стст. характарызуецца распаўсюджваннем ўжывання паслуг наёмнікаў пры абароне гарадоў і замкаў. Мяшчанскае апалчэнне фарміравалася па дзесяцічна-соценнаму прыпынку, што з’яўляецца водгуллем старажытнарускага гарадскога дзялення. Падчас зацяжных войнаў у горадзе фарміраваліся баявыя падраздзяленні з ліку бежанцаў. Яскравым прыкладам служыць часы казацка-сялянскай вайны, калі з уцекачоў-яўрэяў быў сфарміраваны “яўрэйскі полк”, а з навакольнай гомельскай і рэчыцкай шляхты, колькасць якой дасягала 300 чалавек, – харугва.

Быхаўскія мяшчане, шляхта і жаўнеры мелі на ўзбраенні разнастайную агняпальную, халодную і засцепагальную зброю. Шмат зброі выраблялася мясцовымі майстрамі. Так, сярод мілітарый трэба адзначыць панцыры, місюркі, наручы-карвашы. З агняпальнай: разнастайныя гарматы, мартыры, органы, вінтоўкі, аркебузы, пташыны, гакаўніцы, пішчальні, пісталеты з разнастайнымі замкамі (крамянёвыя, кнотавыя, губчастыя, колкавыя і інш.). Халодная: шаблі, канчары, палашы, мячы, шпагі, нажы і кінжалы; буздыганы, сякеркі, абушкі, бярдшы, пратазаны; рагаціны, вошчапы, пікі, баявыя косы. Акрамя таго выкарыстоўвалі лукі са стрэламі. І, канешне, разнастайны рыштунак для верхавой язды [35, с. 30–35; 36, с. 9–10].

Роля ў рэгіёне. Быхаў узнік з сельскага паселішча, з цягам часу вылучыўшыся ў цэнтр сельскай акругі. Верагодна, яшчэ ў старажытнарускі час гэтае паселішча адыгрывала пэўную ролю як гандлёвая кропка на Дняпроўскім шляху “з вараг у грэкі”. Аб гэтым сведчаць курганныя могільнікі ў ваколіцах Быхава, што ўраджаюць сваім багаццем. З уваходжаннем Падняпроўя і ўкраінскіх зямель у склад ВКЛ Быхаў апынуўся ў памежным становішчы, выступаючы як парубежны населены пункт. З гэтай прычыны ён мог быць перададзены ў якасці леннага, ці бенефіцыяльнага, валодання, што дало падставы для пераўтварэння яго ў абарончую кропку (“двор”). З пераходам у валоданне Хадкевічаў Быхаў пачынае інтэнсіўна развівацца і эвалюцыянуе ў паўнаўартасны горад з паступовай разбудовай замка/замкаў і гарадской забудовы па апошніх еўрапейскіх іннавацыйных тэхналогіях у фартыфікацыі і горадабудаўніцтве.

Асноўныя функцыі Быхава ў часы Хадкевічаў і Сапегаў – абарончая, рэпрэзентацыйная і эканамічная. Быхаў з’яўляўся цэнтрам адной з буйнейшых магнацкіх латыфундыі, размешчаных на ўсходнім памежжы Рэчы Паспалітай, адначасова горад быў галоўным збройніцкім цэнтрам у рэгіёне. З XVII па канец XVIII стст. Быхаў адыгрываў ролю асноўнага мілітарнага цэнтра на Падняпроўі з-за першакласных умацаванняў і наяўнасці збраёвых майстэрняў (у тым ліку і людвісарні). Істотную крыніцу прыбыткаў горада складаў менавіта экспарт зброі і рыштунку.

Улічваючы максімальную адаптацыю гарадской забудовы да фартыфікацыйных функцый, наяўнасць першакласнай абарончай сістэмы ўмацаванняў, мясцовы выраб узбраення і пастаяннага кантролю ўладароў за абароназдольнасцю горада, можна казаць аб першапачатковай функцыі Быхава як горада-

крэпасці. Другая функцыя – рэпрэзентацыя магутнасці гаспадароў паселішча. Горад, размешчаны на высокім левым беразе Дняпра, – гэта аптымальнае месца для будавання крэпасці, якая не з’яўляецца памежным фарпостам. Судаходны Днепр усё ж не забяспечваў тавараабарот, роўны Заходняй Дзвіне ці Нёману, адкуль тавар ішоў у Балтыку, але быў дастатковым для лагістычнага забеспячэння прыфрантавых рэгіёнаў у выпадку вайсковага канфлікта. Эканамічны, адміністрацыйны і рэлігійны цэнтр – толькі на трэцяй пазіцыі.

Заклучэнне. У сучаснай гістарыяграфіі вывучэння горада Быхава вылучаюцца тры асноўныя этапы, якія падзяляюцца як хараналагічна, так і якасана. Першы – XIX – сярэдзіна XX стст., гэты час характарызуецца шматлікімі кампіляцыямі з працы польскага гісторыка М. Балінскага і вылучаецца значнай фрагментаванасцю ведаў. Другі – канец 50-х – пачатак 80-х гг. XX ст. – першыя археалагічныя даследаванні на тэрыторыі горада і агульнагістарычныя даследаванні па беларускай сярэднявечнай урбаністыцы, у якіх прыводзяцца згадкі пра Быхаў падчас аналізу эканамічнай, палітычнай і сацыяльнай гісторыі Беларусі. Трэці – з канца 1980-х гг. па цяперашні час – паўнавартасныя даследаванні гісторыі і археалогіі горада.

У генэзісе Быхава як населенага пункта вылучаецца пяць асноўных этапаў:

- сельскае паселішча з феадальным дваром – XIV ст.;
- умацаваная сядзіба-замак XV ст.;
- паселішча з некалькімі умацаванымі сядзібамі-замкамі (да трох) – пачатак XVI ст.;
- прыватнаўласніцкі горад з паўнавартасным замкам, які адначасова з’яўляўся цэнтрам латыфундыі і Быхаўскага графства з драўляна-земляным замкам – сярэдзіна – канец XVI ст.;

– перапланіроўка гарадской забудовы і ўзвядзенне мураванага замка з гарадской бастыённай фартыфікацыйнай сістэмай – канец XVI ст. – 1630-я гг. Горад атрымоўвае выразны падзел на кварталы з сакральнымі архітэктурнымі дамінантамі кожнай з канфесій, якія маркіруюць этна-канфесійную і сацыяльную структуру гарадской супольнасці;

– узмацненне і рэканструкцыя пашкоджаных пасля Паўночнай вайны гарадскіх фартыфікацыйных збудаванняў – сярэдзіна XVIII ст. Рэзкае скарачэнне гарадскога насельніцтва і заняпад сядзібных комплексаў.

Першую згадку Быхава ўтрымлівае “Спіс Рускіх гарадоў дальніх і бліжніх”, які датуецца В.Л. Яніным паміж 1375 і 1381 гг. Быхаў у гэтай крыніцы фігуруе як умацаваная сядзіба, “град”.

У канцы XV – пачатку XVI стст. адначасова на тэрыторыі горада функцыянавала да трох магнацкіх сядзіб. З другой паловы XVI ст. цэнтрам горада з’яўляўся замак, ад якога радыяльна ў паўночным, паўднёвым і часткова заходнім напрамках разрастаўся горад з новай правільнай планіроўкай. У XVII ст. замак пераўтвараецца ў палаца-замкавы ансамбль, будуюцца бастыённая фартыфікацыйная сістэма вакол горада, сінагога, касцёл з каменнымі келлямі “латэранскіх канонікаў рэгулярных”. У гэты ж час разбудоўваецца Лявонаўская слабада, якая разам з паўднёвымі пасадамі была спалена падчас казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. і вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. XVIII ст. – час максімальнай разбудовы горада. Перабудоўваюцца фартыфікацыйныя ўмацаванні пасля іх знішчэння ў 1707–1714 гг. расійскімі войскамі. Маёнтак Белая Гара пачынае ўключалася ў горад, становіцца яго складавой часткай.

У XVII ст. “месца” ўмоўна было падзелена на чатыры часткі адпаведна канфесійнай прыналежнасці жыхароў горада: праваслаўныя, каталікі, уніяты і яўрэі. Апошнія, згодна з агульнай практыкай, мяшчанамі не з’яўляліся. На падобную градацыю ўскосна ўказвае сектарнае размяшчэнне культавых пабудоў – асноўных архітэктурных дамінант у межах горада. Між іншым, асноўная гандлёвая плошча таксама падзяляла горад на дзве часткі: праваслаўныя жылі на поўдні, уніяты – на захадзе, яўрэі – на паўночным захадзе, а каталікі і лютэране – на паўночным усходзе.

Акрамя замка, на працягу XVII–XVIII стст. у горадзе існавалі архітэктурныя дамінанты – мураваныя і культавыя пабудовы. Да іх адносяцца касцёльны комплекс (2 каменныя пабудовы), сінагога (каменная), уніяцкая і праваслаўныя цэрквы (у розныя часы драўляныя і драўляна-каменныя).

У складзе горада меліся прыватнаўласніцкія юрыдыкі, да якіх таксама адносілі і землі балоння (заліўны поплаў) з сенажацямі, якія не ўваходзілі ў гарадскую забудову. Юрыдыкамі валодалі як мясцовая шляхта, так і рыма-каталіцкі касцёл, а магчыма і іншыя юрыдычныя і фізічныя асобы.

Першапачаткова горад меў толькі вал (магчыма два) і сухі роў. З XVII ст. – роў з вадой і бастыённую сістэму, якая спалучала бастыёны, равеліны, горнверк і іншыя элементы тагачаснай фартыфікацыйнай сістэмы (кашы-габіёны і калоды з коллем). Гарадскі вал быў забяспечаны уязнымі мураванымі брамамі. Усе бастыённыя ўмацаванні разам з брамамі былі моцна пашкоджаныя, часткова зруйнаваныя/узарваныя напрыканцы Паўночнай вайны. Часткова іх аднавілі к сярэдзіне XVIII ст.

Горад і замак на працягу свайго існавання змянялі прасторавую лакацыю два разы: першапачаткова двор князёў Друцкіх размяшчаўся на тэрыторыі мысавага гарадзішча за 800 м на поўдзень ад сучаснага мураванага замка (XIV – пачатак XVI стст.). Геранім Хадкевіч выканаў перанос замка і горада ў паўночным напрамку (1560-я гг.). Новы драўляна-земляны замак быз закладзены на тэрыторыі сучаснага каменнага ці на тэрыторыі былога касцёла Непарочнага зачацця Найцвяцейшай панны Марыі, Святога Казіміра і біскупа Аўгусціна. Пры Яне Карале Хадкевічы і яго спадкаемцах горад быў перапланаваны і закладзены новы мураваны замак (1600–1630-я гг.). У 1630-х гг. на левым беразе Дняпра была заснавана Лявонаўская слабада, а ў XVIII ст. на поўнач ад гарадскіх умацаванняў існаваў фальварак Белая Гара.

Знаходкі керамічнага і нумізматычнага матэрыялу дазваляюць гаварыць пра распаўсюджванне пасадаў на значную адлегласць (да 750 м) на поўнач і поўдзень ад гарадскіх умацаванняў. Найбольш старажытныя сярэднявечныя матэрыялы знойдзены на тэрыторыі замка, касцёла і паўночна-ўсходняй часткі гандлёвай плошчы (матэрыялы канца XV–XVI стст.). Між тым, на Паўднёвым гарадзішчы і замчышчы былі выяўлены матэрыялы ранняга жалезнага веку і старажытнарускага часу.

Эвалюцыя Быхава як населенага пункта была абумоўлена наступнымі фактарамі:

– геаграфічнымі (размяшчэнне на рацэ Днепр – важнейшым транзітным шляху “з вараг у грэкі”, у эпоху Позняга Сярэднявечча, – важнай гандлёвай транзітнай артэрыі, якая працягвала выкарыстоўвацца ў працэсе гандлёвай камунікацыі на ўнутраным і знешнім рынку);

– прыродна-кліматчнымі (змены клімату, эпідэміі);

– знешнепалітычнымі (татарская экспансія, далучэнне Падняпроўя да ВКЛ, войны з Маскоўскай дзяржавай);

– сацыяльна-палітычнымі (феадалізацыя, фарміраванне рыцарскага і шляхецкага саслоўя на землях ВКЛ і РП, як вынік – узнікненне магнацкай прыватна-ўласніцкай латыфунды);

– агульнаеўрапейскімі ўрбаністычнымі тэндэнцыямі эпохі Рэнесансу і барока (ідэальны горад-крэпасць, гарадская забудова, палаца-замкавы ансамбль).

Быхаў узнік з сельскага паселішча, з цягам часу вылучыўшыся ў цэнтр сельскай акругі. Верагодна, яшчэ ў старажытнарускі час гэта паселішча адыгрывала пэўную ролю як гандлёвая кропка на Дняпроўскім шляху “з вараг у грэкі”. Аб гэтым сведчаць курганныя могільнікі ў ваколіцах Быхава, якія ўраджаюць сваім багаццем. З уваходжаннем Падняпроўя і ўкраінскіх зямель у склад ВКЛ Быхаў апынуўся ў памежным становішчы, выступаючы як парубежны населены пункт. З гэтай прычыны ён мог быць перададзены ў якасці леннага, ці бенефіцыйнага, валодання, што дало падставы для пераўтварэння яго ў абарончую кропку-“двор”. З пераходам у валоданне Хадкевічаў Быхаў пачынае інтэнсіўна развівацца і эвалюцыянуе ў паўнаўважаны горад з паступовай разбудовай замка/замкаў і гарадской забудовы па апошніх еўрапейскіх інавацыйных тэхналогіях у фартыфікацыі і горадабудаўніцтве.

Асноўныя функцыі Быхава ў часы Хадкевічаў і Сапегі – абарончая, рэпрэзентацыйная, і эканамічная. Быхаў з’яўляўся цэнтрам адной з найбуйнейшых магнацкіх латыфундый, размешчаных на ўсходнім памежжы Рэчы Паспалітай, адначасова горад быў галоўным збройніцкім цэнтрам у рэгіёне. З XVII па канец XVIII стст. горад адыгрываў ролю асноўнага мілітарнага цэнтра на Падняпроўі з-за першакласных умацаванняў і наяўнасці збраёвых майстэрняў (у тым ліку і людвісарні). Істотную крыніцу прыбыткаў для гарадской казны складаў менавіта экспарт зброі і рыштунку.

Улічваючы максімальную адаптацыю гарадской забудовы да фартыфікацыйных функцый, наяўнасць першакласнай абарончай сістэмы ўмацаванняў, мясцовы выраб узбраення і пастаяннага кантролю ўладароў за абароназдольнасцю горада, можна меркаваць аб першапачатковай функцыі Быхава як горада-крэпасці. Другая функцыя – рэпрэзентацыйная магутнасці гаспадароў паселішча. Горад размешчаны на высокім левым беразе Дняпра – гэта аптымальнае месца для будавання крэпасці, якая не з’яўляецца памежным фарпостам. Судаходны Днепр усё ж не забяспечваў тавараабарот, роўны Заходняй Дзвіне ці Нёману, адкуль тавар ішоў у Балтыку, але быў дастатковым для забеспячэння прыфрантавых рэгіёнаў у выпадку вайсковага канфлікту як транспартная артэрыя. Функцыя эканамічнага, адміністрацыйнага і рэлігійнага цэнтра выконвалася ў апошнюю чаргу.

Быхаў выступаў у якасці мілітарнага цэнтра на Падняпроўі. Менавіта тут знаходзілася людвісарня і неабходная колькасць майстроў, якімі выраблялася як разнастайная агняпальная зброя (у тым ліку і гарматы), халодная зброя, ахоўнае ўзбраенне, вайсковы рыштунак, так і порах, ядры, кулі і іншыя боепрыпасы. Акрамя таго, ў горадзе прысутнічалі ўніверсальныя прадпрыемствы (тартак, бровар, млын і г.д.).

Быхаў, як і любы сярэднявечны горад, меў комплекс рамесных спецыяльнасцей, якія забяспечвалі жыццяздольнасць усіх катэгорый насельніцтва, між тым, рамесная спецыялізацыя горада – выраб узбраення і вайсковага рыштунку. Быхаўскі гарнізон складаўся з наёмнікаў, мясцовых выбранцаў і апалчэнцаў (падчас аблог). Камбатанты забяспечваліся за кошт магнатаў, апалчэнцы – за ўласны кошт. Баяздольнасць гарнізона кантралявалася і падтрымлівалася на дастатковым узроўні.

Выпадае казаць пра наступныя стадыі эвалюцыі Быхава як паселішча (яны ўплывалі і на ролю, якую Быхаў адыгрываў у рэгіёне): сельскае паселішча, феадалная сядзіба (двор), умацаваны двор-замак, месца з дваром-замкам, цэнтр латыфунды з замкам, горад з замкам – сталіца графства, горад-крэпасць з палацам-замкам – сталіца графства.

ЛІТАРАТУРА

1. Тихомиров, Н.М. Список русских городов дальних и ближних / Н.М. Тихомиров // Исторические записки. – М., 1952. – Т.40. – С. 214–259.
2. Насевич, В.Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV – XVI стст.) / В.Л. Насевич // Старонкі гісторыі Беларусі / М.М. Крывальцэвіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 83–104.

3. Дедук, А.В. “Список русских городов дальних и ближних”: история изучения / А.В. Дедук // Русский книжни. 2014. – М., 2015. – С. 129-141.
4. Янин, В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков / В.Л. Янин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 216 с.
5. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии X – XIII вв.) / Л.В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 296 с.
6. Алексеев, Л.В. Смоленская земля в X – XIII вв. / Л.В. Алексеев. – М. : Наука, 1980. – С. 260.
7. Волкаў, М.А. Быхаў у першай палове XVII ст. / М.А. Волкаў // Сапегі: асобы, кар’еры, маёнтки : зб. навук. арт. – Мінск, 2018. – С. 167–194.
8. Левко, О.Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие / О.Н. Левко. – Минск : Бел. наука, 2004. – 280 с.
9. Трусаў, А.А. Кароткая гісторыя архітэктуры Беларусі / А.А. Трусаў. – Мінск : Харвест, 2015. – 464 с.
10. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca chternastego wieku / J. Wolff. — Warszawa : Drukiem J. Filipowicza, 1895. – 724 s.
11. Бабятыньскі, К. Падняпроўскія крэпасці ў сістэме абароны ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага – XVI – палова XVII стагоддзя / К. Бабятыньскі // ARCHE. – 2014. – № 12. – С. 290–304.
12. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А.П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.
13. Бохан, Ю.М. Мясцэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. / Ю.М. Бохан ; уклад. М.А. Волкаў. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – 292 с.
14. Бохан, Ю.Н. Урбанистические процессы в Великом княжестве Литовском в 14–18 вв. / Ю.Н. Бохан // Города, местечки и замки Великого княжества Литовского : энцикл. / ред. совет: Т.В. Белова (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2009. – 312 с.
15. Места / Вялікае княства Літоўскае : энцикл. У 2 т. – Минск : БелЭн, 2007. – Т.2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – С. 302.
16. Рубцов, Н.Н. История литейного производства в СССР / Н.Н. Рубцов. – 2-е изд. – М., 1962. – Ч. 1. – С. 302.
17. Штыхаў, Г.В. Горад / Г.В.Штыхаў // Археалогія Беларусі: энцикл. У 2 т. – Минск : Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1: А-К / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 256–257.
18. Янушкевич, А.Н. Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское / А.Н. Янушкевич. – Минск : Медисонт, 2013. – 362 с.
19. Ткачоў, М.А. Замкі і людзі / М.А. Ткачоў ; пад рэд. Г.В. Штыхава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 184 с.
20. Шкапляроў, Ю.П. Ідэальны горад-крэпасць. Ваенная гісторыя Старога Быхава ў XVII стагоддзі / Ю.П. Шкапляроў, М.А. Волкаў, Р.Дз. Галынскі ; пад навук. рэд. д-ра гіст. навук, праф. І.А. Марзалюка ; Мін-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беарусь. – Магілёў : Магілёўскі інстытут МУС, 2018. – 140 с.
21. Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : Тип. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 4: Акты Брестского городского суда. – 1870. – 687 с.
22. ПСРЛ. – Т. 32.: Хроники: Литовская и Жемойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М. : Наука, 1975. – 235 с.
23. ПСРЛ. – Т. 35.: Летописи белорусско-литовские / Сост. и авт. предисл. Н.Н. Улащик. – М. : Наука. 1980. – 306 с.
24. Слюнькова, И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И.Н. Слюнькова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
25. Галынскі, Р.Дз. Тыповыя рамесныя вырабы з Быхава XVI – XVIII стст. (па дадзеных пісьмовых і археалагічных крыніц) / Р. Дз. Галынскі // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2019. – С. 20–28.
26. Галынскі, Р.Дз. Агульны агляд комплекса артэфактаў з археалагічных даследаванняў на тэрыторыі гістарычнага цэнтра г. Быхава / Р.Дз. Галынскі // Весн. Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2019. – № 9. – С. 115–122.
27. Абецедарский, Л.С. Белорусы в Москве XVII в.: из истории белорусско-русских связей / Л.С. Абецедарский. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1957.
28. Абецедарский, Л.С. Белоруссия и Россия: очерки русско-белорусских связей второй половины XVI – XVII вв. / Л.С. Абецедарский. – Минск : Вышэйшая школа, 1978. – 256 с.
29. Галынскі, Р.Дз. Побываваю кераміка горада Быхава XVII – XVIII стст. / Р.Дз. Галынскі // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў XI Міжнар. навук. канф. ; уклад.: А.М. Баццокоў, І.А. Пушкін. – Магілёў, 2019. – С. 44–50.
30. Галынскі, Р.Дз. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб’екце “Строительство сетей теплоснабжения к зданию приходского храма Святой Живоначальной Троицы г. Быхова” ў 2013 г. (Дамова Інстытута Гісторыі НАН Беларусі з настаяцелем храма Святой Жываначальнай Тройцы г. Быхава ад 26 снежня 2013 г.) / Р.Дз. Галынскі. – Магілёў, 2014.
31. Галынскі, Р.Дз. Справаздача аб археалагічных разведках 2012 г. / Р.Дз. Галынскі. – Магілёў, 2013.
32. Галынскі, Р.Дз. Справаздача аб археалагічных разведках і раскопках у гістарычным цэнтры г. Быхава Магілёўскай вобласці ў 2013 г. / Р.Дз. Галынскі. – Магілёў, 2014.
33. Опись Старо-Быховскому приходскому костелу и плембани, преобразенным из помонастырских ксендзов-каноников регулярных, а также имуществу оных принадлежащему // Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 149. Воп. 3. Спр. 189. Арк. 15.
34. Волкаў, М.А. Панарама Старога Быхава другой паловы XVII ст. / М.А. Волкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 5. – С. 16–24.

35. Галынскі, Р.Дз. Ахова тулава і канечнасцяў у канцы XVI – XVII стст. На прыкладзе Старога Быхава і Магілёва (па дадзеных археалагічных і пісьмовых крыніц) / Р.Дз. Галынскі // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф. ; уклад.: А.М. Баццокоў, І.А. Пушкін. – Магілёў, 2015. – С. 30–35.
36. Галынскі, Р.Дз. Агульны агляд комплекса ўзбраення горада Быхава XVI – XVII стст. (па пісьмовых крыніцах) / Р.Дз. Галынскі // Романовские чтения – 10 : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня основания исторического факультета / Под общ. ред. И. В. Шардыко. – Могилев, 2015. – С. 231–233.

Паступіў 14.05.2020

**THE CITY OF BYKHOV IN THE XIV–XVIII CENTURIES.
(EMERGENCE, DEVELOPMENT, ECONOMY, MILITARY AFFAIRS AND ROLE IN THE REGION)**

R. GALUNSKY

The city of Bykhov is one of the less historically studied cities of the Mogilev Dnieper region, despite the fact that the city played an important role in the military and political life of the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth in the XIV–XVIII centuries. At the same time, the history of the emergence of this locality and its evolution are still almost unknown. Based on the analysis of written, cartographic and archaeological sources, it was possible to establish several stages of its evolution, as well as changes in the role in the region as a settlement.

Keywords: *Bykhov, the emergence of the city, the evolution of the city, military affairs, the military center, the “dvor”, the fortified city, latifundia.*

УДК [614.2(091):616-036.2](476) “1919/1921”

**РАЗВІЦЦЁ ЭПІДЭМІЙ ІНФЕКЦЫЙНЫХ ХВАРОБ
І СУПРАЦЬЭПІДЭМІЧНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ
ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ (1919–1921 гг.)**

*канд. гіст. навук А.А. КАПЛІЕЎ
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)*

Артыкул характарызуе санітарна-эпідэмічныя наступствы польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. для тэрыторыі Савецкай Беларусі. Вылучаны перадумовы і непасрэдныя чыннікі перарастання асобных выбліскаў інфекцый у эпідэмію агульнанацыянальнага маштабу. Разгледжаны шляхі пераадолення эпідэмічнага крызісу, прааналізаваны непасрэдныя захавы савецкіх улад па стрыманню развіцця інфекцый сярод грамадзянскага насельніцтва. Паказаны наступствы гуманітарнага крызісу часоў польска-савецкай вайны для тэрыторыі Беларусі.

Ключавыя словы: *Савецкая Беларусь, польска-савецкая вайна, інфекцыі, эпідэмія, тыф, бежанцы, медыцына, ахова здароўя.*

Уводзіны. Адною з асноўных функцый гістарычнай навукі з’яўляецца прагнастычная, бо вывучэнне мінулага і аналіз яго заканамернасцяў і нават памылак павінна не проста канстатаваць пэўнае здарэнне, але і аналітычна пераасэнсоўваць для выкарыстання вынікаў аналізу ў сучаснасці. Небяспечныя хваробы і эпідэміі з’яўляліся і працягваюць з’яўляцца жажлівай, але неад’емнай часткай гісторыі чалавецтва, і вывучэнне іх ходу і наступстваў, а таксама шляхоў пераадолення як ніколі актуальна сёння. Дадзены артыкул характарызуе санітарна-эпідэмічнае становішча падчас бязлітаснай да лёсу Беларусі польска-савецкай вайны 1919–1921 гг., якая не толькі падзяліла краіну на дзве часткі, але і прынесла беларускаму народу адну з найбольш небяспечных эпідэмій у яго гісторыі. Гэты аспект гісторыі польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. за рэдкім выключэннем фактычна не вывучаўся ў межах гістарычнай навукі [1]. Мэтай дадзенага даследавання стаў аналіз перадумоў і шляхоў распаўсюджвання інфекцыйных хвароб на тэрыторыі Беларусі падчас Першай сусветнай і польска-савецкай войнаў, а таксама характарыстыка супрацьэпідэмічных мерапрыемстваў на тэрыторыі Савецкай Беларусі (ССР Беларусі, ССР Літвы і Беларусі, Віцебская ды Гомельская губерні РСФСР) у 1919–1921 гг. Падмуркам даследавання сталі дакументы справаводства медыцынскіх распарадчых органаў вывучаемага перыяду з архіваў і музеяў Беларусі, а таксама матэрыялы перыядычнага друку і крыніцы асабістага паходжання, што былі апрацаваны пасродкам агульнанавуковых і адмысловых гістарычных метадаў даследавання.

Асноўная частка. Баявыя дзеянні Першай сусветнай вайны, а таксама наступная акупацыя беларускіх зямель суправаджаліся вялікімі людскімі і матэрыяльнымі стратамі. Шматлікія гарады, нават буйныя, напрыклад Брэст-Літоўск, за гады вайны апынуліся амаль цалкам знішчанымі [2, с. 7–8]. Вясковая мясцовасць сутыкнулася з рэквізіцыямі і гвалтоўным прымусам насельніцтва на працу. Да таго ж амаль усё насельніцтва Беларусі, як у гарадах, так і на вёсцы, адчула рэзкае пагаршэнне эпідэміялагічнай абстаноўкі, што пасля заканчэння Першай сусветнай вайны набыла крытычны характар ужо падчас польска-савецкага ўзброенага супрацьстаяння 1919–1921 гг.

Варта адзначыць, што нават на пачатак ХХ ст. небяспечныя інфекцыйныя хваробы, такія як тыф, малярыя, халера, дызентэрыя працягвалі быць эндэмічнымі для розных рэгіёнаў Беларусі, а іх перыядычныя выбліскі становіліся сур’ёзным выпрабаваннем для недасканалай сістэмы аховы здароўя, як у гарадах, так і вясковай мясцовасці, дзе слабая асабістая санітарная гігіена ўскладнялася традыцыйным недаверам мясцовых жыхароў да медыцынскіх працаўнікоў, што спрыяла распаўсюджванню інфекцый [3, с. 5–11]. Аднак на працягу Першай сусветнай вайны і рэвалюцыйнай разрухі лакальныя выбліскі інфекцый, якія мелі пэўны распаўсюд сярод насельніцтва, прынялі небяспечны маштаб, што падчас польска-савецкай вайны набыў характар агульнанацыянальнага бедства.

Шырокі распаўсюд інфекцыйных хвароб быў абумоўлены цэлым комплексам фактараў, што мелі агульнае паходжанне, а менавіта сталі прамымі ці ўскоснымі наступствамі баявых дзеянняў. Асноўным чыннікам паскоранага росту інфекцый стала рэзкае пагаршэнне сацыяльна-бытавых умоў і санітарнага нагляду. У гарадах і вясковай мясцовасці большалі бруд і смецце, трупы загінуўшых жывёл не было каму прыбіраць, разлажэнне і гніенне дасягала небяспечных памераў [4, с. 136].

Баявыя дзеянні і нямецкі акупацыйны рэжым паступова разбуралі сістэму аховы здароўя і санітарнага кантролю, значна памяншаліся магчымасці для атрымання насельніцтвам кваліфікаванай медыцынскай дапамогі. У перыяд Першай сусветнай вайны вялікая колькасць медыцынскіх устаноў на тэрыторыі Беларусі спыніла сваё існаванне, а значная частка лекараў апынулася мабілізаванай у войска:

толькі з Мінскай губерні ў пачатку 1915 г. у войска было прызвана 28 земскіх, 18 вольнапрактыкуючых, 5 гарадскіх і 3 павятовых лекара [5, с. 19–20; 6, с. 8].

Гэтыя фактары ў сукупнасці з супольным для ўсяго насельніцтва цяжарам вайны прадвызначылі значнае зніжэнне даступнасці кваліфікаванай медыцынскай дапамогі для цывільнага насельніцтва па абодва бакі лініі фронту. На падкантрольнай Рускай арміі частцы Беларусі ўстановы аховы здароўя фінансаваліся па рэштковым прынцыпу, а медыцынская дапамога цывільнаму насельніцтву ў асноўным апынялася вайсковымі медыка-санітарнымі структурамі і дабрачыннымі ўстановамі (Чырвоны Крыж, Усерасійскі земскі саюз, Усерасійскі саюз гарадоў) [7, с. 92; 8, с. 29].

На акупаваных тэрыторыях германская адміністрацыя праводзіла супярэчліваю медыцынскую палітыку: разам з захадамі па паляпшэнню санітарнага стану рэгіёну і абмежаванню распаўсюду хвароб германскія вайскоўцы не кансультаваліся і не ўзгаднялі сваю дзейнасць па пытаннях аховы здароўя з мясцовымі медыцынскімі адказнымі органамі, а часцяком нават праводзіліся канфіскацыі запасаў лекаў і перавязачных сродкаў цывільных лячэбных устаноў [9, р. 80; 10, р. 55–56; 11, с. 13].

Разам з пагаршэннем стану медыцынскага забеспячэння па меры прасоўвання германскіх войскаў і акупацыі тэрыторыі Беларусі наступаў гаспадарчы крызіс – са згортваннем прамысловай вытворчасці насельніцтву бракавала прадметаў першай неабходнасці, а таксама бялізны, лекаў, сродкаў асабістай гігіены, што спрыяла развіццю антысанітарыі, як у гарадах, так і вясковай мясцовасці. На канец 1916 г. таварныя кошты ўзраслі ў 2–3 разы ў параўнанні з 1914 г., а на прадметы першай неабходнасці – у 5–6 разоў [4, с. 119].

Іншым бокам гаспадарчага крызісу стаў недахоп прадуктаў харчавання, што прыводзіла да голаду, а значыць – і аслабленню імунітэту насельніцтва, якое стала больш схільным да хвароб [10, р. 56]. Так, на кастрычнік 1915 г. у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях было менш 20% ад належных запасаў мукі, 22% цукру і толькі 8,3% аўса [12, с. 68]. Ужо на вясну 1915 г. кошты на прадукты харчавання павысіліся ў 2–3 разы [4, с. 119].

З адыходам Рускай арміі на ўсход на тэрыторыі Беларусі рэалізоўвалася тактыка “выпаленай зямлі”, у межах якой вялікая частка насельніцтва фактычна прымушана пакідала свае месца пражывання і становіліся бежанцамі, якія стала перасоўваліся на неакупаваную частку беларускіх губерняў: на восень 1916 г. на тэрыторыі Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў знаходзілася 287 250 бежанцаў [13, с. 22]. Асяроддзе бежанцаў характарызавалася недахопам элементарных сродкаў гігіены, бялізны і медыкаментаў, а таксама харчу. Бежанцы стала пражывалі ва ўмовах антысанітарыі, што выклікала распаўсюджванне інфекцыйных хвароб, перш за ўсё тыфу, халеры і малярыі [4, с. 136]. Амаль ад пачатку Першай сусветнай вайны бежанцы сталі галоўнымі пераносчыкамі інфекцый сярод мясцовага насельніцтва Беларусі [14].

Бежанцы крытычна павялічвалі шчыльнасць гарадскога насельніцтва, што таксама спрыяла росту інфекцый у гарадах: у Мінску пражывала каля 30 тыс. бежанцаў, у Бабруйску – больш за 2,5 тыс. [4, с. 137; 15, с. 25]. З працягам вайны колькасць бежанцаў стала ўзрастала і да 1918 г. іх налічвалася ўжо 2 млн чалавек. Рост колькасці бежанцаў найпрост уплываў на павелічэнне захворвання нават у адносна паспяховых у санітарным сэнсе гарадах Беларусі [16, с. 839].

Такім чынам, разбурэнне сістэмы аховы здароўя і санітарнага нагляду суправаджалася павелічэннем колькасці выпадкаў паражэння насельніцтва інфекцыйнымі хваробамі, якія па меры працягу баявых дзеянняў закралі на ўсю тэрыторыю Беларусі і вайскоўцаў. Значны распаўсюд атрымалі малярыя, халера, дызентэрыя, аднак найбольшае – тыф (сыпны, брушны і зваротны) [9, р. 22]. Падсумоўваючы вышэйпададзенае варта адзначыць, што асноўнай прычынай масавых выбліскаў інфекцый у Беларусі ў 1915–1918 гг. стаў заняпад санітарнай арганізацыі, а галоўным фактарам наступнага перарастання асобных выбліскаў інфекцый у масавыя эпідэміі сталі хвалі бежанцаў, асяроддзе якіх было ідэальным для развіцця і распаўсюджвання інфекцый па тэрыторыі Беларусі.

Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. і змена палітычнага ўладкавання Расіі не вырашылі праблемныя пытанні аховы здароўя, якія не з’яўляліся прыярытэтам палітыкаў і адкладаліся да склікання Устаноўчага сходу [17, с. 30]. Між тым разлажэнне фронту і ўнутрыпалітычны крызіс, які нарастаў у Расійскай дзяржаве, негатыўным чынам адбіваліся на сферы аховы здароўя і нават тыя дабрачынныя ўстановы, што аказвалі большасць аб’ёму медыцынскай дапамогі насельніцтву на тэрыторыі Беларусі, да лета 1917 г. апынуліся ў заняпадзе [18, с. 1–2]. У прыватнасці, крызісныя з’явы ў дзейнасці Мінскага губернскага камітэта Усерасійскага земскага саюза выявіліся ў скарачэнні ўстаноў (у тым ліку медыка-санітарных) з 60 у канцы 1916 г. да 43 у сакавіку 1917 г. У кастрычніку 1917 г. кіраўніцтва Усерасійскага земскага саюза загадала Мінскаму губернскаму камітэту таварыства скараціць медыка-санітарныя ўстановы [19, л. 119].

На момант захопу ўлады большавікамі ахова здароўя на тэрыторыі Беларусі знаходзілася ў крызісным стане. Акрамя таго, значная частка лекарскай грамадскасці, а таксама цэнтральныя праўленні дабрачынных устаноў (напрыклад Усерасійскі земскі саюз і Усерасійскі саюз гарадоў), якія ўтрымоўвалі значную частку дзейнічаючых на той момант лячэбных устаноў на тэрыторыі Беларусі, не падтрымалі

пераварот бальшавікоў [20, с. 188]. Гэта выклікала згортванне значнай часткі дабрачынных таварыстваў (Чырвоны Крыж, Усерасійскі земскі саюз і Усерасійскі саюз гарадоў) бальшавікамі і фактычную пабудову ўласнай медыцынскай арганізацыі нанова [21, с. 50; 22, с. 324–325].

Згодна савецкай канцэпцыі пабудова медыцынскай арганізацыі забяспечвалася дзяржавай і гуртавалася вакол адзінага органа с міністэрскімі паўнамоцтвамі – Народнага камісарыята аховы здароўя (НКАЗ), які быў створаны ў Маскве 11 ліпеня 1918 г. і не меў папярэднікаў у мінулых урадах Расіі, а фактычна будаваўся нанова [23, с. 2]. Савецкая ахова здароўя грунтавалася на трох базавых прынцыпах – кваліфікаванасці, агульнадаступнасці і бясплатнасці, з апорай на прафілактыку сацыяльных хвароб і шырокую санітарную асвету насельніцтва, што павінна было істотна адрозніваць бальшавіцкую мадэль медыцыны ад дарэвалюцыйнай [24, с. 411].

Першымі крокамі савецкай улады ў галіне аховы здароўя стала шырокая нацыяналізацыя медыцынскіх устаноў (шпіталей, амбулаторый, лазарэтаў) і аптэк [25, с. 96]. Аднак спробы арганізацыі аховы здароўя на савецкіх пачатках у Беларусі былі прыпыненыя наступам германскай арміі ды акупацыяй беларускіх зямель увесну 1918 г. Нягледзячы на тое, што на занятай немцамі тэрыторыі Беларусі ўжо існуючыя ўстановы аховы здароўя працягвалі сваю дзейнасць, у арганізацыйным аспекце медыцынскія аддзелы мясцовых упраў не мелі фактычна ніякіх паўнамоцтваў і з’яўляліся толькі пасрэднікамі паміж лячэбнымі ўстановамі і германскімі акупацыйнымі органамі ўлады, намагаючыся забяспечыць медыкам мінімальны доступ да нямецкіх складскіх запасаў лекаў ва ўмовах іх хранічнага недахопу [5, с. 24].

На незанятай немцамі частцы тэрыторыі Беларусі працягвалі ажыццяўляцца захады па рэалізацыі савецкай мадэлі аховы здароўя. Кіраўніцтва аховай здароўя на неакупаваных беларускіх землях ажыццяўляў Аддзел народнага здароўя Абласнога выканаўчага камітэту Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту, у складзе якога вылучаліся санітарны і эпідэмічны пададдзелы, што непасрэдна займаліся супрацьэпідэмічнымі мерапрыемствамі [26, с. 138]. Аднак у пачатковы перыяд развіцця савецкай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ва ўмовах працягу баявых дзеянняў магчымасці праводзіць рашучыя рэформы ў вобласці медыцыны фактычна адсутнічалі. Па інфармацыі Віцебскага аддзела аховы здароўя, пачатак 1918 г. быў часам, калі “...даводзілася не падумваючы аб паляпшэннях і новаўвядзеннях, – толькі захоўваць і падтрымліваць усё тое, што было разумнага і карыснага ў спадчыне старога земства і што было схільнае да разбурэння” [27, арк. 1].

Складаныя ўмовы пераходнага перыяду пасля ўсталявання на тэрыторыі Беларусі савецкай улады не дазвалялі хутка наладзіць эфектыўную ахову здароўя. У выніку гадоў вайны і акупацыі эфектыўнасць працы медыцынскіх устаноў знізілася да крытычнай адзнакі. Напрыклад, у 1918 г. губернская бальніца ў Віцебску з’яўлялася, на думку яе персаналу, “...ужо не лячэбнай установай, а інстытутам, што падрыхтоўваў сваіх даглядаемых да немінучай смерці” [28, арк. 145].

З адступленнем германскіх войскаў і аднаўленнем савецкай улады ў канцы 1918 г. бальшавіцкае кіраўніцтва санкцыянавала стварэнне асобнай ад РСФСР савецкай рэспублікі на тэрыторыі Беларусі. Пасля абвяшчэння ССРБ 1 студзеня 1919 г. у складзе яе ўраду быў створаны і Камісарыят аховы здароўя (па ўзору адпаведнага органа РСФСР), арганізацыя структуры і апарату якога заняла амаль увесь студзень 1919 г. [29]. На месцах Камісарыяту падначальваліся тэрытарыяльныя органы – губернскія і павятовыя (павятова-гарадскія) аддзелы аховы здароўя пры мясцовых выканаўчых камітэтах. Адною з галоўных задач камісарыяту пасля фармавання ўласнай структуры стала барацьба з эпідэміямі інфекцыйных хвароб, што прынялі вялікі распаўсюд з пачаткам польска-савецкай вайны [30, с. 116; 31, с. 192].

На тэрыторыі Беларусі, якая працягвала заставацца ў небяспечным санітарна-эпідэмічным становішчы нават пасля адыходу германскіх войскаў, распачаўшаяся ўзімку 1919 г. польска-савецкая вайна вывела інфекцыйную небяспеку на новы ўзровень. У цэлым непасрэдна чыннікі росту інфекцыйнага захворвання былі тые ж, што і падчас Першай сусветнай вайны, аднак на гэты раз яны перайшлі крытычную “чырвоную лінію”, па за якой асобныя выбліскі хвароб ператварыліся ў агульнанацыянальную эпідэмію.

Пачатак баявых дзеянняў выклікаў новыя хвалі бежанцаў, якія крытычна павялічвалі шчыльнасць пражывання гарадскога насельніцтва ва ўмовах разбурэння жыллёвага фонду. Так, Гомель, разлічаны на пражыванне 65 тыс. чалавек, у 1919 г. умяшчаў ужо ўдвая больш жыхароў [32, с. 3]. Павелічэнне шчыльнасці насельніцтва прымушала бежанцаў жыць у непрыстасаваных для сталага знаходжання чалавека памяшканнях у антысанітарных умовах. Напрыканцы 1919 г. у 21 яўрэйскай сінагоге Гомеля размяшчалася ўжо 1200 бежанцаў, пры гэтым у мясцовым друку адзначалася, што сінагогі пераўтварыліся ў “...фарменныя агмені заразы, бо вывозіць бежанцаў за адсутнасцю месцаў у бальніцах няма магчымасці, а знаходзяцца яны там у жудасных умовах” [33, с. 3–4]. Сходныя ўмовы існавалі ў большасці буйных гарадоў Беларусі, дзе шчыльнасць насельніцтва спрыяла хуткаму росту захворвання (табліца).

Па меры працягу баявых дзеянняў струмень бежанцаў большаў: па падліках І. Шчэрава да 1 траўня 1919 г. з усходу на тэрыторыю Беларусі накіроўвалася 317 158 бежанцаў [34, с. 161]. Асноўнымі кропкамі канцэнтрацыі бежанцаў сталі буйныя чыгуначныя вузлы, дзе перасяленцы чакалі дазволу на праход праз

дэмаркацыйную лінію. Недахоп вагонаў для перавозкі бежанцаў і жылля для іх часовага размяшчэння стваралі на чыгуначных станцыях велізарныя натоўпы людзей. Да ліпеня 1919 г. на тэрыторыі Заходняга фронту чакалі перасячэння дэмаркацыйнай лініі болей 100 тыс. чалавек [35, с. 575–576].

Табліца. – Рух хвароб па Гомельскай губерні за травень і чэрвень 1919 г.

хвароба	травень 1919 г.		чэрвень 1919 г.	
	захварэла	памерла	захварэла	памерла
сыпны тыф	5517	248	7292	384
брушны тыф	1025	30	1450	29
зваротны тыф	192	1	389	–
воспа	1035	109	1427	105
шкарлятына	237	14	395	12
дыфтэрыя	132	8	448	7
цынга	19	–	259	–
грып	35	–	1114	9

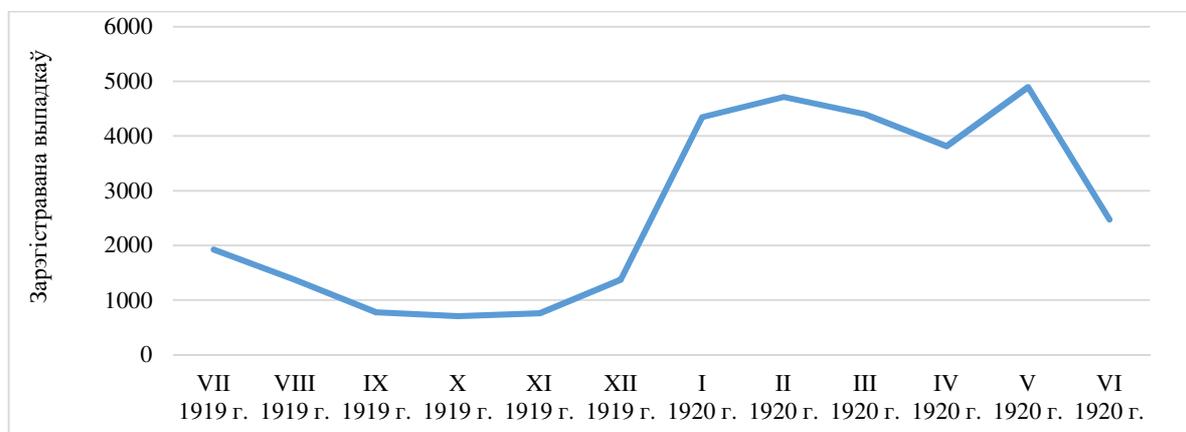
Крыніца: [11, с. 30–31].

Перасоўванне бежанцаў праз чыгуначную сетку зрабіла апошняю ідэальнай сістэмай пераносу інфекцый у розныя куткі краіны. Менавіта гэтыя абставіны прадвызначылі першачарговае абслугоўванне ва ўсіх медыцынскіх установах асабліва схільных да заражэння чыгуначнікаў [27, арк. 38; 36, арк. 69].

Распаўсюджванню эпідэміі спрыяла і пагаршэнне харчовага забеспячэння. Па дадзеных польскага міністэрства грамадскага здароўя на тэрыторыі Літвы і Беларусі каля 500 тыс. чалавек “...літаральна паміралі ад голаду” [37].

Аператыўна лакалізаваць эпідэмію не дазвалялі цяжкія ўмовы ваеннага часу, хранічны недахоп лекаў і кваліфікаванага персаналу, а таксама панаванне арміі і яе выключныя паўнамоцтвы, асабліва ў прыфрантавых рэгіёнах. Дыслакацыя вялікай масы жаўнераў значна пагоршыла эпідэмічнае становішча Беларусі. Напрыклад, у Магілёве, які быў абвешчаны “няшчасным па эпідэмію” яшчэ ў пачатку 1919 г., складалася наступнае становішча: “...чырвонаярмейскія вайсковыя часткі займаюць самыя лепшыя памяшканні горада ... забруджваючы іх і ператвараючы ... у агмені заразы, якія паражваюць аднолькава як грамадзянскае насельніцтва, так і ваеннае...” [38, арк. 94–94 адв.]. Варта дадаць, што медыцынскае абслугоўванне жаўнераў часцяком ускладналася на цывільныя медыцынскія ўстановы, што значна павялічвала нагрузку на лячэбную сетку [39, арк. 30].

Сукупнасць прыведзеных фактараў абумовіла пачатак адной з буйнейшых эпідэміяў інфекцыйных хвароб у гісторыі Беларусі. Найбольшы распаўсюд атрымаў сыпны тыф, смяротнасць ад якога ва ўмовах вайны часцяком перавышала 10 % нават пры належным медыцынскім даглядзе. Непасрэдны момант, калі інфекцыйная небяспека перайшла мяжу ад лакальных выбліскаў да ўсеагульнай эпідэміі дастаткова цяжка. У архіўных дакументах тагачасных органаў аховы здароўя тэрмін “эпідэмія” пачынае масава сустракацца яшчэ ў пачатку 1919 г., аднак аналіз колькасці захварэўшых па беларускіх землях дазваляе абмежаваць развіццё поўнамаштабнай эпідэміі летам – восенню 1919 г., яе пік – першай паловай 1920 г., а паступовы спад – згортваннем баявых дзеянняў польска-савецкай вайны ў канцы 1920 г. (мал.). У агульнай складанасці эпідэмія закранула дзясяткі, а па асобных губернях – сотні тысяч чалавек.

Малюнак. – Зарэгістраваныя выпадкі сыпнога тыфу па Віцебскай губерні ў ліпені 1919 – чэрвені 1920 гг.

Крыніца: [40, арк. 17, 35–36].

Хуткае распаўсюджванне інфекцый абумовіла высокую ступень увагі бальшавікоў да супрацьэпідэмічных мерапрыемстваў. Традыцыйна адным з найбольш эфектыўных захадаў па барацьбе з эпідэміямі з'яўляўся каранцін, аднак увядзенне ўсеагульнага каранціну ва ўмовах Грамадзянскай вайны і няспынных баявых дзеянняў фактычна не было магчымым рэалізаваць. Асноўным сродкам барацьбы з інфекцыямі стала ізаляцыя хворых і кропкавыя санітарна-дэзінфекцыйныя мерапрыемствы.

Сродкам правядзення санітарнай апрацоўкі сталі дэзінфекцыйныя камеры, якія былі даступныя толькі ў буйных гарадах. Дэзінфекцыя праводзілася як у прыватных кватэрах інфіцыраваных і іх сваякоў, або патэнцыйна небяспечных для распаўсюду інфекцыі хатах, так і ў афіцыйных установах, грамадскіх месцах масавых збораў насельніцтва – кінатэатрах, тэатрах, музеях і інш. У менш буйных гарадах і вясковай мясцовасці дзейнічалі санітарна-дэзінфекцыйныя атрады, якія ажыццяўлялі не толькі дэзінфекцыю, але і аказвалі медыцынскую дапамогу хворым. Атрад уяўляў сабою групу медыцынскіх працаўнікоў (галоўным чынам фельчараў) колькасцю да 12 чалавек, якім вылучаўся конны транспарт і фурман. Як правіла, сфармаваны ў губернскім (павятовым) горадзе атрад пры выяўленні выбліску інфекцый ці па запыце з заражанай мясцовасці высылаўся ў такі раён, аднак у паведах дзейнічалі і ўласныя дэзінфекцыйныя атрады [36, арк. 229 адв.]. У абавязкі такіх атрадаў уваходзілі дэзінфекцыя памяшканняў, транспартаванне заражаных у ізаляцыйныя баракі, арганізацыя лакальных каранцінных мерапрыемстваў, а таксама аказанне экстранай медыцынскай дапамогі пацыентам. Варта адзначыць, што падобныя мерапрыемствы ўскладняліся недаверам насельніцтва да дэзінфекцыі, утойваннем асабістых рэчаў ад санітарнай апрацоўкі з баязі страціць іх ва ўмовах жабрацкага існавання падчас вайны.

Значную ўвагу медыцынскія распарадчыя органы надавалі аднаўленню санітарнага транспарту для своечасовай дастаўкі заражаных у ізаляцыю. Так, пры мінскай дэзінфекцыйнай камеры быў арганізаваны выезд санітарнай карэты для перавозкі хворых у бальніцы [41, арк. 1]. У Магілёве для перавозкі эпідэмічных хворых была адноўлена і адпаведна прыстасавана закупленая яшчэ ў 1912 г. карэта хуткай медыцынскай дапамогі [42, арк. 41]. У Гомелі быў таксама наладжаны санітарны транспарт пад кіраўніцтвам мясцовага Санітарнага бюро [43, арк. 8].

Для рэалізацыі вышэйпададзеных захадаў былі патрэбныя значныя сродкі, але грошай нават на неадкладныя мерапрыемствы не хапала: для першапачатковай працы па станаўленню дзяржаўных інстытутаў Часоваму рабоча-сялянскаму саветскаму ўраду Беларусі быў патрэбны крэдыт у 25 млн рублёў, з якіх было атрымана толькі 10 млн [44, с. 154]. Таму, калі на пасяджэнні Часовага ўрада 27 студзеня 1919 г. было ўзнятае пытанне аб вылучэнні сродкаў на барацьбу з сыпным тыфам, для чаго патрабавалася 665 тыс. рублёў, у выніку было вылучана толькі 200 тыс. [45, арк. 13 адв.].

Недахоп рэсурсаў і фінансавання прывёў да агульнага крызісу аховы здароўя ў пачатку 1919 г. Мясцовыя гарадскія і павятовыя аддзелы аховы здароўя сутыкаліся з дэфіцытам кадраў лекараў і сярэдняга медыцынскага персаналу, шпітальных ложкаў, медыкаментаў і грашовых сродкаў і ва ўмовах слабасці сувязі з цэнтральнымі ўрадавымі ўстановамі аказваліся сам насам з эпідэміямі [46, с. 2]. Для выйсця са становішча саветскае кіраўніцтва пайшло на надзвычайныя меры: дэкрэтам Цэнтральнага выканаўчага камітэта ССРБ ад 13 лютага 1919 г. усе медыцынскія працаўнікі былі падвергнутыя абавязковай павіннасці па аказанні экстранай медыцынскай дапамогі насельніцтву [47, с. 3]. З іншага боку, насельніцтва таксама падвяргалася павіннасці па перадачы фурманак і экіпажаў для перавозкі эпідэмічных хворых, а таксама медыцынскага персаналу па справах аховы здароўя [48, с. 132].

У сувязі са стварэннем ССР Літвы і Беларусі (ЛітБел) у канцы лютага 1919 г. апарат Камісарыяту аховы здароўя перасунуўся з Мінску ў сталіцу новай рэспублікі Вільню, дзе працу давялося арганізоўваць нанова. Падчас прыбывання ў Вільню 2 красавіка 1919 г. СНК ССР Літвы і Беларусі прыняў рашэнне аб пабудове сеткі грамадскіх лазняў і арганізацыі новых адмысловых супрацьэпідэмічных санітарных атрадаў, на што было вылучана 500 тыс. рублёў [49, с. 61]. Аднак неўзабаве з-за наступу польскіх войскаў НКАЗ ЛітБел зноў перасунуўся ў Мінск [50, с. 383]. Адным з першых захадаў на новым месцы зноў стала актывізацыя мерапрыемстваў па барацьбе з эпідэміямі: загадам НКАЗ ЛітБел № 5 ад 10 траўня 1919 г. санкцыянавалася стварэнне новых санітарна-эпідэмічных атрадаў, якія не толькі змагаліся з эпідэміямі, але і аказвалі насельніцтву ўсю магчымую медыцынскую дапамогу [51, арк. 89 адв.].

Аднак нягледзячы на пэўныя станоўчыя зрухі ў арганізацыі аховы здароўя, у цэлым рэальнае становішча медыцыны толькі пагаршалася, а ўсе інавацыі дыктаваліся выключна патрабаваннямі ваеннага часу. Ва ўмовах працягу баявых дзеянняў польска-саветскай вайны цывільная і ваенная ахова здароўя фактычна перастала падзяляцца: 22 траўня 1919 г. Рада абароны Літвы і Беларусі абвясціла ўсе цывільныя медыка-санітарныя ды лячэбныя ўстановы на палажэнні ваенна-лячэбных, а ўвесь медыцынскі персанал – вайскоўцамі. З гэтага моманту ніводны медыцынскі працаўнік не меў права пакідаць свае месца жыхарства і працы без дазволу НКАЗ ці падначаленых яму аддзелаў [52, с. 4]. Варта адзначыць, што ва ўмовах абвешчанай працоўнай павіннасці лекарам даводзілася працаваць па 16 гадзін у содні, пры гэтым аплата працы медыкаў не адпавядала іх элементарным жыццёвым патрабаванням [38, арк. 94].

3 ліпеня 1919 г. НКАЗ ЛітБел фактычна перастаў дзейнічаць, што было абумоўлена спыненнем існавання самой рэспублікі ў выніку акупацыі большай часткі яе тэрыторыі польскімі войскамі [53, с. 176–177]. Ва ўмовах неарганізаванасці цэнтральных органаў улады і нестабільнасці становішча НКАЗ ЛітБел вядучую ролю ў барацьбе з эпідэміямі ўзялі на сябе рэгіянальныя медыцынскія распарадчыя органы. Аднак з-за перманентнай змены лініі фронту адзіным рэальным носьбітам улады на беларускіх землях фактычна стала войска, таму з цягам часу супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы па абодва бакі лініі фронту ўзначалілі вайскова-санітарныя структуры.

У падкантрольнай Чырвонай арміі частцы Беларусі ствараліся мясцовыя надзвычайныя камісіі па барацьбе з эпідэміямі, што набылі фактычна неабмежаваныя паўнамоцтвы, мелі фармальна калегіяльны характар і складаліся з прадстаўнікоў цывільных структур аховы здароўя (павятовых і гарадскіх аддзелаў аховы здароўя) і кіраўнікоў медыка-санітарных адзінак раскватараваных у канкрэтнай мясцовасці вайсковых частак [54, с. 124]. Аднак фактычны кантроль над усёй структурай аховы здароўя хутка апынаўся ў руках вайскоўцаў, што прыўнесла супярэчлівы характар у дзеянні надзвычайных камісій. Так у Мінску Надзвычайная камісія па барацьбе з сыпным тыфам была створаная яшчэ 2 сакавіка 1919 г. пры губернскім камісарыяце па ваенных справах. Камісія мела “неабмежаваныя паўнамоцтвы”, абавязковае садзейнічанне ёй павінны былі аказваць усе ўстановы і адказныя кіраўнікі, а невыкананне загадаў камісіі каралася па “*ўсёй строгаści рэвалюцыйных законаў ваеннага часу*”. Сам факт стварэння Надзвычайнай камісіі па барацьбе з эпідэміямі пры вайсковым органе абгрунтоўваўся “*маладзейнасцю санітарных устаноў гор. Мінска*” [55, с. 4].

Спробы захапіць кантроль над цывільнай медыцынай збоку вайскоўцаў выклікалі супраціў мясцовых аддзелаў аховы здароўя, аднак вайскоўцы часцяком выкарыстоўвалі “права моцнага” і гвалтоўна падпарадкоўвалі сабе мясцовую медыцынскую арганізацыю [56, арк. 39]. Напрыклад, у Гомелі канфлікт паміж прадстаўнікамі мясцовай Надзвычайнай камісіі па барацьбе з эпідэміямі і кіраўніком павятова-гарадскога аддзела аховы здароўя Н. Гайдарам скончыўся неправамоцным арыштам апошняга. Пазней дзеянні гомельскай Надзвычайнай камісіі па барацьбе з эпідэміямі былі адзначаны як “*злачынна-дэзарганізацыйныя*” і “*прывялі да жаласнага выніку народнае здароўе*” [43, арк. 22, 27].

Аднак у перыяд барацьбы з эпідэміямі нярэдка валонтарысцкія дзеянні надзвычайных органаў усё ж такі дапамагалі тэрмінова палепшыць эпідэмічную сітуацыю шляхам, хоць і гвалтоўнага, але эфектыўнага аб’яднання ўсіх наяўных рэсурсаў, як цывільных, так і ваенных. Так, у Гомелі Надзвычайная камісія арганізавала хуткую медыцынскую дапамогу, ізаляцыйныя баракі, вылучыла лекараў для аказання бясплатнай дапамогі мясцоваму насельніцтву. Падчас барацьбы з эпідэміямі дзеля агульнай арганізацыі і ўзгаднення загадаў па барацьбе з інфекцыямі ў Гомелі было створанае адмысловае Санітарнае бюро. У іншых гарадах Савецкай Беларусі мясцовымі надзвычайнымі камісіямі па барацьбе з эпідэміямі былі прынятыя падобныя захады [57, с. 38–39].

У цэлым з дапамогай войска стала магчымым пашырэнне ложкавага фонду і выкарыстанне вайсковых эпідэмічных шпіталаў для лакалізацыі струменю інфекцый. Калі на 1 студзеня 1919 г. на тэрыторыі Віцебскай, Гомельскай (Магілёўскай) і Мінскай губерняў было толькі 49 бальніц на 2 тыс. ложкаў, то праз год на падкантрольнай Чырвонай арміі частцы Беларусі было ўжо 202 бальніцы з болей як 8 тыс. ложкамі [17, с. 120].

З усталяваннем міру ў 1921 г. колькасць эпідэмічных хворых паступова зніжалася, але гэты працэс ускладняўся шэрагам негатыўных фактараў. У шматлікіх акупаваных раёнах пасля адступлення польскіх войскаў медыцынская арганізацыя апынулася поўнасю зруйнаванай. Так, на Мазыршчыне ў працэсе адыходу польскіх войскаў з мясцовых бальніц зніклі нават бялізна і інструменты. Агулам у выніку акупацыі былі разбураныя дзве бальніцы ў Мазыры, а ўчастковыя бальніцы ў Петрыкаве, Тураве і Лельчыцах па паведамленні загадчыка мясцовага павятовага аддзела аховы здароўя “*...мелі выгляд заезджых дамоў*”, у падобным стане знаходзіліся 18 мясцовых фельчарска-акушэрскіх пунктаў [58, арк. 1].

Заканчэнне польска-савецкай вайны суправаджалася дэмабілізацыяй вялікай колькасці жаўнераў, а таксама вяртаннем рэпатрыянтаў, сярод якіх захоўвалася значнае захворванне на тыф і іншыя інфекцыі, што ўтрымлівала эпідэмічную небяспеку на высокім узроўні. Так, у 1921 г. у ССРБ з 1,5 млн грамадзян рознымі інфекцыямі хварэлі амаль 200 тыс. чалавек, што складала 14 % насельніцтва [59, с. 15]. Акрамя таго, для кантролю захворвання проста не хапала кваліфікаванага персаналу: акрамя натуральных і ваенных страт, пасля заканчэння вайны значная частка падрыхтаваных лекараў і сярэдніх медыцынскіх працаўнікоў выехала ў даваенныя месцы жыхарства, якія сталі часткамі ўжо суседніх з ССРБ краін. Усяго на 1921 г. у ССРБ налічвалася толькі 143 лекара, 304 фельчара, 113 зубных лекараў і 92 акушэркі на больш 1,5 млн чалавек насельніцтва [60, арк. 253 адв.].

Заклучэнне. У гады рэвалюцыйнай разрухі і польска-савецкай вайны значная частка тэрыторыі Беларусі сутыкнулася з адной з найбуйнейшых у сваёй гісторыі эпідэміяй інфекцыйных хвароб, пачатак якой быў пакладзены яшчэ падчас Першай сусветнай вайны. Выбліскі інфекцый былі абумоўлены шматлікімі фактарамі: антысанітарыяй ва ўмовах шматгадовых баявых дзеянняў, разбурэннем

медыка-санітарнай сеткі, прысутнасцю ў буйных гарадах розных вайсковых фармаванняў, ваеннапалонных і бежанцаў, якія часцяком пражывалі ў антысанітарных умовах, дзе хваробы хутка перадаваліся. З прычыны разбурэння сістэмы кіравання савецкай аховай здароўя ў выніку акупацыі большай часткі тэрыторыі Беларусі эпідэміі інфекцыйных хвароб сталі адным з найбольш цяжкіх наступстваў польска-савецкай вайны. Падчас баявых дзеянняў пабудова цывільнай аховы здароўя сутыкнулася са значнымі складанасцямі, у першую чаргу выкліканымі фактычным панаваннем улады вайскоўцаў па абодва бакі лініі фронту. Але менавіта ў гэты цяжкі перыяд на тэрыторыі Беларусі нарадзіліся першыя рэгулярныя органы кіравання аховай здароўя, былі нанова выпрацаваны стандарты і нормы супрацьэпідэмічных мерапрыемстваў. У выніку змагання з эпідэміямі беларускімі медыкамі быў назапашаны вялікі досвед, які быў выкарыстаны ўжо ў мірны час.

ЛІТАРАТУРА

1. Новиков, К. Ю. Причины и последствия советско-польской войны 1920 г. : автореферат дисс. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / К. Ю. Новиков. – Москва, 2006. – 22 с.
2. Вабішчэвіч, А. Крэпасць і горад Брэст-Літоўск у час Першай сусветнай вайны паводле сведчанняў відавочцаў / А. Вабішчэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 8. – С. 5–13.
3. Балковец, С. В. Взгляд сельского населения Минской губернии на холеру, самозащита его от эпидемии и отношение к медицинскому персоналу / С. В. Балковец // Минские врачебные известия. – 1910. – № 7. – С. 5–11.
4. Саладков, И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начало XX в.) / И. И. Саладков. – Мн. : Изд-во Белгосуниверситета, 1957. – 161 с.
5. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е. М. Тищенко. – Гродно : [б. и.], 2003. – 269 с.
6. Абраменко, М. Е. Очерки истории здравоохранения Беларуси 1917–1945 гг. / М. Е. Абраменко. – Гомель : ГомГМУ, 2013. – 244 с.
7. Бруханчик, Е. Смертельный тыл : медицинская помощь раненым и мирному населению Беларуси в годы Первой мировой войны / Е. Бруханчик // Беларуская думка. – 2013. – № 12. – С. 89–92.
8. Балковец, С. В. Первые шаги советского здравоохранения в Белоруссии (воспоминания участника) / С. В. Балковец // Беларуская мэдычная думка. – 1927. – № 9–12. – С. 28–33.
9. Liulevicius, V. G. War Land on the Eastern Front : Culture, National Identity, and German Occupation in World War I / V. G. Liulevicius. – New York : Cambridge University Press. – 320 p.
10. Maclean, P. Control and Cleanliness : German – Jewish Relations in Occupied Eastern Europe during the First World War / P. Maclean // War & Society. – 1988. – Vol. 6, Iss. 2. – P. 47–69.
11. Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1.
12. Бруханчик, Е. А. Социально-экономическое положение населения Могилевской губернии во время Первой мировой войны / Е. А. Бруханчик // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2013. – № 3. – С. 65–70.
13. Цуба, М. В. Дзейнасць польскіх дабрачынных арганізацый на беларускіх землях падчас Першай сусветнай вайны (верасень 1914 – люты 1917 гг.) / М. В. Цуба // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2010. – № 1. – С. 22–27.
14. Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь. – НВ 26464.
15. Цуба, М. В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг. : манаграфія / М. В. Цуба. – Пінск : ПалесДУ, 2010. – 304 с.
16. Документы и материалы по истории Белоруссии : в 3-х т. – Минск : Издательство Академии Наук БССР, 1940–1954. – Т. 3 (1900–1917 гг.). – 1953. – 1020 с.
17. Абраменко, М. Е. Здравоохранение БССР – становление советской системы (1917–1941) / М. Е. Абраменко. – Гомель : учреждение образования “Гомельский государственный медицинский университет”, 2005. – 236 с.
18. Постановления Санитарного совета Комитета Западного фронта В. З. С., 3–8 июня 1917 г., г. Минск. – [Б. м. : б. и., 1917?]. – 16 с.
19. Василенко, В. В. Деятельность Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на территории Беларуси в 1914–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Василенко. – Могилев, 2019. – 181 л.
20. Федюкин, С. А. Великий октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма / С. А. Федюкин. – Москва : «Наука», 1972. – 471 с.
21. Кнорин, В. Революция и контр-революция в Белоруссии. Ч. 1 : (февраль 1917 – февраль 1918) / В. Кнорин. – Смоленск : Издательство Ц.К.К.П.Л. и Б., 1920. – 65 с.
22. Декреты Советской власти. Т. I : 25 октября 1917 г. – 18 марта 1918 г. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.
23. Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1918. – № 7–8.
24. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической Партии Советского Союза. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. – 602 с.
25. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М. : [б. и.], 1943. – 886 с.
26. Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.) : справочник / сост. : М. К. Бобер [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2017. – 466 с.
27. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 984. Воп. 1. Спр. 3.
28. ДАВВ. – Ф. 56. Воп. 1. Спр. 52.

29. Музей гісторыі медыцыны Беларусі. – НВ 3317.
30. Абраменко, М. Е. Формирование советской системы здравоохранения на Витебщине (1917–1941 гг.) / М. Е. Абраменко // Вестник ВГМУ. – 2005. – Т. 4, № 1. – С. 115–120.
31. Тищенко, Е. М. Утверждение «Модели Семашко» в здравоохранении Беларуси в начале 1920-х годов / Е. М. Тищенко // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко. – 2014. – № S1. – С. 192–195.
32. Путь советов. – 1919. – № 144.
33. Полесье. – 1919. – № 131.
34. Бабков, А. М. Организация эвакуационной работы с беженцами и пленными Первой мировой войны в Беларуси в 1919 г. / А. М. Бабков // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 октября 2014 г. / редкол. : В. А. Богущ (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 157–162.
35. Декреты Советской власти. Т. V : 1 апреля – 31 июля 1919 г. – М. : Политиздат, 1971. – 701 с.
36. ДАВВ. – Ф. 64. Воп. 1. Спр. 212.
37. Wysocki, A. Sytuacja epidemiologiczna w okresie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920 / A. Wysocki // Biuletyn wojskowej służby archiwalnej [Электронны рэсурс]. – 1997. – Nr. 20. – Рэжым доступу: http://archiwumsw.wp.mil.pl/biuletyn/b20/b20_6.pdf. – Дата доступу: 05.01.2018.
38. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 11. Воп. 1. Спр. 757.
39. ДАВВ. – Ф. 984. Воп. 1. Спр. 15.
40. ДАГВ. – Ф. 11. Воп. 1. Спр. 785.
41. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 1664. Воп. 1. Спр. 4.
42. ДАГВ. – Ф. 11. Воп. 1. Спр. 734.
43. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 31.
44. Бараноўскі, Я. Часовы Рабоча-Сялянскі Савецкі ўрад Беларусі / Я. Бараноўскі, В. Селяменеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 т. – Мн. : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1993–2003. – Т. 6. Кн. 2. – 2003. – С. 153–155.
45. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 809. Воп. 1. Спр. 6.
46. Звезда. – 1919. – № 364.
47. Звезда. – 1919. – № 378.
48. Ленинские декреты по здравоохранению / под ред. Ю. А. Ахапкина. – 2-е изд. доп. – М. : Медицина, 1980. – 512 с.
49. Шкляр, Е. Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919–1920) / Е. Н. Шкляр. – Минск : Государственное издательство БССР, 1962. – 177 с.
50. Ціхаміраў, А. Літоўска-Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка / А. Ціхаміраў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 т. – Мн. : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1993–2003. – Т. 4. – 1997. – С. 382–384.
51. НАРБ. – Ф. 808. Воп. 1. Спр. 4.
52. Звезда. – 1919. – № 445.
53. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. – июль 1920 г.). Сборник документов и материалов. – Минск : Издательство Академии наук Белорусской ССР, 1961. – 459 с.
54. Абраменко, М. Е. Из истории здравоохранения Гомельской губернии (1919–1926 гг.) / М. Е. Абраменко // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2006. – № 5. – С. 123–129.
55. Звезда. – 1919. – № 391.
56. ДАГВ. – Ф. 315. Воп. 1. Спр. 1.
57. Каплиев, А. А. Предпосылки появления скорой медицинской помощи в Гомельской губернии / А. А. Каплиев // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 1 (100). – С. 35–41.
58. Мазырскі аб'яднаны краязнаўчы музей. – Спр. 284.
59. Инсаров, И. А. Медицинские работники Белоруссии в борьбе за завоевания советской власти / И. А. Инсаров // Здравоохранение Белоруссии. – 1967. – № 11. – С. 13–22.
60. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 30 т. 1.

Паступіў 14.05.2020

**THE DEVELOPMENT OF INFECTIOUS DISEASES EPIDEMICS
AND ANTI-EPIDEMIC MEASURES IN THE TERRITORY OF SOVIET BELARUS
DURING THE POLISH-SOVIET WAR (1919–1921)**

A. KAPLIYEV

The article characterizes the sanitary and epidemic consequences of the polish-soviet war 1919–1921 for the territory of Soviet Belarus. The prerequisites and direct reasons of the single sparks of infections overgrowing into nationwide epidemics were highlighted. The ways of epidemic crisis overcoming were reviewed, direct Soviet government measures for infections control were analyzed. Consequences of humanitarian crisis caused by soviet-polish war was shown for the territory of Belarus.

Keywords: *Soviet Belarus, polish-soviet war, infections, epidemics, typhus, refugees, medicine, healthcare.*

УДК 94 (367.5) 930.2

**ПОЛОЦКИЕ КРИВИЧИ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ:
ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ИЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ?**

*канд. ист. наук Ю.Н. КЕЖА
(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются известные письменные упоминания восточнославянского объединения кривичей. Автор приходит к выводу, что первоначально этноним «кривичи» не носил чёткого территориально-политического обозначения. К XII в. название «кривичи» приобретает территориальный характер, который отождествляется с Полоцкой землёй и полоцкой княжеской династией. Закрепление названия «кривичи» находит свое отражение в топонимике. К населению Полоцка и Полоцкой земли летописцы применяют этнокон «полочане», что подтверждает использование данного обозначения как самоназвания населения.

Ключевые слова: кривичи, полочане, Полоцк, Полоцкая земля, Рогволодовичи.

Введение. В советской и постсоветской исторической науке сложилось представление, что государствообразующие процессы на землях Восточной Европы берут своё начало в период славянского расселения и формирования т.н. «племенных княжений» или «племенных союзов». Восточнославянские объединения кривичей, словен, дреговичей, радимичей, вятичей, северян, полян, древлян, волынян, бужан, уличей и тиверцев рассматривались (и в ряде работ до сих пор рассматриваются) как определённый этап на пути складывания Древнерусского государства [1, с. 752–754]. Долгое время считалось, что данные племенные образования основаны на объединении нескольких моноэтнических племен в единый потестарный организм [2; 3, с. 158; 4, с. 13–14]. Однако при анализе функционирования восточнославянских летописных общностей, необходимо учитывать абсолютную разнотипность и разноуровневость данных образований. Это касается масштаба расселения и проживания, типа идентичности, а также сложности политической организации. В исследованиях делаются выводы о небольших локальных группах-общинах (уличи, поляне); крупном вождестве (древляне); сложном вождестве (северяне), этносоциальной группе (словене) [5, с. 26].

Согласно устоявшейся историографической традиции летописные кривичи отождествляются с культурой смоленско-полоцких длинных курганов (далее – КСПДК). Взгляды историков на проблему этнической принадлежности КСПДК дискусионны. Тезисно их содержание сводится к следующему.

По археологическим данным выделяется ареал культуры, который занимает территории в среднем течении Западной Двины, смоленскую часть Поднепровья, территорию вдоль реки Великой и Псковского озера. Период существования культуры – VIII – первая половина XI в. [6, с. 136–139]. По мнению Э.М. Загоруйского и Е.А. Шмидта, носителями культуры были балты [7, с. 219–235]. Согласно Л.В. Алексееву, В.В. Енукову, О.Н. Левко и Г.В. Штыхову, КСПДК была образована славянским населением. Практически общепринятой считается версия, что на этнокультурной основе КСПДК формируется «племенное княжение» кривичей-полочан (конец IX–X в.), давшее начало Полоцкому княжеству [8, с. 43; 9, с. 57–67; 10, с. 7–16; 11, с. 185].

Анализом летописного соотнесения кривичей и полочан в разное время подробно занимались П.Н. Третьяков, А.Н. Насонов, А.Г. Кузьмин, А.А. Горский. По мнению П.Н. Третьякова, кривичи – обширное племенное объединение, полочане же – наименование населения Полоцка и Полоцкой земли древнерусской эпохи (XI–XII вв.), не имеющего отношения к периоду племенных союзов (IX–X вв.) [12, с. 221–222]. Противоположное мнение озвучивал А.Н. Насонов. Учёный выделял два крупных кривичских княжения: одно находилось на р. Полота с центром в Полоцке (объединение кривичей-полочан), другое – в Верхнем течении Днепра с центром в Смоленске [13, с. 146]. А.Г. Кузьмин, так же, как и П.Н. Третьяков, отрицал существование объединения полочан в догосударственную эпоху (IX–X вв.). Упоминание о полочанах в этнографическом введении Повести временных лет (далее – ПВЛ) А.Г. Кузьмин считал позднейшей вставкой второй половины XI в. [14, с. 125]. В отличие от предыдущих исследователей, А.А. Горский считает, что информация о кривичах и полочанах в тексте ПВЛ стала отражением политических изменений на территории Подвинья и Верхнего Поднепровья. По мнению историка, до второй половины IX в. кривичский союз возглавлялся племенным княжеством полочан с центром в Полоцке. С конца IX–X вв. главным кривичским центром стал Смоленск [15, с. 59–60].

При различных подходах к анализу ПВЛ, а также разных выводах относительно существования (или несуществования) племенного сообщества полочан, исследователи рассматривают единое кривичское объединение на широкой территории Среднего Подвинья, Верхнего Поднепровья и Верхней Волги как отражение этнической реальности Раннего Средневековья. Необходимо отметить, что при большой историографической традиции, посвящённой восточнославянским объединениям в целом и кривичам в частности, вопрос – являлись ли кривичи моноэтническим объединением с общей («кривичской») идентичностью – остаётся открытым.

Основная часть. Впервые кривичи (Κριβιτσηνοι) упоминаются в середине X в. в 9 главе трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» («De administrando imperio»). Император упоминает кривичей (кривитеинов) наряду с другими славянскими объединениями как поставщиков моноксил-однодревков для плаванья русов по рекам: «Славяне же, их пактиоты, а именно: **кривитеины** (тут и далее выделено мной – Ю.К.), **лензанины** и прочие Славинии рубят в своих городах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лёд вводят в находящиеся по соседству водоёмы.» (Пер. Г.Г. Литаврина) [16, с. 160]. Также кривичи, согласно трактату, вместе с другими славянами платят дань русам во время зимнего полюдя: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас же их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов, другунитов, **кривичей**, сивериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов» (Пер. Г.Г. Литаврина) [16, с. 166–167].

Древнерусские сообщения о восточнославянских объединениях датируются концом XI – началом XII в. Данная информация содержится в ПВЛ, сохранившейся в ряде списков, наиболее ранние из которых – Лаврентьевский 1377 г. (далее – ЛЛ) и Ипатьевский начала XV в. (далее – ИЛ). Сведения о восточных славянах также содержатся в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НЛМЛ), в которой, по мнению А.А. Шахматова, отразился текст из Начального свода – непосредственного источника ПВЛ [17, с. 12–13].

В ПВЛ кривичи как восточнославянское территориально-политическое объединение упоминаются 13 раз (Недатированная часть – 3 раза; 6367 (859); 6370 (862) – 2 раза; 6390 (882) – 3 раза в ЛЛ и 2 раза в ИЛ; 6415 (907); 6452 (944); 6448 (980); 6496 (988) [18, стб. 10, 14, 19, 20, 24, 29, 45, 76, 121; 19, стб. 16]. Упоминание в ПВЛ о кривичах как о большой территориальной общности, ограничивается 988 г. Вместе с тем, при соотнесении кривичей и населения Полоцкой земли – полочан, автор(ы) ПВЛ демонстрируе(ю)т непостоянство.

Про полочан как отдельное славянское объединение летописец упоминает в «этнографическом введении»: «Словѣне пришедше и съдоша по Днѣпру и нарекошася Полане. а друзии Древляне зане съдоша в лѣсѣх. а друзии съдоша межю Припетью и Двиною. и нарекошася Дреговичи **инии съдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане рѣчки ради аеже втечетъ въ Двину. и манемъ Пологи. ѿ сея прозвашася Полочане.**» [18, стб. 6]. Далее в недатированной части летописец как будто разделяет кривичей и полочан: «И по сихъ братьи держати. почаша родъ ихъ княженъе в Полахъ. в Деревлахъ свое. а Дреговичи свое. а Словѣни свое в Новѣгородѣ а **другое на Пологиѣ иже Полочане ѿ нихъ же. Кривичи же съдѣтъ на верхъ Волги. а на верхъ Двинѣ и на верхъ Днѣпра. ихъ же градъ есть Смоленскъ туда бо съдѣтъ Кривичи таже Съверѣ ѿ нихъ**» [18, стб. 10]. При этом летописец прямо указывает, что главный город кривичей – Смоленск, про Полоцк в аналогичном контексте ничего не упоминает.

Следующим сообщением является информация о носителях славянского языка в русской земле. Здесь упоминаются полочане в одном ряду с полянами, древлянами, новгородцами, дреговичами, северянами, бужанами, волынянами [18, стб. 11]. Про кривичей информации нет. И только под 6367 (859) кривичи отождествляются с полочанами: «и прие власть Рюрикъ. и раздае мужемъ своимъ грады. втому Пологиескъ втому Ростовъ другому Бѣловзеру. и по тѣмъ городомъ суть находници Варязи а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне. **Пологиески Кривичи.** в Ростовѣ Меря. в Бѣловзерѣ Веси. в Муромѣ Мурома. и тѣми всѣми владаше Рюрикъ.» [18, стб. 20].¹ В дальнейшем, в датированных сообщениях второй половины IX и X вв. кривичи и полочане как одно сообщество не упоминаются.

Под 6390 (882), 6415 (907), 6452 (944), 6488 (980), согласно ПВЛ, кривичи вместе с другими славянскими общностями участвуют в военных походах киевских князей. При этом в 882 г. они под предводительством Олега завоёвывают Смоленск – город, который, согласно недатированной части ПВЛ, являлся их центром [18, стб. 10, 22–23]. В 980 г. кривичи участвуют в походе Владимира Святославича на полоцкого князя Рогволода [18, стб. 76]. Далее не менее странным выглядит сообщение под уже упоминаемым 882 г. о дани, которая была наложена Олегом на кривичей, словен, мерю и новгородских варягов: «и оустави дани Словѣномъ **Кривичемъ** и Мери и Варягомъ. дань даети ѿ Новогорода гривенъ. тѣ. на лѣтъ мира дѣла.» [18, стб. 24]. Под 6396 (885) г. в ПВЛ указывается, что Олегу платили дань поляне, древляне, северяне, радимичи. С уличами и тиверцами он вёл войну [18, стб. 24]. Ничего не сказано о кривичах, которые согласно сообщению 882 г. были Олегу подчинены, участвуя в походах киевских князей до 980 г. включительно.

Вероятно, авторы и редакторы ПВЛ конца XI – начала XII в. не располагали сколько-нибудь определённой информацией о кривичах IX–X вв. Для летописцев, применительно к IX–X вв., кривичи являются собирательным названием, которое используется для обозначения населения огромной территории верховий Двины, Днепра и Волги [20, с. 35; 5, с. 45]. По сообщениям летописи невозможно точно локализовать ареал проживания кривичей. Также невозможно определить, что из себя представляло кривичское сообщество

¹ Согласно выводам А.А. Горского, упоминание кривичей в данном сообщении является вставкой, связанной с работой второго редактора ПВЛ [15, с. 54].

в социально-организационном плане. ПВЛ упоминает о «княжении» полочан и кривичей наряду с «княжениями» полян, древлян, дреговичей, словен. Однако летопись не называет князей, в руках которых находилась власть в указанных объединениях. В этой связи вполне очевидной представляется версия о перенесении некоторых социально-политических реалий второй половины XI – начала XII в. на абсолютно неизвестный авторам ПВЛ период IX–X вв., а также использование ими литературного шаблона [21, с. 59–68].

Тем не менее, невозможно игнорировать сообщения Константина Багрянородного о кривичах, датируемое серединой X в. Византийский император выстраивает классификацию славянских сообществ, находящихся в даннической зависимости от днепровских росов, центром которых являлся Киев. При этом известно, что территория Полоцкого Подвинья с проживающим населением не входила в сферу влияния ранней руси². Можно сделать предположение, что «кривичами» автор именуется население или территорию Верхнего Поднепровья, которое в середине X в. контролировалось киевскими росами из Гнёздова. Константин упоминает населённые пункты «Внешней Росии», из которых поставляются моноксилы в Киев: «[Да будет известно], что проходящие из Внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немограда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а други из крепости Милиниски, из Телуицы, Чернигоги, и из Вусеграда» (Пер. Г.Г. Литаврина) [16, с. 158–159]. Практически общепринятой считается версия, что «крепость Милиниски» (ἡ Μιλνίσκα) передаёт славянское название древнерусского летописного города Смоленска [16, с. 159, 22, с. 517] и, видимо, не может отождествляться с Гнёздовым. Несколко лет назад было археологически подтверждено расположение Смоленска X в. отдельно от Гнёздовского поселения [23, с. 80]. Вероятно, Смоленск (ἡ Μιλνίσκα Константина) и являлся поселением кривичей, находящихся в зависимости от гнёздовских росов. Данный вывод согласуется с ПВЛ, где главным городом кривичей назван Смоленск [18, стб. 10]. Смоленск упоминается как кривичский город под 6390 (882) г. во время похода Олега на Киев: «Поиде Л Гзлезь поимъ воа многи Варяги . Чюдъ Словѣни . Мерю . и всѣ Кривичи . и приде къ Смоленську съ Кривичи .» [18, стб. 22–23]. Нельзя исключать, что память о кривичах Верхнего Поднепровья середины X в. сохранилась вплоть до начала XII в., что и нашло отражение в ПВЛ с грубыми хронологическими и смысловыми искажениями.

К концу XI – началу XII в. Смоленск был крупным древнерусским городом, центром Смоленского удельного княжества. В этой связи вполне понятно стремление летописца обозначить важное место города наряду с Киевом, Новгородом, Полоцком и другими городами Руси XI–XII вв. в политической истории скрытого от летописца IX в., логически связав захват города с маршрутом Олега из Новгорода в Киев.

Помимо ПВЛ название «кривичи» относится к XII в. и фигурирует в летописных сообщениях под 6635 (1127) в ЛЛ и 6636 (1128) в ИЛ, 6648 (1140) и 6670 (1162) в ИЛ [18, стб. 297; 19, стб. 292, 304, 521].

В ЛЛ под 6635 (1127 г.) и ИЛ под 6636 (1128 г.) «кривичами» именуется полоцкий князь Рогволодовичи, на которых пошёл войной киевский князь Мстислав Владимирович: «посла князь Мстиславъ братю свою на Кривичь. четърми пути.» [18, стб. 297].³ Также, «кривичскими» названы полоцкий князь под 6648 (1140 г.): «и поману первгы посла по Кривитьстѣи кнѣзь по Дѣда по Ростислава. и Стѣслава. и Рогъволодича два.» [19, стб. 304]. Под 6670 (1162 г.), при описании похода коалиции князей на Слуцк полоцкий князь также назван «кривичскими»: «Том же лѣт Рюрикъ и Стѣполкъ Гюргевичъ. Туровский. и Стѣславъ Всеволодичъ. съ братѣмъ Ярославомъ и съ Гзлгомъ Стѣславичемъ. и с Володимиричемъ. и съ Кривьскими кнѣзми. идоша къ Случьску. на Володимира на Мъстиславича.» [19, стб. 521]. Это самые поздние сообщения, в которых упоминается этноним «кривичи».

Большинство названий славянских общностей исчезает в ПВЛ к началу XI в. Примечательно, но название «кривичи» вместе с дреговичами, радимичами и вятичами сохраняется и используется летописцем до второй половины XII в. Причём этноним «кривичи» используется отнюдь не в отношении населения Полоцка и Полоцкой земли. Данное название применяется к полоцким князьям и возможно подвластной им территории. Об этом говорят данные топонимики.

Как отмечает А.С. Кибинь, на востоке летописного кривичского расселения крайне мало топонимов, которые можно связать с этнонимом «кривичи» [20, с. 35]. Названия населённых пунктов, связанных с данным этнонимом, сконцентрированы на западе восточнославянского ареала – от верховьев Днепра до Понеманья. Установить же время возникновения топонимов не представляется возможным. Вполне вероятно, что они имеют позднее происхождение не ранее XII–XIII вв. Таким образом, название «кривичи» употребляется летописцами XII в. по отношению к полоцким князьям и территории, на которую распространяется власть полоцкой династии. Причём соотнесение названия с территорией Полоцкой земли и властью полоцких князей довольно позднее, по летописям – не ранее XII в. До этого времени кривичами

² Как известно, территория Среднего Подвинья с центром в Полоцке была подчинена Киеву в период правления князя Владимира Святославича в 978 г.

³ В ИЛ сообщение практически аналогично ЛЛ: «посла князь Мстиславъ братю свою многы на Кривичь. четърми пути.» [19, стб. 292].

в ПВЛ именовалось население от Западной Двины до верховьев Волги без чёткой локализации, а также с уже отмеченными противоречиями.

Являлось ли летописное наименование «кривичи» свидетельством употребления этого этнонима в качестве самоназвания населения Полоцкой земли в XI–XII вв.? Многочисленные топонимы, сконцентрированные вдоль границ владений полоцких князей, утвердительно отвечают на данный вопрос.

С другой стороны, согласно летописным сообщениям конца XI–XII вв по отношению к населению Полоцкой земли употребляется обозначение «полочане». Оно фигурирует в ЛЛ и ИЛ 27 раз (Недатированная часть – 4 раза; 6600 (1092) – 2 раза; 6635 (1127); 6640 (1132); 6646 (1138); 6684 (1176); 6659 (1151) – 2 раза; 6667 (1159) – 6 раз; 6670 (1162) – 3 раза; 6675 (1167) – 2 раза; 6688 (1180); 6703 (1195) – 3 раза [18, стб. 10, 11, 215, 299, 302, 305, 377; 19, стб. 445, 493, 494, 495, 496, 519, 526, 620, 692]. Применительно к сообщениям XI–XII вв., население Полоцкой земли не называлось «кривичами». Для обозначения жителей летописцем употребляется единственный этникон – «полочане». Причём данное название, помимо жителей города Полоцка, применяется ко всему населению Полоцкой земли. Об этом свидетельствует сообщение ЛЛ 6600 (1092), повествующее об эпидемии в Полоцкой земле: «...и тако уязвлаху люди **Плотьскыя** и ѹго вбласть. тгъмь и члѣци глѣху. аеко наевъ бють **Полочанъ**. се же знаменьє поча бѣти отъ Дрьутьска» [18, стб. 215].

По сообщениям НЛМл, этноним «кривичи» вообще не имеет отношения ни к Полоцкой земле, ни к полоцкой княжеской династии. Под 6448 (980 г.) Рогволод назван полоцким князем. Так же, как и в ЛЛ и ИЛ, Владимир идёт походом на Полоцк вместе с кривичами, которые никак не отождествляются с полочанами и Полоцкой землёй: «И приидоша отроци Володимири, и повѣдаша всю рѣчь Рогънѣдинъ, дщери Рогъволожи, князя **Полочьскаго**. Володимиръ же собра воя многы, Варягы, Словенъ, Чюдъ, **Кривици**, и поиде на Рогъволода; в се же время хотяху Рогънѣдъ вести за Ярополка.» [24, с. 125]. В НЛМл кривичи последний раз вместе с другими восточнославянскими объединениями упоминаются под 6496 (988 г.). В отношении населения Полоцка и полоцких князей новгородский летописец употребляет единственное обозначение – «полочане» (6660 (1092); 6675 (1167); 6676 (1168); 6677 (1169); 6699 (1191) [24, с. 202, 220–221, 230].

Заключение. Таким образом, в ПВЛ кривичами называлось население на большой территории Среднего и Верхнего течений Западной Двины, Верховий Днепра и Верхней Волги. При этом автор(ы) ПВЛ второй половины XI – начала XII в. при описании событий IX–X вв. не дают чёткого определения данного образования и используют этноним «кривичи» как собирательный образ. Согласно сведениям Константина Багрянородного, объединение кривичей в X в. локализуется в Верхнем течении Днепра (район Гнёздова и Смоленска) и не имеет отношения к Полоцку и территории Среднего Подвинья. С 20-х гг. XII в. по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям название «кривичи» применяется к представителям полоцкой княжеской династии Рогволодовичей. При этом к населению Полоцка и Полоцкой земли летописцы применяют этникон «полочане», что подтверждает использование данного обозначения как самоназвания населения в XI–XII вв. Применение летописцами названия «кривичи» к представителям полоцкой династии Рогволодовичей в XII в. требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов, В.В. Славяне восточные / В.В. Седов // Древняя Русь в средневековом мире: энцикл. / Ин-т всеобщ. ист. РАН; под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. – М.: Ладомир, 2014. – С. 752–754.
2. Мавродин, В.В. Образование единого русского государства / В.В. Мавродин. – Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1945. – 429 с.
3. Рыбаков, Б.А. Рождение Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: АИФ Принт, 2003. – 447 с.
4. Фроянов, И.Я. Начала русской истории / И.Я. Фроянов. – М.: Изд. д. «Парад», 2001. – 975 с.
5. Щавелев, А.С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. / А.С. Щавелев // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. – М., 2017. – С. 24–48.
6. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : «Экаперспектыва», 2000. – Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 351 с.
7. Загарульскі, Э.М. Заходняя Русь: IX – XIII стст./ Э.М. Загарульскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 240 с.
8. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX – XIII вв. / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 296 с.
9. Енуков, В.В. Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) / В.В. Енуков // Советская археология. – 1992. – № 1. – С. 57–67.
10. Левко, О.Н. Полоцк – древнейший центр белорусской государственности и актуальные проблемы отечественной истории / О.Н. Левко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 7–16.
11. Штыхаў, Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
12. Третьяков, П.Н. Восточнославянские племена / П.Н. Третьяков. – М.: АН СССР, 1953. – 312 с.

13. Насонов, А.Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства / А.Н. Насонов. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 259 с.
14. Кузьмин, А.Г. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи / А.Г. Кузьмин // Древние славяне и их соседи : сб. ст. к 60-летию П.Н. Третьякова. – М. : Наука, 1970 – С. 125–127.
15. Горский, А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. / А.А. Горский // Древнейшие государства Восточной Европы : материалы исследования 1992–1993 годы. – М. : Наука, 1995. – С. 50–63.
16. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – Т. II: Византийские источники / Сост. М.В. Бибиков. – 384 с.
17. Шахматов, А.А. Разыскания о русских летописях / А.А. Шахматов. – М. : Академ. проект, Жуковский: Кучково поле, 2001. – 880 с.
18. Полное собрание русских летописей. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. – 379 с.
19. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
20. Кибинь, А.С. От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X – XIII веках / А.С. Кибинь. – М. : Квадрига, 2012. – 272 с.
21. Толочко, А.П. Очерки начальной руси / А.П. Толочко. – Киев, СПб. : Лаурус, 2015 – 336 с.
22. Щавелев, А.С. Два известия о росах в главе 42 трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного: первое упоминание торгово-ремесленного поселения у д. Гнёздово? / А.С. Щавелев // Труды ГИМ. 2010. – М., 2018. – Вып. 1. Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования / Отв. ред. С.Ю. Каинов. – С. 510–515.
23. Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. / И.Н. Ершов [и др.] // Российская археология. – 2017. – № 1. – С. 70–86.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 576 с.

Поступила 21.05.2020

POLOTSKY KRYVICH: ETHNIC COMMUNITY OR INTELLECTUAL INVENTION?

J. KEZHA

The article analyzes the well-known written references to the East Slavic association of Krivichy. After analyzing the available written messages, the author concludes that initially, the ethnonym Krivichi did not have a clear territorial and political designation. To the XII century, the name "Krivichi" takes on a territorial character, which is identified with the Polotsk land and the Polotsk princely dynasty. The name "Krivichi" is reflected in toponymy. To the population of Polotsk and Polotsk land chroniclers apply the ethnics "Polochane", which confirms the use of this term as the name of the population.

Keywords: *krivichi, polochane, Polotsk, Polotsk land, Rogvolodovichi.*

УДК 272-9"17":94:378.4(430)"17"

ИЕЗУИТЫ И НЕМЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

д-р ист. наук, проф. О.Б. КЕЛЛЕР
(Белорусский государственный университет, Минск)
olga.keller@mail.ru; olga.keller@histsem.uni-tuebingen.de

В статье речь будет идти о роли иезуитов в немецких университетах: о том, когда иезуиты впервые появились в Германии; какие позиции занимали в немецких образовательных структурах; какие «иезуитские университеты» основали на немецких землях и пр. Первым иезуитом, посетившим немецкие земли, считается Пьер Эмиль Лазар Фавр. Произошло это в 1540 г., после чего в Германию массово стали приезжать представители Общества Иисуса, что несомненно повлияло на историю этой страны. Какую именно роль сыграли братья в образовательной жизни страны, можно будет узнать, ознакомившись с данным материалом, базирующимся на солидных исследованиях немецких ученых в данной сфере.

Ключевые слова: иезуиты, немецкие университеты, руководства кафедрами и факультетами, университеты духовной элиты, университеты светской элиты, немецкие иезуитские университеты.

Введение. На сегодняшний день известно, что во многих немецких университетах в Раннее Новое время преподавали иезуиты: в Бамберге, Вюрцбурге, Гейдельберге, Диллингене, Ингольштадте, Кёльне, Майнце, Мольсхайме, Оснабрюке, Падерборне, Трире, Фрайбурге, Эрфурте. Они начинали свою деятельность в виде преподавания, а именно, чтения лекций; вслед за чем следовало заведование кафедрами на некоторых факультетах отдельных немецких высших учебных заведений Майнца, Кёльна и Ингольштадта. Постепенно иезуиты перенимают на себя функции управления теологическими и философскими факультетами духовной элиты, например, в университетах Трира, Майнца и Вюрцбурга; а также управления теологическими и философскими факультетами светской элиты, к примеру, в университетах Фрайбурга в Брайзгау, Эрфурта и Гейдельберга. И, наконец, венцом карьеры можно считать создание «иезуитских университетов», где превалировали члены Общества Иисуса (Диллинген, Падерборн, Мольсхайм, Оснабрюк, Бамберг).

I. Первые иезуиты на немецких землях. 24 октября 1540 г. в немецком городе Вормсе вместе с дипломатом императора, Петром фон Оритцем, появляется первый иезуит, Пьер Эмиль Лазар Фавр (13.04.1506–01.08.1546) [1, с. 4]. Долгое время считалось, что Пьер Фавр принимал участие в религиозных диспутах и дискуссиях 1540 г. в Вормсе, дабы целенаправленно и в соответствии с намерением Игнатия Лойолы «внести иезуитский дух в страну зарождения ереси» [2, с. 5]. Однако, в настоящее время учёные полагают, что на самом деле его пребывание в Вормсе, а впоследствии и в городах Шпайер и Регенсбург, носило эпизодический характер. На самом деле Пьер Фавр ожидал отправления в запланированную поездку в Испанию, куда Петр фон Оритц и Пьер Фавр отправляются 27 июля 1541 г. [1, с. 6].

Точно так же, не совсем запланированно, - по мнению современных исследователей, - выглядело и второе прибытие Пьера Фавра на немецкие территории [3, с. 81]. Когда Пьер Фавр, присланный Папой Римским Павлом III (в миру – Алессандро Фарнезе) вместе с двумя другими членами Ордена иезуитов – Клодом Ле Джэем (1504-1552) [1, с. 15–24] и Николаусом Бобадиллой (1511-23.09.1590) [1, с. 24–32] – прибыли в Германию, кардинал Джованни Мороне (25.01.1509–01.12.1580), в распоряжение которого иезуитов отправили в качестве советников, уже покинул Шпейерский Рейхстаг 1542 г. По письменному распоряжению нунция Джованни Мороне Пьер Фавр должен был выполнять свою миссию «по спасению душ» на Среднем Рейне, Клод Ле Джэй – в Баварии, а Бобадилла – при дворе императора.

II. От преподавания до заведования кафедрами и факультетами. Два года спустя, в 1542 г. мы уже можем констатировать упоминание иезуита Пьера Фавра в одном из немецких университетов – в Майнце, действовавшего в сфере академической деятельности. Это также кажется современным учёным-исследователям актом незапланированным, а, скорее, продиктованным местными моментами. Ибо ещё в прошлом году в римской головной организации Ордена подобная академическая деятельность (чтение лекций в университетах) была запрещена. Исключение составляли лишь лекции в области спорной теологии и морали [4, стр. 1007]. Итак, в декабре 1542 г., несколько месяцев спустя оглашения предписания, Фавр, в соответствии с пожеланием архиепископа Майнца, кардинала Альбрехта Бранденбургского (1514–1545) [5], читает ежемесячные лекции, но не в сфере спорной теологии или морали, а по Священному Писанию [3, с. 82].

Похожая ситуация относительно влияния иезуитов была налицо и в Кёльне [6]. О прямом влиянии Общества Иисуса на университет, а вернее – на теологический факультет Кёльского университета в первые годы кёльнской деятельности, говорить мы не можем. Однако нельзя не отметить, что они уже довольно рано стали служить университету. В августе 1543 г. по просьбе кёльнцев кардинал Альбрехт Майнцский лишь на время предоставляет Пьеру Фавру такую возможность [7, с. 801–810]. Будучи лектором Кёльского университета, 17 августа 1543 г. Фавр издает при дворе императора в Бонне «Мемориал», в котором описана опасность протестантизма. Нунций уговаривает Пьера Фавра продлить его пребывание в Кёльне, ибо здесь «больше рыб для ловли», чем где-либо в Германии [7, с. 830]. В Кёльне Фавр знакомится и тесно сотрудничает с магистром Петром Канизием из Неймегена, изучавшим здесь с 1540 г. теологию, а с 1543 г. вовлеченным Фавром в Орден иезуитов.

В мае 1544 г. Пётр Канизий и Пьер Фавр, а также ещё шесть студентов собираются в одном из домов Кёльна («Domus»). Его можно по праву назвать первым филиалом Ордена иезуитов в Германии [4, стр. 1011]. Уже 25 июня 1543 г. девять жителей этого дома имматрикулировались в университет для обучения теологии или философии. Шесть из них записались студентами факультета свободных искусств (артистического) факультета, а трое – теологического [6, с. 23]. В те времена в качестве студентов факультета свободных искусств (артистического) могли быть записаны лишь члены местного студенческого общества – «бурсы» («Burse»). Так вот, вышеупомянутые студенты указали, что являются членами старой Монтанет-бурсы, к которой с момента обучения в Кёльнском университете относился и Пётр Канизий. На тот момент он был там учителем. Нередко учащиеся из высших семестров преподавали младшим студентам элементарные предметы или языки, или попросту выступали в роли частных (частных) учителей. Таким образом, иезуиты стали иметь непосредственное отношение к одной из трёх «бурс» города Кёльн. Следует упомянуть, что эти самые студенческие «бурсы», появившиеся впервые в 1257 г. во Франции, стали впоследствии основой для зарождения студенческих обществ и братств в Европе.

Таким образом, Пьер Фавр налаживает деловые контакты не только со студентами, но и с учёными города. Он начинает довольно часто выступать публично перед студентами и профессорами в «Schola artium» – главной аудитории факультета искусств. Однако, городской магистрат не был сторонником данной деятельности. Через несколько дней после имматрикуляции девяти студентов, 4 июля 1544 г., Советом города было отменено функционирование нового филиала Общества иезуитов в Кёльне. После переселения новичков в другие дома Ордена там остались лишь Леонард Кессель [8] и Пётр Канизий, лишь по причине того, что один из членов Ордена – Ламберт де Шатеа – находился при смерти. Как магистр искусств («Magister artium»), Пётр Канизий, начиная с сентября 1544 г., перенимает преподавательскую деятельность вместо Монтанет-бурсы в университете и начинает читать лекции о «Евангелии от Матфея». В декабре того же 1544 г. он участвует в открытых диспутах университета под названием «Quodlibeticae». 26 июня 1545 г. Канизий защищается и получает степень бакалавра Библии («baccalaureus biblicus»). В рамках последующих научно-исследовательских изысканий 8 июля 1545 г. Пётр Канизий начинает читать лекции о письмах Тимофея. Мы можем смело утверждать, что именно эти лекции – лекции первого иезуита в немецких университетах [6, с. 9]. Летом 1546 г., вскоре после обретения сана священника, Канизий покидает Кёльн и посвящает себя другим задачам [7, с. 809].

Итак, как было упомянуто выше, в 1542 г. Пьеру Фавру надлежало осуществлять свою деятельность в области Среднего Рейна, где ему удалось, вне всякого сомнения, получить доступ в обоих духовных метрополиях, в Майнце и Кёльне, и к университетам. В Баварии подобной деятельностью следовало заниматься его коллеге по Ордену – Клоду ле Джэю. Баварский земский университет в Ингольштадте был третьей немецкой высшей школой, где оставили свой след первые иезуиты. Собственно, как и касательно двух других, так и этого университета, учёные не могут говорить о целенаправленной стратегии Ордена иезуитов относительно них. По причине неудавшейся миссии в Регенсбурге, в период с 17 марта и до середины июня 1543 г. Клод Ле Джэй начинает читать лекции по Священному Писанию в университете города Ингольштадт. Свои впечатления Клод Ле Джэй сформулировал в одном Послании в Рим, что впоследствии, вне всякого сомнения, сыграло позитивную роль в политике Общества иезуитов относительно осуществления преподавания в немецких университетах. В этом Послании от 21 января 1545 г. Клод Ле Джэй требовал от Ордена возобновления во многих университетах прерванного образования в области теологии. Конкретно он предлагал следующее: даже если Орден иезуитов не нацелен на перенятие функций профессоров и лекторов, они, тем не менее, должны держать наготове людей, способных перенять эти функции в случае необходимости [3, с. 86].

Через несколько лет, 13 ноября 1549 г., на теологическом факультете Ингольштадтского университета появляется сразу три представителя-иезуита – Пётр Канизий, Клод Ле Джэй и Альфонсо Сальмерон (08.09.1515–13.02.1585) [4, стр. 1585]. Буквально за месяц до этого, 4 октября 1549 г., все трое защитили диссертации в области теологии в Болонье. Свою вступительную лекцию Канизий читает 26 ноября 1549 г. Чтение лекций тремя иезуитами по Старому и Новому Заветам, а также догматике внесло заметное оживление в работу теологического факультета Ингольштадтского университета. Первое в истории немецких университетов перенятие заведений кафедрами иезуитами послужило стартом к повороту Ордена иезуитов в сторону образовательной политики, а также явилось, по мнению многих исследователей, событием эпохальной важности и значимости [9, с. 332].

Деятельность иезуитов на данном поприще протекала без особых сложностей. Сперва последовала совместная работа с единственным в то время читающим лекции профессором теологии Бальтазаром Фаннеманном; затем включение троих иезуитских профессоров в деятельность факультета и университета в целом. Почти сразу же Пётр Канизий был избран деканом теологического факультета, а в зимнем семестре 1550/1551 уч. г. и ректором Ингольштадтского университета [10, с. 35]. В следующем учебном году Пётр Канизий – вице-канцлер университета. Такое уважение и почитание университетскими коллегами не умаляло того факта, что количество студентов теологического факультета неумолимо сокращалось, а когда правительство Мюнхена отказало иезуитам в строительстве коллегиума, руководство Ордена в Риме и вовсе отозвало своих отцов обратно. Но это не было прощанием с Ингольштадтом.

III. Перенятие иезуитами руководства теологическими и философскими факультетами в немецких университетах духовной элиты. Будучи сопровождающими персонами императорских и папских дипломатов, первые иезуиты смогли, в первую очередь, установить контакты с немецкими князьями и прелатами. Вне всякого сомнения, иезуиты использовали эти контакты с целью увеличения влияния их молодого общества. Проникновение протестантских идей в учебные заведения на католических территориях, кроме того, и не в последнюю очередь, отсутствие конгруэнтных сил в их собственном духовенстве позволили иезуитам в XVI в. в Германии преумножить свое могущество.

Уже летом 1558 г. Пётр Канизий узнал, что ряд немецких епископов в связи с церковной реформой намерен открыть новые школы [11, с. 479, № 367]. В самом деле, начиная с 1560 г., духовные князья различных немецких земель призвали в качестве помощников для проведения реформы, духовенства и пастырской заботы, особенно в высших учебных заведениях, членов Общества Иисуса [1]. Это ознаменовало начало следующего периода деятельности Ордена иезуитов в Германии, ставшего решающим в успехе Тридентской реформы на немецких территориях.

Уже на Аугсбургском Рейхстаге 1550 г. Клод Ле Джэй завёл разговор с архиепископом и курфюрстом Трира Иоганном фон Изенбургом (ок. 1507–18.02.1556) о создании «Иезуитского коллегияума» в городе Трире, расположенном на реке Мозель. Однако, эта беседа не увенчалась успехом [12, с. 67]. При встрече архиепископа и курфюрста Трира с Альфонсом Сальмероном и Диего Ланесом (1512–1565) на Синоде в Триенте в 1551 году этот вопрос был затронут вновь. По возвращении Иоганна фон Изенбурга обратно строительство «Иезуитского коллегияума» должно было начаться [12, с. 252, 262]. Тем не менее, лишь последователь Иоганна фон Изенбурга – архиепископ и курфюрст Иоганн фон дер Лайен (ок. 1510–10.02.1567) – проявил себя более радушным по отношению к планам иезуитов. Уже в январе 1559 г. он признался иезуитам в Кёльне, что у него нет «более подходящих строителей для реконструкции гнилого университета в Трире, чем они» [13]. В середине февраля 1560 г. после коротких переговоров между архиепископом и Иоганном Ретиусом (1531–26.10.1574) был подписан предварительный договор [6, с. 342–344], а уже 18 февраля последовала официальная просьба-запрос курфюрста генералу Ордена в Рим, где он просит прислать для создания «Коллегияума иезуитов» 12 отцов. Двое из них должны были стать профессорами в области теологии, а четверо – в области философии и языков. 30 марта 1560 г. генерал Диего Ланец соглашается удовлетворить просьбу курфюрста и архиепископа Трира. 6 декабря 1560 г. первые отцы въехали в здание бывшего университетского коллегияума, расположенное на рыночной площади в Трире [6, с. 374]. В первые дни Нового года 13 января 1561 г. иезуиты имматрикулировались в университет, принеся ему клятву верности, а 3 февраля отпраздновали этот акт. Неделями позже братья уже читали лекции в Трирском университете. Поначалу на лекциях иезуитов присутствовало немного людей: слушателей риторики было 7 человек, а логики – 4. Такое незначительное число студентов, вне всякого сомнения, указывало на необходимость срочных перемен в Трирском университете [3, с. 112].

Нельзя не отметить, что в отличие от конфронтаций во время внедрения иезуитских профессоров в традиционные организации в Ингольштадте или Кёльне, ситуация в Трире, как сообщают источники, выглядела иначе. Не только архиепископ, но и учёные мужи университета видели в них отличных помощников. Теологический факультет, на котором начиная с 1561 г. преподавали исключительно профессора-иезуиты, 7 мая этого же года возглавил Антон Финк [1, с. 876]. Двумя годами позже он уже становится ректором университета. 2 августа 1564 г. один из иезуитов занимает пост декана философского факультета. Тем не менее, несмотря на вышеозначенные факты, мы не можем причислить Трирский университет к семье иезуитских университетов. *Современные исследователи полагают, что Трирский университет можно считать «университетом с иезуитскими факультетами», так как из 4 имевшихся в нём факультетов только два (теологический и философский) находились в руках иезуитов* [3, с. 116].

С 1477 г. в Майнцском университете функционировали 4 факультета. Привлечь иезуитов с целью католических реформ и реорганизации высшей школы пытался курфюрст Себастьян фон Хойзенштамм. Однако, лишь его последователю, Даниэлю Бренделю фон Хомбург, удалось это осуществить. «В 1559 году, в последний день января, я оставляю на этом металлическом этаже 12 000 золотых гульденов, предназначенные для строительства и развития Иезуитского коллегияума в Майнце» [14]. Эту записку вместе с четырьмя мешками денег курфюрст Даниэль Брендель оставил на металлическом этаже ризницы Собора в Майнце – был сделан первый шаг. Год назад он уже отправлял послание Кёльнскому отцу иезуитов Иоганну Ретиусу с просьбой прислать в город кого-либо из иезуитов для переговоров [6, с. 340]. «Провинциал» Эверард Меркуриан (1514–01.08.1580) и Иоганн Ретиус, который до этого вёл трирские переговоры, прибыли персонально в резиденцию Ашаффенбурга. В беседе 21 октября 1560 г. курфюрст назвал в качестве срочной задачи основание Иезуитского коллегияума [6, с. 367]. При этом надлежит отметить, что в данной беседе курфюрст делал акцент не на лекции иезуитов в теологической и философской областях, а исключительно на занятия в гимназических классах. Даниэль Брендель пообещал позаботиться о поиске подходящего жилья, и так же, как и в соседнем Трире, предложил иезуитам сумму на проживание в размере 1000 флоринов. 2 ноября 1560 г. курфюрст отправляет запрос генералу Ордена с просьбой прислать ему 11 или 12 отцов. 3 декабря 1560 г. генерал Ордена иезуитов Диего Ланец на эту просьбу отвечает

положительно. Пётр Канизий, в свою очередь, сперва радуется такому развитию событий, однако считает, что по причине запланированных оснований иезуитских коллегийумов в Иннсбруке и Диллингене, удовлетворить желание Майнца будет сложно за неизменением должного количества персонала [6, с. 373]. Тем не менее, переговоры между курфюрстом и иезуитами продолжились.

В октябре 1561 г. в Майнце появляются первые иезуиты. Они размещаются в доме Соборного схоластика [6, с. 399], где начинают свою преподавательскую деятельность (правда, только в частном порядке). 8 декабря 1561 г. начинаются праздничные мероприятия касательно появления «предварительного» Коллегиума. На следующий день в городе Майнц была официально открыта школа иезуитов, состоящая из четырёх гимназических классов, однако класс риторики по причине отсутствия учащихся был открыт лишь к Троице 1562 г. [3, С. 120].

Чтение иезуитскими профессорами лекций на теологическом и философском факультетах происходит после 1562 г. Так, к примеру, осенью 1563 г. семь иезуитов становятся членами факультета искусств [6, с. 492]. Первым деканом факультета искусств из числа иезуитов 27 октября 1566 г. был избран Людвиг Бакерелиус [1, с. 106, 110]. Что касается теологического факультета, то тут лекции по схоластической теологии и ивриту читали ректор Коллегиума Ламберт Ауэр (1533–04.05.1573) и П. Кристиан Хальвер. Позднее иезуиты выступали с лекциями по контроверсной теологии, Священному Писанию и иным предметам. Положение братьев на теологическом факультете Майнцского университета упрочилось в 1564 г., когда один из членов Общества Иисуса был избран деканом факультета. На сегодняшний день бытует мнение, что им был Ламберт Ауэр [3, с. 123]. Мало кто знает, что этот университет берёт свои истоки ещё из 1402 г. и относится к одним из старейших университетов Германии. Именно в 1402 г. Майнцкий университет получил от Папы Римского Бонифация IX привилегию на его основание. 2 октября 1410 г. по указанию епископа Иоганна фон Эглоффштайна университет был торжественно открыт. Однако в начале XV в. в его стенах студенты недолго обучались. В силу ряда причин университет был закрыт через несколько лет после своего открытия.

Повторно открытый в 1582 г. Вюрцбургский университет называл в качестве своего нового покровителя князя-епископа Юлиуса Эхтера фон Меспельбрунна (1573–1617). Хотя следует упомянуть, что ещё предшественник Юлиуса Эхтера, Фридрих фон Вирсберг (1558–1573) заложил фундамент возрождения высшей школы в Вюрцбурге, основав в городе в 1561 г. «Педагогийум», а в 1567 г. – «Иезуитский Коллегиум». 20 октября 1573 г. Юлиус Эхтер фон Меспельбрунн адресует генералу Ордена иезуитов просьбу прислать в Вюрцбург 14 иезуитов. Из-под пера иезуитов исходит данный ими в 1574 г. ответ [15, с. 166–168], где речь идёт о 90 персонах, которых надлежит прислать в Вюрцбург. То есть фактически речь идёт о желании иезуитов открыть в Вюрцбурге университет по образцу Диллингена. Такой вывод можно сделать потому, что в послании речь идёт исключительно о двух интересующих иезуитов факультетах – теологическом и философском; а число 90 превосходило на два десятка число людей, рекомендуемых генералом Ордена для создания «иезуитского университета» [3, с. 132].

В том же 1574 г. Юлиус Эхтер отправляет делегацию в Папскую курию с целью восстановить в университете 4 факультета [16, с. 174]. Уже 26 марта 1575 г. Папа Григорий XIII дозволяет в соответствии с Привилегиями от Болоньи, Парижа и других университетов открыть в университете 4 просимых им факультета [17, с. 80–82]. Не только Папская привилегия, но и привилегия императора от 11 мая того же, 1575 г. отчётливо ведёт речь об основании в Вюрцбургском университете четырёх факультетов, как и в Гейдельберге, Тюбингене, Фрайбурге, в Брайзгау и Ингольштадте. Нельзя не отметить, что уже 29 ноября 1575 г. иезуиты читали здесь лекции по догматике и прочим дисциплинам (ещё до того, как университет официально был объявлен повторно открытым). В силу разных причин его повторное открытие, действительно, отодвинулось на несколько лет. Церемония по открытию университета состоялась в ратуше города лишь 2 января 1582 г. [17, с. 127–129], а 4 января она продолжилась в «Иезуитском коллегиуме». Четвёртого же января 1582 г. Юлиус Эхтер фон Меспельбрунн сам избрал четырёх деканов факультетов. Это было не совсем обычно, ибо ранее деканы всегда избирались из числа членов факультетов. В этот первый состав деканов представители Общества Иисуса не входили. Зато в состав теологического факультета входило 3 иезуита, а философского – сразу 7 иезуитских профессоров [3, с. 136]. Позднее, деканами теологического факультета становятся, в большинстве своём, представители Ордена.

Итак, что касается Вюрцбургского университета, то здесь, как и в случае с Трирским, по мнению современных исследователей, скорее всего, всё-таки правильным будет применять термин «университет с иезуитскими факультетами», а не «иезуитский университет» [3, с. 138].

IV. Перенятие иезуитами руководства теологическими и философскими факультетами в университетах светской элиты. К началу Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. в число католических университетов с кафедрами, которыми заведовали иезуиты, и иезуитскими факультетами, не входили университеты в городе Фрайбург в Брайзгау и в тюрингском городе Эрфурте. Именно они, а также университет в Гейдельберге самыми последними в так называемой немецкой провинции Ордена иезуитов попали под их влияние. Общего между всеми тремя было то, что эти города не являлись резиденциями епископов.

Существующий с 1460 г. Фрайбургский университет относится к одному из трёх немецких высших учебных заведений в области немецкой провинции Ордена. Город Фрайбург являлся владением австрийских Габсбургов, а духовная юрисдикция осуществлялась епископом Констанца. Когда в июле 1620 г. иезуиты выторговали для себя у руководства города в лице эрцгерцога Леопольда V Фердинанда Австрийского (09.10.1586 – 13.09.1632) будущую преподавательскую деятельность во Фрайбургском университете, университет ещё был в состоянии предотвратить поспешную формулировку этой идеи [18, с. 201–203]. Но уже 5 октября этого же года первые иезуиты успешно имматрикулировались в университет [19, с. 804], а 19 октября начали читать лекции в области философии. Месяц спустя, 15 ноября 1620 г., по указанию эрцгерцога Леопольда V Фердинанда Австрийского в главной лекционной аудитории артистической бурсы представители города и члены университета приветствовали отцов Ордена иезуитов. Днём позже, 16 ноября, в силу вступает «Леопольдина» – договор об объёме деятельности иезуитов во Фрайбургском университете, а именно: полное перенятие иезуитами факультета свободных искусств (артистического факультета), а также двух кафедр на теологическом факультете. С другой стороны, иезуиты не имели права на занятие должности ректора [3, с. 146].

Попытки курфюрстов Майнца в 1550, 1561 и 1563 гг. пригласить иезуитских профессоров в требующую реформирования Эрфуртскую высшую школу потерпели неудачи по причине того, что население города было преимущественно протестантским [3, с. 151]. Так, в 1563 г. город приглашает профессоров из Виттенберга, дабы курфюрсты не предложили позиции заведующих кафедрами в Эрфуртском университете иезуитами. Даже не смотря на вмешательство Папы Римского, планы на создание «Коллегиума иезуитов», реализованы не были. Кроме того, именно в эти десятилетия город пытается пошатнуть как светскую, так и духовную власть курфюрстов Майнца при содействии соседних протестантских князей [20].

Намерение отцов сперва в городе вести пасторскую деятельность потерпело поражение как в 1564-м [6, с. 511], в 1577-м, так и в 1580 гг. [6, с. 340]. Лишь осенью 1584 г. иезуиты стали занимать постоянные должности пасторов в Центральном Соборе и некоторых других церквях. Только П. Михаэлю Шиллингу, бывшему студенту Эрфуртского университета [6, с. 775], удалось занять постоянную позицию в городе после 1588 г. [21, с. 9]. В соответствии с решением Городского Совета о том, чтобы он покинул город, П. Михаэль Шиллинг покидает Эрфурт и живёт некоторое время при дворе Майнцского курфюрста [21, с. 10]. Затем иезуиты снова появляются в городе, и в 1601 г. создают резиденцию. В 1611 г. в городе был открыт иезуитский коллегиум [21, с. 10], где было всего несколько классов. Несмотря на конкурирующую организацию в лице евангелистской гимназии, дислоцирующейся в старом монастыре августинцев, число учеников в гимназии иезуитов быстро росло. Эрфуртцы могли сами решать, куда отдавать детей на обучение [20, с. 145, 152].

Учитывая тот факт, что большинство населения Эрфурта было протестантским, 21 апреля 1618 г. курфюрстом Майнца Иоганном Швайкхардом фон Кроненбергом (15.07.1553–17.09.1626) в городе Эрфурт были разрешены публичные учения «Аугсбургского вероисповедания» [20, с. 164–168]. Наряду с этим в одном из договоров курфюрст Майнца дал Городскому Совету Эрфурта согласие на существование в августинском монастыре «Paedagogio» с одним профессором теологии. Этот протестантский профессор теологии финансировался городом для обучения пасторов, но не являлся членом теологического факультета университета. Членами теологического факультета были исключительно католические профессора.

Первые контакты иезуитов с университетом зафиксированы в «Книге матрикуляций» от 1625 г. Именно в 1625 г. в «Книгу» был записан профессор морали «Иезуитского коллегиума», Мельхиор Теттеборн. Вполне возможно, что он читал тогда публичные лекции, предположительно, в области теологии. В 1628 г. ректор университета, магистр Урбарус Хойн, записал ректора «Иезуитского коллегиума», доктора теологии Иоганна Беттингена [22, с. 130, 186], в «Книгу матрикуляций» университета. В конце декабря Беттинген становится членом теологического факультета, а вскоре начинает занимать должность декана.

22 сентября (2 октября) 1631 г. шведская армия Густава Адольфа вошла в Эрфурт [23], и занятия в «Коллегиуме иезуитов», а также в университете были приостановлены. Свой «Коллегиум» отцы отдали наместнику шведского короля, герцогу Вильгельму Веймарскому. 30 декабря 1633 г. иезуитов выдворили из города, куда после непродолжительной паузы (1632–1635) они вернулись снова.

Осенью 1649 г. Императорская Комиссия установила на будущее католический характер университета. 19 февраля 1650 г. на теологический факультет были имматрикулированы три иезуитских профессора и ректор «Иезуитского коллегиума». В принципе, если говорить о влиянии иезуитских профессоров, они играли здесь не столь значительную роль, как в иных университетах, и читали лекции лишь в области морали [3, с. 156].

16 сентября 1622 г. войска генерала Тилли (1559–1632) победоносно вошли в город Гейдельберг. Это означало для основанного в 1386 г. Гейдельбергского университета конец эры господства «школы европейского кальвинизма». Бегство студентов и профессоров из города во время 30-летней войны было той нанесенной университету раной, от которой он долго не мог оправиться. С появлением в Гейдельберге имперских войск, также появились и первых два иезуита: Иоганн Георг Агрикола (1558–1633) и Иоганн Пиерсон [4, стр. 778]. Несмотря на то, что функция иезуитов изначально должна была заключаться в сопровождении имперских войск, декан артистического факультета не без оснований полагал, что они также были заинтересованы в занятии позиций заведующих кафедр различных факультетов Гейдельбергского университета с целью самостоятельного заведования ими [24, с. 377, № 239].

Послание иезуитского генерала от 1 июля 1623 г. подтверждает усилия Общества Иисуса в отношении императора с целью заполучить университет под свою эгиду. Так, генерал Иоганн Церклас, граф фон Тилли пообещал оставшимся в Гейдельбергском университете профессорам сохранять привилегии, оставив двух профессоров-юристов, профессора-медика и четырех профессоров-философов. Также сохранялись стипендии сотрудникам университета на четырёхлетний срок [25, с. 188, № 1546]. Однако, нельзя не упомянуть, что занятия по причине незначительного количества студентов и профессоров [24, с. 379, № 242] в тот период нельзя трактовать, как полноценные. Скорее всего, это связано с запретом нового регента – герцога Баварского и курфюрста из рода Виттельсбахов Максимилиана I (1573–1651) [26] – от 7 (17) февраля 1625 г. читать лекции философского характера, дабы предотвратить любое некаатолическое влияние на студентов. Последствием такой конфессиональной политики можно считать роспуск профессоров, осуществлённый герцогским губернатором 2 апреля 1626 г. по приказу Максимилиана. Таким образом, Гейдельбергский университет, являвшийся десятилетия подряд «центром кальвинистской науки», окончательно приостанавливает учебный процесс. С тех пор учреждение начинает управляться коллектором, назначенным баварским герцогом [25, с. 191, № 1566; там же, с. 192, № 1579].

В 1624 г. отцы Общества Иисуса открыли небольшую частную школу для 20 детей. За четыре года эта школа превратилась в полноценную гимназию. По настоянию иезуитов, Максимилиан 16 сентября 1628 г. даёт указание из Мюнхена восстановить учебный процесс в университете. При этом, иезуиты должны были, соответственно, перенять руководство философским и теологическим факультетами [3, с. 158]. По причине тяжелейшей экономической ситуации и хронической нехватки студентов и профессоров в Гейдельбергском университете, уже католическом, учебный процесс начался лишь 16 июня 1629 г. [25, с. 192, № 1580].

Летом 1631 г. в Гейдельберг вторгаются шведы, вынудившие студентов и профессоров покинуть город [25, с. 195, № 1591]. Лишь после освобождения Гейдельберга баварскими войсками отцы-иезуиты смогли летом 1635 г. возобновить свою деятельность. К сожалению, в последующие 15 лет по причине постоянных военных действий им не удалось полностью восстановить учебный процесс в области философии и теологии, а в 1640 г. гимназия состояла лишь из 5 классов. В 1649 г. новый регент – пфальцграф Карл Людвиг, снова произвёл смену конфессий [27]. В связи с этим отцы «Общества Иисуса» вынуждены были 7 октября 1649 г. покинуть на 50 лет свой филиал в Гейдельберге.

V. Немецкие иезуитские университеты. Помимо преподавания, заведования кафедрами, а также руководства теологическими и философскими факультетами в немецких университетах светской и духовной элиты, мы можем констатировать наличие на немецких землях так называемых «немецких иезуитских университетов». Этой теме будет посвящена отдельная статья. В данной публикации автор лишь перечислит те высшие учебные заведения на территории Германии, управление и руководство которыми в Раннее Новое время полностью находилось в руках членов Ордена.

Так, к немецким иезуитским университетам мы можем отнести пять высших учебных заведений Германии: 1) Иезуитский университет Диллинген (1563 г.); 2) иезуитский университет Падерборн (1616 г.); 3) иезуитский университет Мольсхайм (1618 г.); 4) иезуитский университет в Оснабрюке (1632 г.); 5) иезуитский университет Бамберг (1648 г.). Наряду с этим, в данном контексте следует упомянуть и попытку основания университета в городе Мюнстер в период с 1622 по 1648 гг.

Заключение. Таким образом, в ходе изучения соответствующих документов и литературы относительно влияния иезуитов на учебный процесс в различных заведениях Германии (в основном, в университетах) можно сделать вывод о том, что с момента появления первых иезуитов на немецких землях в 1540 г. за период свыше 100 лет ими были достигнуты значительные успехи.

Так, начав свою деятельность с преподавания, а именно, чтения лекций, иезуиты последовательно перенимали заведования кафедрами на некоторых факультетах отдельных немецких университетов Майнца, Кёльна и Ингольштадта. Затем они берут на себя функции управления теологическими и философскими факультетами духовной элиты, например, в университетах Трира, Майнца и Вюрцбурга, а также управление теологическими и философскими факультетами светской элиты, к примеру, в университетах Фрайбурга в Брайсгау, Эрфурта и Гейдельберга. Венцом деятельности братьев можно считать создание «иезуитских университетов» (Диллинген, Падерборн, Мольсхайм, Оснабрюк, Бамберг).

ЛИТЕРАТУРА

1. Duhr, B. Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge; I: Geschichte der Jesuiten in den Ländern böhmischer Zunge im XVI Jahrhundert / B. Duhr. – Freiburg im Br. : Herder, 1907. – XVI, 876 S.
2. Friedensburg, W. Die ersten Jesuiten in Deutschland / W. Friedensburg. – Halle : Verein für Reformationsgeschichte, 1905. – 74 S.
3. Hengst, K. Jesuiten an Universitäten und Jesuitenuniversitäten. Zur Geschichte der Universitäten in der Oberdeutschen und Rheinischen Provinz der Gesellschaft Jesu im Zeitalter der konfessionellen Auseinandersetzung / K. Hengst. – Paderborn, München, Wien, Zürich : Ferdinand Schöningh, 1981. – 425 S.

4. Koch, L. Jesuiten-Lexikon. Die Gesellschaft Jesu einst und jetzt / L. Koch. – Paderborn : Verlag Bonifacius-Dr., 1934; Nachdruck Löwen-Heverlee : Verlag der Bibl. SJ, 1962. – 1878 Sp.
5. Wolter, H. Kardinal Albrecht von Mainz und die Anfänge der katholischen Reform / H. Wolter // Theologie und Philosophie. – 1976. – № 51. – S. 496–511.
6. Hansen, J. Rheinische Akten zur Geschichte des Jesuiten-Ordens 1542–1582 (= Publicationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde 14) / J. Hansen. – Bonn, 1896.
7. Duhr, B. Der erste Jesuit auf deutschem Boden, insbesondere seine Wirksamkeit in Köln / B. Duhr // HJ 8 (1887). – S. 792–830.
8. Virnich, T. Leonhard Kessel, der erste Obere der Kölner Jesuiten-Niederlassung (1544–1574) / T. Virnich // Annalen des historischen Vereins für den Niederrhein. – 1911. – Heft 90. – S. 1–37.
9. Handbuch der bayerischen Geschichte. Band 2 / Hrsg. von Max Spindler / H. Lutz. – München : Beck, 1988. – XLII, 1398 S.
10. Kausch, Winfried. Geschichte der Theologischen Fakultät Ingolstadt im 15. Und 16. Jahrhundert (1472–1605) / Winfried Kausch. – Berlin : Duncker & Humblot, 1977. – 255 S.
11. Beati Petri Canisii Societatis Jesu, epistulae et acta. 2. 1556-1560. – Freiburg im Breisgau : Herder, 1898. – LXI, 950 S.
12. Polancus, J.-A. de. Vita Ignatii Loiolae et rerum Societatis Jesu historia, Chronicon Societatis Jesu. 2. 1550-1552 / J.-A. de Polancus. – Matriti : Avrial, 1894. – 820 S.
13. Bianco, F. J., von. J. Die alte Universität Köln und die späteren Gelehrten-Schulen dieser Stadt nach archivarischen und anderen zuverlässigen Quellen. I/1 / F. J. von Bianco. – Köln : Selbstverlag d. Verf., 1855. – XVI, 984, 405 S.
14. Brück, A. P. Die Anfänge der Jesuiten in Mainz / A. P. Brück // Jahrbuch für das Bistum Mainz. – 1955/57. – № 7. – S. 196–207.
15. Reindl, M. Lehre und Forschung in Mathematik und Naturwissenschaften, insbesondere Astronomie an der Universität Würzburg von der Gründung bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Dissertation. / M. Reindl. – Würzburg : Universität, 1966. – VIII, 285 S.
16. Wegele, F. X. von. Geschichte der Universität Würzburg / F. X. von Wegele. – Würzburg: Stahel, 1882. – Teil 1: Geschichte. – VIII, 509 S. (Neudruck Aalen 1969).
17. Wegele, F. X. von. Geschichte der Universität Würzburg / F. X. von Wegele. – Würzburg : Stahel, 1882. – Teil 2: Urkundenbuch. – XV, 538 S. (Neudruck Aalen 1969).
18. Kurrus, T. Jesuiten an der Universität Freiburg i. Br. 1620-1773. Band 1. / T. Kurrus. – Freiburg : Alber, 1963. – 265 S.
19. Die Matrikel der Universität Freiburg im Breisgau. Band 1: 1460-1656 / Hrsg. Von H. Meyer. – Freiburg : Herder, 1907. – XCIV, 942 S.
20. Martens, C. Die Friedensverhandlungen zwischen Erfurt und Mainz in den Jahren 1615 und 1618 / C. Martens // Mitteilungen des Vereins für die Geschichte und Altertumskunde vor Erfurt. – 1899. – 20. – S. 140–170.
21. Dreier, B. Das katholische Gymnasium in Erfurt: Ein Beitrag zur Geschichte des Thüringer Schulwesens. Jena, Univ., Diss. / B. Dreier. – Weida i. Th.: Thomas & Hubert, 1916. – 86 S.
22. Kleineidam, E. Universitas Studii Erfordensis. Überblick über die Geschichte der Universität Erfurt im Mittelalter. Band III: 1521–1632 / E. Kleineidam. – Leipzig : St.-Benno-Verlag, 1980. – XX, 315 S.
23. Schauerte, F. Gustav Adolf und die Katholiken in Erfurt: Ein Beitrag zur Geschichte des dreißigjährigen Krieges / F. Schauerte. – Köln : Bachem, 1887. – 87 S.
24. Winckelmann, E. Urkundenbuch der Universität Heidelberg: zur fünfhundertjährigen Stiftungsfeier der Universität / E. Winckelmann. – Heidelberg : Winter, 1886. – Band I: Urkunden. – XIV, 496 S.
25. Winckelmann, E. Urkundenbuch der Universität Heidelberg: zur fünfhundertjährigen Stiftungsfeier der Universität / E. Winckelmann. – Heidelberg : Winter, 1886. – Band II: Regesten. – 405 S.
26. Albrecht, D. Die auswärtige Politik Maximilians von Bayern 1618-1635 (= Schriftenreihe der historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 6) / D. Albrecht. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – XIX, 390 S.
27. Vierordt, K. F. Geschichte der Reformation im Großherzogtum Baden / K. F. Vierordt. – Karlsruhe : Braun, 1847. – VI, 527 S.

Поступила 23.05.2020

JESUITS AND GERMAN UNIVERSITIES

O. KELLER

In the article will talk about the role of the Jesuits in German universities: when the Jesuits first appeared in Germany; what positions were held in German educational structures; which Jesuit universities founded on German lands, etc. The first Jesuit to appear on German lands is Pierre Emil Lazar Favre. It happened in 1540. But what role the representatives of the "Society of Jesus" played in the educational life of the country, it will be possible to find out by reading this material, based on the solid research of German scientists on this issue.

Keywords: *Jesuits, German universities, from lectures to leadership of departments and faculties universities of the spiritual elite, universities of the secular elite, German Jesuit universities.*

УДК 930.1

**ИСТОРИЯ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XIV–XVI вв.
В КОНТЕКСТЕ ЛИТУАНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

*канд. ист. наук, доц. Н.В. КОЗЛОВСКАЯ
(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

Статья посвящена изучению истории шляхты Великого Княжества Литовского XIV–XVI вв. в современной украинской историографии. Автором определены ключевые направления развития украинской литуанистики, рассмотрены и проанализированы основные работы украинских историков в данном направлении. Обосновывается вывод о формировании научной школы доктора исторических наук Н.Н. Яковенко. Отмечены значительные достижения украинской историографии в изучении политической и социальной истории, истории права и правовой культуры, генеалогии и геральдики княжеских и шляхетских родов, шляхетского землевладения.

Ключевые слова: *шляхта, политическая элита, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, современная украинская историография.*

Введение. Становление украинской национальной историографической школы истории Великого Княжества Литовского происходит во второй половине XIX – первой трети XX в. и связано с именами Н.Д. Иванишева, Н.И. Костомарова, М.С. Грушевского, Ф.И. Леонтовича, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.Б. Антоновича, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновского, М.В. Довнар-Запольского, М.Н. Ясинского и ряда других.

В советской историографии «польско-литовский период» в истории Украины не относился к числу приоритетных направлений научных исследований. Актуализация исследовательского интереса к событиям второй половины XIII – середины XVI вв. (по образному выражению О. Щодрой – «темні віки» украинской истории») в украинской историографии происходит на рубеже 1980–1990 гг. [1, с. 135].

Анализируя достижения украинской литуанистики 1990-х – начала 2000-х гг. Екатерина Витальевна Кириченко, младший научный сотрудник сектора исследований истории Киевской Руси Института истории Украины Национальной академии наук Украины (далее – Институт истории Украины), отмечает, что для современной историографии характерно тяготение к региональным исследованиям и отсутствие обобщающих работ по истории ВКЛ [2, с. 485]. Объяснение данному факту автор видит в слабости кадрового потенциала учёных-историков и как следствие – отсутствие континуитета в развитии исторических школ. Ведущие историки-литуанисты, как правило, не занимаются преподавательской деятельностью и, тем самым, не имеют возможности привить исследовательский интерес молодому поколению. В то же время, в университетских программах и учебниках история ВКЛ занимает сравнительно небольшой объём [2, с. 485–486]. С другой стороны, изучению истории ВКЛ препятствует отсутствие достаточного количества источников, что особенно заметно в сравнении с «польским периодом», по которому сформировался широкий комплекс массовых источников. Сдерживающим фактором выступает и языковой барьер – незнание литовского языка затрудняет знакомство с литовской историографией [2, с. 486].

Центром литуанистических исследований, по мнению Е.В. Кириченко, выступает Киев, где работают учёные, занимающиеся исключительно литовским периодом истории Украины [2, с. 491]. Что касается проблематики исследований, то, по мнению автора, доминируют исследования политической истории, истории церкви, сословий; господствующей методологией является позитивизм [2, с. 494]. Перспективным с точки зрения Е.В. Кириченко видится изучение политической элиты ВКЛ (как по проблематике, так и по методам исследования), начатое доктором исторических наук Н.Н. Яковенко [2, с. 492].

Дмитрий Станиславович Вырский (Дмитро Вирський), доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела украинской историографии Института истории Украины, в целом позитивно оценивая перспективы литуанистических исследований в современной украинской историографии, отмечает, что изучение истории ВКЛ имеет свои особенности. Внимание исследователей сосредоточено, в первую очередь, на проблемах, которые касаются Украины в её нынешних территориально-административных границах [3, с. 530]. Этим объясняются интерес украинских историков к тем или иным сюжетам исторического прошлого, свой особый взгляд на события. Примером может служить оценка историками Польско-Литовских уний XIV–XV вв. и Люблинской унии 1569 г. [3, с. 533]. Что касается биографических исследований, то здесь в большей степени внимание ученых обращено к представителям династий Кориатовичей, Олельковичей, Острожских, Сигизмунду Корибутовичу, в значительно меньшей степени – Гедиминовичам.

Достижения и проблемы украинской литуанистики конца XX – первого десятилетия XXI вв. проанализированы в статье Андрея Васильевича Блануцы, кандидата исторических наук, старшего научного

сотрудника отдела истории Украины Средних веков и Раннего Нового времени Института истории Украины. Несмотря на возросший интерес к истории ВКЛ, разнообразие исследуемых тем и сюжетов современная украинская историография, по мнению автора, не лишена определенных недостатков, обусловленных, с одной стороны, нехваткой специалистов, работающих в данном направлении, с другой стороны – слабыми научными контактами среди исследователей. Все меньше молодых историков связывают свой научный интерес с историей Средневековья и Раннего Нового времени [4, с. 319, 321].

Положительные сдвиги в развитии современной украинской историографии Литовско-Польского периода украинской истории кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины, Валентина Николаевна Матях, связывает с появлением новых научных кадров и общей активизацией научно-исследовательской деятельности [5, с. 70]. Анализируя тематический спектр работ по истории ВКЛ на страницах «Українського історичного журналу» (периодическое печатное издание Института истории Украины; издается с 1957 г.) автор обращает внимание на три момента. Первый – в количественном отношении статьи по литуанистике уступают исследованиям истории Киевской Руси. Второй – большая часть публикаций носит описательный, а не аналитический характер. Третий – сюжетное содержание большинства статей затрагивает, как правило, вопросы локальной истории [5, с. 70].

На протяжении 2000-х гг. тематика научных статей журнала по истории средневековья и раннего нового времени расширилась за счет сюжетов общественно-политической истории, социально-экономической проблематики, изучения деятельности органов судебной системы, церковно-культурной истории. Значительно возросло количество статей по истории шляхетского землевладения, истории права и формированию правовой культуры, генеалогии шляхетских и княжеских родов, истории повседневности. Хронологически преобладают события второй половины XVI–XVIII вв. [6, с. 33, 43, 45].

Основная часть. Признанным авторитетом по истории шляхты Великого Княжества Литовского в современной украинской литуанистике и историографии ВКЛ в целом является Наталия Николаевна Яковенко (Наталія Яковенко) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории факультета гуманитарных наук Национального университета «Киево-Могилянська академія». Спектр научных интересов и разрабатываемой историком проблематики чрезвычайно широк и включает в себя историю элит, политическую и интеллектуальную историю, историографию истории Украины XVI–XVIII вв. [7 – 9].

Опубликованная в 1993 г. монография Н.Н. Яковенко «Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна)», (второе издание – 2008 г.), стала значимым событием в постсоветской литуанистической историографии [10]. В предисловии ко второму изданию автор отмечает, что с момента выхода книги «история украинской шляхты перестала быть "экзотикой" и изучением различных аспектов истории ВКЛ активно занимается молодое поколение украинских исследователей. Задача, поставленная в монографии – рассмотреть пути трансформации русского "боярства-рыцарства" в "народ-шляхту", определить факторы, обусловившие внутреннюю неоднородность шляхетского сословия» [10, с. 9].

Профессор исследует не только процесс формирования сословия шляхты, но и эволюцию ключевых понятий и, в первую очередь, понятие «боярство». Если на рубеже XIV–XV вв. боярство представляло собой открытую социальную общность, которая включала людей и высокого, и низкого социального статуса [10, с. 30], то по мере «аристократизации института землевладения» [10, с. 32] и юридического оформления прав и обязанностей, наблюдалась трансформация термина в «бояре-шляхта», который уточнял и сужал рамки привилегированной группы. В Литовском статуте 1529 г. понятия «бояре-шляхта», «рыцарство-шляхта» были доминирующими для обозначения всего привилегированного сословия ВКЛ [10, с. 32].

Формирование шляхетства как особой социальной общности имело на украинских землях, по мнению Н.Н. Яковенко, более сложный характер в сравнении с другими европейскими странами. Отдельные главы монографии посвящены рассмотрению истории украинских княжеских и панских родов, землян-шляхты, количественным и качественным характеристикам данных социальных общностей, правам и привилегиям, определявшим их положение в общей массе формирующегося шляхетского сословия.

Процесс трансформации социальной структуры украинского общества в общих чертах завершился к концу XV в., когда, с одной стороны, были устранены принципиальные различия между князьями и панами, а с другой – основная масса «бояр-шляхты» включилась в состав сословия «благородных» [10, с. 35]. Что касается юридического оформления прав и обязанностей господствующего «класса-сословия» шляхты, то данный процесс также происходил постепенно: начало было положено привилеем Ягайло 1387 г., а завершено Статутом 1566 г. В Статутах 1529 и 1566 гг. нашло свое отражение понятие шляхетской чести, что, по мнению автора, было принципиально новым моментом и свидетельствовало о «дозрівання для цього ментальних підстав» [10, с. 47].

В монографии Н. Н. Яковенко поднимает традиционный для литуанистики вопрос рецепции шляхтой ВКЛ польских гербов и вхождения в «гербовое братство». По мнению ученого, несмотря на принятый Городельский акт 1413 г., гербовая традиция русско-литовского боярства стала формироваться только во второй половине XVI в. [10, с. 53]. До Люблинской унии ни белорусская, ни украинская шляхта не принадлежала к гербовому братству и польскими гербами не пользовалась.

Одним из самых дискуссионных вопросов в истории шляхетства украинский историк считает вопрос о численности сословия. Опираясь на данные источников, автор констатирует, что на Волыни и в Центральной Украине шляхта составляла 2,3–2,5% от общей массы населения [10, с. 285].

Процесс формирования украинской шляхты, считает Н.Н. Яковенко, завершился ко второй половине XVI в., когда из разнородных социальных и этнических элементов была создана «среднеарифметическая» сословная общность, частью которой стал каждый шляхтич-землевладелец. Права и вольности польской шляхты выступали политическим идеалом для русско-литовской знати, и в этом вопросе влияние польской традиции было очевидным [10, с. 295]. Однако украинская шляхта оставалась сословием политически и экономически неоднородным. Особенностью Волыни и Центральной Украины (по образному выражению Н.Н. Яковенко – «литовско-белорусского тыла») была определенная специфика протекаемых процессов и достаточно безболезненный переход под власть польских королей [10, с. 296–297]. Вплоть до событий национального кризиса середины XVII в. боярство-шляхта выступала гарантом целостности общества и в этом, по убеждению Н. Н. Яковенко, заключалась ключевая роль данной элитарной группы в украинской истории [10, с. 299].

Автором обобщающих работ по истории Украины XIV–XVI вв., в том числе и научно-популярного жанра, является Елена Владимировна Русина (Олена Русіна) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Украины средних веков и раннего нового времени Института истории Украины. Кандидатская диссертация Е.В. Русиноу посвящена истории Северной земли в составе ВКЛ [11–12].

Появление целого ряда научно-популярных работ по истории украинских земель периода ВКЛ [13–15] Е.В. Кириченко характеризует как одну из особенностей современной украинской литуанистики [17, с. 217]. При этом автор обращает внимание, что к началу 2000-х гг. в постсоветской украинской историографии так и не было создано ни одного обобщающего научного исследования по истории ВКЛ периода XIII–XVIII вв. [16, с. 218].

Крупнейшим исследователем политической истории XVI в., специалистом по истории волынской шляхты является Наталия Петровна Старченко (Наталія Старченко) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и методики археографии и источниковедческих наук Института украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины [17; 18]. Докторская диссертация на тему «Конфлікт у шляхетському середовищі Волині (друга половина XVI – початок XVII ст.)» защищена в 2015 г. Значимым достижением не только украинской историографии, но и современной литуанистики в целом является монография Н.П. Старченко «Честь, кров і риторика. Конфлікт у шляхетському середовищі Волині (друга половина XVI – початок XVII століття)» [17]. Исследование интересно как своей проблематикой, так и сюжетно-композиционной подачей материала. Это одна из немногих работ по истории шляхты, в которой рассматриваются ценностные ориентиры, коллективные и индивидуальные представления и практики, мир повседневности привилегированного сословия ВКЛ и Речи Посполитой.

Изучением истории шляхетства XIV–XVI вв., парламентской системы ВКЛ и Речи Посполитой активно занимается Виталий Николаевич Михайловский (Віталій Михайловський) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины историко-философского факультета Киевского университета имени Б. Гринченко [19]. Докторская диссертация «Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI століття» была защищена в 2013 г. В монографии «Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст.» историк рассматривает процесс формирования шляхетской корпорации Подолья в период с 1440–1460-х гг. (от первого упоминания братьев Кориатовичей на Подолье) и до 1572 г. – смерти Сизимунда II Августа. В своем развитии шляхетское сословие прошло сложный путь от рыцарей-землевладельцев, местных панов, земян до шляхтичей, которые жили за счет военной службы. В статусе военно-земледельческой общности шляхта пришла в эпоху выборных монархов и триумфа шляхетского парламентаризма [19, с. 273–274]. Критериями внутренней дифференциации сословия выступали имущественное положение, занимаемая должность, наличие клиентальных и родственных связей [20, с. XV]. Отвечая на вопрос, кем была подольская шляхта, землевладельцами или воинами, В.Н. Михайловский пишет, что, в первую очередь, шляхтичи были землевладельцами. Главной целью их службы было получение земельных владений, что было характерно как для местной шляхты, так и для пришлой. Во-вторых, подольская шляхта не могла не быть военным сословием, учитывая условия жизни и условия, на которых она получала привилегии на землю [19, с. 289]. Подольская шляхта характеризуется В.Н. Михайловским как «эластичное сообщество» (вынесено в название монографии) – общность, открытая для принятия новых членов, новых правил игры, новых условий жизни. Общность, которая быстро реагирует на внешние вызовы и в которой формируются новые социальные группы. Такая характеристика вытекает из «условий жизни подольской шляхты на границе и за счет границы» [19, с. XV]. По персональному составу, по своей внутренней конфигурации данное сообщество на каждом этапе было разным [19, с. 275].

Под общей редакцией В.Н. Михайловского была подготовлена коллективная монография, посвященная изучению парламентаризма на украинских землях в XV – первой половине XVII вв. [20; 21]. Данное исследование относится к трендовому в современной литуанистике и полонистике направлению по

изучению истории, структуры и персонального состава органов сословного представительства, а именно – деятельности сеймов и сеймиков ВКЛ и Польского королевства. Участие в деятельности сейма, по мнению историка, формировало у шляхты стойкое представление о себе как об одном из ключевых элементов политической жизни страны [20, с. 21]. Основное внимание сосредоточено на истории сеймов в Польском королевстве и Речи Посполитой. Деятельность сеймов ВКЛ осталась вне внимания исследователей, хотя, как признает В.Н. Михайловский, волынская и киевская элиты были частью политического организма княжества в период с XIV в. до 1569 г. Вхождение части князей в состав панов-рады и участие в сеймах ВКЛ было хоть и скромной, но необходимой школой взаимодействия шляхты и великого князя [20, с. 22–23].

Наряду с В.Н. Михайловскими авторами разделов монографии выступили А.А. Винниченко, И.А. Тесленко, П.М. Кулаковский. Алексей Александрович Винниченко (Олексій Вінниченко) – кандидат исторических наук, доцент кафедры древней истории Украины и архивоведения Львовского национального университета имени И. Франко активно исследует деятельность сеймиков в период XVI–XVIII вв., роль шляхты в их функционировании и политической жизни общества [22; 23].

Научные интересы Петра Михайловича Кулаковского (Петро Кулаковський) – доктора исторических наук, профессора кафедры страноведения факультета международных отношений Национального университета «Острожская академия» (Ровенская область, г. Острог) – затрагивают широкий круг проблем по истории украинских воеводств Речи Посполитой XVI–XVII вв., в том числе вопросы социальной истории, международных отношений, деятельность сеймиков как органов шляхетского самоуправления [24].

Признанным специалистом по истории политической элиты Украины эпохи средневековья и раннего нового времени является Игорь Анатольевич Мельничук (Ігор Мельничук) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой общественных наук Житомирского национального агроэкологического университета. В 2015 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Витоки і становлення української політичної еліти (IX – середина XVII ст.): історичний дискурс». Монография И.А. Мельничука «Становлення і розвиток української політичної еліти (IX – середина XIV ст.)» посвящена рассмотрению роли украинской политической элиты в общественно-политических и социально-экономических процессах в период Средневековья (Киевская Русь и эпоха удельных княжеств) и Нового времени [25]. В третьем разделе монографии «Трансформація української політичної еліти під час литовсько-польської експансії (30-ті роки XIV – перша половина XVII ст.)» ключевое внимание автор уделяет эволюции шляхетского сословия, становлению его прав, роли в социальной структуре общества, а также трансформации княжеской и боярской элиты на данном этапе.

Значительный вклад в изучение административно-территориального устройства Украины периода ВКЛ и Речи Посполитой, институционализации должностей в системе управления внес доктор исторических наук, профессор Николай Григорьевич Крикун (Микола Крикун). Несомненный научный интерес в контексте истории шляхты ВКЛ представляет статья «Земські уряди на українських землях у XV–XVIII століттях», где исследователь предпринял попытку проследить становление и эволюцию земских урядов в разрезе украинских воеводств рассматриваемого периода [26]. Дальнейшее развитие данная проблематика получила в монографических исследованиях ученого [27].

Специалистом по истории шляхты Любечского староства XVI–XVII вв. является Игорь Викторович Кондратьев (Ігор Кондратьєв) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Национального университета «Черниговский колледж» им. Т.Г. Шевченко [28]. В 2005 г. защитил диссертацию на тему «Любечька шляхта: генеза та еволюція регіональної військовослужбової спільноти у XV–XVIII ст.».

Вопросы истории шляхты Русского воеводства разрабатывает Юрий Петрович Зазуляк – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории средних веков Института украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины (Львов) [29]. В 2004 г. защитил диссертацию на тему «Шляхта Руського воеводства у XV ст.».

В современной украинской историографии активно развивается историко-генеалогическое направление. С 1999 г. Украинским геральдическим обществом совместно с Институтом украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского издается сборник научных трудов (ежегодник) «Генеалогічні записки» (с 1999 до 2009 при участии Львовского национального университета имени И. Франко), основная тематика статей которого посвящена генеалогии, геральдике, просопографии.

Крупнейшим специалистом по геральдике, генеалогии и сфрагистике является Олег Анатольевич Однороженко – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и методики археографии и источниковедческих наук Института украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины (Киев) [30]. Защита докторской диссертации «Українська родова геральдика доби середньовіччя та раннього модерну (XIV–XVIII ст.)» состоялась в 2009 г. Общая картина формирования элитарных слоев украинского общества от Киевской Руси до Речи Посполитой, включая период Великого Княжества Литовского, представлена историком в монографии «Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада» [31].

Исследованиями по генеалогии, геральдике, сфрагистике занимается Институт специальных исторических дисциплин Музея Шереметьевых (создан в 2011 г., Киев). Среди сотрудников центра: О.А. Однороженко, И.А. Тесленко, А.А. Алферов (Алфьоров) и др. Сфера научных интересов Игоря Анатольевича Тесленко (Игор Тесленко), кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Национального университета «Киево-Могилянская академия», руководителя Центра изучения наследия князей Острожских Национального университета «Острожская академия», включает широкий круг вопросов генеалогии княжеских и шляхетских родов украинских воеводств Речи Посполитой, клиентелы князей Острожских, социальной и экономической истории Украины XVI–XVIII вв. [32]. В 2011 и 2013 гг. Институт выступил инициатором и организатором проведения I и II генеалогических чтений, что стало значимым событием в развитии украинской генеалогии и специальных исторических дисциплин [33; 34].

Признанным специалистом по генеалогии, политической и военной истории эпохи Средневековья и Раннего Нового времени является Леонтий Викторович Войтович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории средних веков и византистики Львовского национального университета им. И. Франко, старший научный сотрудник отдела истории средних веков Института украиноведения имени И. Крипьякевича НАН Украины [35–37]. Л.Н. Войтович является заместителем главного редактора ежегодника по истории средневековой истории и культуры Украины «Княжа доба: історія і культура». Докторская диссертация Л.В. Войтовича посвящена изучению роли представителей княжеских династий Рюриковичей и Гедеминовичей в общественно-политической, военной и культурной истории конца IX – начала XVI вв. [38]. В монографии «Княжа доба: портрети еліти», – как пишет Л.В. Войтович, – он попытался не только восполнить пробел в генеалогических исследованиях, но и показать роль представителей княжеских родов в политической жизни, охарактеризовать сложную систему родственных и династических связей [39, с. 8–9]. Всего в исследовании представлены сведения более чем о трех тысячах персоналий.

К жанру историко-биографических, историко-генеалогических исследований можно отнести монографии доктора исторических наук, профессора кафедры древней и новой истории Украины исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко Василия Иринарховича Ульяновского (Василь Ульяновський), посвященные представителям крупнейшего княжеского рода ВКЛ – князьям Острожским [40; 41].

Спектр научных интересов Владимира Дмитриевича Собчука (Володимир Собчук) – кандидата исторических наук, доцента кафедры общественных дисциплин Кременецкого областного гуманитарно-педагогического института им. Т. Шевченко (г. Кременец, Тернопольская обл.) охватывает широкий круг вопросов истории политической элиты украинских земель ВКЛ. Ученик Н.Н. Яковенко, В.Д. Собчук в 2002 г. защитил диссертацию на тему «Знать Південної Волині на схилі середніх віків: Історико-генеалогічне та історико-географічне дослідження». История княжеских и шляхетских родов посвящена монография «Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV – першої половини XVII ст.» [42]. Интерес автора акцентирован на изучении родоводов и поземельных отношений в кругу аристократии и шляхты Волыни, которые, по мнению ученого, составляют доминирующую общность «генеалогического характера» среди русской знати Великого Княжества Литовского и Польского королевства [42, с. 10].

Исторической генеалогией княжеских родов Восточной Европы эпохи средневековья активно занимается Станислав Николаевич Келембет – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Кременчугского университета экономики, информационных технологий и управления [43].

Генеалогию и родоходы шляхты Перемышльської землі XV–XIX вв. исследует Игорь Иванович Смуток (Ігор Смуток) – доктор исторических наук, доцент кафедры древней истории Украины и специальных исторических дисциплин Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Львовская обл.). Данной проблематике посвящена изданная в 2017 г. монография историка «Руська шляхта Перемишльської землі (XIV–XVIII ст.). Історико-генеалогічне дослідження», где уделено внимание истории шляхетских родов Русского воеводства Польского королевства [44].

Значительное развитие в современной украинской историографии получило изучение истории права, правовой культуры, деятельности судебных органов периода ВКЛ и Речи Посполитой. В данном направлении активно работает Дмитрий Петрович Ващук (Дмитро Ващук) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Украины средних веков и Раннего Нового времени Института истории Украины [45; 46]. Д.П. Ващук является также главным редактором профильного периодического сборника по истории Великого Княжества Литовского «Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського», издаваемого Институтом истории Украины с 2009 г. (периодичность – раз в два года).

Деятельность органов судебной системы, в частности городских и земских судов, историю права и правовой культуры, должностные уряды Волынской земли, историю Луцкого староства исследует Владимир Васильевич Полищук (Володимир Поліщук) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и теории археологии и родственных источниковедческих наук Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной Академии наук Украины [47; 48].

В Институте истории Украины изучением социально-экономической истории Украины периода ВКЛ занимаются А.В. Блануца, А.А. Гурбик. Андрей Васильевич Блануца (Андрій Блануца) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Украины средних веков и Раннего Нового времени [49; 50]. Кандидатская диссертация на тему «Обіг земельних володінь волинської шляхти у другій

половині XVI ст. (на матеріалах Луцьких актових книг 1566–1599 рр.)» была захищена в 2004 г. В монографії «Земельна політика Ягеллонів на українських теренах Великого князівства Литовського (1440–1572 рр.)» А.В. Блануца констатує, що, незважаючи на зростаючий інтерес до литовського періоду в українській історії, вивчення соціально-економічної історії представляє собою лауну в сучасній українській історіографії [50, с. 6]. Хронологічні рамки монографії охоплюють 1440–1572 гг. – від правління Казимира Ягеллончика до смерті Сигізмунда II Августа. Територіальні межі – українські землі в складі ВКЛ. Джерельну базу дослідження складають матеріали Литовської метрики. Основна увага А.В. Блануца приділяється розгляду еволюції земельних відносин, існуючій практиці земельних пожалувань, специфіці шляхетського землеволодіння і його типам, земській службі, правовим аспектам питання. За думкою автора, інтерес великокнязівської влади полягав у максимальному закріпленні за шляхтичами земельних володінь, обумовлених несенням земської служби [50, с. 354]. В межах розглянутих територій земельна політика мала свої особливості і в кожному конкретному випадку визначалася загальним станом земельного фонду, наявністю у шляхти документів на володіння майном [50, с. 353]. Особливістю економічного життя ВКЛ є наявність ринку землі, закріплення в законодавстві права на продаж, обмін, застава, оренду шляхетського землеволодіння [50, с. 354].

Еволюцію аграрних відносин в Україні XV–XVI вв., питання реалізації аграрної реформи 1557 г., відношення до неї різних соціальних груп, зокрема і шляхти, досліджує Андрій Александрович Гурбик (Андрій Гурбик) [51; 52].

Наукові інтереси Ірини Алексеевни Ворончук (Ірина Ворончук) – докторки історических наук, доцентки, заведуючої відділом історических пам'яток Національного науково-дослідницького інституту українознавства, торкаються широкого кола сюжетів соціальної історії епохи Середньовіччя і Раннього Нового часу [53; 54]. Докторська дисертація на тему «Населення Волині в XVI – першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники» захищена в 2015 г. Видана в 2012 г. монографія представляє собою фундаментальне історико-демографічне дослідження по структурі населення Волині XVI – першій половині XVII вв. Особливості шляхетської родини, шлюбні стратегії поведінки представителів привілейованого стану, проблема шляхетського двору як господарсько-економічного комплексу розглянуті автором в першому («Демографічна ментальність волинської шляхти («як людина в подружньому житті роки свої проводила»)») і другому («Структура й типологія шляхетської родини») розділах монографії. Проведені з залученням широкого кола джерел розрахунки дозволили автору стверджувати, що основною функцією шляхетської родини в розглянутий період була функція продовження роду, а характерними рисами демографічного поведіння волинської шляхти були ранній і загальний шлюб, багатодітність [54, с. 135–136]. Більшість шляхетських родин мали просту структуру і складалися з батьків і дітей. Однак це не означало, що родина була нечисленною, вона могла включати 10–12 осіб. Достатньо поширеним типом було розширене родинне господарство, до якого входили родичі, пов'язані широким горизонтальним і вертикальним зв'язком, в той час як складне родинне домогосподарство зустрічається достатньо рідко [54, с. 200–201]. Шляхетська родина, за думкою І.А. Ворончук, представляла собою складну «домогосподарську спільність», в основі якої лежали як кровно-родові, так і соціально-економічні зв'язки [54, с. 201].

Історію української шляхти в релігійних рухах XVI–XVII вв., питання соціально-політичної історії України періоду ВКЛ і Речі Посполитої досліджує Михайло Володимирович Довбищенко (Михайло Довбищенко) – доктор історических наук, старший науковий співробітник Центру українознавства філософського факультету Київського національного університету ім. Т. Шевченка [55].

Окремі сюжети історії шляхетства розглядаються українськими істориками в загальному контексті вивчення системи міжнародних відносин періоду Середньовіччя і Раннього Нового часу.

Історія міжнародних відносин ВКЛ і Кримського ханства, питання військової історії XV–XVI вв., роль і участь шляхти в обороні і військових кампаніях є предметом наукового інтересу Бориса Володимировича Черкаса – докторки історических наук, старшого науковий співробітника відділу історії України середніх віків і Раннього Нового часу Інституту історії України [56].

Широкий кола питань, пов'язаних з історією міжнародних відносин епохи Середньовіччя, Галицької землі, середньовічного нобілітету досліджує Мирослав Михайлович Волощук – доктор історических наук, доцент кафедри всесвітньої історії Інституту історії і політології Прикарпатського національного університету імені В. Стефаніка (г. Івано-Франківськ) [57; 58].

Заключення. Підводячи висновки до вивчення історії шляхти Великого Князівства Литовського XIV–XVI вв. в сучасній українській історіографії можна зробити наступні висновки.

В українській літописанні сформувалася наукова школа докторки історических наук, професора Н.Н. Яковенко по вивченню історії шляхти ВКЛ, представителами якої є Н.П. Старченко, В.В. Полищук, В.Д. Собчук, І.А. Тесленко і др. Монографія Н.Н. Яковенко по історії української шляхти кінця XIV – середини XVII вв. не тільки «відкрила» шляхетську проблематику для постсоветської історическої науки, але і в багатьох визначила нові підходи до її вивчення.

Сфера научных интересов историков-литуанистов охватывает широкий круг проблем политической и социальной истории украинских земель периода ВКЛ, историю права и правовой культуры, деятельность сословно-представительных и судебно-административных органов. Значительные успехи современной украинской историографией были достигнуты в изучении генеалогии и геральдики княжеских и шляхетских родов, представителей правящих династий.

Достаточно активно украинскими историками (особенно на фоне других национальных историографий истории ВКЛ) исследуются вопросы шляхетского землевладения, земельной политики великих князей литовских и королей польских в период Средневековья и Раннего Нового времени.

Новаторскими являются работы по социальной истории шляхетства Н.П. Старченко и И.А. Ворончук.

Отмечая тематическое и жанровое многообразие работ украинских историков по истории шляхетства, особо следует подчеркнуть их территориальную ограниченность (локальность) собственно украинскими землями в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

Ведущими научными центрами изучения истории ВКЛ и шляхты являются академические институты – Институт истории Украины (А.В. Блануца, Д.П. Ващук, А.А. Гурбик, Е.В. Русина, Б.В. Черкас), Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского (О.А. Однороженко, В.В. Полищук, И.П. Старченко). Университетская литуанистика полицентрична и представлена плеядой исследователей, «рассредоточенных» по высшим учебным заведениям Украины.

Историй Великого Княжества Литовского посвящен специализированный академический журнал «Україна Литваніка: студії з історії Великого князівства Литовського», издаваемый Институтом истории Украины. Широкий круг вопросов по социальной истории, функционированию социальных групп эпохи Средневековья и Раннего Нового времени представлен на страницах альманаха «Соціум. Альманах соціальної історії» (главный редактор – доктор исторических наук, академик В.А. Смолий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Щодра, О. Стан вивчення давньої історії України (до кінця XV ст.) / О. Щодра // Українська історіографія на зламі ХХ і ХХІ століть: здобутки і проблеми : колективна монографія / під ред. Л. Зашкільняка. – Львів, 2004. – С. 118–136.
2. Кириченко, К. Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991–2003 рр.: основні тенденції / К. Кириченко // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. = Grand duchy of Lithuania: history of research, 1991–2003 : матэрыялы Міжнар. круглага стала, Гродна, 16–18 мая 2003 г. / Гродз. абл. грам. аб'яд. маладых навукоўцаў «ВІТ» ; рэдкал.: С.Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – С. 484–494.
3. Вырський, Д. Великое княжество Литовское как исторический случай Украины / Д. Вырський // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 529–538.
4. Блануца, А.В. Лигуаністичні студії в Інституті історії України (1936–2011 рр.): основні тенденції / А.В. Блануца // Історіографічні дослідження в Україні. – Київ, 2012. – Вип. 22 : Доповіді та матеріали Міжнародної наукової конференції «Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття», Київ, 20–21 жовтня 2011 р. – С. 313–328.
5. Матях, В.Н. Національний історичний процес за доби середньовіччя і раннього нового часу: тематична репрезентативність на сторінках «Українського історичного журналу» (1987–2007 рр.) / В.Н. Матях // Український історичний журнал. – 2007. – № 6. – С. 67–82.
6. Матях, В.М. Медієвістично-ранньоновістичний конструкт «Українського історичного журналу»: проблемно-видова структура та евристичні ракурси / В.М. Матях // Український історичний журнал. – 2017. – № 6. – С. 19–60.
7. Яковенко, Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. / Н. Яковенко. – Київ : Критика, 2002. – 416 с.
8. Яковенко, Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України / Н. Яковенко. – Вид. 2, доп. – Київ : Генеза, 2005. – 585 с.
9. Яковенко, Н.М. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття / Н.М. Яковенко. – Київ : Laugus, 2012. – 472 с.
10. Яковенко, Н.М. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття: Волинь і Центральна Україна / Н.М. Яковенко. – Вид. друге, перегл. і випр. – Київ : Критика, 2008. – 469 с.
11. Русина, О.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського / О. В. Русина. – Київ : Ін-т укр. археології та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 1998. – 243 с.
12. Русина, О.В. Україна під татарами і Литвою / О.В. Русина // Україна крізь віки : у 15 т. – Київ : Альтернативи, 1998. – Т. 6. – 320 с.
13. На переломі: друга половина XV – перша половина XVI ст. / Упоряд. і передм. О.В. Русиної. – Київ : Україна, 1994. – 352 с.
14. Історія України в особах: Литовсько-польська доба / Авт. кол. : О. Дзюба, М. Довбищенко, О. Русина (упоряд. і авт. передм.) [та ін.]. – Київ : Україна, 1997. – 272 с.
15. Україна: литовська доба 1320–1569 / О. Русина [та ін.] ; НАН України ; Ін-т історії України. – Київ : Балтія-Друк, 2007. – 176 с.
16. Кириченко, К. Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991–2003/4: основні тенденції / К. Кириченко // Ruthenica : зб. наук. пр. / НАН України. Ін-т історії України ; наук. ред.: В. М. Ричка, О. П. Толочко. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2005. – Т. 4. – С. 215–229.

17. Старченко, Н. Честь, кров і риторика. Конфлікт у шляхетському середовищі Волині (друга половина XVI – початок XVII століття) / Н. Старченко. – Київ : Laurus, 2014. – 510 с.
18. Старченко, Н. Люблінська унія як ресурс формування концепту політичного «народу руського» (1569–1648 рр.) / Н. Старченко // Український історичний журнал. – 2019. – № 2. – С. 4–45.
19. Михайлівський, В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. / В. Михайлівський. – Київ : Темпора, 2012. – 450 с.
20. «Прикладом своїх предків...». Історія парламентаризму на українських землях у 1386–1648 роках: Польське королівство та Річ Посполита / В. Михайловський [та ін.]. / За ред. В. Михайловського = Студії з історії парламентаризму на українських землях у XIV–XX ст. – Київ : Темпора, 2018. – Т. I. – 384 с.
21. Михайловський, В. Бібліографія парламентаризму на українських землях до 1648 року: Польське королівство, Велике князівство Литовське, Річ Посполита=Студії з історії парламентаризму на українських землях XIV–XX ст. / В. Михайлівський. – Київ : Темпора, 2018. – Т. II. – 192 с.
22. Винниченко, О.О. Конституції сеймів 1576–1647 років як джерело до історії організації і діяльності сеймиків у Речі Посполитій / О.О. Винниченко // До джерел : зб. наук. пр. на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя / редкол.: І. Гирич [та ін.]; Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. – Київ–Львів, 2004. – Т. II. – С. 229–266.
23. Винниченко, О.О. Шляхетські сеймики і шляхтичі, котрі не були шляхтою (Нотатки на полях «Libri chanozum» Валеріана Трепки) / О.О. Винниченко // Записки товариства імені Шевченка. – Львів, 2010. – Т. CCLX : Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін, кн. 1 / Ред. тому О. Купчинський ; ред. кол.: А. Гречило [і ін.]. – С. 164–189.
24. Кулаковський, П. Канцелярія Руської (Волинської) метрики 1569–1673 рр.: студія з історії українського регіоналізму в Речі Посполитій / П. Кулаковський. – Острог ; Львів : [б.в.], 2002. – 304 с.
25. Мельничук, І.А. Становлення і розвиток української політичної еліти (IX – середина XVII ст.) / І.А. Мельничук. – Житомир : Вид-во «Рута», 2014. – 388 с.
26. Крикун, М. Земські уряди на українських землях у XV–XVIII століттях / М. Крикун // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – 1994. – Т. CCXXVIII. Праці Історико-філософської секції. – С. 65–122.
27. Крикун, М. Подільське воеводство у XV–XVIII століттях: статті і матеріали / М. Крикун. – Львів : Видавництва Львівської Політехніки, 2011. – 733 с.
28. Кондратьєв, І. Шляхта Любецько-Лосєвського староства: проблеми політичного вибору та зміни правового статусу (XV–XVII ст.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2018. – № 49. – S. 25–37.
29. Зазуляк, Ю.П. Rebartizatio ruthenorum: подвійні імена та конфесійно-культурна ідентичність шляхти руського походження в Галичині XV ст. / Ю.П. Зазуляк // Ruthenica. – 2007. – Т. 6. – С. 275–298.
30. Однороженко, О. Князівська геральдика Волині середини XIV–XVIII ст. / О. Однороженко. – Харків : ХОО ВУТ «Просвіта», 2008. – 180 с.
31. Однороженко, О. Українська (руська) еліта доби Середньо віччя і раннього модерну: структура та влада / О. Однороженко. – Київ : Темпора, 2011. – 418 с.
32. Тесленко, І. Хто є хто в імперії «старого» князя. «Острозька шляхта» / І. Тесленко // Соціум. Альманах соціальної історії. – 2008. – Вип. 8. – С. 119–133.
33. Генеалогія. Збірка наукових праць / Голова редколегії В.А. Смолій. – Київ : ВД «Простір», 2013. – Вип. I. – 440 с.
34. Генеалогія. Збірка наукових праць. / Редкол.: В.А. Смолій (голова) ; НАН України. Інститут історії України; Інститут спеціальних історичних дисциплін музею Шереметьєвих. – Київ : ВД «Антиквар», 2016. – Вип. II: Генеалогія соціальних, локальних та етнічних груп України: джерела, методи дослідження, зв'язок із соціальною історією. – 390 с.
35. Войтович, Л.В. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів / Л.В. Войтович. – Київ : «Таурис ЛТД», 1992. – 199 с.
36. Войтович, Л.В. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. історико-генеалогічне дослідження / Л.В. Войтович. – Львів : Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1996. – 256 с.
37. Войтович, Л.В. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. Таблиці / Л.В. Войтович. – Львів : Інститут українознавства НАНУ, 1996. – 80 с.
38. Войтович, Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження / Л. Войтович. – Львів : Інститут українознавства НАНУ, 2000. – 649 с.
39. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква : Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.
40. Ульяновський, В. «Славний для всіх часів чоловік»: князь Костянтин Іванович Острозький / В. Ульяновський. – Острог : Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2009. – Вип. 2. – 168 с.
41. Ульяновський, В. Князь Василь-Костянтин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків / В. Ульяновський. – Київ : ВД «Простір», 2012. – 1370 с.
42. Собчук, В.Д. Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV – першої половини XVII ст. / В.Д. Собчук. – Кременець : Кременецько-Почаївський державний історико-архітектурний заповідник, 2014. – 508 с.
43. Келембет, С.М. Князі Несвізькі та Збаразькі: XIII – початок XVI століть / С.М. Келембет. – Кременчук : Християнська зоря, 2017. – 212 с.
44. Смуток, І. Руська шляхта Перемишльської землі (XIV–XVIII ст.). Історико-генеалогічне дослідження / І. Смуток. – Львів : Простір-М, 2017. – 504 с.
45. Ващук, Д.П. «Абыхмо держали ихъ подле права ихъ земли» (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV–XVI ст.) / Д.П. Ващук. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2009. – 320 с.

46. Ващук, Д.П. Становлення та розвиток правової системи Великого князівства Литовського у другій половині XV – першій третині XVI ст.: на прикладі Київщини й Волині / Д.П. Ващук // Український історичний журнал. – 2015. – № 2. – С. 99–112.
47. Поліщук, В. Князі Масальські на Волині у XVI ст. за документами Державного історичного архіву Литви. (Руська титулована знать у просторі Великого Князівства Литовського) / В. Поліщук. – Київ : Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2007. – 100 с.
48. Поліщук, В. Урядницькі клани Волинської землі напередодні Люблінської унії 1569 р. / В. Поліщук // Проблемы інтеграції і інкарпарації ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу : матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвечанай 440-годдзю Люблінскай унії, Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г. / Навук. рэд.: С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. – Мінск, 2010. – С. 59–73.
49. Блануца, А. Земельні володіння волинської шляхти у другій половині XVI ст. / А. Блануца. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2007. – 248 с.
50. Блануца, А. Земельна політика Ягеллонів на українських теренах Великого князівства Литовського (1440–1572 рр.) / А. Блануца. – Київ : Інститут історії України, 2017. – 423 с.
51. Гурбик, А. Аграрна реформа в Україні XVI ст. / А. Гурбик. – Київ : Інститут історії України, 1997. – 64 с.
52. Гурбик, А.О. Еволюція соціально-територіальних спільнот в середньовічній Україні (волость, дворище, село, сярбинна спілка) / А.О. Гурбик. – К. : Ін-т історії України НАН, 1998. – 318 с.
53. Ворончук, І.О. Родоводи волинської шляхти XVI – першої половини XVII ст.: реконструкція родинних структур (методологія, методика, джерела) / І.О. Ворончук. – К. : Вища шк., 2009. – 511 с.
54. Ворончук, І.О. Населення Волині в XVI – першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники / І.О. Ворончук. – Київ : ППВФ, 2012. – 712 с.
55. Довбищенко, М. Волинська шляхта у релігійних рухах (кінець XVI перша половина XVII ст.) / М. Довбищенко. – Київ : ПП Сергійчук М. І., 2008. – 882 с.
56. Черкас, Б.В. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540) / Б.В. Черкас. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2006. – 244с.
57. Волощук, М.М. «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції / М.М. Волощук. – Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2014. – 496 с.
58. Волощук, М. Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою XII–XIV ст. / М. Волощук // Український історичний журнал. – 2018. – № 4 – С. 4–19.

Поступила 07.05.2020

HISTORY OF THE NOBILITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN XIV–XVI CENTURIES IN THE CONTEXT OF LITHUANISTIC RESEARCH MODERN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

N. KAZLOUSKAYA

The article is devoted to the study of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania of the XIV–XVI centuries in modern Ukrainian historiography. The author defines the key directions of development of Ukrainian lithuanistics, considers and analyzes the main works of Ukrainian historians in this direction. It is stated about the formation of the scientific school of doctor of historical Sciences N. N. Yakovenko. Significant achievements of Ukrainian historiography in the study of political and social history, the history of law and legal culture, genealogy and heraldry of princely and gentry families, and gentry land ownership are noted.

Keywords: nobility, political elite, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, modern Ukrainian historiography.

УДК 631.171:94"1921/27"

**МЕХАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ БЕЛАРУСИ
В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ НЭПА В 1921-1927 гг.****А.В. КОЛОС***(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

Данная статья посвящена развитию механизации в крестьянских хозяйствах в 1921–1927 гг. В результате исследования автор пришёл к выводу, что низкая степень оснащённости сельскохозяйственной техникой большинства крестьян была обусловлена аграрной перенаселённостью, природными условиями и классовой политикой в отношении зажиточной категории крестьянства. Подавляющая часть производимых машин предназначалась для производства зерновых культур. Практически немеханизированными оставались такие отрасли как картофелеводство, выращивание культур льна.

Ключевые слова: *Центроземклад, машинные товарищества, аграрная перенаселённость, Машиноиспытательная станция, прокатные пункты, зерноочистительные передвижные станции.*

Введение. В начале 1920-х гг., основной отраслью народного хозяйства ССРБ являлся аграрный сектор, от развития которого зависело восстановление всей экономики республики. Практически все земельные угодья сосредотачивались в крестьянских хозяйствах, именно они должны были стать основными поставщиками товарной продукции. В свою очередь, в данный промежуток времени большинство из них применяло двух-, трехпольные севообороты, архаические орудия труда (соху, деревянную борону), что не способствовало подъёму урожайности и не позволяло наладить необходимое снабжение города продовольствием и сырьём промышленности. Такая ситуация требовала от республиканского правительства принятия чрезвычайных мер. Наиболее оптимальным методом решения данной проблемы была механизация земледелия и животноводства, что позволяло не только решить проблему роста урожайности, но и, ввиду дороговизны техники, способствовать объединению крестьян в различные формы кооперации, как промежуточной ступени перехода в социалистическое общество.

Основная часть. На 5 съезде X конференции КП(б)Б 15–20 октября 1921 г. партийной номенклатурой были определены важные факторы, способствующие развитию производительности в крестьянских наделах, которые выражались в регулировании форм землепользования и интенсификации [1, с. 58–63]. Эксплуатация сельскохозяйственной техники позволяла выполнять работы быстро и в лучшие агрономические термины. На 1 десятину косьбы требовалось 3 человека, а 1 косилка обрабатывала за данный промежуток времени площадь в 4 десятины. На 10% возрастала урожайность в случае замены деревянной сохи на однолемешный железный плуг, применение пружинистой бороны позволяло уничтожать до 70% сорняков, в сравнении с деревянной бороной с железными зубьями. Эксплуатация рядовой сеялки позволяла сэкономить в среднем около 25% посевного материала [2, с. 17–18].

В начале 1920-х гг. степень механизации крестьянских хозяйств оставалась достаточно низкой. По состоянию на 1922 г. по ССРБ использовалось 202 тыс. железных плугов, 26 тыс. деревянных сох и 185,5 тыс. деревянных борон с железными зубьями. Процент изношенности железных плугов составлял 40–50%, деревянных борон 15–25%, что объяснялось их приобретением до 1917 г. [3, л. 22об.–23]. Сложные сельскохозяйственные машины встречались крайне редко и преимущественно у зажиточной категории крестьянства. По состоянию на 1922 г. по Витебской губернии на 249 тыс. крестьянских хозяйств приходилось всего 689 сеялок и 1 тыс. уборочных машин [4, с. 22]. В начале 1920-х гг. наблюдалась существенная дифференциация по обеспеченности сельскохозяйственным инвентарём по округам Беларуси. Подавляющее количество сложной сельскохозяйственной техники в 1923 г. приходилась на Минско-Слуцкий регион, в котором ещё до 1914 г. количество железных плугов превышало численность деревянных сох. В Слуцком округе железный плуг в крестьянских хозяйствах практически вытеснил деревянную соху [5, с. 81]. В Минском округе эксплуатировалось 40% всех молотилок и веялок республики, преимущественно кустарного производства [5, с. 84]. В Полоцком округе 15% крестьян продолжали использовать деревянную соху, что влекло за собой низкую урожайность. По данному округу урожайность ржи составляла 29 пудов с десятины [5, с. 57]. По Борисовскому округу 22% крестьян применяли сохи и трехпольный севооборот. По урожайности ржи этот регион опережал только Полоцкий округ [5, с. 86].

Для рентабельной эксплуатации многих типов сельскохозяйственной техники необходимо было провести рациональное землеустройство (ликвидировать чересполосицу, крестьянское малоземелье), учитывать природные особенности регионов, логистику, местный крестьянский менталитет, что в условиях функционирования бюрократического аппарата и классового подхода не всегда успешно могло реализоваться [6, с. 68]. В вопросах землеустройства перед партией стояла важная задача выработки наиболее оптимальной формы,

чтобы одновременно стимулировать крестьянскую инициативу и направлять их к развитию различных форм сельскохозяйственной кооперации, постепенно вытесняя капиталистические пережитки [7, с. 131]. После ряда дебатов на 5 съезде КП(б)Б, наиболее приемлемой формой социалистического землеустройства был признан посёлок. Именно посёлки наиболее рационально подходили для введения многопольных севооборотов, эксплуатации многих типов сложных машин, что в дальнейшем, по мнению республиканского руководства, должно было способствовать организации различных форм кооперации и коллективных хозяйств [8, л. 202]. В свою очередь, на посёлки переселялись малоземельные крестьяне или молодые крестьянские семьи, которые не могли быстро организовать высокодоходное продуктивное хозяйство. Согласно расчётам экономиста И.А. Кислякова, поселковая форма показывала свою рентабельность лишь через 4 года [9, с. 165]. Подавляющая часть крестьянства продолжала страдать от хронического малоземелья и чересполосицы. В 1922 г. 57,2% крестьянских хозяйств имело наделы от 0,25 до 0,75 десятины, в пересчёте на одного человека, 34,4% имело земельные наделы от 1 до 1,5 десятины на человека. Чтобы начать рациональное землепользование, крестьянские наделы должны были насчитывать не менее 4,6 – 6,35 десятины пашенной земли [10, с. 41]. Выплата продналога в условиях послевоенного кризиса являлась чрезмерно завышенной. В 1922–1923 гг. с одного человека бедняцкой категории крестьянства брали 0,16 пуд. зерновых, а с одного представителя зажиточной прослойки – уже 30,76 пуд., то есть, в 180 раз больше [10, с. 37]. Отечественное машиностроение за 1922 г. произвело всего 900 железных плугов, что могло удовлетворить крестьянскую потребность только на 3,6% [11, л. 23об.]. На территории Беларуси практически отсутствовало производство сложных сельскохозяйственных машин, многие из зарубежных моделей не всегда могли успешно выполнять свои функции в природных условиях Беларуси, что вынуждало крестьян эксплуатировать технику кустарного производства зачастую низкого качества [12, л. 51].

Учитывая данные обстоятельства, со стороны государства началась организация специализированных учреждений снабжения, прокатных пунктов (таблица). В 1922 г. был образован Центроземсклад, который имел свои филиалы в крупных городах республики: Бобруйск, Борисов, Слуцк, Мозырь, станция Пуховичи, Логойск, Осиповичи. В обязанности данной организации входило снабжение машинами, сортовыми семенами, минеральными удобрениями, в том числе и через предоставление кредита [13, с. 234]. В период 1922–1923 гг. покупательная способность подавляющего количества крестьянских хозяйств оставалась достаточно низкой. В большинстве своём крестьяне приобретали железные плуги, бороны, ручной инвентарь. За 1922–1923 гг. практически не приобретались картофелекопатели, льномялки, льнотеребилки. Из сложных машин наибольшим спросом пользовались веялки, арфы и соломорезки, что объяснялось потребностью крестьянства в качественном посевном материале и специализацией сельского хозяйства на молочном животноводстве [13, с. 234; 14, с. 41; 15 л. 6].

Таблица. – Реализация сельскохозяйственного инвентаря среди крестьянских хозяйств в 1922–1927 гг.

Инвентарь	1922 г.	1922/1923 гг.	1923/1924 гг.	1924/1925 гг.	1925/1926 гг.	1926/1927 гг.
Железные Плуги	1116	1658	4632	32880	32276	7905
Бороны пружинистые	72	170	816	4418	4131	2233
Конные молотилки	11	83	608	1621	2900	1367
Арфы	117	190	208	1250	1848	–
Жнейки	12	23	47	69	118	–
Соломорезки	54	226	457	887	5130	78113

Источник: [13–15].

Низкая покупательная способность мотивировалась дисбалансом в стоимости между аграрной и промышленной продукцией («Ножницы цен»). Рыночная стоимость плуга марки «Сухени» в 1923 г. возросла на 238% в сравнении с 1914 г., конной молотилки – на 168%, веялки фабричного производства – на 164%. Стоимость картофелекопателя в 1925 г. составляла 258 руб., что являлось неподъемной ценой для подавляющего большинства не только малоземельных крестьян, но и середняков [13, с. 238]. Поставки машин в филиалы Центроземсклада осуществлялись бюрократическим аппаратом Минска, без учёта местных природных особенностей, происходило увеличение стоимости, что приводило к снижению не только покупательной способности крестьян, но и финансовым потерям государственного бюджета [15, л. 6].

Прокатные пункты в начале 1920-х гг. не могли обеспечить широкие массы крестьянства необходимыми машинами, и их ведущая роль сводилась лишь к пропаганде передового опыта по внедрению сложных машин. В 1922 г. они смогли снабдить крестьянские хозяйства всего лишь 505-ю плугами [16, с. 6]. На 1 октября 1923 г. по республике числилось 30 прокатных пунктов. Основу технического парка составляли машины из бывших помещичьих имений, которые имели не только высокую степень износа, но и зачастую были непригодны к работе в местных природных условиях. Работоспособными машинами были обеспечены в следующем количестве: железными плугами – 618 единиц, сеялками и уборочными машинами – 272 единицы или 26% от общего количества, зерноочистительными машинами –

112 единиц или 12%. Всего же в прокатных пунктах числилось 1002 единицы техники [13, с. 79]. К озимому севу 1923 г. в прокатных пунктах было очищено 55 тыс. пудов зерна. Сельскохозяйственной техникой было обработано 1880 десятин крестьянских полей [13, с. 80].

Наиболее эффективным методом повышения механизации среди крестьянских масс являлась организация машинных товариществ, которые в Беларуси появились, начиная с 1923 г. [17, с. 111]. Однако данные структуры могли успешно функционировать лишь в случае активной государственной поддержки, в первую очередь, через предоставление долгосрочного кредита. Например, конная молотилка себя оправдывала только в том случае, если предоставлялся кредит более чем на три года. Немаловажным фактором было рациональное землеустройство, близость к крупным городам, специфика местного крестьянского менталитета. В 1924 г. в 5 верстах от Минска было организовано Недвежинское машинное товарищество, насчитывающее 40 крестьянских хозяйств. Благодаря отсутствию чересполосицы и специализации на выращивании зерновых культур, крестьяне могли успешно применять жнейку американской фирмы «Мак-Кормика». Товарищество располагало следующими машинами: веялкой, конной молотилкой, пружинистой бороной и железным плугом [18, л. 15]. Постепенный выход экономики из кризиса, снижение цен на промышленные товары и увеличение стоимости сельхозпродукции, кредитование крестьян и развитие кооперации увеличили покупательную способность среди крестьян. Наивысшая покупательная способность наблюдалась в 1924–1925 гг. [14, с. 41].

Следует отметить, что снабжение сельскохозяйственным инвентарём не поспевало за стремительным делением крестьянских наделов. Если в начале проведения политики НЭПа количество крестьянских хозяйств увеличивалось на 8 тыс. в год, то с середины 1920-х гг. – на 15 тыс. в год [6, с. 68]. Именно с 1925 г. наметился рост безынвентарных крестьянских хозяйств. Например, по Бобруйскому округу в 1924 г. таковых насчитывалось 10,4%, а в 1925 г. – до 11% [19, с. 32]. Несмотря на классовый подход в распределении машин, подавляющая часть сложной сельскохозяйственной техники сосредотачивалась в зажиточных хозяйствах с земельной площадью свыше 6 десятин земли, что вело к расслоению крестьянства и вынуждало бедняцкую категорию арендовать «мёртвый инвентарь» у обеспеченной прослойки. Это нарушало социалистическую идеологию [20, с. 3]. При обследовании крестьянских хозяйств работниками Минской машиноиспытательной станции Самохваловичского района (современный Минский район) была установлена степень оснащения сельскохозяйственной техникой в зависимости от величины земельного надела. В хозяйствах от 4 до 6 десятин земли имелся железный плуг одноконный, деревянная борода с железными зубьями и другой мелкий инвентарь. С увеличением земельной площади пропорционально росла и оснащённость сложным сельскохозяйственным инвентарём. В крестьянских хозяйствах площадью от 6 до 9 десятин дополнительно имелась соломорезка, окучник – часто в совместном владении. А в одном из крестьянских хозяйств с земельной площадью 60 га земли был обнаружен даже американский трактор «Фордзон» [21, с. 2–3].

Именно зажиточный крестьянин в данный промежуток времени стал основным производителем товарной сельскохозяйственной продукции. Многие из них показывали более высокие урожаи в сравнении с артелями, коммунами. У крестьянина Ивана Мелеха из д. Вербовичи Наровлянского района при наличии 2 плугов, 2 борон железных и площади земельного надела в 11 десятин, урожайность составляла: 90–100 пудов жита, на отдельном участке – 199 пудов. Урожайность картофеля составляла 1600 пудов, овса – 60 пудов. [22, с. 9]. В хозяйстве крестьянина С. Велихова из Самохваловичского района при земельной площади 5,5 десятин при наличии одного плуга, железной и пружинистой бороны наблюдался устойчивый рост урожайности культур. В 1925 г. урожайность жита составляла 120 пудов, овса – 100 пудов. Для сравнения: в коммуне имени К. Либкнехта, где земельная площадь насчитывала 160 десятин, и имелось 10 плугов, 2 паровые молотилки, 1 жнейка, трактор «Фордзон» и 2 локомотива, урожайность жита составляла 80 пуд, овса – 60–70 пудов. Данные показатели урожайности объяснялись не только применением машин, но и использованием многопольных севооборотов, минеральных удобрений, материальной заинтересованности в повышении производительности своих наделов [22, с. 26].

В середине 1920-х гг. проявились первые существенные недостатки при эксплуатации сельскохозяйственной техники. Сохранение чересполосицы и дальнотельности не позволяло использовать в необходимом количестве рядовые сеялки. По подсчётам работников Минской машиноиспытательной станции, использование сеялок могло сэкономить до 3 млн. пудов зерна в год по всей республике. Эксплуатация различных типов машин не позволяла произвести стандартизацию инвентаря, создавала проблемы с обеспеченностью запасными частями, ремонтом, что приводило к простоям техники. Уборочный инвентарь в Самохваловичском районе был представлен исключительно зарубежными машинами американского и немецкого производства: «Мак-Кормика», «Диринга», «Оборна». По заявлениям крестьян, основной причиной, не позволявшей начать использование уборочных машин в массовом порядке, была не только чересполосица и высокая стоимость, но и сложность ремонта. По данным машиноиспытательной станции, уборочные машины эксплуатировались до 10–12 дней в году при достаточно длительном периоде сбора урожая [21, с. 5].

В середине 1920-х гг. не удалось решить проблему повышения качества посевного материала, что являлось сдерживающим фактором повышения урожайности и не позволяло конкурировать советскому

зерну с американской продукцией на Европейском рынке. Одной из причин была крайне низкая механизация крестьянских хозяйств: в середине 1920-х гг. только 4% крестьян имели в своих хозяйствах веялки и арфы. Для реализации поставленной задачи в Беларуси началась организация зерноочистительных пунктов. В 1924 г. в данных учреждениях было очищено всего 4% семян, а в 1925 г. этот показатель возрос только до 8% [23, с. 365]. Для решения данной проблемы, с середины 1920-х гг. началось формирование зерноочистительных передвижных станций. Основными задачами данных организаций кроме очистки семян являлась демонстрация передового опыта с целью привлечения широких слоев крестьянства в кооперацию. В 1926 г. по республике действовало 156 обзоров против 50 в 1925 г. В данных структурах насчитывалось по три триера, сортировки, льнотрещётки, веялки. Всего же по республике в передвижных станциях насчитывалось 799 машин, было очищено 1 430 720 пудов зерна, что составляло 15% от общего количества посевного материала [24, с. 43].

В середине 1920-х гг. среди крестьянских хозяйств наименее механизированным оставалось выращивание культур картофеля и льна, что объяснялось сосредоточением данных культур преимущественно в бедняцких хозяйствах. В 1926 г. в крестьянских хозяйствах полностью отсутствовали картофелекопатели, что объяснялось их высокой стоимостью [24, с. 264–265]. В условиях углубления специализации сельского хозяйства на молочном животноводстве и выращивании технических культур, государство начало снабжение прокатных и зерноочистительных пунктов луговым инвентарём и машинами по обработке льна, которых в середине 1920-х гг. оставалось сравнительно немного. В 1925 г. по БССР на прокатных пунктах имелась всего 41 машина по льнообработке [23, с. 355]. В 1926 г. произошло увеличение количества триеров на 118%, лугового инвентаря на 40%, машин по обработке льна на 105%. Однако данное количество техники не могло охватить широкие крестьянские массы [25, с. 41]. В 1927 г. по БССР действовало 188 машинных товариществ [17, с. 111]. Среди наличного «мёртвого инвентаря» наибольшее распространение получили соломорезки и веялки. На низком уровне оставалась обеспеченность сеялками, льнотрепалками, жатками, сепараторами [26, с. 32]. С целью увеличения прибыли пайщики сдавали инвентарь сопредельным крестьянам. За 1926–1927 гг. из обследованных 27 машинных товариществ было получено дохода на сумму 1696 руб. [26, с. 31–32].

В конце проведения НЭПа в 1926–1927 гг., уровень механизации крестьянских наделов оставался достаточно низким, не был ликвидирован дисбаланс технической оснащённости по регионам республики. В 1927 г. подавляющее количество сельскохозяйственной техники, как и в начале 1920-х гг., сосредотачивалось в Минско-Слуцком регионе. Только 0,05% крестьянских хозяйств в данном регионе использовали деревянные сохи. На 100 дворов приходилось 15,5 арф, 11,2 молотилок, 26,5 соломорезок, 14,7 веялок. В остальных регионах уровень механизации был неудовлетворительным. В Борисовском округе 12,7% крестьян продолжали эксплуатировать деревянную соху. На 100 крестьянских хозяйств округа приходилось 7,5 арф, 10,4 молотилок, 2,3 веялки. Наименее механизированными, как в начале 1920-х гг., оставались Полоцкий, Речицкий, Мозырьский регионы. В Мозырьском районе на 100 дворов приходилось 1 арфа, 2,4 молотилки. В Гомельском районе – 3,4 арфы, 2,1 молотилки [27, с. 112–119].

Заключение. На протяжении проведения политики НЭПа, несмотря на активную государственную поддержку, не удалось достичь высокого уровня механизации крестьянских хозяйств, что не способствовало увеличению урожайности и товарности труда подавляющей массы крестьянства. Основными причинами такой ситуации были: классовая политика государства в отношении зажиточной категории крестьянства, природные особенности региона, чересполосица и крестьянское малоземелье, отсутствие развитого отечественного машиностроения, специфика крестьянского менталитета. Ввиду вышеперечисленных особенностей практически немеханизированными оставались такие важные отрасли, как картофелеводство и выращивание культуры льна, что объяснялось их сосредоточением преимущественно в бедняцких крестьянских хозяйствах. Наивысшим спросом среди крестьянства пользовались соломорезки и веялки, что мотивировалось специализацией агарного сектора и невозможностью достижения роста урожайности экстенсивными методами (за счёт увеличения площади земельных угодий). Наиболее эффективными методами повышения механизации являлась организация машинных товариществ, однако ввиду их малочисленности, они не могли существенно повлиять на перестройку агарного сектора.

В период проведения НЭПа не удалось ликвидировать дисбаланс по механизации регионов Беларуси. Вышеперечисленные недостатки вынудили советское правительство начать постепенное сворачивание новой экономической политики и осуществлять переход к сплошной коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. 5 съезд X конференции КП(б)Б 15–20 октября 1921 г. // Восстановление народного хозяйства БССР ; редколл. З.И. Гиоргидзе [и др.]. – Минск : Беларусь, 1981. – С. 58–63.
2. Вэйс, Ю.А. Значэнне сельскагаспадарчых машын і прыладаў / Ю.А. Вэйс // Плуг. – 1925. – № 3. – С. 16–19.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 48. Оп. 4. Д. 3.

4. Прищепов, Д. Сельское хозяйство Белорусской ССР и мероприятия по его восстановлению / Д. Прищепов. – Минск : Из-е Наркозема БССР, 1925. – 76 с.
5. Смолич, А.А. Белоруссия территория, население, экономика, важнейшие моменты истории. Экономический очерк Советской Белоруссии и ее округов / А.А. Смолич, В. Игнатенко. – Минск : Совет Народных Комиссаров БССР. – 1925. – 94 с.
6. Ходзін, С.М. Трансфармацыя адзінаасобнай сялянскай гаспадаркі ў Беларусі ў 1920 – 30 – я гады / С.М. Ходзін // Вестник Белорусского государственного университета. История. – 2018. – № 2. – С. 67 – 75.
7. Ходзін, С.М. Беларуская веска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1941) // С.М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 2014 – 240 с.
8. НАРБ – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2.
9. Бусько, В.Н. Экономическая мысль Беларуси в период Нэпа 1920- е годы / В.Н. Бусько. – Минск : Право и экономика, 2000. – 244 с.
10. Бяспалая, М.А. Эканамічнае развіццё беларускай вёскі (20-я гады ХХ ст.) / М.А. Бяспалая // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 1. – С. 35–47.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 688.
12. НАРБ. – Ф. 540. Оп. 1. Д. 1.
13. Отчет Народного Комиссариата Земледелия. – Минск : НКЗ БССР, 1923. – 235 с.
14. Чарвякоў, А.Р. Снабжэнне сельскай гаспадаркі сродкамі вытворчасці / А.Р. Чарвякоў // Плуг. – 1927. – № 10. – С. 41–42.
15. НАРБ. – Ф. 48. Оп. 5. Д. 4.
16. Петрович, И. Характеристика работ экономического совещания ССРБ / И. Петрович // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – дек. – С. 3–6.
17. Ходзін, С.М. Мадэрнізацыя ў Беларусі (1921–1941) // С.М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 2019. – 240 с.
18. НАРБ. – Ф. 334. Оп. 1. Д. 368.
19. Полеферов, Я. Народное хозяйство Бобруйского округа / Я. Полеферов. – Бобруйск : Изд-во Округного исполкома, 1926. – 172 с.
20. XIII Конференция коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Стенографический отчет / В.П. Вайнер [и др.]. – Минск : Изд-е Центрального комитета КП(Б)Б, 1924. – 135 с.
21. Яржемский, С.И. К вопросу о стандартизации крестьянского сельско-хоз. инвентаря / С.И. Яржемский. – М. : Изд-во Центр. управл. Печати ВСНХ, 1925. – 10 с.
22. Заяц, П. За лепшую сельскую гаспадарку і сельскі гурток / П. Заяц. – Менск : Беларуская вёска, 1926. – 167 с.
23. Михайлов, А.М. Перспективный план развития сельского хозяйства и лесного хозяйства БССР 1925/26 – 1929/30 гг. / А.М. Михайлов, С.К. Серков. – Минск : Изд-во Наркозема БССР, 1927. – 575 с.
24. Статистический ежегодник БССР на 1926 г. – Минск : Центр. стат. управл. БССР, 1927. – XII, 527 с.
25. Адамович, А. Доклад Совета СНК БССР / А. Адамович. – Минск : Изд-е Управляющего делами СНК БССР, 1926. – 176 с.
26. Беларускі саюз с. г. кааперацыі Белсельсаюз. Справаздача за 1926–1927 гг. – Менск : Друк. Камунтрэсту, 1928. – 47 с.
27. Смолич, А.А. Сельскагаспадарчыя раёны БССР у 1927–28 гг. / А. Смолич. – Менск : СНК БССР, 1929. – 138 с.

Поступила 27.12.2019

MECHANIZATION OF PEASANT FARMS OF BELARUS IN THE PERIOD OF CARRYING OUT NEP POLICY IN 1921 – 1927

A. KOLAS

This article is devoted to the development of mechanization in peasant farms in 1921-1927. As a result of the study, the author came to the conclusion that the low degree of equipment of agricultural machinery among the majority of peasants was due to agrarian overpopulation, natural conditions and class policy in relation to the prosperous category of the peasantry. The vast majority of the machines produced were intended for the production of grain crops. Such branches as potato growing, cultivation of flax culture remained practically non-mechanized.

Keywords: *Centrozemsklad, machine partnerships, tractor, agricultural overpopulation, machine testing station, rental points, grain cleaning mobile stations.*

УДК 930.2(355):94(476)

**ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1921 – 1939 гг.:
КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР****Е.В. КОМАР***(Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск)*

Рассматривается отечественная и зарубежная историография отдельных вопросов военного строительства на территории Беларуси в межвоенный период. Выделяются условные периоды историографического изучения проблемы и прослеживается специфика развития историографии. Отмечается, что исследования в этой сфере носят эпизодический характер, вследствие чего тема военного строительства в исследуемый период остается малоисследованной. Ставится задача проведения комплексного исследования проблем военного строительства на территории Беларуси 1921–1939 гг.

Ключевые слова: историография, военное строительство, Белорусский военный округ.

Введение. До настоящего времени ни отечественными, ни зарубежными учеными всесторонние исследования военного строительства на территории Беларуси (БССР и областей, включенных в состав БССР в 20-е – 30-е годы прошлого века) в межвоенный период не проводились. Происходило это в первую очередь потому, что научный интерес военных историков в большей степени приковывали более существенные и судьбоносные события первой половины XX века – две мировые войны. Кроме того, вопросы истории становления и развития воинских формирований, подготовки органов власти, экономики, территории и населения к грядущей войне в подавляющем большинстве трудов рассматривались в рамках единой военной организации, единой Советской страны. В постсоветское время отечественным ученым пришлось столкнуться с проблемой отсутствия возможности проведения исследований непосредственно по республике ввиду концентрации источников оборонного ведомства межвоенного периода в архивных учреждениях Российской Федерации. Тем не менее, несмотря на то, что комплексных работ, посвященных процессам военного строительства на территории Беларуси в период 1921–1939 гг. в отечественной исторической науке нет, следует отдать должное предыдущим исследователям, внесшим значительный вклад в изучение отдельных направлений строительства военной организации государства на белорусских землях.

На основе проведенного анализа научных трудов, архивных источников, литературы и публикаций по исследуемой теме, в историографическом изучении проблемы условно можно выделить три периода:

1. *Межвоенный* – 1921 – начало 1940-х гг. Характеризуется низкой информативностью временного отрезка тематики исследования;

2. *Послевоенный* – вторая половина 1940-х – начало 1990-х гг. Начинается с окончанием Великой Отечественной войны и переходом к мирной жизни и длится вплоть до декабря 1991 г. Определение данных рамок связано со стремлением автора свести в один блок источниковую базу послевоенного советского периода;

3. *Современный* (постсоветский) – начало 1990-х гг. по настоящее время. Берет начало с создания независимого государства Республики Беларусь и характеризует современное состояние историографии военного строительства на территории Беларуси в 1921–1939 гг.

Основная часть. *Межвоенный период (1921 – начало 1940-х гг.)* знаменует появление массива публикаций, содержащих сведения о переводе РККА на мирное положение, демобилизации, проводимых военных реформах, мероприятиях, проводимых в войсках Белорусского военного округа, военном строительстве, боевой учебе и массово-политической работе среди военнослужащих, военно-допризывной подготовке молодежи и др. вопросам, о которых имелась информация в открытой печати.

В начале 1920-х гг. по постановлению IX съезда РКП(б) в свет вышло двадцатитомное собрание сочинений В.И. Ленина, а позднее и ряд отдельных трудов, в которых нашли отражение в том числе вопросы теоретического обоснования принципов и путей строительства военной организации нового, социалистического типа [1]. Интерес в данных источниках представляет именно процесс зарождения теории вооруженной защиты социалистического государства, разработка политических и организационных принципов создания армии нового типа, позиционируемой как армии, формируемой по классовому принципу. Практическую деятельность советской власти, направленную на становление и развитие военной организации страны можно частично проследить по опубликованным в тот период сборникам законов советского правительства, а также протоколов, постановлений и резолюций съездов Советов и Коммунистической партии, приказов Революционного военного совета (далее – РВС) [2–9].

Более предметная информация и конкретные шаги в области военного строительства в СССР, а также ход реформирования Вооруженных Сил (далее – ВС), его особенности и промежуточные итоги, переход к территориально-милиционному принципу комплектования армии содержатся в работах председателя РВС, Народного комиссара по военным и морским делам М.В. Фрунзе [10–11]. Материалы носили

пропагандистский характер и не содержали серьезной аналитики, но на то время были одними из основных источников информации о развитии военной организации.

Истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА), в определенной степени затрагивающей и межвоенный период, посвящены книги, вышедшие к 10-й, 15-й и 20-й годовщинам ее формирования [12–14].

Немаловажным информационным ресурсом, дающим возможность проведения анализа трансформации армии, стали две работы «Устройство Вооруженных Сил СССР» [15; 16], выпущенные авторским коллективом (Н.П. Вишняков, Ф.И. Архипов) в 1924 и 1930 гг., где, помимо краткого исторического очерка о возникновении и развитии РККА, рассматриваются основы комплектования и прохождения военной службы, система организации и управления армией и видами ВС. В книгах, с использованием схем, показана структура пехоты, конницы, артиллерии, инженерных, технических войск их вооружение и снабжение. Кроме того, затрагиваются вопросы мобилизационной готовности, основ военного законодательства, ведения хозяйства и делопроизводства в военном ведомстве.

В определенной мере раскрывали составную часть военного строительства, а именно – процесс подготовки территории СССР как будущего театра военных действий (далее – ТВД) – изданные в 20-х – 30-х гг. XX в. книги о состоянии и развитии путей сообщения и транспорта, а также их влиянии на обороноспособность страны [17–19].

Общее представление о формах и методах подготовки допризывников, рядового и младшего командного состава РККА, в том числе проходивших службу в округе, дают учебники, учебные пособия и уставы тех лет, многие из которых были переведены на белорусский язык.

Следует отметить, что в тот исторический период информацию о Западном фронте (далее – ЗФ) (Западном, Белорусском военном округе (далее – ЗВО, БВО)) получить было крайне затруднительно. Связано это было с тем, что процессы военного строительства и развития ВС раскрывались в рамках Советского государства, данные по республике практически отсутствовали. Кроме того, основная масса информации была секретна и базировалась на делопроизводственных документах, приказах, указаниях, распоряжениях, донесениях и сводках, доступ к которым имел ограниченный круг, в основном старшего и высшего командного состава РККА.

Значительную роль в межвоенный период приобрела периодическая армейская и местная печать, которая стала одним из основных каналов получения информации об округе. Периодика в те годы была важным инструментом партийно-политического просвещения, газета являлась «коллективным организатором и воспитателем». Воинские части, гражданские библиотеки, клубы, избы-читальни активно обеспечивались центральной и дивизионной армейской печатью, знакомство с содержанием которой дает возможность сделать выводы о многих вопросах жизнедеятельности войск.

В межвоенный период учеными и военачальниками интенсивно обобщался опыт кампаний Первой мировой и гражданской войн, выдвигались идеи, формулировались предложения в области военного строительства. Важной дискуссионной площадкой научно-теоретических разработок стала военно-научная периодика (журнал «Военное дело» (затем «Военная мысль»), вестник военной науки и техники «Война и мир» и др.), позволяющая проследить трансформацию взглядов на характер будущих войн и деятельность военно-политического руководства по подготовке к ним.

Таким образом, в первый период историографии БССР и округ рассматривались как одни из составляющих СССР и РККА, соответственно. В связи с этим, ни работ, ни публикаций, освещающих и анализирующих историю военного строительства именно на белорусских землях выпущено не было. Еще одной причиной отсутствия научных трудов следует считать незначительность временного удаления от исследуемых событий – история творилась, исторические знания накапливались. Получение информации основывалось на ряде работ, носящих в большей мере описательный характер процессов военного строительства в стране. Определенным пластом информации были нормативные, распорядительные и отчетные документы руководства страны, партии и отдельных ведомств. Часть сведений была почерпнута из учебников, учебных пособий, уставов и военно-научной литературы. К сожалению, огромный массив информации в данный период находился под грифом «секретно», доступ к которому был весьма ограничен. Основу информационной базы об округе составляла периодическая печать, с учетом ее тенденциозности и цензуры.

Исходя из вышеизложенного, межвоенный период по объективным причинам следует рассматривать как наименее информативный этап с точки зрения получения научных знаний по рассматриваемой проблеме. Однако, не смотря на то, что содержащаяся в опубликованной литературе и периодической печати информация позволяет сформировать лишь некоторое представление по отдельным направлениям военного строительства, она представляет определенный исследовательский интерес.

Второй период – *послевоенный* – начинается с окончанием Великой Отечественной войны и переходом к мирной жизни и длится вплоть до декабря 1991 г. Победа в Великой Отечественной войне, выход Советского Союза на передовые позиции в мире приковала к ВС СССР повышенное внимание, которое нашло отражение в большом количестве научных трудов, мемуаров, литературы и публикаций по истории Советской армии.

В опубликованной литературе, описывающей исторический путь развития ВС [20–22], определенное место занимали события межвоенного периода, но отводилось им не так много места. Например, в вышедшей

к юбилейной дате в 1968 г. книге «50 лет Вооруженных Сил СССР» исследуемому периоду, а это 18 лет (около 40% 50-летней истории армии), отводится всего 58 страниц из 580 (10% от объема источника).

С 50-х гг. стали появляться обобщающие работы, раскрывавшие историю развития видов ВС и родов войск: «История Военно-воздушных сил Советской Армии», «История отечественной артиллерии», «Воины стальных магистралей», «Инженерные войска Советской Армии 1918–1945». Данная литература содержала интересную, обширную информацию, однако округа она касалась лишь косвенно.

В 1959 г. выходит книга Н.Ф. Кузьмина «На страже мирного труда (1921 – 1940 гг.)» [23]. В издании на основе опубликованных источников раскрываются вопросы строительства ВС СССР, проведения военных реформ, трансформации РККА непосредственно в межвоенный период. Кроме того, анализируется процесс развития советского военного искусства, техническое перевооружение армии, а также участие войск в вооруженных конфликтах того времени. В заключении автором подводятся положительные итоги строительства ВС в период между двумя войнами, а недостатки и упущения, отчасти отмеченные в источнике, списываются на отрицательные проявления культа личности И.В. Сталина.

Начиная с 50-х гг. проводится активная совместная публикационная работа архивных и научных учреждений. В свет были выпущены сборники документов советского правительства, Коммунистической партии, ВС [24–28], открывшие возможность использования ранее закрытой информации, в том числе по военному строительству. В частности, по ним можно частично проследить ход партийно-политической работы в войсках округа, строительства национальных формирований в БВО.

Первой попыткой создания обобщающего труда по истории КБВО было издание в 1968 г. книги «Страницы героической истории» [29], посвященной 50-летию Краснознаменного Белорусского военного округа. В ней на основе материалов и фотоснимков из центральных, республиканских и военных газет, архивов и фондов Белорусской государственной библиотеки имени В.И. Ленина, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, Архивного управления при Совете Министров БССР и воспоминаний ветеранов был дан исторический обзор округа. Начало описания истории БВО было положено, однако многие события межвоенного периода в книге нашли всего лишь упоминание.

В начале 70-х гг. стартовало издание серии трудов, посвященных истории военных округов СССР: ордена Ленина Ленинградский (1968 г.); ордена Ленина Московский (1971 г.); Краснознаменный Белорусский (1973 г.); Краснознаменный Киевский (1974 г.) и другие.

Одним из наиболее основательных и подробных источников, раскрывающих историю военного строительства в БССР в исследуемый период, является коллективный труд «Краснознаменный Белорусский военный округ» [30], выпущенный к 55-й годовщине его формирования. В книге подробно изложен разнообразный материал, значительное место отведено межвоенному времени (62 страницы), а информация дает существенное представление о деятельности округа в то время: борьба войск с бандитизмом; демобилизация, сокращение армии; изменения в организационной структуре и принципах комплектования округа, соединений и частей, их передислокация; создание национальных формирований; боевая и политическая подготовка войск, основные маневры и их итоги; военно-учебные заведения, подготовка командного состава; военные реформы и их итоги; создание и развитие родов войск; оборудование территории округа в инженерном отношении, строительство укрепленных районов (далее – УРов); учеба руководящего состава, штабов; принятие новых руководящих документов, регламентирующих деятельность, боевую и политическую подготовку РККА. Труд написан с использованием архивных материалов Центрального государственного архива Министерства обороны СССР и Советской Армии, Центрального музея Вооруженных Сил СССР, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

К следующей, 65-ой годовщине военного округа в Москве было выпущено второе издание книги «Краснознаменный Белорусский военный округ» [31]. Данный труд был дополнен мероприятиями прошедшего десятилетия, проходившими в округе. К сожалению, событиям периода 1921 – 1939 гг. в издании было посвящено меньше материалов, чем в предыдущей работе, которые не претерпели существенных изменений, подверглись незначительным орфографическим правкам. Кроме того, авторский коллектив убрал ряд цитат. Несмотря на это, оба источника до сих пор являются единственными работами, в которых сконцентрирован самый подробный материал об основной части военного строительства, а именно – строительстве ВС на территории БССР. При этом следует подчеркнуть, что авторы в своих работах высоко оценивали деятельность военно-политического руководства по строительству военной организации, придерживаясь установленных в то время «идеологических рамок».

Значительное место в процессе строительства военной организации страны занимали военные реформы, проводимые в межвоенный период. Первым обобщающим научным исследованием, посвященным военной реформе в СССР (1924 – 1925 гг.), стала опубликованная в 1958 году монография доктора исторических наук И.Б. Берхина [32]. Она написана на основе использования и анализа обширного круга источников, часть из которых впервые была введена в научный оборот. Автором основательно освещается ход подготовки и реформирования ВС их содержание и значение. Работа дает глубокое представление о военной реформе РККА. Повышенный интерес в монографии представляют сведения о строительстве национальных формирований, в том числе 2-й Белорусской территориальной стрелковой дивизии и 7-й объединенной Белорусской военной школы.

Труд написан в положительном ключе, в рамках сложившихся в то время стереотипов и идеологических догм. Проблемные вопросы, возникавшие в ходе реформирования, частично озвучивались в работе, но отсутствовал серьезный критический анализ. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что монография И.Б. Берхина в советской, российской и белорусской историографиях долгие годы была основным источником в освещении процесса реформирования РККА в 1924–1925 гг.

Определенную информацию о событиях, происходивших в войсках БВО в межвоенный период, можно было почерпнуть из начавших активно публиковаться в 1960-х – 70-х гг. мемуарах высшего командного состава ВС. Конечно, в воспоминаниях прославленных полководцев подавляющее большинство объема занимали кровавые события войны, вместе с тем, часть трудов истории округа посвятил маршал Г.К. Жуков [33], маршал К.А. Мерецков [34], генерал-полковник Л.М. Сандалов [35], проходившие службу в БВО и являвшиеся участниками его строительства в рассматриваемый в исследовании период.

Мероприятия военного строительства, проводившиеся в республике, помимо укрепления группировки войск, были также направлены на военную, физическую подготовку гражданского населения к возможным боевым действиям, его партийно-политическое и военно-патриотическое воспитание. Значительный вклад своими исследованиями в освещение данной проблематики внесли П.Г. Чигринов [36], К.И. Осипов [37], В.Ф. Кушнер [38], Е.В. Пикульский [39], Е.К. Куликович [40], А.В. Санникова [41]. И хотя труды пестрят идеологическими лозунгами и хвалебными оценками деятельности Коммунистической партии, исследователями на основе документов Партийного архива Института истории партии ЦК КПБ, Центрального архива ВЛКСМ, Центрального государственного архива Советской армии, управления БВО, Центрального, областных комитетов КПБ и многих других, основательно раскрыто участие военнотружеников БВО и населения республики в строительстве фундамента нового общества, укреплении обороноспособности страны.

Углубленно изучив вопросы истории создания и развития оборонно-массовых обществ, в 1976 г. группой авторов общественности был представлен исторический очерк об организации Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту БССР «Школа мужества и патриотизма» [42]. На страницах работы авторский коллектив осветил историю возникновения и развития оборонных обществ на территории республики, их организацию, руководство, формы деятельности и взаимодействия с войсками округа, тем самым закрыв одно из белых пятен в истории военного строительства в БССР.

В советский период было издано большое количество литературы, посвященной истории развития различных видов транспорта и совершенствования транспортной сети, среди них: «Железнодорожная магистраль Белоруссии», «Дороги и водные пути Белоруссии», «Крылья Беларуси». Эти исторические и историко-географические работы позволяют проследить, как шла подготовка территории республики в военном отношении, как задачи мирного труда переплетались с вопросами обороноспособности страны, и какие мероприятия проводились правительством БССР в этих целях.

Важным событием для дальнейшего изучения национальной истории стало начало (1985 г.) издания серии историко-документальных хроник городов и районов Беларуси – «Память» [43]. Данные отечественные источники содержат огромный массив информации, в том числе биографические очерки о белорусах, принимавших участие в вооруженных конфликтах межвоенного периода. Очень сложно переоценить значение этих трудов, которые позволяют не просто возродить факты, но и поименно назвать участников тех или иных событий.

Масштабные изменения в государственной идеологии, экономике, внутренней и внешней политике СССР, начавшиеся во второй половине 1980-х гг., обусловили ослабление цензуры, снятие информационных барьеров, ускорение процессов рассекречивания архивных документов. Произошло расширение фронта научных исследований за счет тем, ранее находившихся под запретом. Оценка многих исторических событий и личностей изменялась, возникало множество разнообразных подходов и мнений. На этой волне, в связи с появлением новых рассекреченных документов, произошла активизация публикационной деятельности военно-научной периодики. Много новой информации, раскрывающей различные аспекты военного строительства в период между мировыми войнами, представлял «Военно-исторический журнал». Среди его статей, определенная часть материалов освещала историю становления и развития войск БВО. Так, например, в статьях «Укрепленные районы на западных границах СССР» А.Г. Хорькова [44] и «Оперативно-тактическая подготовка командных кадров и штабов ВВС в период между гражданской и Великой Отечественной войнами» В.Н. Чернецкого [45], изложены интересные сведения о строительстве укрепленных районов на государственной границе до 1939 г. и после него – на западных рубежах СССР и БССР, а также об особенностях проведения авиационных маневров в 1925 г. на базе БВО.

Таким образом, второй период характеризуется оживлением исследовательской деятельности в связи с окончанием войны и переходом к мирной жизни. Главной темой исследований в области военной истории, что вполне справедливо, стала Великая Отечественная война. Рассекречивание архивов заметно углубило проблематику исследований, что в свою очередь привело к выпуску первых публикаций, посвященных непосредственно истории округа. Труды обладали общей информацией и не отличались глубиной анализа. В рамках контроля и партийного влияния результаты преобразований военной сферы в межвоенный период оценивались историками, как правило в положительном ключе. Однако, несмотря на это, данный период может служить отправной точкой пробуждения интереса к истории военного строительства на территории БССР, которая наполнялась все новыми и новыми фактами, но оставалась еще недостаточно изученной.

Третий период – *современный (постсоветский)* (начало 1990-х гг. – настоящее время) берет начало с создания независимого государства Республики Беларусь. Распад СССР привел к глобальным политическим и социально-экономическим изменениям. Образование независимого государства подстегнуло процессы национального возрождения и обусловило повышенный интерес к национальной истории. В рассматриваемый временной отрезок историография межвоенного периода пополнялась многочисленной российской литературой, в которой нашли отражение различные аспекты военного строительства в СССР на основе новых, выявленных в архивах, документов [46–49].

Учитывая возрастающий интерес общества к национальной истории, архивные учреждения России и Беларуси активизировали свою публикационную активность. Огромной базой данных, доносящей историю военного строительства в исследуемый период стали сборники архивных документов [50–53], среди которых особо следует выделить двухтомное издание Российского государственного военного архива «Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.» [54; 55]. На страницах сборника опубликовано много документов ранее находившихся на секретном хранении и недоступных широкой общественности. Уникальная информационная база, основу которой составляют материалы центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам, позволяет основательно проследить ход реформирования ВС, а также какие и кем принимались решения. Еще одним исключительно важным изданием является двухтомный путеводитель Российского государственного военного архива «Центральный государственный архив Советской армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив)» [56]. Помимо того, что сборник дает характеристики фондов архива, оказывая помощь в поиске необходимой информации, он позволяет по кратким историческим справкам проследить историю развития и дислокацию организаций и учреждений, управлений и штабов соединений и частей видов ВС, родов войск, служб обеспечения, УРов, военно-учебных заведений. Кроме того, стоит отметить совместный труд российских и белорусских архивистов «Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.)» [57]. К сожалению, в данном источнике можно найти лишь отдельные сведения об интересующих нас событиях.

Серьезное расширение фронта исследований привело к появлению научных работ отечественных ученых по вопросам военной истории, затрагивающих исследуемый временной промежуток.

Особый интерес представляют труды доктора исторических наук И.А. Басюка, одного из первых белорусских историков, в контексте подготовки территории БССР как Западного ТВД затронувшего вопросы возведения УРов в Беларуси. К ним относится монография «Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі» [58], а также подготовленная и защищенная в 2004 г. докторская диссертация на тему: «Заходняя асобая ваенная акруга – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны» [59]. Рассматривая подготовку войск Западного особого военного округа к Великой Отечественной войне и начальный период противостояния, автор частично раскрывает отдельные стороны военного строительства в период до 1939 г. В частности, кратко освещены вопросы возведения УРов на территории Беларуси, а также создания условий для ведения партизанской борьбы. По мнению автора, ошибкой военно-политического руководства было сворачивание мероприятий по подготовке к партизанским действиям, а также решение о строительстве нового укрепленного рубежа после освобождения Западной Беларуси, вместо реконструкции и развития имевшихся УРов по старой государственной границе.

Важной составляющей подготовки территории БССР в военном отношении было сооружение УРов. К ключевым источникам, отражающим эти события, стоит отнести монографию доктора исторических наук С.А. Пивоварчика «Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941)» [60]. В труде, посвященном инженерному оборудованию территории Беларуси в различные периоды истории, автор в третьей главе подробным образом рассматривает оборонное строительство на белорусских землях в период 1921–1941 гг. Достоинством работы является то, что в ней на основе глубокого анализа раскрываются этапы и ход строительства, характеристика (карты) районов и объектов, представлены типы сооружений, их схемы, боевые возможности и фотографии. Кроме того, в исследовании, имеющем существенное историческое значение, дана оценка проведенным мероприятиям и состоянию укрепленного рубежа.

Проливает свет на этапы становления, развития, а также состояния тылового обеспечения войск ЗВО (БВО) в межвоенный период монография «Тыловое обеспечение войск Красной Армии на территории Беларуси (1924–1939 гг.)» [61] и диссертационное исследование «Формирование системы тылового обеспечения войск Красной Армии на территории БССР (1924 – 22 июня 1941 гг.)» В.М. Кривчикова [62]. Автор, используя документы и материалы архивов Беларуси и России, часть из которых впервые введена в научный оборот, и другие источники, глубоко раскрыл вопросы продовольственного, обочно-вещевого снабжения, материально-бытового размещения военнослужащих, деятельности военной торговли и развития системы мобилизационной готовности организаций БССР по материальному обеспечению группировки войск. Также ученым освещено влияние изменений международной обстановки, экономического фактора и политических репрессий командно-начальствующего состава на обеспечение войск. Исследователь делает вывод, что тыловое обеспечение войск Красной Армии, дислоцировавшихся на территории БССР в 1920-30-х гг. не было реализовано

в полной мере. Рассматривает недостатки организации тылового обеспечения, вскрытые компанией по освобождению Западной Белоруссии и Советско-финляндской войной, а также анализирует подготовку служб тыла и их деятельность в начальный период Великой Отечественной войны. Вместе с тем, в работах не рассматриваются первые, самые трудные, послевоенные годы (1921–1923 гг.).

Проблемам состояния и развития Военно-Воздушных Сил (далее – ВВС) округа в межвоенный период посвящено диссертационное исследование Н.В. Буреня «Военно-воздушные силы Белорусского военного округа: становление и развитие (1921–1941 гг.)» [63]. В работе отражены процессы, проходившие в летных формированиях округа по реализации военной реформы в ВВС, показаны изменения структуры военной авиации, переход на новую авиационную технику, затронуты вопросы подготовки летного и технического состава, кратко рассмотрено участие в вооруженных конфликтах межвоенного периода накануне Великой Отечественной войны. Работа подготовлена на базе нескольких групп разнообразных источников, основу которых составил комплекс из архивных фондов Российской Федерации и Беларуси.

Повышение интереса к отечественной военной истории было связано в том числе и с созданием национальных ВС. Не осталось в стороне от процесса возрождения национальной истории и руководство оборонного ведомства. В 1993 г. совместно с Институтом истории Национальной академии наук Беларуси было выпущено учебное пособие для военнослужащих ВС «Гісторыя Беларусі: кароткі нарыс». В пятой части издания расположена глава «Беларускія вайскавыя фарміраванні (1917 – 1941 гг.)», в которой повествуется о национальных формированиях округа, переходе на территориально-милиционную систему, интернациональном воспитании военнослужащих. Управлением воспитательной работы и информации Министерства обороны Республики Беларусь в 1995 г. издается серия брошюр «Очерки военной истории Беларуси», состоящая из пяти частей и предназначенная для военнослужащих. Для подготовки работы, авторский коллектив использовал архивные материалы, историческую и учебную литературу, статьи периодической печати, зарубежные источники. Серия показывает наиболее яркие события и факты белорусской военной истории. Интересующий нас межвоенный период очень кратко описан в третьей брошюре.

С момента создания национальных ВС началась активная деятельность военно-политического руководства республики, направленная на их становление и развитие. Эти процессы «заставили» обратить внимание на историю округа в межвоенный период. Идентичность процессов, происходивших в 1920-е и 1990-е гг. (сокращение численности, реформирование, необходимость технического переоснащения и перехода к территориальной системе) привела к изданию книги в то время Министра обороны Республики Беларусь Л.С. Мальцева «Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность» [64]. В ней события межвоенного периода рассматриваются с точки зрения коренных изменений, произошедших в способах ведения войн и проявления объективных предпосылок для фундаментальных преобразований военной организации молодого советского государства, а также анализа ошибок, допущенных в предвоенный период.

К юбилейным датам истории ВС были изданы книги: «Вооруженные Силы Республики Беларусь: 90 лет на страже Отечества» (2008 г.) [65]; «Армия белорусского народа» (2018 г.) [66]. Издания представляют читателю вехи строительства и развития ВС в исторической ретроспективе, при этом приоритетное внимание уделяется современному этапу. По этой причине в источниках очень кратко описывается межвоенный период, в основном реформирование, боевая подготовка, анализ состояния армии и ее боеспособности. Книги содержат обобщенный материал из опубликованной литературы.

Многие аспекты военного строительства в БССР в годы между двумя мировыми войнами получили освещение в ряде работ, вышедших в последние годы. Так, вопросам развития оборонно-массовой работы в республике посвящена книга Д.Н. Хромченко «Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы» [67], а пережитиям национального возрождения белорусского общества, затронувшим и войска округа – книга доктора исторических наук Л.М. Лыча «Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі» [68].

Постсоветский период историографии характеризуется заметным увеличением публикационной активности на страницах журнальных изданий авторов, описывающих отдельные элементы военного строительства рассматриваемого периода и демонстрирующих высокий научный потенциал материалов.

Необходимо отметить, что во многих источниках, вышедших в постсоветский период, наблюдается стремление авторов уйти от идеологических крайностей в оценке процесса военного строительства, которые были характерны для советской историографии. В них критический анализ событий осуществляется с позиции сегодняшнего дня и основывается на достоверных фактах. С другой стороны, в результате появления частных издательств и снятия барьеров цензуры в 1990-х гг. в свет хлынула не совсем качественная литература, к которой следует относиться крайне скептически, умело отделяя критический анализ от критиканства, а рассуждения – от необоснованного суда. Определенную информацию о рассматриваемом в исследовании периоде помогает найти энциклопедическая литература, среди которой – первая военная энциклопедия, выпущенная в Беларуси в 2010 г., а также многотомники «Республика Беларусь» и «Гарады і вескі Беларусі».

Из вышеизложенного следует, что третий период историографии военного строительства в БССР характеризуется оживлением деятельности и увеличением количества научных трудов, архивных источ-

ников, литературы и публикаций, направленных на заполнение «белых пятен» отечественной военной истории. Значительным прорывом является появление исследований, которые отличает углубленное осмысление отдельных направлений процесса военного строительства в БССР, четкая структура, конкретность информации и наличие малоизвестных фактов. Одними из основных источников информации стали опубликованные и неопубликованные архивные документы, в связи с вводом в научный оборот которых наметился целый комплекс вопросов, требующих детального изучения и анализа. Период следует считать наиболее продуктивным с точки зрения получения научных знаний по истории строительства военной организации на территории БССР.

Заключение. Таким образом, рассмотрен и изучен процесс накопления исторических знаний и развития исторической мысли в различные периоды формирования историографии по тематике исследования. При рассмотрении основных историографических проблем выявлены особенности каждого периода. Источниковая база представлена широким кругом разнообразных видов и категорий источников, имеющих различную степень научной значимости и полноты охвата проблем исследования. В значительной степени обогатило работу фактическим материалом обращение к доступному комплексу архивных документов. Опора на исследованные источники позволила достаточно глубоко проследить основные направления военного строительства на белорусских землях. Применительно к историографии истории изучения процесса военного строительства в БССР в межвоенный период заслуживают особого упоминания научные труды И.А. Басюка, С.А. Пивоварчика, Н.В. Буреня, В.М. Кривчикова, которые детально раскрывают отдельные направления строительства военной организации. Большое количество материала по исследуемой теме содержится в работах серии «Краснознаменный Белорусский военный округ».

Следует отметить, что освещение военного строительства в республике осуществлялось крайне неравномерно. В первом периоде оно проводилось достаточно слабо, передавая лишь обрывочные сведения, и реализовывалось в основном через сборники трудов Наркома обороны, нормативные, распорядительные, отчетные документы руководства страны, партии, отдельных ведомств и периодики. Второй период характеризуется расширением источниковой базы, началось издание значительных трудов по истории развития ВС, войск округа, был открыт доступ к архивным документам. Характерными чертами третьего периода являются значительная открытость для использования всего спектра источников, проведение исследований по ранее закрытым темам, различным направлениям военной истории Беларуси, изменение оценок результатов деятельности руководства страны по оборонному строительству.

Анализ всего комплекса отечественной и зарубежной историографии свидетельствует о том, что несмотря на неоднократное освещение различных вопросов военного строительства в БССР в 1920-х – 1930-х гг., в целом тема остается неисследованной. До сих пор обобщающие работы по данной научной проблеме отсутствуют, в связи с чем она нуждается в глубокой разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, Н. (Ульянов, В.) Собрание сочинений : в 20 т. / Н. Ленин ; под ред. Л.Б. Каменева. – М. : Гос. изд-во, 1924–1926.
2. Пять лет власти Советов. – М. : Изд-е ВЦИК, 1922. – 371 с.
3. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. : [Протоколы] / под ред. Н.Н. Попова. – М. : Парт. изд-во, 1933. – 954 с.
4. XII съезд РКП(б) : резолюции. – Н. Новгород : Нижполиграф, 1923. – 90 с.
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик / Отдел первый. Совет Народных Комиссаров СССР. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1924–1937. – 1221 с.
6. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях : сб. док. / под общ. ред. акад. А.Я. Вышинского. – М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1939. – 540 с.
7. Об обязательной военной службе: Закон Союза сов. соц. респ. от 1 окт. 1925 г. – М. : Воениздат, 1927. – 84 с.
8. Об обязательной военной службе: Закон Союза сов. соц. респ. от 13 авг. 1930 г. : с изм. до 5 августа 1931 г. – М. : Советское законодательство, 1931. – 64 с.
9. О всеобщей воинской обязанности : Закон Союза сов. соц. респ. от 1 сент. 1939 г. – М. : Воениздат, 1940. – 32 с.
10. Фрунзе, М.В. Собрание сочинений : в 3 т. / М.В. Фрунзе ; под общ. ред. А.С. Бубнова. – М. : Л. : Гос. изд-во, 1929. – Т. 1 : 1905–1925 годы. – 692 с.
11. Фрунзе, М.В. Статьи и речи / М.В. Фрунзе. – М. : Гос. воен. изд., 1936. – 513 с.
12. Харьтонаў, Н. Дзесяць год Чырвонай арміі / Н. Харьтонаў. – Минск : Бел. дзярж. выд., 1928. – 61 с.
13. Ворошилов, К.Е. 15 лет Красной Армии : докл. на торжественном, юбилейном заседании 23 февр. 1933 г. в Большом театре / К.Е. Ворошилов. – М. : Парт. изд-во, 1933. – 46 с.
14. XX лет Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота : сб. – Л. : Лениздат, 1938. – 135 с.
15. Вишняков, Н.П. Устройство вооруженных сил СССР / Н.П. Вишняков, Ф.И. Архипов. – Л. : Воен. изд-во. Ленингр. воен. округа, 1924. – 327 с.
16. Вишняков, Н. Устройство вооруженных сил СССР : учеб. рук-ва и пособия для РККА / Н. Вишняков, Н. Архипов. – 4-е перер. изд. – М. : Л. : Гос. изд-во. отд. воен. лит-ры, 1930. – 392 с.
17. Лисиевский, И. З. Дорожное строительство и оборона страны / И. З. Лисиевский. – Л. : ОГИЗ — Ленгострансиздат, 1933. – 39 с.

18. Васильев, Н.Г. Подготовка театра военных действий в дорожном отношении / Н.Г. Васильев. – М. : Изд. Воен.-инж. акад. РККА, 1938. – 70 с.
19. Рязанов, В.И. Оборонная роль водного транспорта / В.И. Рязанов. – М. : Гострансиздат, 1936. – 86 с.
20. 50 лет Вооруженных Сил СССР / К.Ф. Скоробогаткин [и др.]. – М. : Воениздат, 1968. – 580 с.
21. Советские Вооруженные Силы : История строительства / С.А. Тюшкевич [и др.]. – М. : Воениздат, 1978. – 516 с.
22. Советские Вооруженные Силы : Вопросы и ответы : Страницы истории / П.Н. Бобылев [и др.]. – М. : Политиздат, 1987. – 416 с.
23. Кузьмин, Н.Ф. На страже мирного труда (1921 – 1940 гг.) / Н.Ф. Кузьмин. – М. : Воен. изд-во МО СССР, 1959. – 293 с.
24. КПСС о Вооруженных силах Советского союза : Документы 1917 – 1968. – М. : Воениздат, 1969. – 471 с.
25. Декреты Советской власти : сб. : в 18 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1–5.
26. Партийно-политическая работа в Красной Армии : Документы 1921–1929 гг. / сост. Т.Ф. Каряева [и др.]. – М. : Воениздат, 1981. – 576 с.
27. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК : в 6 т. ; под общ. ред. В.И. Бровикова (пред. ред. колл.). – Минск : Беларусь, 1983.
28. Партийно-политическая работа в Красной Армии : Документы июль 1929 г. – май 1941 г. / сост. Т.Ф. Каряева [и др.]. – М. : Воениздат, 1985. – 535 с.
29. Страницы героической истории: к 50-летию Краснознаменного Белорусского военного округа / ред. В.А. Греков. – Изд. 2-е, доп. – Минск : Полит. упр. КБВО, 1968. – 270 с.
30. Краснознаменный Белорусский военный округ / редкол.: И.М. Третьяк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1973. – 572 с.
31. Краснознаменный Белорусский военный округ / А.К. Сульянов [и др.]; редкол.: Е.Ф. Ивановский [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Воениздат, 1983. – 408 с.
32. Берхин, И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.) / И.Б. Берхин. – М. : Воен. изд-во МО СССР, 1958. – 460 с.
33. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления : в 3 т. / Г.К. Жуков. – 12-е изд. – М. : Изд. «Новости», 1995. – Т. 1. – 400 с.
34. Мерецков, К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний / К.А. Мерецков. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1971. – 464 с.
35. Сандалов, Л.М. Пережитое / Л.М. Сандалов. – М. : Воениздат, 1961. – 192 с.
36. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся : из опыта Компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск : Беларусь, 1981. – 205 с.
37. Осипов, К.И. Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа в период построения фундамента социализма (1926 – 1932 гг.) : (на материалах Белоруссии и Белорусского военного округа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / К.И. Осипов ; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1973. – 22 с.
38. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Ф. Кушнер / Мин. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – Минск, 1976. – 25 с.
39. Пиульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Е.В. Пиульский ; БГУ им. Ленина. – Минск, 1975. – 26 с.
40. Куликович, Е.К. Становление и развитие массовых форм физической культуры как средство коммунистического воспитания трудящихся : (на примере БССР) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Е.К. Куликович / гос. ин-т физ. культуры им. П.Ф. Лесгафта. – Л., 1985. – 20 с.
41. Санникова, А.В. Военно-патриотическое воспитание учащихся в школах Советской Белоруссии (1931 – 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А.В. Санникова ; Минск. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – Минск, 1973. – 23 с.
42. Школа мужества и патриотизма : крат. очерк истории ДОСААФ Белорус. ССР / С.А. Аслезов [и др.]. – Минск : Беларусь, 1976. – 285 с.
43. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Оршы і Аршанскага раёна : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – Кн. 1. – 384 с.
44. Хорьков, А.Г. Укрепленные районы на западных границах СССР / А.Г. Хорьков // Воен.-ист. журн. – 1987. – № 12. – С. 47–54.
45. Чернецкий, В.Н. Оперативно-тактическая подготовка командных кадров и штабов ВВС в период между гражданской и Великой Отечественной войнами / В.Н. Чернецкий // Воен.-ист. журн. – 1987. – № 2. – С. 20–25.
46. Степанов, А.С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 – первая половина 1941 года) / А.С. Степанов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 542 с.
47. Симонов, Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 – 1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления / Н.С. Симонов ; Росс. акад. наук, Ин-т рос. истории, Ц-р «Россия и СССР в XX веке». – М. : РОССПЭН, 1996. – 336 с.
48. Мелия, А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921-1941 гг.) : сб. ст. / А.А. Мелия. – М. : Альпина бизнес букс, 2004. – 352 с.
49. Кен, О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения : конец 1920 – середина 1930-х гг. / О.Н. Кен ; Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2002. – 469 с.
50. Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.) : сб. / науч. ред. А.П. Ненароков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с.
51. Главный военный совет РККА : 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: документы и материалы / Ин-т военной истории МО РФ, фед. арханство, Рос. гос. военный архив; сост.: А.Н. Баженов [и др.]. – М. : Росспэн, 2004. – 559 с.
52. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. : Документы и материалы. – М. : РОССПЭН, 2006. – 360 с.

53. Красная Армия в 1920-е годы : сб. док. / шеф-ред. С. Кудряшов. – М. : Архив Президента Российской Федерации, 2007. – 272 с. (Вестник Архива Президента Российской Федерации)
54. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. : В 2 кн. Кн. 1. – М. ; – СПб. : Летний Сад, 2006. – 720 с.
55. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. : В 2 кн. Кн. 2. – М. ; – СПб. : Летний Сад, 2006. – 525 с.
56. Центральный государственный архив Советской армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив) : путеводитель : в 2 т. / редкол.: Л.В. Двойных, Т.Ф. Каряева, М.В. Стеганцев. – М. : ЦГАСА, 1991 – 1993. – Т. 2. – 1993. – 531 с.
57. Накануне : Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.) : документы и материалы / Департамент по архивам и делопр. М-ва юстиции Респ. Беларусь и др.; сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : НАРБ, 2007. – 622 с.
58. Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 237 с.
59. Басюк, І.А. Заходняя асобая ваенная акруга – Заходні фронт напаягэадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / І.А. Басюк. – Мінск, 2004. – 235 л.
60. Пивоварчик, С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941) / С.А. Пивоварчик. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 252 с.
61. Кривчиков, В.М. Тыловое обеспечение войск Красной Армии на территории Беларуси (1924–1939 гг.) / В.М. Кривчиков. – Гродно : ГрГМУ, 2012. – 204 с.
62. Кривчиков, В.М. Формирование системы тылового обеспечения войск Красной Армии на территории БССР (1924 – 22 июня 1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.М. Кривчиков ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2012. – 174 л.
63. Бурень, Н.Н. Военно-воздушные силы Белорусского военного округа: становление и развитие (1921–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.Н. Бурень. – Минск, 2013. – 142 л.
64. Мальцев, Л.С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность / Л.С. Мальцев. – Минск : Асобны Дах, 2003. – 245 с.
65. Вооруженные Силы Республики Беларусь: 90 лет на страже Отечества / А.Н. Гура [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Гуры. – Минск : Беларусь, 2008. – 247 с.
66. Армия белорусского народа : к 100-летию Вооруженных Сил Республики Беларусь / А.Н. Гура [и др.] ; под ред. А.Н. Гуры. – Минск : Беларусь, 2018. – 262 с.
67. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск : БНТУ, 2017. – 204 с.
68. Лыч, Л.М. Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі / Л.М. Лыч. – Смоленск : Восток, 2014. – 233 с.

Поступила 06.05.2020

MILITARY CONSTRUCTION ON THE TERRITORY OF THE BELARUS IN 1921–1939: A BRIEF HISTORIOGRAPHIC REVIEW

Y. KAMAR

The article discusses the national and foreign historiography, which addresses issues of military construction on the territory of the Belarus in the interwar period. Conditional periods of historiographic study of the problem are distinguished and the specifics of the development of historiography are traced. It is noted that research in this area is episodic in nature, as a result of which the topic of military construction during the study period remains little studied. The task is to conduct a comprehensive study of the problems of military construction on the territory of the Belarus 1921–1939.

Keywords: *historiography, military construction, Belarusian military district.*

УДК 947.084.8

ШТАЛАГ-354: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ¹

*канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)*

Представлены результаты исследования документальных источников по проблеме, связанной с сохранением памяти о военнопленных шталага-354 и жертвах нацизма Боровухи-1, увековеченных в воинском захоронении (братской могиле) № 2344. Впервые вводится в научный оборот картографический материал с нанесением военных объектов Боровухи-1, в том числе и шталага-354, составленный на основе разведанных партизанских формирований – 3-я Белорусская партизанская бригада, Россонская бригада имени И.В. Сталина и 1-я Дриссенская бригада, чья деятельность была направлена в том числе и на сбор информации для передачи в Белорусский штаб партизанского движения (далее – БШПД).

Ключевые слова: шталаг-354, жертвы нацизма, сохранение памяти, картографический материал.

Введение. К истории Великой Отечественной войны на протяжении уже 75-ти лет интерес непрерывно усиливается. В последнее время особенно активно проявляет себя общественность, что связано, в первую очередь, с деятельностью государственных органов по верификации данных паспортов воинских захоронений и мест захоронений мирного населения и в целях обновления мемориальных плит на братских и индивидуальных могилах. Больше всего исследователей волнует вопрос об изменении данных о количестве захороненных и соответственно увековеченных имен погибших воинов Красной Армии и мирного населения.

Проблема соотношения количества погибших, захороненных и увековеченных имен в воинских захоронениях и местах захоронения жертв нацизма – сложная, требующая осторожного подхода в своем решении, задача.

Белорусские и немецкие историки на протяжении нескольких десятков лет исследуют вопрос о количестве военнопленных и лагерей для них на территории Беларуси в период 1941 – 1944 гг. В 2004 г. был издан справочник «Лагеря советских военнопленных в Беларуси. 1941 – 1944 гг.», составленный на основании документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, областных, зональных государственных архивах республики, а также в Федеральном архиве и земельных архивах Германии [4].

В 2015 г. белорусским ученым-историком С.Е. Новиковым [8] на страницах монографии была поднята проблема советских военнопленных как объекта исследований отечественных и зарубежных коллег. Одной из главных ценностей данного издания являются копии документов архивов Германии с переводом, которые ранее не были представлены научному сообществу. Здесь же показана статистика по количеству удерживаемых и погибших советских военнопленных в нацистских лагерях различного типа на территории Беларуси в период её оккупации – всего в немецком плену находилось 1,2 млн человек, из них более 810 тыс. погибших [8, с. 101]. Закономерно возникает вопрос: сколько из 810 тыс. погибших советских военнопленных на территории Беларуси увековечены в воинских захоронениях, включая процент известных и неизвестных? На данный момент он риторический.

Издание историко-документальных хроник городов и районов Беларуси с приведением архивных документов и материалов различного характера для своего времени была, несомненно, прорывом в освещении истории на локальном уровне. Открытие архивов и создание электронных баз данных позволяет на современном этапе по-новому осветить вопросы, связанные в том числе с сохранением памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим рассмотрим данную проблему на примере воинского захоронения (БМ № 2344) на территории Боровуха-1 г. Новополоцка, где увековечены неизвестные и известные имена военнопленных шталага-354 и мирных жителей, с привлечением широкого круга источников: от архивных материалов, в том числе ранее неопубликованных, до мемуарных изданий.

Архивные материалы представлены документами различного происхождения и характера – от разведывательных данных партизанских бригад [5–7], которые дислоцировались в Полоцком районе и вели разведывательную деятельность с целью передачи информации в БШПД, до Актов Чрезвычайной государственной комиссии и Протоколов опросов свидетелей происходящих событий [2].

Впервые публикуются карты с нанесением военных объектов воинских частей оккупационных органов власти на территории Боровуха-1, а также расположением шталага-354 с указанием построек и их принадлежности. Составлены в июле – августе 1943 г. на основе агентурных сведений разведкой партизанских формирований – 3-я Белорусской партизанской бригадой (рисунок 1, см. Вклейка), Россонской бригадой имени И.В. Сталина (рисунок 2, см. Вклейка) и 1-й Дриссенской бригадой (рисунок 3, см.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941 – 1944 гг.».

Вклейка), – найдены автором в фондах Белорусского штаба партизанского движения Национального архива Республики Беларусь.

Основная часть. До военных событий 1941 – 1945 гг. на территории Боровухи-1 располагались воинские части РККА, соответственно, была создана инфраструктура, приспособленная к практически автономному существованию военных. После оккупации в июле 1941 г. немецкими воинскими частями, территория бывшего военного городка была переустроена для нужд вермахта. Как показывает практика, начиная с конца лета 1941 г. на территории военных городков, наподобие Боровухи-1, организовывались лагеря для военнопленных Красной Армии различного типа.

После взятия в плен советских военнослужащих разоружали, старших офицеров, по возможности, отделяли от младших офицеров, рядового и сержантского состава. С дивизионных сборных пунктов пленные попадали на армейские сборно-пересыльные пункты (в Полоцке действовал 7-й армейский сборно-пересыльный пункт), откуда после первичного учета их направляли в транзитные или пересыльные лагеря (Dulag). Армейские сборно-пересыльные пункты были достаточно подвижны и часто меняли свое расположение. В их задачу входила быстрая передача пленных в лагерь, находившиеся в тылу. На основании ежедневных донесений ОКХ о загрузке дулагов ОКВ определяли число пленных, которых те должны были передавать в стационарные лагеря – лагеря для рядового и сержантского состава (Stalag) [4, с. 17]. Так, с августа 1941 г. на территории бывшего военного городка Боровуха-1 стал функционировать стационарный лагерь для рядового и сержантского состава Красной Армии – шталаг-354 (Stalag-354). Первоначально сюда отправлялись солдаты Красной Армии, попавшие в окружение на территории Беларуси летом 1941 г., а затем, по мере продвижения частей вермахта на восток, – и солдаты-окруженцы с оккупированной территории РСФСР.

Шталаг-354, как указано в справочнике 2004 г., функционировал на протяжении почти двух лет – с августа 1941 г. по 8 апреля 1943 г. Подчинялся 201-й и 403-й охранным дивизиям, а также коменданту по делам военнопленных округа «К». Лагерь размещался в нескольких местах: **в Боровухе-1** содержалось около **18 тыс. военнопленных, в т.ч. и гражданское население, в Боровухе-2 – 240 военнопленных** (использовались на разгрузочно-погрузочных работах на железной дороге) [4, с. 87, 89], **в Боровухе-3**, по данным на октябрь 1941 г., содержалось **12 тыс. военнопленных и гражданских лиц**, к концу октября этого же года умерло **около 12 тыс.**, после чего лагерь в деревне Боровуха-3 был закрыт [4, с. 89].

Данный факт требует соответствующего осмысления. Во-первых, известно, что как такового населённого пункта «Боровуха-3» до 1941 г. не существовало. В немецких документах, приведенных в монографии С.Я. Новикова в отношении топографии пересыльных и стационарных лагерей для советских военнопленных на территории Беларуси в начальный период боевых действий лета 1941 г., используется топоним «Боровуха» Полоцкого р-на [8, с. 99]. Во-вторых, на данной территории летом 1941 г. дислоцировался также пересыльный лагерь дулаг-155, точное количество содержащихся в нем военнопленных не указано, как и сколько человек в нем было уничтожено. Есть данные только на июль 1941 г. – около 3 000 [4, с. 55]. В-третьих, на данный момент не имеется каких-либо прямых или косвенных документов, опровергающих или подтверждающих наличие места массового уничтожения или захоронения военнопленных шталага-354 и дулага-155 на территории Боровухи-3. В 2005 г. с 24 августа по 14 октября на территории г. Полоцка по ул. Вологина (микрорайон Боровуха-3) на участке местности 230 на 140 метров, в местах, где рельеф имеет вид круглых, овальных, прямоугольных проседаний, 52-м поисковым батальоном Министерства обороны Республики Беларусь были заложены 173 одиночных шурфа, в которых были обнаружены отдельные части человеческих скелетов. После преобразования шурфов в раскопы с глубины 1 – 1,3 м были извлечены останки 356 военнослужащих РККА [1]. Все найденные останки были перезахоронены в БМ № 2352 [12]. К какому периоду времени данное захоронение имеет отношение – к 1941 г. или последующим годам? К какому из лагерей (шталагу-354 или дулагу-155) они были прикреплены? Или это военнопленные из числа рабочих команд, которые могли иметь отношение и к дулагу-125? К сожалению, ответы на данные вопросы сложно найти.

Таким образом, в справочнике 2004 г. не имеется конкретной ссылки на конкретный документ, исходя из которого можно было понять о принадлежности документа, его достоверности, времени составления и т.д. Почему лагерь в Боровухе-3 просуществовал, если за точку отсчета брать август 1941 г., всего лишь около 3 месяцев и был уничтожен? Данный факт лишь порождает новые вопросы.

Исходя из вышеприведенного материала можно говорить о том, что после октября 1941 г. шталаг-354 размещался только на территории Боровухи-1, где **на апрель 1942 г.** осталось в живых **около 500 человек**, – остальные умерли, были расстреляны, незначительная часть бежала [4, с. 87]. Помимо этого, в распоряжении исследователя имеются и разведывательные данные партизанских формирований под руководством А.Я. Марченко (3-я Белорусская партизанская бригада), Р.А. Охотина (Россонская бригада имени И.В. Сталина), Г.П. Герасимова (1-я Дриссенская бригада), командиры которых были кадровыми офицерами, на основании чего сомневаться в их компетентности в отношении к изложению материала не приходится.

Так, из беседы с командиром партизанского отряда, майором Шрамко Александром Фёдоровичем, (бригада Марченко) об организации военных и гражданских тылов немцев в оккупированных об-

ластях по данным на 15 августа 1942 г.: «Военнопленные находились в кошмарных условиях, жили скудно, например, в военном городке Боровуха-1 **к весне 1942 г. осталось в живых 5 тысяч**. К весне в связи с недостатком продуктов и потребности в рабочей силе, многих военнопленных переводили на работы на ж/д, на мосты и т.д., а также разрешали брать в примачки, как в городе, так и в деревне. В связи с тем, что летом, и особенно осенью, многие военнопленные бежали в партизаны, оставшихся вновь забрали в лагерь» [7, лл. 18–19].

Опубликованные мемуары, безусловно, имеют значительную степень редакторской обработки, поэтому к данному типу источников нужно относиться критически. При сопоставлении фактов можно говорить о достоверности изложенной информации.

Так, в воспоминаниях одного из узников шталага-354, Н. Обрыньба, на момент марта 1942 г. фиксируется информация следующего порядка: «Ежедневно в лагере умирает триста-четыреста человек, их свозят сюда, в эти канавы. Когда канава заполняется, а это около трех тысяч умерших, ее зарывают. Уже зарыты четыре длинные траншеи и одна до половины прикопана. Всюду из-под комьев земли со снегом торчали ноги, руки, головы. Возле прикопанной могилы лежали новые трупы, сваленные с двуколок в беспорядке, как сваливают дрова, все мертвые раздеты» [9, с. 122]. Чисто математически проведем подсчет – имеем четыре траншеи по 3 000 умерших и пятая заполнена наполовину, т.е. 1 500 человек. **Итого на весну 1942 г. имеем 13 500 умерших от голода и болезней узников шталага-354**. Весной 1942 г. в связи с нехваткой рабочей силы в Германии положение военнопленных в лагерях несколько улучшилось. Увеличился хлебный паёк, стали работать лазареты и бани [4, с. 11].

В издании мемуарного характера Героя Советского Союза М. Прудникова, командира партизанской бригады «Неуловимые», имеется информация, полученная из первых уст непосредственно военнопленных (один из них в последующем стал командиром одного из партизанских отрядов – И. Якимов), о том, что в начале июня 1942 г. среди узников прошел слух о передислокации всех военнопленных из шталага-354 в другой лагерь [13, с. 110]. А в середине июня этого же года *«пленных под усиленных конвоем отвели на станцию (Боровуха-1 – авт.) и посадили в вагоны»*, путь, вероятно, лежал в сторону Прибалтики, т.к. в воспоминаниях указаны пункты Борковичи, Дрисса, что указывает на прибалтийское направление [13, с. 110]. Данные факты говорят о том, что лагерь для советских военнопленных постепенно расформировывался как место массовой их концентрации, количество которых сокращалось через естественную смертность (голод, холод и непосильный труд). Оставшихся военнопленных использовали в качестве рабочей силы по обслуживанию воинских частей вермахта.

Из разведсводки № 2 (33) БШПД от 14 января 1943 г.: «В д. Боровуха-1 (12 км севернее Полоцка) имеется гарнизон 300 человек немцев и до 600 человек из Русской национальной армии. Там же расположен лагерь для военнопленных, в котором **содержится 300 человек**» [5, л. 3об.].

Разведывательные данные партизанских бригад, действующих разрозненно друг от друга, на момент июля – августа 1943 г. фиксируют наличие рабочей команды из числа военнопленных не более чем 300 [6, л. 18] – 500 [6, л. 15] человек. Это говорит о том, что лагерь для военнопленных в апреле 1943 г. как структура перестал существовать, оставшиеся несколько сот человек использовать как рабочая сила с целью обслуживания солдат вермахта. К тому же известно, что в первые дни июля 1943 г. в Боровуху-1 была переведена школа Гестапо, численный состав которой насчитывал около 75 человек в основном из числа жителей Витебской области [5, л. 309], что ещё раз подтверждает факт расформирования шталага-354.

В данных разведки партизанской бригады Марченко указана информация: *«...за 2 года в лагере погибло до 18 000 человек»* [6, л. 16]. Информация подана на основании показаний перебежчиков, сверенных с агентурными данными по состоянию на 10 августа 1943 г.

Таким образом, количество уничтоженного нацистским оккупационным режимом военнопленных в 18 000 человек было взято за основу при дальнейшем процессе увековечения памяти о погибших солдатах РККА. В фонде С.С. Чернявской – руководителя рабочей группы по подготовке книги «Память» при Полоцком РИК, депутата Полоцкого районного Совета депутатов, – имеются два документа со сведениями о наличии братских могил и количестве человек, в них захороненных за 1975 г. [3, л. 4.] и 1993 г. [3, л. 24] за подписью председателей Боровушского сельского совета. Согласно справке за подписью Председателя исполкома Боровушского с/с депутатов трудящихся, Т.П. Орловича, в 1975 г. на территории Боровушского с/с имеются в наличии три братские могилы: 1-я у Боровушской СШ (всего захоронено *«свыше 18 000 человек массового расстрела военнопленных»*); 2-я у Боровушского с/с (183 человека), 3-я – возле военного городка в/ч 65581 – 50 человек (все неизвестные) [3, л. 4.]. За 1993 г., согласно поданной для книги «Память» информации за подписью председателя Боровушского с/с А.М. Синкевича: «северная окраина деревни территория в/ч 1483 – всего захоронено 18 072 человека; восточная окраина деревни ул. Озерная 50 человек; центральная часть деревни у здания с/с 180 человек» [3, л. 24].

Таким образом, в стационарном лагере на территории Боровухи-1 по имеющимся документам белорусских и немецких архивов количество уничтоженных военнопленных фиксирует 18 000 человек. В советский период истории Беларуси и в начале 1990-х гг. в документах Боровушского с/с указана одна и та же цифра – соответственно **свыше 18 000 в 1975 г. и 18 072 человек в 1993 г.**

В паспорте воинского захоронения 2005 г. за подписью Председателя Новополоцкого ГИК и Военного комиссара Полоцкого ОГВК появляется новая цифра (29 000) и обновленный список увековеченных имен из числа военнопленных (известных 116 человек) и гражданского населения (115 человек из числа еврейского населения Боровухи-1) [11]. В 1999 г. выходит книга «Память» по Полоцкому р-ну, где были опубликованы выдержки из Акта ЧГК по Полоцкому р-ну² и список жертв нацизма (в том числе и евреев Боровухи-1) [10, с. 149–150, 561–562]. Выстраивая логическую цепочку событий, можно говорить о том, что с появлением новых опубликованных данных произошли изменения в паспорте воинского захоронения, в который были внесены и жертвы нацизма из числа проживавших в Боровухе-1 евреев.

Обратим внимание на 29 000 военнопленных, указанных в Акте ЧГК по Полоцкому р-ну от 15 апреля 1945 г. [2, лл. 3 – 8]. Во-первых, речь идет о содержавшихся военнопленных в шталаге-354 общим количеством в 29 000 человек. Во-вторых, в конце свидетельских показаний говорится о количестве умерщвленных и расстрелянных в 25 000 человек за период с декабря 1941 г., январь-февраль 1942 г. В-третьих, выводы ЧГК сделаны на основе показаний только одного свидетеля, А.А. Семенова, и взята цифра не уничтоженных, а непосредственно содержащихся военнопленных. Документы ЧГК профессиональным сообществом в последнее время подвергаются критическому осмыслению. При сопоставлении с другими документами можно увидеть противоречивость в изложении фактов.

Одним из главных вопросов является наличие на мемориальных плитах воинского захоронения № 2344 фамилий жертв среди еврейского населения.

Обратим внимание на данные протоколов опроса свидетелей от 10 – 11 марта 1945 г. из числа жителей Боровухи-1 по вопросу уничтожения еврейского населения ст. Боровуха-1 в годы нацистской оккупации, составленные мл. лейтенантом Авдонаевым для последующего их включения в Акт ЧГК по Махировскому с/с [2]. Документы составлены в первый год после освобождения Беларуси от нацизма, соответственно являются максимально достоверными в отличие от воспоминаний сегодняшнего дня, учитывая, что очевидцев тех событий не осталось. Более того, мы имеем показания не одного, а четырех свидетелей. Так, согласно данным Протокола опроса Ковалевой М.И. 1915 г.р.: «Примерно в сентябре 1941 г. Боровуха-1 и все прилегающие к ней поселки были окружены немецкими солдатами одной из немецких воинских частей... по указанию бургомистра Маркина немцы врывались в дома, где проживали евреи и под силой оружия выгоняли на улицу. Собрав всех евреев погнали их в казарму в бывшем военном городке 13-го полка³, на следующее утро всех мужчин и престарелых женщин на закрытых машинах вывозили за противотанковый ров, расположенный с северной стороны Боровухи, на поле расстреливали и не закапывали и не разрешали населению хоронить их. Только через 5 – 6 дней трупы евреев были сверху тонким слоем земли прикрыты пастухами, которые гоняли пасты коров», оставшихся в живых «в 1942 г. в январе – феврале месяце в Боровуху приехал карательный отряд немцев, евреев ночью выгнали и обманули их что на работу, и там же около противотанкового рва над оврагом из пулемета всех расстреляли. На второй день военнопленные их зарыли землей» [2, лл. 16 – 16об.]. Те же самые факты указаны и в других протоколах свидетелей – Е.М. Носковой [2, лл. 14 – 14об.], Н.Е. Гришановича [2, лл. 15 – 15об.], И.Н. Авдеенко [2, лл. 17 – 17об.].

Выше приведенные сведения говорят о том, что еврейское население Боровухи-1 удерживалось на протяжении шести месяцев в бывших казармах 13-го полка 5-й Витебской им. Чехословацкого пролетариата стрелковой дивизии Красной Армии и было уничтожено двумя партиями в сентябре 1941 г. и феврале 1942 г. в северной части Боровухи-1 около противотанкового рва. Памятного знака на месте расстрела и захоронения евреев Боровухи-1 на данный момент не имеется. Вероятно, исходя из этого, согласно данным паспорта 2005 г. и было принято решение увековечить имена жертв нацизма в БМ № 2344. Чтобы окончательно поставить точку в решении этой проблемы необходимо привлечь к работе 52-й поисковый батальон, выявить первичное место захоронения еврейского населения. В соответствии с этим принимать дальнейшие решения.

Закключение. Приведенные в данной публикации факты говорят о том, что проблема сохранения памяти погибших воинов Красной Армии и жертв нацизма на современном этапе приобрела обществен-

² При сверке с оригиналом документа, хранящимся в ГАРФ, автором статьи был выявлен ряд несоответствий, появившихся в результате литературной обработке документа. Ссылка в книге «Память» сделана на ЗГА в г. Полоцке (Ф. 687, О. 1, дело 3), в котором находятся проекты документов ЧГК по Полоцкой области.

³ 13-й полк входил в состав 5-й Витебской им. Чехословацкого пролетариата стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в военном городке Боровуха-1 с 1922 по 1939 гг., после чего нумерация была изменена.

ный резонанс, связанный с появлением новых возможностей верификации ранее существующих паспортов воинских захоронений, которые порой выявляют противоречия в нанесении данных на мемориальные плиты братских могил. Возможно, при обнаружении новых фактов, результаты представленного исследования будут пересмотрены и дополнены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акт о проведении поисковых работ с раскопками на местности, связанных с увековечением памяти защитников Отечества и жертв войн от 2005 г. г. Полоцк Витебская обл. Республика Беларусь // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. р7021. Оп. 92. Д. 221.
3. Зональный государственный архив в г Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 1164. Оп. 11. Д. 59.
4. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941 – 1944 – Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941 – 1944 : справ. / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.] ; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 191 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 18.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26.
8. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Смаленск, 2015. – 436 с.
9. Обрыньба, Н. Судьба ополченца / Н. Обрыньба. – М. : Яуза, Эксмо, 2005. – 608 с.
10. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полацкага р-на. – Мінск : Выш. шк., 1999. – 700 с.
11. Паспорт воинского захоронения № 2344 от 2005 г. // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
12. Паспорт воинского захоронения № 2352 от 2020 г. // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
13. Прудников, М.С. Неуловимые / М.С. Прудников. – М. : Воениздат, 1961. – 208 с.

Поступила 12.06.2020

STALAG-354: TO THE ISSUE OF MEMORY RETENTION

A. KORSAK

The article presents the results of the study of documentary sources on the problem associated with the preservation of the memory of prisoners of war Stalag-354 and victims of Nazism Borovukha-1, immortalized in a military grave (mass grave) № 2344. For the first time, cartographic material with the application of military objects of Borovukha-1, including Stalag-354, compiled on the basis of intelligence guerrilla groups - the 3rd Belarusian Partisan Brigade, the Stalin Rosson Brigade and the 1st Drissen Brigade, whose activities were aimed at collecting information for transmission to the Belarusian Partisan Movement.

Keywords: *Stalag-354, victims of Nazism, memory preservation, cartographic material.*

УДК 355.48 (673) «1975/1992» (092)=(161.3)+355.292(=161.3)

**БЕЛОРУССКИЕ ВОИНЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ:
НА ПРИМЕРЕ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ В АНГОЛЕ (1975 – 1992)****А.В. КУЗНЕЦОВА-ТИМОНОВА**
(Институт истории НАН Беларуси, Минск)

Статья посвящена участию советских военнослужащих в войне в Анголе (1975–1992) в качестве военных советников, специалистов, переводчиков и их положению в Республике Беларусь на современном этапе. Отмечены обстоятельства отбора и командирования военнослужащих, специфика деятельности военных переводчиков, особенности статуса воинов-интернационалистов.

Ключевые слова: локальные военные конфликты, воины-интернационалисты, военные советники, специалисты, переводчики, ветераны войн, военная история Беларуси.

Введение. Идея оказания помощи борцам за свободу на территории других государств и континентов в истории Беларуси далеко не нова. Ярким примером может служить молодой выпускник Варшавского кадетского корпуса, хорунжий Андрей Тадеуш Костюшко. После возвращения из Франции, не найдя своим знаниям применения в армии Речи Посполитой, он отбыл летом 1776 г. в Северную Америку, где начиналась война за независимость от Великобритании. Там его зачислили в американскую армию в звании полковника, а в 1783 г. «за выдающиеся заслуги» ему было присвоено звание бригадного генерала. Также он был награждён (в числе всего трёх иностранцев) высшим боевым орденом США – Орденом Цинцината [1, с. 105].

Определение «воин-интернационалист» сложилось в XX в., и значение его менялось в зависимости от эпохи. В период Гражданской войны так называли иностранцев, воевавших на стороне Советской России: например, автора «Похождений Бравого солдата Швейка» Я. Гашека. Позже юридически в СССР так стали именовать советских военнослужащих, а также сотрудников органов внутренних дел и госбезопасности, принимавших участие в военных конфликтах на территории иностранных государств, которые рассматривались советским руководством как союзные и прогрессивные.

В первой половине XX в. самым, наверное, ярким примером такого рода стало участие советских военнослужащих – в том числе белорусов – в гражданской войне в Испании 1936 – 1939 гг., которая, по общему признанию многих её участников и свидетелей, стала чем-то вроде «генеральной репетиции» Второй мировой. Среди них были лётчики, танкисты, артиллеристы, специалисты ПВО, сотрудники спецслужб (советники разведывательно-диверсионных отрядов и разведчики-нелегалы), моряки. Многим опыт, полученный в Испании, пригодился в годы Великой Отечественной войны [2].

Во второй половине XX в. советские военнослужащие (офицеры, младшие командиры, солдаты срочной службы) направлялись для исполнения интернационального долга в разное время в страны Азии и Африки. Кандидаты на отправку в т.н. «спецкомандировку» поступали в распоряжение 10-го Главного управления Генерального Штаба СССР (т.н. «десятка»), и уже там проходило своеобразное «распределение» по странам и направлениям. Процедура осуществлялась максимально секретно. Если в Испании советские специалисты воевали под чужими именами (как правило, испанскими) или псевдонимами, то в Анголе и многих других «горячих точках» того времени советские военные советники, специалисты, переводчики находились без документов и без каких-либо знаков различия, партийные билеты сдавали в ЦК КПСС, а паспорта по прибытии в страну оставляли под охраной в советской военной миссии [3, с. 69].

Удостоверения участников боевых действий, которые приравнивали их обладателей к ветеранам Великой Отечественной войны, стали выдаваться с 1983 г. согласно секретному Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 17.01.1983 г. № 59 «О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, и их семьям». Тогда же было введено и понятие «интернационального долга», что существенно расширило эту категорию военнослужащих от только лишь находившихся в Афганистане до «военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в странах, в которых велись боевые действия» [4, с. 80]. Однако если для участников войны в Афганистане статус участника боевых действий присваивался автоматически, для прочих это было сопряжено с трудностью доказательства своего пребывания в «горячей точке», обусловленной дополнительной засекреченностью сведений.

Основная часть. Собственно, правовая категория «воин-интернационалист» была введена только в 1988 г., что окончательно отделило участников военных конфликтов на территории других государств от участников Великой Отечественной войны. После официальной публикации упомянутого Постановления № 59 право на льготы для ветеранов войны в Афганистане официализировалось, однако продолжало оставаться скрытым от общества для участников других военных конфликтов [4, с. 81].

Для освещения обстоятельств участия воинов-интернационалистов в военных конфликтах и их положения в современной Беларуси мы остановимся на примере ветеранов войны в Анголе. Выбор обоснован следующими причинами:

1) продолжительность войны: вооруженное противостояние в Анголе длилось более 40 лет (1961 – 1975, 1975 – 2002), и советские военные специалисты, в том числе представители Беларуси, принимали в ней участие на протяжении 17 лет (1975 – 1992);

2) большое количество наших соотечественников, служивших в Анголе и проживающих в Беларуси в настоящее время, что позволяет собрать самые разнообразные сведения и воспоминания об обстоятельствах службы и её последствиях в карьере и повседневной жизни для её участников: на данный момент собраны сведения о более 130 участниках войны в Анголе;

3) вовлеченность в участие в войне представителей самых разных воинских профессий (летчиков, специалистов ПВО, ВМФ, ВДВ, артиллерии, специалистов по комплектованию вооруженных сил, военных переводчиков, врачей и т.д.);

4) слабая изученность темы, порождающая необходимость объективного освещения её в научной и публицистической литературе.

Регулярные советские войска в Анголу никогда не направлялись и в боевых действиях не участвовали. На должности военных советников при ФАПЛА (*Forças Armadas Populares de Libertação de Angola* (порт.) – *Народные вооруженные силы освобождения Анголы* – Прим. А.К.-Т.) командировались старшие офицеры (в звании подполковника и выше, реже, майора), военные специалисты разных родов и видов войск (офицеры и младшие командиры). Функцией единственных регулярных воинских частей – подразделений морской пехоты – была охрана советского посольства и главной советской военной миссии в Луанде (*столица Анголы* – прим. А. К.-Т.). Сюда же мы можем отнести экипажи советских боевых кораблей, доставлявших в Анголу грузы и несших у побережья Атлантического океана боевую вахту. Единичны были случаи направления в Анголу солдат срочной службы – в качестве радистов, водителей, пекарей: в группах советских специалистов их бывало по 1-2 человека [3, с. 13].

Отдельную многочисленную группу советских офицеров, направлявшихся в Анголу для обеспечения точной и эффективной коммуникации между советскими специалистами и принимающей подсоветной стороной, были военные переводчики. Среди них выделялись:

1) курсанты Военного института иностранных языков (сейчас – Военный Университет МО РФ): выпускники ускоренных 10-месячных курсов в звании младших лейтенантов либо курсанты 2-3 курса;

2) т.н. «двухгодичники»: выпускники гражданских вузов, по основной специальности – переводчики или учителя иностранных языков (как правило, испанского и английского).

Последние направлялись в командировки в Анголу по линии Министерства обороны СССР в звании лейтенантов на два года. Положение выпускников МГПИИЯ (сейчас – Минский государственный лингвистический университет – Прим. А. К.-Т.) и отдельных других вузов имело ключевую особенность: до поездки в Анголу они не изучали португальский язык, не знали его, и вынуждены были овладевать необходимыми для успешной службы знаниями уже на месте. Переводчики служили в штабах военных округов, в бригадах, переводили письменную документацию, обеспечивали советско-ангольско-кубинские переговоры: на протяжении 1975 – 1989 гг. в Анголе находились регулярные кубинские войска. Также зафиксированы примеры привлечения выпускников МГПИИЯ к работе в качестве бортпереводчиков в составе летных экипажей, с использованием специальной фонетики и терминологии, чему также приходилось учиться фактически прямо в полете [3, с. 12–13].

Подсчет участников войны в Анголе среди бывших советских военнослужащих продолжается до настоящего времени. По новейшим данным российской общественной организации «Союз ветеранов Анголы», в течение 17 лет в этом военном конфликте приняли участие не менее 12 тыс. военнослужащих, не считая гражданских специалистов. Из них: 107 генералов и адмиралов, 7211 офицеров, 3,5 тыс. младших командиров и рядовых. В этот перечень не входят рабочие и служащие Советской Армии, а также члены семей военнослужащих [5, с. 59]. Из них на сегодняшний день нами установлены имена 167 человек, имеющих отношение к Беларуси: уроженцы республики, белорусы по национальности, граждане Республики Беларусь с 1991 г. В Республике Беларусь, по сведениям, полученным из областных и районных военных комиссариатов и собственноручно участников событий, проживает 145 человек (*подсчитано мной* – А. К.-Т.); сведения уточняются.

Официальное число погибших в Анголе при исполнении воинского долга – 54. Однако на 2018 г. установлено уже 83 имени погибших военнослужащих, гражданских специалистов и членов их семей [5, с. 264–283]. Представителей Беларуси среди них выявлено 6; трое похоронены на территории Беларуси, один – в Подмоскovie, один – в Ленинградской области, один – в Крыму (*подсчитано мной* – А. К.-Т.) [5, с. 266, 268, 277, 279, 281].

Не всех представителей Беларуси среди ветеранов войны в Анголе удалось разыскать. Большинство этих людей – военнослужащие запаса, имели советские удостоверения участников боевых действий и соответствующие льготы. С 1 января 2015 г. эти документы официально заменены на удостоверения ветеранов и инвалидов боевых действий на территории других государств национального образца [6]. Но среди них есть те, кто, проведя два года в боевых условиях и не раз оказываясь на волосок от гибели, даже получив боевые награды, не имеют никаких подтверждений своего исполнения интернационального долга [3, с. 153, 318], и натолкнулись на стену непонимания штабных работников и высшего командования, особенно в условиях развала СССР. Причины тому могли быть самые разные (беспорядок в отчётах, неуважительное отношение вышестоящего командования к офицерам, и т.д.), однако итог получался один и тот же: если удостоверение участника боевых действий не оформлялось сразу, то позже сделать это практически никогда не удавалось.

В современной Беларуси положение военнослужащих, признанных ветеранами боевых действий, регламентировано Законом Республики Беларусь от 17.07.1992 г. «О ветеранах» в редакции от 12.07.2001 г. [7]. Их отношение к собственному статусу и положению в обществе разнится. Отдельные люди едва ли не стесняются своего прошлого. В качестве примера приведем отрывок из письма полковника в отставке,

лётчика-истребителя, бывшего военного советника кубинских ВВС, служившего на Кубе и в Анголе (имя скрыто по просьбе респондента. – Прим. А. К.-Т.): «Во время всенародной борьбы со льготами очень «тепло» отзывались в СМИ о войнах-интернационалистах и их деятельности представители администрации. Я уяснил, что выступают крупнейшие национальные специалисты и знатоки истории локальных войн и военных конфликтов, а также роли в этих войнах советских военнослужащих. Мне стало стыдно за свой статус, и я теперь стесняюсь называть себя воином-интернационалистом и в этой связи что-либо вспоминать» [8]. Случай частный, однако не единичный.

Согласно Закону Республики Беларусь «О ветеранах» воинами-интернационалистами признаны военнослужащие, работники Министерства обороны, КГБ, МВД СССР и БССР, военнослужащие автомобильных батальонов и летного состава, работники, обслуживавшие воинские контингенты. С самого начала в тексте заложена определенная несправедливость: в каждом пункте ст. 3 Закона обозначены «Афганистан и другие государства», в пункте 5 отдельной льготной категорией обозначены работники (т.е. гражданские лица), командировавшиеся в Афганистан в 1979 – 1989 гг. Здесь в тексте закона заложена очевидная несправедливость. Подвиг и заслуги воевавших в Афганистане не оспаривались и не оспариваются: все, находившиеся на территории этой страны, автоматически считаются участниками боевых действий. Однако участники боевых действий в иных государствах – и война в Анголе тому пример – вынуждены своё участие в боевых действиях доказывать буквально по дням и неделям. Нахождение в зоне досягаемости обстрелов или регулярное попадание под бомбёжки на территории, не обозначенной как место проведения боевых операций, участием в боевых действиях в Анголе не считалось [3, с. 237]. Что касается направлявшихся в «другие государства», в т.ч. в Анголу, гражданских специалистов, то они вообще никак не защищены этим законом. Меры социальной защиты, применяемые в отношении ветеранов и инвалидов боевых действий, обозначены в стст. 12, 18 Главы 2 Закона о ветеранах. Их относительно немного. Дополнительно в главе 3 Закона обозначены меры социальной защиты в отношении членов семей (родителей, не вступивших в новый брак супругов, детей) военнослужащих, погибших в боевых действиях на территории других государств; во многом они идентичны мерам в отношении самих ветеранов и инвалидов боевых действий [7].

Заключение. Участие представителей Беларуси в военных конфликтах второй половины XX в., конкретно – войне в Анголе в 1975 – 1992 гг., всех обстоятельств этих событий и их последствий для конкретных военнослужащих и их семей требует кропотливого и глубокого научного исследования. Проведение такой работы осложняется слабой доступностью архивов Министерства Обороны Российской Федерации. Главной целью подобного исследования представляется не только выявление новой информации и систематизация уже имеющихся в распоряжении ученых сведений об участии наших соотечественников в боевых действиях на территории других государств, но и корректировка статуса ветеранов и инвалидов боевых действий на территории других государств в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юхо, Я. Наш нацыянальны герой // Я. Юхо // Сыны і пасынкі Беларусі ; пад рэд. С. Барыса. – Мінск : Полымя, 1996. – С. 105–106.
2. Воронкова, И.Ю. Беларусь и война в Испании (1936 – 1939 гг.) / И.Ю. Воронкова. – Минск : Беларус. нав., 2009. – 160 с.
3. Кузнецова-Тимонова, А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе / А.В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларус. нав., 2017. – 354 с.
4. Данилова, Н.Ю. Военнослужащие, воины-интернационалисты, ветераны: динамика правового статуса / Н.Ю. Данилова // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 77–85.
5. Мы свой долг выполнили! Ангола: 1975 - 1992 / сост. С.А. Коломнин. – М. : «Студия Этника», 2018. – 296 с.
6. О некоторых вопросах перерегистрации документов, подтверждающих право граждан на льготы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 окт. 2012 г. № 448 // Президент Республики Беларусь: официальный интернет-портал – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/kommentarij-k-ukazu-448-ot-1-oktjabrja-2012-g-819/. – Дата доступа: 5.02.2020.
7. О ветеранах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17.04.1992 г., № 1594-ХП // Интернет-портал о законодательстве Республики Беларусь. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_veteranah.htm. – Дата доступа: 15.02.2020.
8. Воспоминания военного советника ВВС/ПВО ФАПЛА полковника Д. (имя скрыто по просьбе респондента). – Из личного архива А.В. Кузнецовой-Тимоновой.

Поступила 05.06.2020

BELARUSSIAN INTERNATIONAL WARRIORS: THE EXAMPLE OF VETERANS OF THE WAR IN ANGOLA (1975 – 1992)

A. KUZNETSOVA-TIMONOVA

The article is dedicated to the soviet warriors' participation in the war in Angola (1975 – 1992) as military advisers, specialists, interpreters, and their status in the Republic of Belarus now. The author notes circumstances of their choice and departure, specificity of the military interpreters' affair, peculiarities of the international warriors' state.

Keywords: local wars; international warriors; military advisers; specialists; interpreters; war veterans; military history of Belarus.

УДК 39

**1941 ГОД ВАЧЫМА ДЗЯЦЕЙ І ПАДЛЕТКАЎ ВІЦЕБШЧЫНЫ:
АНТРАПАЛАГІЧНЫ ДЫСКУРС ВАЕННАЙ ГІСТОРЫІ¹**

*д-р гіст. навук У.А. ЛОБАЧ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Разглядаюцца асаблівасці дзіцячага ўспрыняцця пачатковага этапа Вялікай Айчыннай вайны і нацысцкай акупацыі Беларусі ў 1941 г. Вызначаны вузлавяя моманты дзіцячых успамінаў пра пачатак вайны (адступленне Чырвонай Арміі, з'яўленне салдат вермахта, лёс савецкіх ваеннапалонных). Ахарактарызавана спецыфіка ўспрыняцця і інтэрпрэтацыі гістарычных падзей у рамках лакальных вясковых супольнасцей Паўночнай Беларусі.

Ключавыя словы: дзеці, 1941 год, Віцебшчына, вусная гісторыя, Вялікая Айчынная вайна.

Уводзіны. Праблематыка Вялікай Айчыннай вайны мае быць надзвычай актуальнай для айчыннай гістарыяграфіі і ўяўляе сабой поле негаласнага канфлікту розных падыходаў, метадалогій і канцэпцый. Але пры гэтым галасы “дзяцей вайны” застаюцца ў большасці сваёй непачутымі прафесійнымі гісторыкамі. Гэта ў поўнай ступені датычыцца і 1941 года – трагічнай старонкі беларускай гісторыі, калі з мірнага жыцця краіна трапіла ў цяжкі нацысцкай акупацыі.

Нават беглы агляд навуковых даследаванняў, прысвечаных падзеям II Сусветнай вайны на Беларусі, паказвае, што сярод прыярытэтных крыніц практычна адсутнічаюць наратывы тых, хто перажыў вайну і быў сведкам усіх трагічных акалічнасцей, што разгортваліся на тутэйшых абшарах. Між тым, “вусныя крыніцы дазваляюць зафіксаваць унікальную інфармацыю, што не перадаецца іншым шляхам. Калі пісьмовыя крыніцы афіцыйнага паходжання часцей за ўсё адлюстроўваюць гісторыю дзяржавы і яе інстытутаў, то вусныя крыніцы звяртаюцца да гісторыі і паўсядзённага жыцця народа, прытым дазваляюць зрабіць гэта вачыма сведкаў былых падзей. Тым самым гісторыі вяртаецца чалавечае вымярэнне. Таму перспектывы развіцця вуснай гісторыі вызначаюцца не яе процістаяннем з традыцыйнай гістарыяграфіяй, а насупраць – іх цесным супрацоўніцтвам і ўзаемадзеяннем пры захаванні адноснай самастойнасці” [1, с. 281].

Нават пры ўсведамленні знакавасці і значнасці вусных крыніц, якія пераводзяць даследаванне ў іншую, адрозную ад класічнай гісторыі, плашчыню, праблема выкарыстання ўспамінаў яшчэ жывых сведкаў ваенных падзей палягае ў тым, што вымагае ад даследчыка досведу палявога этнографа (антрапалага), а не толькі архівіста, як гэта ёсць у гісторыкаў. Так, вядомы даследчык Беларусі часоў нацысцкай акупацыі Бернард К'яры пазначае: “Зразумець вайну “маленькіх людзей” – гэта я і цяпер лічу надзённай задачай” [2, с. 7]. Але намеры аўтара застаюцца простаай дэкларацыяй, бо ў выдатнай паводле канцэптуальнасці і факталогіі манаграфіі галасоў “маленькіх людзей” не чуваць. Беларуская акадэмічная супольнасць, на вялікі жаль, нават і не ставіць такіх намераў. У той жа час, зварот да “вуснай гісторыі” пры даследаванні падзей апошняй вайны сутыкаецца з вельмі істотнай праблемай: “Людзей, якія перажылі вайну, сёння засталася не больш 6–7%, гэта галоўным чынам пажылыя і малаадукаваныя жанчыны, у якіх у масе сваёй няма ні сродкаў, ні магчымасцяў, а галоўнае – няма матываў, імкнення да перадачы падобнага вопыту” [3, с. 88]. Факт фізічнага сыходу ваеннага пакалення і недасяжнасць іх сведчанняў у бліжэйшай перспектыве канстатуе і нямецкі даследчык Б. Мусял: “Нарэшце, варта назваць адзін від крыніц, што праз некалькі гадоў больш не зможа быць выкарыстаны, але які ў дадзенай працы адыгрывае важную ролю. Гаворка тут ідзе пра інтэрв'ю і апытанні былых партызанаў..., беларускіх, польскіх, рускіх і яўрэйскіх сведак, а таксама былых нямецкіх салдат” [4, с. 17].

Нежаданне беларускіх гісторыкаў выйсці з “зоны камфорту” (архіваў ды кабінетаў) у “поле” пераводзіць навуковую праблематыку ў маральна-этычную праблему. Няўжо, калі чалавек не належыць да катэгорыі “герояў” ці “ахвяр”, а пакутліва перажываў чарговую “блакаду” карнікаў у расонскіх лясах ці пінскіх балотах, яго памяць пра гады акупацыі ня варта ўвагі? Падыход, калі суб'ектамі гісторыі выступаюць адно канфліктуючыя бакі (акупанты і партызаны), прыводзіць да таго, што пераважная частка насельніцтва акупаванай Беларусі застаецца на старонках даследаванняў вымушаным аб'ектам гвалту і ўціску, “маўклівай большасцю”, чый голас, візія, усведамленне і інтэрпрэтацыя драматычных падзей гісторыі краіны ў разлік не прымаюцца ці пераказваюцца ўскосна, з рэляцый акупацыйных улад ці камандзіраў партызанскіх аддзелаў.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД-РФФД “Субкультура дзетства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века”, дамова № Г20Р-095.

Трэба адзначыць, што “вусная гісторыя”, як апеляцыя інтэлектуалаў з ліку даследчыкаў да непасрэдных сведкаў падзей, мела месца яшчэ ў савецкі перыяд, яркавым прыкладам чаго ёсць дакументальная аповесць “Я з вогненнай вёскі...”, дзе змешчаны ўспаміны цудам ацалелых жыхароў 147 беларускіх вёсак, знішчаных карнікамі ў час акупацыі [5, с. 6]. Досьць знакавай выступае тая акалічнасць, што пошукам сведкаў і дакументальнай фіксацыяй успамінаў займаліся не прафесійныя гісторыкі, а беларускія пісьменнікі – А. Адамовіч, Я. Брыль, У. Калеснік, што асабіста прымалі ўдзел у партызанскім супраціве на тэрыторыі Беларусі. З аднаго боку, выданне эмацыйна і праўдзівая гаворыць “ад першай асобы” злачынную сутнасць нацысцкага рэжыму на тэрыторыі Беларусі, але ў той жа час выразна пазначыла, што лёс і “малая гісторыя” дзясяткаў тысяч беларускіх вёсак, што перажылі жудасць акупацыі, не ўпісваюцца ў афіцыйную савецкую дактрыну Вялікай Айчыннай вайны.

У наш час выдатны ва ўсіх адносінах беларуска-германскі праект “Детство войны 1941–1945: живые свидетельства Беларуси”, прысвечаны трагічнаму лёсу беларускіх дзяцей, што трапілі ў канцлагеры ці на прымусовыя працы [6], адначасова засведчыў, што жыццёвы досвед тых “дзяцей вайны”, хто не быў ахвяраю, па-за ўвагаю як навукоўцаў, так і грамадскіх арганізацый.

Жыццё дзяцей ў час вайны і акупацыі мае сваю спецыфіку, паколькі “вайна сваім уварваннем у свет дзяцей выклікае парушэнне яго межаў, стэрэатыпаў паводзінаў, што ўключаюць асаблівыя стратэгіі і практыкі выжывання, трансфармацыі штодзённага побыту” [7, с.18]. Дзіця ці падлетак, асабліва ў вясковай, традыцыйнай па сутнасці, супольнасці аўтаматычна наследуе сістэму жыццёвых каштоўнасцей і поглядаў на свет – базавых для сям’і і вёскі ў цэлым. Разам з тым, дзіцячы погляд на свет больш непасрэдны, наіўны, у пэўным сэнсе фальклорны, не абцяжараны ідэалагічнымі ўсталяваннямі, калі ўвагу могуць прыцягваць рэчы ці з’явы, неістотныя для дарослых. З другога боку, дзіцячая памяць фіксуе рэальныя падзеі, у аднолькавай ступені важныя як для сям’і, так і для вясковай грамады і краіны. Як пазначае Н.А. Фурсіна, “у дзіцячых успамінах прысутнічае і выразна выяўленае разуменне гістарычнай значнасці найбольш важных, з гледзішча саміх рэспандэнтаў, падзей ваеннага часу, сведкамі якіх яны апынуліся” [1, с. 282]. Успаміны пра перыяд акупацыі ёсць выбарачныя і фрагментарныя, могуць карэлявацца пасляваенным жыццёвым досведам, калі чалавек робіць высновы ці выяўляе прычынна-выніковую сувязь тых ці іншых падзей. “Дзеці вайны” часам апелююць да пасляваеннага погляду на падзеі і дадаюць у апавяданне ідэалагічныя штампы, каб выглядаць паводле іх меркавання, больш пераканаўчымі ў вачах інтэрв’юера” [8, с. 81]. Аднак, высновы рэспандэнта могуць мець самастойны, альтэрнатыўны афіцыйнаму дыскурсу, характар. Прыкладам можа быць тлумачэнне жыхаркай Лёзненшчыны лютасці фінскіх карнікаў падчас акупацыі. “[Ці сільна злыя немцы былі?] *Не. Немцы, не, а былі гэты, дзе нашы ваявалі.* [Фіны, можа?] *Фіны. Бо гэтыя былі ў карацельных атрадах усюды. Гэтыя былі на нас злыя, яны нам мсцілі. Нашы салдаты тожа натварылі з іхнімі дзевушкi, насілавалі іх, і яны мсцілі нам.* *Фіны.* [Фіны злейшыя за немцаў?] *Ой, гэта быў бeлы народ, здаровы. Ну, і мсцілі, вот гэтыя мсцілі. А немцы, не, немцы, не*². Але ў большасці выпадкаў, успаміны пра вайну – гэта “эмацыянае апавяданне пра адну ці некалькі найбольш яркіх падзей, якія неадрэфліксавана заселі ў памяці апавядальніка на доўгія гады” [8, с. 81].

Прадметам даследавання выступае ўласна змест успамінаў пра 1941 год пры магчымых суадносінах з дакументальнай гісторыяй. Опцыя 1941 года была выбрана невыпадкова, бо пачатак вайны азначаў радыкальны пералом жыццёвага парадку, пасля якога свет ужо не меў магчымасці вярнуць свой ранейшы стан. Вайна, з імклівым наступленнем частак вермахта, развалам савецкай дзяржаўнай сістэмы на тэрыторыі Беларусі, мабілізацыяй мужчынскага насельніцтва ў шэрагі Чырвонай арміі, інфармацыйным вакуумам, жорсткімі баямі і першымі масавымі ахвярамі, сталася татальнай дэструкцыяй існага жыццёвага ладу на ўсіх яго таксанамічным узроўнях: сям’я – грамада – краіна. “Масавыя адносіны да вайны практычна не адрозніваюцца ад успрыняцця яе як традыцыйна стыхійных бедстваў – голаду, паморку, патопаў ці землятрусаў, прычыны якіх маларазумелыя, а наступствы – жахлівыя” [3, с. 87]. У семіятычнай праекцыі вайну можна параўнаць са “смерцю” старога светаладу ў рытуальных каляндарных практыках, калі знікаюць межы паміж сваім і чужым, а прадстаўнікі іншага свету аказваюцца сярод людзей. Толькі ў выпадку з вайной размова ідзе не пра міфалагічныя іпастасі “чужынцаў” і сімвалічную дэструкцыю светаладу, але пра абсалютна рэальную варожую нямецкую армію, якая несла гвалт, смерць і разбурэнні.

Асноўнымі крыніцамі пры напісанні артыкула сталі запісы ўспамінаў, зробленыя супрацоўнікамі Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта практычна на ўсёй тэрыторыі Віцебскай вобласці ў перыяд 2009 – 2019 гг. Даволі сутнасныя адрозненні ва ўспрыняцці падзей 1941 г., якія выяўляюцца ва ўспамінах, абумоўлены значнай культурнай і ментальнай розніцай паміж заходняй і ўсходняй часткамі рэгіёна. Для Заходняй Беларусі ў цэлым, якая да 1939 г. была ў складзе Польскай дзяржавы, савецкая ўлада да пачатку Вялікай Айчыннай вайны “так і не стала “сваёй” [9, с. 17], што, у сваю чаргу, абумовіла рознае ўспрыняцце драматычных падзей 1941 г.

² Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ): Зап. У. Лобач у 2015 г. ад Лаўніховіч Марыі Сямёнаўны, 1924 г.н. у в. Бабінавічы Лёзненскага р-на.

Першыя дні вайны. Калі для дарослых вайна была неспадзяванай і па вызначэнні страшнай з’явай, то ў дзяцей яна не выклікала ніякіх асацыяцый, паколькі ўцягненні пра вайну адсутнічалі ў дзіцячай карціне свету. Адсюль невыпадкова, што дзяўчынка ўспрымае артылерыйскую кананаду за грымоты пярэна: *“А немцы прыйшлі ж летам. Грыміць і грыміць гром. І сонца, неба яснае, а гром грыміць. Пытаюся я ў мамы, кажу, чаго там гром грыміць? Гаворыць: “Дачушка, гэта ня гром – вайна”. Мы ж не прадстаўлялі, што такое вайна”* (Мёрскі р-н)³. У дзіцячай свядомасці вайна набліжана да прыродных катаклізмаў, знакам чаго выступае само сонца. І толькі пасля нябеснага знака па радыё гучыць афіцыйнае паведамленне: *“Праснуліся у дзярэўні. Тагда было такое радыё, знаеце, дзе-та вісело. [Талерка?] Ага, талерка, тагда там перадавалі калхозныя дзяла. А то ўдруг сонце не взышло. Закрычала гэта радыё, людзі высаліліся на вуліцу, сказалі па радыё: Вайна, пачалася вайна. Гітлераўцы вераломна напалі на Савецкі Саюз. Было аб’яўлена. Ну усё, пачалася суматоха ў дзярэўні”* (Бешанковіцкі р-н)⁴. Сюжэт, калі неба (сонца, месяц) дае прарочыя знакі на зямныя (асабліва трагічныя) падзеі, – глыбока міфалагічны і ўказвае на адпаведныя ўласцівасці не толькі дзіцячай ментальнасці, але і традыцыйнай карціны свету беларускага вяскоўца першай паловы ХХ ст.: *“На Вялікадня былі мы ў Дольцах, на Усеночнай. Вот яно [сонца] іграла. Колькі людзей было, столькі выйшла з цэрквы, усё глядзелі як на дзіва. Дзіва ж было. Неба было цёмнае, як туча, і краснае, як кроў. Было неба гэткае каля сонца. А сонца разбязыцца на чатыры частачкі абакнавенна, на чатыры частачкі накрыж, і апяць збязыцца ўместа. І во гэтак з час можна глядзелі, дужа доўга стаялі. Тады гэтак казалі, што перад вайной. І, мусіць, у той год ці вайна і не пачалася”* (Ушацкі р-н)⁵

Неўсведамленне сутнасці вайны і яе смяротнай небяспекі выразна адлюстраваны ва ўспамінах, калі дзясяцігадовая дзяўчынка пільнуе свінняў, не звязаючы на выбухі нямецкіх авіябомб: *“Во тады я помню і вайну, як я ўцікала са свіннямі етымі. Бамбязь самалёты нямецкія, во кала самай агародаў кала найшых..., бамбязь рядом. Тут бамбязь, тут я са свіннямі бегаю. А салдаты хуваюцца пад амбар і крічаць на мяня: “Дзевачка, дурачка, кідай етых свінней ды залазь скарей пад амбар, ты ж відзіш, як асколкі еты ляцяць”. А во, відзіш, не судзьба была пагібнуць, каля самых агародаў бомбы рвалісь”* (Лёзненскі р-н)⁶.

Ва ўсходняй частцы Віцебшчыны вельмі часта ўзгадваюць пра мабілізацыю мужчын на фронт і адпаведны псіхаэмацыйны настрой у вясковай грамадзе: *“Ну, вот я помню, як пачалася (вайна). Ну, праснуўся, тады пайшоў на цэнтр, там адзе магазіны, падходзяць ка мне і гавараць: “Вайна пачалася!” Ну, тады папрасілі нас, ноччы хадзілі, павесткі ўручалі каму ісіці ў ваенкамат, ці на вайну, разнашвалі павесткі па мужчынах. Помню, як людзі плакалі, як іх праважалі, сколька мужчын на дарогу сабралася, скольки народу было. У нас на цэнтру Кальшак скольки там кріку было. Калі назаўтра вайна пачалася і адпраўлялі на вайну людзей, жанічыны, знаеш, як крычалі, плакалі ратункі”* (Лёзненскі р-н)⁷.

Знайшла адлюстраванне ў дзіцячых успамінах і эвакуацыя калгаснай жывёлы на Усход, асабліва ў тых выпадках, калі ў працэсе ўдзельнічалі бацькі альбо самі падлеткі. У гэтых апавяданнях даволі выразна перадаецца атмасфера няпэўнасці і панікі першых дзён вайны, а сам выган жывёлы выглядае даволі хаатычным, з улікам налётаў авіяцыі люфтвафэ і прарываў перадавых нямецкіх частак. Негатыўна харатарызуюцца і прадстаўнікі мясцовай улады, якія спяшаюцца небяспечны край, ратуючыся ўцёкамі. *“Як тут ужо аб’явілі, што вайна, усё ужо, вот так ужо на вуліцы сабраў, стаім, глядзім нямецкі во самалёт адсюль ляціць, – а яшчэ немцаў не было, – а наш ужо ззадзі, і па ім ужо страляў. Ну і тады прэсдацель сельсавета гаворыць: “Ай, немец далёка, сюды ня прыйдзець”. А сам ужо сабраў манаткі. Што было ў сельсавеце, эта ўсё ўкінуў, і гэты прэсдацель на кані ў Віцебск, а там і дальшэ – дзе-та на Урале там ужо яму брон аблажылі, і ён на вайне ня быў. <...> Ну і тады у калхозах былі ужо скот калхозны, свінаферма была, ну і тады ўжо гэты скот адганяць каб во немцу не астаўся. Мой бацька, цераз вуліцу Ягор такі жыў, і пагналі еты скот. Ну і так з усіх калхозаў скот гналі, і гналі сюды, на Сянно. І нашы туды падагналі да Сянна. Там от луг такі, здаровая паляна была, ската было поўна! І вот тут немец, нейкая разведка. Ну вот, нам закурць далі. Пацямнела, мы ўжо коні свае пазпрагалі – ідзіце вы к чарціям! І дамоў прыехалі к утру. І там еты скот, не знаю. Ну, гналі спецыяльна да Воршы, там жа ужо вузлавая станцыя, каб ужо скот хаця троху ад яго адвезці. Ну і тады ужо немец. І тут пагаворка была, што ўжо усё, ужо Расію немец заберыць...”* (Бешанковіцкі р-н)⁸.

Скразной лініяй успамінаў пра першыя дні вайны праходзіць узгадка пра беспарадкавае і хуткае адступленне частак Чырвонай арміі і асобных груп салдат. Дзіцячая памяць фіксуе нібыта дробязі (запы-

³ ФА ПДУ: Зап. А. Сумко ў 2019 г. ад Стомы Яўгеніі Мікалаеўны, 1931 г.н. у в. Кліматы Мёрскага р-на.

⁴ ФА ПДУ: Зап. У. Аўсейчык, У. Лобач у 2018 г. ад Савіцкай Ірыны Сямёнаўны, 1932 г.н. (нар. в. Дзягелева Бешанковіцкі р-на) у в. Сіроціна Шумілінскага р-на.

⁵ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2006 г. ад Аўтух Дар’і Цімафееўны, 1912 г.н. у в. Вашкова Ушацкага р-на.

⁶ ФА ПДУ: Зап. Д. Казлоў у 2012 г. ад Ламаносенка Марыі Макараўны, 1931 г.н. у в. Лугі Лёзненскага р-на.

⁷ ФА ПДУ: Зап. Д. Казлоў у 2013 г. ад Быкоўскага Міхаіла Фіманавіча, 1927 г.н. у г.п. Лёзна.

⁸ ФА ПДУ: Зап. А. Высоцкая, Н. Шыпіла ў 2013 г. ад Белавус Мікалая Мацвеевіча, 1927 г.н. у в. Заполле Бешанковіцкага р-на.

ленья твары, соль ад поту на гімнасцёрках), але гэтыя дэталі маюць знакавы характар у кантэксце драматычных падзей чэрвеня-ліпеня 1941 г. *“Ой, шэсць лет мне было. Ой, помню эта. Ой, вы знаеце што, я помню, знойнае лета было, очань знойнае. Немцы ўжо сталі бамбіць в июле месяцэ. Помню харашо, што ў мяне брат радзіўся вот 9 июля, і мама схваціла яго... Самалёты ляталі ж эці нямецкія, ужо бамбілі. І мы ў акуп, зямлянка такая была вырыта. Кагда началась вайна ўжо людзі сабіраліся, там тры-чатыры хазяіна, і рылі акопы. І патом у этэм акопе мы сядзелі, нескалько там сямей сідзелі в этам акопе, пака бамбілі. А салдаты нашы адступалі, этыя ўжо немцы наляталі, ішлі, у іх ліца не было відна ад пяска, панімаеце? Цяпер во асфальт, асфальціраванняя дарогі, а тагда ж больше пняшчаныя. Дык вот, даже ліцо такое... Вот сядзелі, атдыхалі, я харашо помню. І ўсё адзін мне салдат, ён мяне кружачку, кружку такую металіческую падаріў. Гаворыць, на, на, дочанька, вот даў. Этая кружка ў меня доўга была. І гімнасцёркі... Вот дзействіцельна ў песні паёцца, “гімнасцёркі на плячах навяггаралі”. Вот дзействіцельна, гімнасцёркі былі аж прапітаны соллю, вот такое, што сільна такі санцапёк быў, ну вот помню”* (Бешанковіцкі р-н)⁹.

Імклівае прасоўванне нямецкіх матарызаваных частак адразала асобныя падраздзяленні Чырвонай арміі, і ў гэтай сітуацыі частка салдат прымала рашэнне не прабівацца да сваіх, а пакінуўшы зброю і амуніцыю, зліцца з мясцовым насельніцтвам і, такім чынам, уратаваць сабе жыццё. *“А на заўтра бамбёжка, стукат. Нашы цікакуюць праз жыта пасеенае. У хату забягуць, каб далі што пераадзець. Яны ўжо акружылі. У каго ёсць, давалі пераадзецца ў вольнае, і каб пажыць. Ну, і пакідалі яны аружжае, адзежу сваю...”* (Бешанковіцкі р-н)¹⁰. Прыватны выпадак дэзерцтва, што запаў у дзіцячую памяць, стасуецца з агульнай тэндэнцыяй, што мела месца на пачатку вайны не толькі на тэрыторыі Беларусі. *“Да канца 1941 г. органы НКУС арыштавалі на тэрыторыі СССР, паводле ўласных дадзеных, 710 755 дэзерціраў і 74 541 адмаўленцаў ад вайскавай службы”* [4, с. 48].

Зусім іншая карціна падзей лета 1941 г. паўстае ва ўспамінах дзяцей і падлеткаў Заходняй Беларусі. Адсутнічаюць узгадкі пра мабілізацыю, якая па факце і не была праведзена, а тым больш пра эвакуацыю калгаснай маёмасці па прычыне адсутнасці саміх калгасаў. Але характэрнай рысай, якая прыгадваецца, былі рабункі яўрэйскіх крам у Докшыцах і Германавічах яшчэ да прыходу нямецкіх частак. *“Ай, помню, як сёння было. Помню, маць з сястрой пайшлі ў касцёл раніцай на дзевяць гадзін. Гляджу я ў касцёле нікаго нет, а то ранішэ там войска і школьнікі на дзевяць гадзін маліліся, для іх была служба. Там нейкіх дзеве жанчыны, якія сідзяць на гэтых лаўках і ўсё. І мама прышла, гаворыць: “Хадзіце бягом дамоў, – гаворыць, – вайна.” І адвяла нас дамоў. <...> А пасля абеда ўжо некаторыя лоўкія набеглі гэтых яўрэяў у магазіны, там залазілі, што та ў іх бралі”* (Шаркаўшчынскі р-н)¹¹; *“Хацелі з Крулеўшчыны дарогу нейкую вясці па балоту. Едуць і едуць людзі, а мая мама выйшла, кажаць: “Куды вы людцы едзіце?” – “Дарогу, – кажаць, – будзім правадзіць жалезную”. Чэраз мінут якіх, поўчаса, назад едуць. Мама ізноў вышла: “А чо вы назад едзіце?” – “Бабушка, вайна”. Сягоння во гэдак во сказаў, а на заўтра ў Докшыцах і немцы. Гэдак скоро яны аб’явіліся. Кажаць, магазіны ўсе жыдоўскія разбіраюць. Тут у нас некатарыя набеглі за гэтымі. Ну ў нас некаторыя і набеглі, і па трубке (палатна – У.Л.) папрынасілі”* (Докшыцкі р-н)¹².

Да жалю, гэтая ганебная з’ява мела месца не толькі ў памянёных населеных пунктах. *“Антыяўрэйскія пагромы і выпадкі марадэўства адзначалі ў такіх гарадах (у асноўным у Заходняй Беларусі) як Гродна, Наваградак, Ёўе”* [10, с. 356]. Інфарманты ўзгадваюць пра факты рабаўніцтва безэмацыйна, як пра падзею, што проста мела месца ў іх мясцовасці. Але, насамрэч, гэтыя ўзгадкі – вуснае сведчанне антысеміцкай настрояў, характэрных для Заходняй Беларусі ў цэлым, і падаграваемых Польскай дзяржавай. У канцы 1930-х гг. *“у Польшчы разгарнулася шырокамаштабная антысеміцкая кампанія, падобная да той, што мела месца ў фашысцкай Германіі. Адным з найбольш папулярных лозунгаў гэтай кампаніі быў заклік “Свой да свайго!” (“Swój do swego”), які агітаваў палякаў купляць тавары толькі ў польскіх крамах”* [10, с. 356]. Памяць пра тую антысеміцкую кампанію захавалася ў жыхароў заходніх раёнаў Віцебшчыны дагэтуль. *“А ў нас і брашурка была такая, штобы ў жыдоў нічога не пакупалі. Вот і сядзіць жыд на дзеньгах, мешок дзэнех, а крэсцянін яму сапагі чысціць, ногі выценуўшы”* (Мёрскі р-н)¹³.

У выпадку Чаславы Хрол з Глыбоччыны, першы жах вайны быў звязаны не з налётамі нямецкай авіяцыі, але з убачаным на лясной дарозе, па якой супрацоўнікі НКУС з сабакамі гналі вялікую калону зняволеных. *“З Беразвечча іх гналі, з Баразвечча туды, на Ёшачу іх гналі. Я ішла у Шо да цёткі, пайду у Шо, і гэтай дарогай, я ня тутака ішла, а вось з гэтага канца. Во хаджу за канец дзярэўні і там жа мне паварачваць у Шо. Гляджу нейкая сціна. І гна дарога. Гэтай дарогай яны іх гналі, там ужо меней было там хат, там ужо лесам болей гналі. Стаю і гляджу. А тады гляджу і сабакі, і канваіры з бакоў. А іх*

⁹ ФА ПДУ Зап. У. Аўсейчык у 2014 г. ад Раўковай Галіны Сідараўны, 1927 г.н. у в. Соржыца Бешанковіцкага р-на

¹⁰ ФА ПДУ: Зап. Д. Казлоў у 2013 г. ад Папко Марыі Нікіцічы, 1930 г.н. у в. Жарнасекава Бешанк. р-на.

¹¹ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2008 г. ад ад Бурэц Францішкі Мікалаеўны, 1924 г.н. у в. Германавічы Шаркаўшчынскага р-на.

¹² ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2009 г. ад Чэчыкалавай Ганны Лаўрэнцеўны 1930 г.н. у в. Дзедзіна Докшыцкага р-на

¹³ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2019 г. ад Патрымайла Тэклі-Тэрэзы Георгіеўны 1929 г.н. у г. Дзісна.

гнали дык там адзін прыд адным. Гэтак блізняк адзін прэд адным. І я не знаю, ці яны былі звязаны гэтым цэпямі, я ня ведаю, толькі барабанлі гэты цапы, я ні знаю. Ці, можа, яны у іх адзін к аднаму папрывязаны былі. Ну я стаю... А тады адін як раўкнуў на мяне: “Чаго стайш?” Ну, ціханька сабралася і пайшла. І іх толькі дагналі толькі да Вулы. І тутка ўжо іх некалі ўжо было гнаць і тады іх у Вуле усіх растралялі. І вот наш з Хралоў быў там разам мужчына, катарый я во казала, што забралі сразу, як савецкая власць прыйшла. А ён астаўся жывы. Там і мёртвы і жывы, усе ліжалі. А як яны ужэ паехалі, ужэ пабілісь, ён падняўся, а тут немцы найшлі, як ужэ немцы прыйшлі, тады ён ужэ туды. Во як білі людзей страшна. [А ці многа там людзей вялі?] Я канца на дарозе і начала ня відзіла... Ну, ніхай, кіламетры два абізацельна былі дліной гэта людзі. Як страшна. Тады прыйшла тату кажу ён мне тады сказаў маўчы ціханька, нічога не кажы. Каб нічога не сказаў, нічога ні чуў хто”¹⁴.

Жудасная гісторыя, што захавалася ў памяці падлетка на ўсё жыццё, мае і не менш страшнае дакументальнае пацверджанне ў службовай перапісцы кіраўніцтва НКУС БССР. “Вчера, 4 июля, мною арестован и предан суду ВТ [бывший] начальник тюрьмы Глубокского района Вилейской области, ныне начальник Витебской тюрьмы, сержант госбезопасности, член ВКП(б), который 24 июня вывел из Глубокской тюрьмы в Витебск 916 осужденных и следственно-заключенных. По дороге этот начальник тюрьмы Приемышев в разное время в два приема перестрелял 55 человек, а в местечке около Уллы, во время налета самолета [противника] он дал распоряжение конвою, которого было 67 человек, перестрелять остальных, и было еще убито 65 [человек]. В этих незаконных расстрелах он сам принимал участие с револьвером в руке. Свои действия объясняет [тем], что якобы заключенные хотели бежать и кричали: “Да здравствует Гитлер!” <...> По его [Приемышева] заявлению... было перестреляно 714 заключенных. Нами по личным делам установлено, что среди этих заключенных более 500 человек являлись подследственными, и несмотря на это без всяких оснований они все же были незаконно перестреляны” [11]. Застаецца дадаць, што забойца нявінных людзей так і ня быў пакараны.

Нямецкія салдаты. Практычна ва ўсіх успамінах пра падзеі 1941 г. акцэнтуюцца надзвычай імклівае прышэсце нямецкай арміі. Гэтая хуткаць у часавым вымярэнні гіпертрафеўца, адбываецца свасаблівая ментальная кампрэсія часу, калі, па сведчанні рэспандэнтаў, першыя нямецкія аддзелы аб’явіліся ўжо праз адзін-два-тры дні пасля пачатку вайны. З’яўленне нямецкіх танкаў, паводле ўспамінаў, здарылася ўжо па абедзе таго дня, калі пачалася вайна: “І мама прыйшла, гаворыць: “Хадзіце бягом дамоў, – гаворыць, – вайна” І адвяла нас дамоў. А тут пасля абедна танкі, танкі, танкі каля Дзісны...” (Шаркаўшчынскі р-н)¹⁵. Падобная храналагічная недакладнасць не з’яўляецца спробай свядома сказаць рэаліі колішніх падзей. Справа ў тым, што “час у дзіцячых успамінах мае асаблівую працягласць і вельмі рэдка стасуецца з дакладнымі датамі” [7, с. 99]. Больш за тое, ігнараванне каляндарных дат (апрача святаў) з’яўляецца адзнакай традыцыйнай карціны свету ў цэлым, для якой заўсёды першаснай выступае падзея, прэцэдэнт, а дакладная храналогія ў разлік практычна не прымаецца.

Вобраз нямецкіх салдат ва ўспамінах пра лета 1941 г. надзвычай разнастайны, што абумоўлена канкрэтнымі абставінамі першага кантакту, сацыя-культурным кантэкстам і асаблівасцямі культурнага ландшафту, дзе гэты кантакт адбыўся. Але найперш ідэнтыфікацыя “чужога” адбывалася паводле базавых культурных маркёраў – знешняга выгляду і незразумелай мовы: “[А якія гэты немцы былі? Што за людзі?] Ну, людзі, як людзі. Толькі не як нашыя адзетыя. І толькі як “**гыр-гыр-гыр**” па-свойму” (Полацкі р-н)¹⁶; “А як у хаты прыхадзілі, яны па свойму **ялдэчуць** і ўсё. Ды і што, яны ж ня білі нікога, прыйшоўшы ў хату там, не ругалі там. То не знаеш, можа ён і ругаець, языка не знаець. Там гэта ўжо навучыліся: **матка, масла, матка, яйка...**” (Мёрскі р-н)¹⁷; “**Стайм мы рабаты. Ой, як прыехалі на матацыклах, як **закурдуячылі!** А хто ета, а што ета? А папугаліся! Толькі: “Матка, яйкі, шпик!” Давайце ўжо ім вынасіці!**” (Шумілінскі р-н)¹⁸.

Ва ўсходніх раёнах Віцебшчыны, дзе савецкія ўлады паспелі правесці мабілізацыю, вясковае насельніцтва ўспрымала прыход немцаў надзвычай насыцярожана па прычыне таго, што значная колькасць мужчын (сыноў, братоў, бацькоў) ужэ знаходзілася ў шэрагах Чырвонай арміі. Адсюль, жаўнеры вермахта ўспрымаліся як салдаты не проста “чужой”, але менавіта “варожай” арміі [12, с.80]. Гэтае меркаванне ўзмацнялася пад уражаннем ад рабункаў, якія татальна ўчынялі нямецкія салдаты ў беларускіх вёсках, што спараджала страх у вяскоўцаў. “Яны ж прыйшлі к нам у дзярэўню, Божачка, прыехалі, і с танкамі. І яны з танкамі сталі там і стаяць. Божачка, за курамі бегалі па двару і стралялі курэй. Яны ж мяса, ім нада!

¹⁴ ФА ПДУ: Зап. У. Філіпенка ў 2010 г. ад Хрол Чаславы Браніславаўны, 1926 г.н. у в. Хралы Глыбоц. р-на.

¹⁵ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2008 г. ад Бурэц Францішкі Мікаласёўны, 1924 г.н. у в. Германавічы Шаркаўшчынскага р-на.

¹⁶ ФА ПДУ: Зап. Т. Валодзіна, У. Лобач у 2017 г. ад Баранавай Тамары Іванаўны, 1934 г.н. у в. Грамошча Полацкага р-на.

¹⁷ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2019 г. ад Александройскай Феафані Васільеўны, 1928 г.н. у в. Язна Мёрск. р-на.

¹⁸ ФА ПДУ: Зап. У. Аўсейчык, У. Лобач у 2017 г. ад Ходзікавай Тацыяны Аляксандраўны, 1935 г.н. у в. Светлічашча Шумілінскага р-на.

А мы ўжо баяліся і з мамай, мы ўжо ні слова не гаварылі. Нічога. А яны, брат ты мой, з пісталета застрэлюць курыцу і заберуць. Во як было! Не дай Бог, не дай Бог!” (Бешанковіцкі р-н) [10, с. 224]; “Як прыйшлі, я помню. У кароткіх штанах, у бацінках, у такіх, з жалезамі. І кароценька па дзярэўні шлі: Матка, яйкі, шпэк! Дала ім усе. Курэй сабіралі, усе пабіралі. Ну, так помнілі гэта” (Полацкі р-н)¹⁹.

З’яўленне ў вясковай прасторы дагэтуль нябачнай тэхнікі варожых войскаў выклікала ў дзяцей (пераважна хлопчыкаў) цікавасць, якая межавала са страхам, а нямецкія салдаты пры гэтым надзяляліся дэманічнымі рысамі. Але цікаўнасць пераважвала страх у выпадку, калі дзіця бачыла незвычайныя і цікавыя з яго гледзішча рэчы. “Вот казалі нам: “Немцы ідуць...” Вот рабяты, мальчышкі на крышу ўзлезлі, глядзяць, калі ж тыя немцы паедуць. А яны ў аснаўном ехалі на матацыклах. Машыны крытыя і матацыклы, з люлькам усё. І іх там сядзіць на матацыкле, сколькі там, тры, наверна, немца. Ну вот, увідзелі тыя мальчышкі з крышы, што едуць немцы з Вархоў, з другой дзярэўні. А мой брат так спугаўся, стаў на вакно і скрабаець рукам у вакно. Ня ў дзверы ўжо кінуўся уцекаць ад немцаў, а ў вакно лезіць. Ну, і ўжо тады прыйшлі ўжо немцы. Ай, усіх баёмся, но ў нашай дзярэўні яны нікога не ўбілі, нікога не спалілі. Пачаму? Пачаму, што ўсе мужчыны былі на фронце. А немцы мне казалісь, што я – рябенак тады была, бальшыя, такія насатыя, страшныя яны мне казалісь. Ну, а тады што. Мыюцца гэтыя немцы і абмылкі гэтыя кідаюць куды-та там на памойку. І красівенькія, і сіненькія, і зялёненькія. І давай рабяты падбіраць” (Гарадоцкі р-н)²⁰.

Падлеткавы ўспаміны захавалі памяць і пра неаднароднае стаўленне вяскоўцаў Усходняй Беларусі да прыходу нямецкай арміі. Рэпрэсіі, жорсткая антырэлігійная палітыка і сістэма калгаснай эксплуатацыі спарадзілі нямаля праціўнікаў савецкай улады, якія звязвалі з прыходам немцаў сваё спадзяванне на лепшае жыццё. Докладней, вяскоўца ў найбольшай ступені хвалявала скасаванне калгаснай сістэмы і вяртанне сваёй зямлі, чым перамена ўлады. У сённяшніх развагах аб прычынах масавай здачы ў палон салдат Чырвонай арміі рэспандэнтка рэтранслюе свой колішні жыццёвы досвед, сплечены з тагачасным калектыўным меркаваннем. “Жылі раньшэ харашо, як дабралі зямлю і пахалі самі. А як сталі калхозы, па поснаму ідзеш, яно будзець касцёр... Год работалі дарма, не палучалі нічога, а тады ўвосенню этага касцяру... Харошага жыта дадуць гасударству. А касцель эты, во веткі такія, як эта. І нам на трудадні па сколька грам выхадзіла, палучым, ужо сабраўшы, малаціўшы. Дадуць сколькі этага касцяру, і жылі... Еслі б толькі не калхозы, выйгралі б нашы вайну (у 1941 г.). Калхозы ім надаелі, здаваліся ў плен... [Яны здаваліся ў плен, што калхозы былі?] Хацелі дамой, надаеў калхоз, што **нехай немец будзе, каб толькі калхозаў не было**” (Лёзненскі р-н)²¹. Аднак, пры ўсіх стоеных спадзяваннях на ліквідацыю калгаснага ладу, вясковая супольнасць асуджала непрыхаваную радасць з нагоды прыходу нямецкай арміі, бо падобная маніфестацыя азначала, што аднавясковец выказвае жаданне быць “сваім” сярод “чужых”. “І не ў каго нічога не было, ні якіх сведзеняў, толькі радзіо крычала: куды немцы правінулісь, дзе вайна, дзе што. І ўдруг, не з таго не з сяго, на двух матацыклах, матацыклы такія з люлькамі, немцы прыехалі ў дзярэўню. Высапалісь людзі, сматрелі, як на прывідзеньне. Хто са страхам, канечна. <...> Быў чалавек адзін такой, катораму не саўсем было... нармальна, более-менее... зажытачна яны жылі. Ну, наверно, у серцы, можа какое недаверые было. Ён выйшаў з хлебам к ім. К немцам. З соллю, з хлебам. Усе людзі на няго зарыкалі, замахалі... І ўсе аж баялісь, как гэці немцы паступяць. А этат сказаў: “Прыветствуем вас, паночки”. Людзі канечна усе проціў, усе зарыкалі, а немцы тут нешта тожэ. Што-то закрычаў гэты па-рускі, спакойствіе, ці што ён сказаў. Ну, на гэта ён так сказаў: “А што тады та ўласць не правілась?” А ён: “Мы вас, паночки, ждалі”. А ён гаварыт: “Ну, раз цебе та ўласць не правілась, дык навернае і наша не панравіцца. І другой сказаў: “Вэк”. І ён скрыўся. Людзі дужа яго тады карылі і больше яны этага старога чалавека не прізнавалі” (Бешанковіцкі р-н)²².

Сведчанне вуснай гісторыі пра антысавецкія настроі знаходзіць пацверджанне ў тагачасных дакументах як з савецкага, так і з нямецкага боку. Так, “...партызанскі атрад НКУС, які накіроўваўся ў раён сваіх дзеянняў вакол Полацка, сустрэў па-антысавецку настроеных сялян “Яны аддалі сваю жывёлу немцам... Некаторыя гаварылі, што немцы прыйшлі, каб вызваліць іх...” [4, с. 46]. У рэляцыях армейскага Галоўнага камандавання вермахта аб становішчы на акупаваных тэрыторыях паведамляецца, што “адносіны насельніцтва да немцаў усюды, у тым ліку ў раёне Віцебска, Оршы, Магілёва адзначаюцца як дружалюбныя. Адмаўленне бальшавіцкага панавання можна адзначыць усюды, аднак, галоўным чынам, з эканамічных і сацыяльных прычын” [4, с. 49].

Куды больш трагічным было першае “знаёмства” з нямецкай арміяй у тых мясцовасцях, дзе вяліся жорсткія абарончыя баі, як тое было ў зоне Полацкага ўмацаванага раёна. “З 9 ліпеня разгарэлася бітва

¹⁹ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Сумко А. у 2018 г. ад Скачыхіна Васіля Міхайлавіча, 1936 г.н. у в. Мураўі Полацкага р-на.

²⁰ ФА ПДУ: Зап. Т. Валодзіна, У. Лобач у 2011 г. ад Ганчаровай Марыі Ульянаўны, 1936 г.н. у в. Езярышча Гарадоцкага р-на.

²¹ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2015 г. ад Лаўніховіч Марыі Сямёнаўны, 1924 г.н. у в. Бабінавічы Лёзненск. р-на.

²² ФА ПДУ: Зап. У. Аўсейчык, У. Лобач у 2018 г. ад Савіцкай Ірыны Сямёнаўны, 1932 г.н. (нар. в. Дзягелева Бешанковіц. р-на) у в. Сіроціна Шумілінскага р-на.

ўжо на Баравускім напрамку, куды прыйшоўся ўдар каля 100 нямецкіх танкаў, падтрыманых пяхотай. Тут на працягу дня часткі А.І. Зыгіна вялі жорсткія баі з праціўнікам, наступаючым і блакуючым ДОТы ў пунктах Заручаўе, Залессе, Асяроткі, Махірова” [13]. За сухім паведамленнем гістарычнай хронікі немагчыма зразумець, што абарончыя “пункты” – гэта вёскі з жывымі людзьмі, якія трапілі ў самае пекла жорсткіх баёў. Дзіцячыя ўспаміны жыхаркі в. Асяроткі дазваляюць зразумець жудасць вайны не праз сухія лічбы і факты афіцыйнай гісторыі, але праз эмоцыі і адчуванні прастай вясковай дзяўчынкі. “Як прыйшлі танкі першыя... Аб’явілі – вайна, не ўспелі аглянуцца – танкі прыйшлі. І тут ДОТы толькі адстроілі, усё як нада быць. А ў ДОТ адзін завезены тарэлікі былі. Не снарады прывязлі там, ці патроны там, а прывязлі тарэлікі, запечатываныя ў каробках. І салдат нашлі. Раздутыя, гімнасцёркі распёрла. І мы бегалі туды і наглядзеліся. А яны, бедныя, лежалі раздутыя салдаты, у гэтых ДОТах. Як ішлі немцы, так і нашлі. Танкі прыйшлі ў дзярэўню, запалілі дзярэўню, а мы – ў лес. Махерова пасле спалілі, нас спалілі, як ешчо прыйшлі толькі, танкі прыйшлі – сразу сталі паджыгаць дзярэўню. Зразу” (Полацкі р-н)²³.

Дзіцячыя ўспаміны жыхароў заходніх раёнаў Віцебшчыны дэманструюць зусім іншую карціну прыходу нямецкай арміі і рэакцыі мясцовага насельніцтва на авангарды вермахта. “Камандуючы паліцыйнай бяспекі і СД у Генерал-губернатарстве ў канцы чэрвеня 1941 г. паведамляў, што “польскае насельніцтва на тэрыторыі рускіх інтарэсаў усюды выказвае задавальненне прыходам немцаў. У розных вёсках для нямецкіх войскаў узводзіліся трыумфальныя аркі” [4, с. 49]. Вусныя сведчанні ў поўнай ступені пацвярджаюць дакументальную інфармацыю. “Як там у Лужах іх ўстрычалі, я ня ведаю, ну гаварылі, што некаторыя там устрычалі з букетамі” (Шаркаўшчынскі р-н)²⁴; “Наступаў немец праз Докшыцы. І мы ж, гэтакія дзеўчкі, наляцелі ж глядзець немцаў. Ну, дурныя ж гэдкія. Дык нарвём цястоў гэдудзькі і кідаем ім у машыну” (Докшыцкі р-н) [10, с. 270]. Зразумела, што рэакцыя вясковых дзяцей на нямецкіх вайскоўцаў не магла быць стыхійнай і адвольнай, але цалкам стасавалася з меркаваннем бацькоў і т.ч. адлюстроўвала калектыўнае ўспрыняццё салдат вермахта, як “вызваліцелей” ад савецкага гвалту.

Спецыфікай дзіцячага ўспрыняцця першых нямецкіх салдат было тое, што іх ацэнка міжволі адбывалася ў параўнанні з савецкімі салдатамі, што з’явіліся на тутэйшых абшарах у верасні 1939 г. Хуткая перамена адных “чужых” на іншых дазваляла зрабіць наўпроставе візуальнае параўнанне іх аблічча і паводзін. І вельмі часта перавагу ў ацэнках мелі нямецкія салдаты. “А яны наступалі самі спакойныя. Гарэлка ім не нада была. Во, ім толькі, яны ехалі, падвяліся, адзекалоніліся і ўсё. Дзялоў нет. Салдат ішоў рускі, або бутылка самагонкі – дык гімнастёрку з плеш снімаў, а яны – не” (Глыбоцкі р-н)²⁵. Знакавай стае тая акалічнасць, што сам факт змены ўлады ў дзіцячых успамінах папрост канстатуецца, але ніякім чынам не ацэньваецца. У цэнтры ўвагі былі знешнія прыкметы і характарыстыкі (форма, транспартныя сродкі, паводзіны, атрыбуты, пачастункі), якія, пры ўсёй сваёй фармальнасці, былі знакавымі для дзіцячай карціны свету. Вельмі выразна ацэнаныя прынцыпы і катэгорыі маленькага чалавека, які быў сведкам падзей 1939 і 1941 гг., прадстаўлены ў вусных успамінах, запісаных на Шаркаўшчыне. Немцы прыгадваюцца як “сіяюшчыя”, “блісцяшчыя” паводле прыгажосці сваёй формы, яны дэманструюць у вясковым свеце дзівосы (фотаапарат, машыны, матацыклы), якія “век не відзелі”, але ўсё адно ўсведамляюцца як “людзі другія”, адрозныя ад “нашых”. Вельмі кантрастна, адносна немцаў, выглядаюць ва ўспамінах рускія салдаты: “пыльныя”, “гразныя”, “на конях”, бо “не нажылі машыну”. Пры гэтым, да рускіх салдат не выказваецца ні злосці, ні пагарды, але выключна шкадаванне (“бедныя рускія”), агульнае для ўсёй вёскі, што дае адступаючым байцам прадукты. Але паказальна тое, што рускім салдатам даюць хлеб на дарогу, а нямецкіх сустракаюць кветкамі.

“Ну вот, прыйшлі рускія. Я была маленькая. (...) Ну і тады што. Кажуць, рускія едуць... І гэтыя салдаты, рускія, без вайны, не стралялі, ціхенька, проста ехалі і ўсё. На чым? На калёсах такіх бальшых. (...) І тады мама кажа: “Пайдзём на дарогу глядзець, што там робіцца”. Тока такі стукат – не машыны ж гэта, а коні і цяглі. Аж тут гэтыя цяглі такія дліжныя і салдат поўныя гэтыя вазы, і на конях салдат. Ні адной машыны. Машын не было. Ну і тады ўсё. Дзякуй Богу, ужо рускія ў нас. Усё. Власць.

У 43-м немцы апяць напалі на нас. Ой, тады як ішлі ўжо немцы. Кажуць, ужо рускіх праганяюць немцы, немцы ідуць. Бедныя рускія. Мы апяць да дарогі. **Пыльныя, гразныя.** Тож ж машын не было, не нажылі машыны. На конях, конныя, на гэтых калёсах, уцякалі ўжо ад нас, ехалі, проста ехалі, ціхенька ехалі. Ой, людзі хлеба давалі ім, ўсё кідалі і кідалі. Астанаўлялі. Вазьміце есці. Што ў каго было. <...> Назаўтра, кажучы, немцы ўжо едуць. Немцы, нядзеля, вродзе бы, была. А я забаялася, мне нада было да першай споведзі. <...> Немцы прыйшлі ў касцёл. Ой, а **сіяюшчыя, блісцяшчыя!** Там проста сіялі два

²³ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач, А. Сумко ў 2019 г. ад Гураўчанка Валянціны Грыгор’еўны, 1928 г.н. у в. Махірова (нар. у в. Асяроткі) Полацкага р-на.

²⁴ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2008 г. ад Бурэц Францішкі Мікалаеўны, 1924 г.н. у в. Германавічы Шаркаўшчынскага р-на.

²⁵ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2019 г. ад Сініцы Пятра Тамашавіча, 1926 г.н (жыхар в. Вуглы) у в. Празарокі Глыбоцкага р-на.

немцы. Аглянуліся мы, а тут два немцы стаяць, у касцёле. Ой, божанька, аж страх! Проста мы служаліся. Што нашы – гэта нашы, як мы, так і яны – роўныя людзі, а гэта ўжо людзі другія. Вот так. Сіяюшчая форма на іх, невядома якая. Добра. І тады ксёз кажа: “Выйдем усе на ганак, кумунію будзем браць”. <...> І яны сталі между. Ксёз пасярод, а яны: адзін з адной стараны, другі з другой. І гэтак з намі сфатаграфіраваліся. <...> А фотопарат, што я век не відзела. Ну, тады нічога не было ў людзей. На ножках. І вот так – мах, помню як цяпер, закрыўся, гэтак фатаграфавалі нас. Ну, але ж картачкі мы не палучылі, яны ж паехалі куды, хто іх ведае. Вот так было, як ішлі да нас немцы. Ой, тады прыйшла я дамоў... і тут мама кажа: “Пайдзем глядзець”. А дзярэўня вялікая, людзей гэтых поўна. Усе вышаўшы. Тут, у вуліцы стаяць. Маладзёжы...Божанька мой! Кідалі ім кветкі на машыны. То там машыны сіялі, там не коні ж, там машыны сіялі. Там, ой, матацыклы, усё на свеце! Век мы не відзелі таго, што там відзелі. Вот так было. Вот. Ну, і паглядзелі. Ну што ж. Прыйшлі немцы. Будуць немцы”²⁶.

Аднак ілюзіі адносна нямецкай арміі ў заходніх раёнах Віцебшчыны (Беларусі) трывалі нядоўга, бо, як адзначыў Б. К’яры, ужо “ўлетку 1941 г. мусіла выявіцца тая акалічнасць, што на месца камуністычнага тэрору і саветызацыі прыходзіла пашырэнне гвалту ў дагэтуль нябачных памерах” [2, с. 65]. Гэты тэзіс знаходзіць пацверджанне і ў матэрыялах “вуснай гісторыі”, дзе відавочнай стае сутнасная эвалюцыя ацэначных поглядаў на нямецкіх вайскоўцаў.

“Дык вот я помню, як у 41-м гаду мы з папам пайшлі глядзець. Ну, мне было сколько, ну 4 гады, і мы сядзім так на скамеечках, а шоў абоз сюда, на Полацк да нас. Немцы, фуры такія ішлі крытыя, ну там можа прадукты вязлі... Помню, едзіць легкавая. Ну, ужо едзіць афіцэр, там ужо не знаю, якое там званне ў яго было. Афіцэр быў і ўжо ўгашчаў мяне канфетамі. Ну, дык гэта было першае, першае. Гэта так мне запомнілася першыя немцы. А патам ужо былі, Божа мой! Патам ужо было тут у нашай меснасці, яны не ўспелі тут папаліць, ну яны ж прыхадзілі, усё грабілі, яны ж не счыталіся ні з чым... Бралі, што ім нравілася. Ну, в обшчэм, грабілі і ўсё (Шаркаўшчынскі р-н) [10, с. 307].

Ваеннапалонныя. Пры ўсіх адрозненнях у візіі падзей 1941 г., успаміны жыхароў заходняй і ўсходняй Віцебшчыны яднае аднолькавая эмацыйная рэакцыя на лёс савецкіх ваеннапалонных на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Мноства сведчанняў з розных куткоў рэгіёна пра здзекі і забойствы ваеннапалонных нямецкімі салдатамі абумоўлена тым, што летам 1941 г. на тэрыторыі Беларусі ў палон трапіла велізарная колькасць салдат і камандзіраў Чырвонай арміі. “Войскі групы армій “Цэнтр” узялі ў палон з 22 чэрвеня да 24 ліпеня 1941 г., паводле іх дадзеных, 520 058 байцоў і камандзіраў...” [4, с. 40]. Успаміны пра растрэлы бяззбройных, згаладалых людзей траўматычныя нават у сённяшнім дні і пераказваюцца сведкамі падзей даволі цяжка, з відавочным эмацыйным болям ад калісіці перажытага жаху. “*І самае страшнае было, калі гналі пленных. Як калонамі, такія паслабеўшыя... Насілі хлеб, Божачка, насілі хлеб і бульбу, кідалі. Канвайры з сабакамі не падпускалі, у пярод неяк троху падпускалі, а пасле не сталі падпускаяць... Гналі пленных, застрэлілі, абарваныя, босыя, галодныя. Як я ўвідзела, з папам тады была, насіла, як увідзела гэта – і болі мяне мама не пусціла, не пусціла. Каля дарогі адны магількі былі пленных, пасле вайны ўжо сабралі ўсё гэта астанкі. Ну што, пры немцах страшна было, дужа страшна, не дай Бог!*” (Мёрскі р-н)²⁷; “*Знаеце што, вот я, як успамінаю, як гэта ўсе на маіх глазах было, я не магу, у мяне душа слёзамі заліваецца, як немцы тутака... Пленныя, і бралі гэтых пленных. І па гэтай дарозе гналі гэтых пленных. А як гонюць пленных, кожны дом знаў што, можа, і мой тамака сын ёсць, ці хто-небудзь... Яны ж галодныя былі, галодных іх гналі. І тады яго, значыць, сейчас з гэтага строю на абочыну, дастаець пісталет – “бах” – і застрэліць. І ён ляжыць на баку гэтай дарогі...*” (Мёрскі р-н)²⁸.

Ва ўсходніх раёнах Віцебшчыны, дзе савецкія ўлады паспелі правесці мабілізацыю, здзекі над ваеннапалоннымі і іх забойствы ўспрымаліся надзвычай балюча, бо ўбачанае на свае вочы азначала, што такія ж самы трагічны лёс можа чакаць і блізкіх людзей (бацькоў, сыноў, братоў), якія пайшлі на фронт. Спагадлівасць і памкненне хоць нечым дапамагчы палонным салдатам была агульнай рысай беларускай вёскі ў ваенны час. Аднак псіхалагічная траўма ад убачанага на бальшаку застаецца ў сведкаў трагічных падзей на ўсё жыццё. “*Пленных ганялі з Баравухі, Махірова, Плігаўкі, Кушлікі, Крумплева і сюды, на Замушча, пленных нашых. Вот ужо мы чуем, як ужо гонюць, тады так немцы з сабакамі. Ну вот, а тады быў бальшак такі, канава была. Мы ў гэту канаву паставім бочку, вады наліём. А жарка летам, летам жа ж была жарышча. Паналіваем вады, бульбы гэтай пячонай накідаем на дарозе. Па дарозе ён ужо бяжыць, там ухваціць што. Ну вот, адзін гэтак салдат, мне помніцца, я яго на ўсю жыцьне запомніла, такі высокі, з пленных. Быў агарод пасаджаны, там буракі раслі. І ён з гэтага строю выскачыў у гэтак агарод і вырваў чатыры бурачкі. А яго немец убіў. Тут на месце і убіў. Ляжыць, і бурачкі ў руцэ*” (Верхнядзвінскі р-н)²⁹.

²⁶ ФА ПДУ: Зап. экспедыцыя ПДУ ў 2008 г. ад Юзэфы Казіміраўны, 1932 г.н. у в. Германавічы Шаркаўшчынскага р-на.

²⁷ ФА ПДУ: Зап. А. Сумко у 2019 г. ад Стомы Яўгеніі Мікалаеўны, 1931 г.н. у в. Кліматы Мёрскага р-на.

²⁸ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач, А. Сумко у 2019 г. ад Майсееўны Ліліі Генадзьеўны, 1932 г.н., в. Завуцце Мёрскага р-на.

²⁹ ФА ПДУ: Зап. У. Лобач у 2019 г. ад Мядзелец Антаніны Пятроўны, 1930 г.н. у в. Нурава Верхнядзвінскі р-на.

Нярэдкімі былі выпадкі, калі вясковыя жанчыны ратавалі з палону абсалютна незнаёмых людзей, выдаўшы іх за сваіх крэйных (мужа, сына). “Забіралі немцы ў плен. І вот прыйшлі к маме маёй, мама мая была сільна жаласлівая, два. Адзін з Ленінграда, Міша Васянкоў, но ён пагіб у партызанах, і Баріс. А Баріс той пасле вайны выжыў і прыязджаў ка мне, разысківаў нас. Мамка мая ўжо памёрла, но ён на кладбішча са мной хадзіў... Мама мая жаласлівая, узяла ды і пусціла гэтых пленных панучуваць. А жраць жа нечага даць. Ну, бульба была дробенькая. – “Цётка, дай хоць бульбіну”. Мама гаворыць: “Ну, наце па тры бульбінкі, многа ж ня ешце, вашы ж жаваты пустыя”. Яны з’елі і занучувалі. А назаўтра выганяюць на пастраенне, немец па хатах і выганяць. А на маму: “А эта пленнік? Плен?” Шапку здзеў, а ў яго ж валасоў нет, яны ж стрыжаныя былі, салдаты. <...> А мама: “Панок, – бах на каленкі, – эта мае сынкі. Кінулі вінтоўкі і прыйшлі дамой”. Заступілася за етых, за пленнікаў. І тады ён: “О, я, я, гуд, гуд, не нада ў партызаны, а то я застрэлю”. <...> Тады еты пленнікі, ім выходу нет, яны сечас разузналі, дзе тут ужо партызанічына і жмыкнулі ў партызаны” (Бешанковіцкі р-н)³⁰.

Савецкія ваеннапалонныя на тэрыторыі Беларусі не ў малой ступені склалі аснову партызанскага руху, што, у сваю чаргу, пацягнула за сабой эскалаторны гвалт і тэрор з боку акупацыйных улад, ахвярамі чаго найперш станавілася мірнае насельніцтва. Гэтая ўзаемасувязь і паслядоўнасць падзей агучваецца ва ўспамінах як уласнае разуменне чалавекам прычын паразы нацысцкай Германіі, дзе на першым месцы стаіць не разгром на франтах, а бязлітаснае, нялюдскае абыходжанне з ваеннапалоннымі. “Дык вот пленныя... Каб немец тады, у гэты момант не стрэляў гэтых пленных... Ён травінку атарваць сагнуўся на дарозі, вадыцы ўхапіць сагнуўся, а немец – трэсь – і забіў. Яшчэ другі сагнуўся, а ён – трэсь! Ай, пленных пагналі, мне тады было 16 гадоў..., а мой брат быў на вайне. Паілі ўсе іскаць у каго на вайне набітыя. Пленных немец гнаў, а там у карманчыках, во тут у штанах, адраса. Такая трубочка у салдацікаў, і там адраса. Мы падойдем, ай, кажа, ня мой. Гэта адкуль, ён не жывы, кроўю сыйшоў. Ляжыць адзін тут, тады другі. Па ўсім большаку гэтых трубочак назбіралі во такія прыгоршчы. На, Ірына, табе, ты болей грамадная. Паслі вайны мы паадпісываем ім. А тады нас усіх спалілі і хаты, і нікому мы і не адпісалі. Дык вот, як паступіў так немец, як стаў убіваць, во тады яны абдумаліся і ўсе ў лес. Страляй. Аднаго застрэліш – апяць уцячэць у лес. Токі дзе дарога кала лесу, так яны – шмыг. А Ушацкі раён..., а там – адны лясы, балоты такія. Дык там накапілася гэтых салдацікаў поўна і арганізавалі парцізанічыну. А каб ён, немец гэты, гэтых пленных не стрэляў, ён ба аж у Маскву лёгенька зашоў бы і не было б гэтага – ні парцізан, ні ўбійства” (Лепельскі р-н) [14, с. 248–249].

Пакутніцкі лёс савецкіх ваеннапалонных і нечуваны гвалт над імі з боку нямецкіх салдат, які адбыўся на вачох у людзей, сталі грунтам татальнага недаверу і страху з боку беларускага, пераважна вясковага, насельніцтва. Халакост і спусташальныя карныя экспедыцыі, канцэнтрацыйныя лагеры і гвалтоўны вываз на прымусовыя працы ў далейшым толькі паглыбілі гэтыя пачуцці і канчаткова далі зразумець злачынную сутнасць “новага парадку”, прынесенага ў Беларусь нацыстамі.

Заклучэнне. Аналіз вусных успамінаў “дзяцей вайны” пра пачатковы этап Вялікай Айчыннай вайны ў супастаўленні з дакументальнымі крыніцамі паказвае, што вусная гісторыя аб’ектыўна адлюстроўвае падзеі 1941 г. Ідэалагічныя напластаванні і скажэнні пасляваеннага часу альбо адсутнічаюць, альбо мінімальныя, што не адмяняе даставернасці наратываў такога роду. Асаблівасцямі дзіцячых (падлеткавых) успамінаў пра вайну выступаюць іх эмацыйнасць, вобразнасць, метафарычнасць, прывязанасць да гісторыі ўласнай сям’і, а таксама звяртанне ўвагі на дэталі, нерэлевантныя для свядомасці дарослага чалавека. Разам з тым, у апавяданнях пра 1941 г. рэспандэнты самі вылучаюць цэнтральныя тэмы наратыву, як то пачатак вайны, прыход нямецкай арміі і лёс ваеннапалонных на тэрыторыі Віцебшчыны. Разнастайнасць і варыятыўнасць вусных успамінаў адлюстроўвае як рэгіянальную спецыфіку соцыякультурнага ландшафту (Заходняя і Усходняя Беларусь), так і лакальныя асаблівасці ваеннай гісторыі рэгіёна. Успаміны “дзяцей вайны” – каштоўная гістарычная крыніца, якая не супрацьстаіць афіцыйнаму наратыву Вялікай Айчыннай вайны, але самім фактам свайго існавання заклікае да выпраўлення ідэалагічных штампаў і прафесійных фальсіфікацый, што дасталіся айчыннай гістарыяграфіі ў спадчыну яшчэ з савецкіх часоў.

ЛІТАРАТУРА

1. Фурсина, Н.О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне / Н.О. Фурсина // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 280–286.
2. К’яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941 – 1944 г.) / Б. К’яры ; пер. з ням. Л. Баршчэўскага ; нав. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2008. – 390 с.
3. Гудков, Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян / Л. Гудков // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 83–103.
4. Мусял, Б. Савецкія партызаны ў 1941–1944 гг. Міфы і рэчаіснасць / Б. Мусял ; пер. з ням. У. Папковіча ; нав. рэд. У. Калаткоў. – Смаленск : Інбелкульт, 2018. – 592 с.

³⁰ ФА ПДУ: Зап. У. Аўсейчык у 2014 г. ад Раўковай Галіны Сідараўны, 1927 г.н. у в. Соржыца Бешанковіцкага р-на.

5. Я з вогненнай вёскі...: зб. успам. / склад. А. Адамовіч, Я. Брыль, У. Калеснік. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1983. – 437 с.
6. Детство войны 1941.1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / Сост. Л.А. Александренко, К.И. Козак, Т.А. Кузьмичева. – Минск : И П Логвинов И.П., 2011. – 220 с.
7. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова [и др.] ; Южн. науч. ц-р РАН. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с.
8. Реброва, И.В. Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа / И.В. Реброва // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 2. – С. 80–89.
9. “За першымі саветамі” польска-беларускае памежжа 1939–1941 гг. у вусных успамінах жыхароў Беларусі / Уклад. В. Ивановой ; пад рэд. А. Смаленчука. – Мінск : Зміцер Колас, 2019. – 376 с.
10. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н. В. Большаковой ; Сост. Н. В. Большакова [и др.]. – Псков : ЛОГОС, 2016. – 332 с.
11. ЦАМО РФ. – Ф. 208. Оп. 2524. Д. 2. – Л. 8–12.
12. Lobach, U. German Soldiers in the Period of the Nazi Occupation in the Memories of the Belarusian Villagers / U. Lobach // Studia Białorusinistyczne. – 2019. – Vol. 13. – S. 72–89.
13. Комиссаров, В. Полоцкий укрепленный район (ПоУР). 1927–1941 гг. [Электронный ресурс] / В. Комиссаров, С. Копыл, С. Поляков. – Режим доступа: <http://karonir.aroundspb.ru/4ur/04/pour/pour/pour.php>. – Дата доступа: 30.05.2020.
14. Полацкі этнаграфічны зборнік / Уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. У 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – 368 с.

Паступіў 11.06.2020

1941 THROUGH THE EYES OF CHILDREN AND ADOLESCENTS OF THE VITEBSK REGION: AN ANTHROPOLOGICAL DISCOURSE OF MILITARY HISTORY

U. LOBACH

The article discusses the features of children's perception of the initial stage of the Great Patriotic War and the Nazi occupation of Belarus in 1941. The key moments of childhood memories of the beginning of the war (retreat of the Red Army, the appearance of Wehrmacht soldiers, the fate of Soviet prisoners of war) are determined. The specific character of the perception and interpretation of historical events within the framework of local rural communities of Northern Belarus is characterized.

Keywords: children, 1941, Vitebsk region, oral history, The Great Patriotic War.

УДК 321.17

**ВЛАСТНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***канд. филос. наук, доц. С.Б. ЛУГВИН**(Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого)*

Рассматриваются некоторые особенности европейского традиционного общества: господство сакрализованной традиции, преобладание натурального хозяйства, патерналистские отношения, наличие локальных взаимосвязей, сеньориально-вассальные отношения, харизматизация королевской власти. Подобные особенности традиционного общества во многом предопределили такие черты его властно-административной организации как децентрализация власти, соединение власти с земельной собственностью, преобладание военной службы над гражданской, широкое использование клириков в сфере управления, заимствование административных образцов римско-католической церкви и Византийской империи и др. В дальнейшем автор приходит к выводу, что европейское чиновничество, первоначально являющееся «патримониальной бюрократией», начинает зарождаться в период разложения европейского средневекового общества. Немалое влияние на ее формирование оказали такие процессы, как появление рыночной экономики, формирование наций-государств, отказ от принципа вассалитета, утверждение служебной иерархии, рецепция римского права и появление юридически образованных чиновников.

Ключевые слова: *европейское традиционное общество, властно-административная организация Средневековья, патримониальная бюрократия.*

Введение. Объектом настоящего исследования являются процессы формирования и утверждения европейского чиновничества в контексте эволюции европейского традиционного общества. Особенности европейского традиционализма в прошлом исследовались как зарубежными (Ж. ле Гофф, Т. Парсонс, М. Вебер, А. Дж. Берман, Дж. М. Тревельян и др.), так и отечественными (А.Я. Гуревич, Г.Г. Литаврин, П.Н. Ардашев, Н.И. Кареев и др.) историками. Однако в большинстве своем особенности европейского традиционализма рассматривались безотносительно к процессам становления и утверждения бюрократических структур, обеспечивающих полномочия правителей.

Целью данной работы является выяснение институционального генезиса европейского чиновничества в контексте анализа политической и социальной среды европейского традиционного общества.

Актуальность данного исследования во многом определяется поиском наиболее оптимальных форм организации государственного управления, которые активно ведутся во многих странах мира. При этом каждая из них стремится не только приспособить свой административный аппарат к реальностям современности, но и использовать прежние традиции управления.

При написании статьи были использованы методы социологического и институционального анализа, системный, функциональный и исторический подходы.

Основная часть. С разрушением античной цивилизации в Европе утвердилось традиционное общество с его консервативной устойчивостью и цикличным характером развития. Сакрализованная традиция пронизывала и определяла жизнедеятельность всего общества. Считалось, что существующий порядок установлен богом, а потому неизменен. «Средневековый человек, – отмечал Ж. Ле Гофф, – интересовался не тем, что движется, а тем, что неподвижно. Он искал покоя – *quies*. Напротив, всё то, что беспокойно, “искательно”, казалось ему суетным... и немного дьявольским» [1, с. 190]. Подобный подход утверждал архаизм и рутину во всех областях общественной жизни. Любое нововведение считалось чудовищным грехом, ставившим под сомнение издавна установленный порядок. Всё следовало делать так, как это делалось в прошлом.

Окружающий человека мир считался относительно простым и неизменным. В своих основных проявлениях он казался вполне доступным охвату обыденным сознанием и проверке жизненным опытом. А то, что в нем было непонятно, связывалось с деятельностью неземных сил. Считалось, что имеющихся знаний вполне достаточно, чтобы поддерживать установленный свыше порядок и организовывать повседневную деятельность, еще достаточно примитивную и рутинную.

Труд людей в традиционном обществе не имел абстрактного характера: он состоял не в производстве каких угодно товаров, находящихся спрос на рынке, а был нацелен на конкретный спрос со стороны конкретных людей. Подавляющее большинство населения было занято в добывающих отраслях, прежде всего в сельском хозяйстве, что позволяет именовать доиндустриальное общество аграрным обществом. Немногочисленный ассортимент промышленных товаров изготавливался либо на сельскохозяйственных предприятиях, либо в кустарно-ремесленных мастерских. Производство носило универсальный характер, при котором одна хозяйственная ячейка производила весь комплекс необходимых для жизни людей материальных благ. Специализация труда была крайне неразвита, безраздельно господствовало натуральное хозяйство, городское население

составляло лишь незначительную часть сельского. Товарные отношения находились в зачаточном состоянии и были тесно связаны с обеспечением потребностей немногочисленного слоя правящей элиты. Мотивация человеческого труда определялась стремлением работника обеспечить своё физическое выживание, а также выживание тех лиц, которые были не способны позаботиться о себе сами.

Базовой ячейкой общества являлась большая патриархальная семья, в рамках которой ее глава единолично руководил всей хозяйственной деятельностью, распоряжался семейным имуществом и, в случае необходимости, наказывал или поощрял своих домочадцев: жену, детей, родственников, слуг, рабов и др. Патерналистские отношения, генетически выросшие из семейных, пронизывали всю общественную иерархию и определяли особенности социальной организации на всех ее уровнях. «Поскольку индивид, по существу, еще не выделился из органической наследственной группы, круга родства, большой семьи, патримонии, – отмечает А.Я. Гуревич, – постольку происхождение детерминировало весь его образ жизни. Понятия “родовитость”, “благородство”, “чувство рода” было неотъемлемой и существенной стороной его самосознания» [2, с. 331].

Общество, выстроенное на основе личных и корпоративных взаимосвязей, неизменно дополнялось отношениями силы, которые перерабатывались в различные формы социального порядка. Однако такой порядок всегда предполагал неравное право, «право сильного», при котором отсутствовали единые для всех правила и нормы. В подобных условиях в административно-политической структуре общества преобладали достаточно неопределенные иерархические отношения, базирующиеся на неравенстве взаимных обязательств, вассально подчинении, покровительстве и служении. Каждому человеку раз и навсегда были предписаны определенная социальная позиция и роль. «Личность, – по словам Э. Фромма, – отождествлялась с её ролью в обществе: это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору занимается тем или иным делом» [3, с. 45]. Поведение человека всецело зависело от его принадлежности к определенной социальной ячейке и жестко регламентировалось традициями, которые он не смел преступать.

Как полагал Т. Парсонс, самой насущной проблемой в период Средневековья было обеспечение простой физической безопасности, что было связано с общим беспорядком, порождённым варварскими нашествиями и непрерывной феодальной междоусобицей. В подобных условиях военная функция получила преимущественное развитие, а военные средства противостояния насилию стали основой всеобщей безопасности, что в дальнейшем привело к значительному возвышению военного сословия [4, с. 55]. А потому не случайно, что в средневековой Европе служба монарху рассматривалась почти исключительно как военная служба, которая закреплялась за привилегированной знатью – аристократией и дворянством. На протяжении столетий они существовали как чисто военные сословия. Гражданская же служба по своей значимости и престижу существенно уступала военной службе и рассматривалась лишь как ее дополнение и продолжение.

Источником власти в средневековом обществе была личная харизма короля-вождя, которая основывалась на его воинской доблести и победах. Война была единственно нормальным способом поддержания устойчивости королевской власти и обеспечения лояльности ее войска. К мирным условиям она была приспособлена плохо: обеспечить действенное управление и стабильный порядок на контролируемой территории королевская власть была не в состоянии. Потому в период Средневековья территории, подвластные монархам, обычно управлялись не послушной им бюрократией, а их вассалами, которые в качестве вознаграждения за свою службу получали землю на правах бенефиция, то есть пожизненного условного держания. Вассалы, ставшие в дальнейшем феодалами, сами определяли количество взимаемых с населения поборов, направляя определённую их часть (обычно фиксированную сумму) своему господину. Их административные функции были неотделимы от военных, финансовых, судебных и полицейских обязанностей. В качестве помощников использовались родственники, близкие друзья, слуги и иные зависимые люди. Все издержки по управлению они оплачивали из собственных средств. Обладая широкой автономией в сфере управления, феодалы были почти независимы от монарха. По словам М. Вебера, «положение должностного лица в феодальную эпоху было весьма схоже с положением рыцаря. Он также являлся вассалом, облеченным высокой административной и политической властью» [5, с. 48].

С углублением феодальной раздробленности держание земли утратило условный характер, в результате чего бывшие должностные лица короля стали собственниками занимаемых ими должностей. В подобных условиях большая часть королевских должностей утратила своё первоначальное назначение и превратилась в почетные титулы их носителей: герцог, граф, барон и др. Тенденция апроприации должностей стала одной из важных причин привлечения на королевскую службу священнослужителей (клириков), которые, будучи духовными лицами, нередко занимали важные должности в сфере управления. По мнению А. Тойнби, широко употребляемый в наше время термин «клерк» этимологически происходит от слова «клирик», обозначающее лицо, целиком посвятившее себя церковной службе [6, с. 530]. Использование клириков в управленческой деятельности, как полагал М. Вебер, во многом было связано с тем, что «клирик, в особенности клирик, соблюдающий celibat, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был “отделён” от средств предприятия государева управления своими

сословными качествами» [7, с. 662–663]. Другая важная причина широкого использования клириков в управлении была связана с тотальной неграмотностью населения, в том числе феодалов. В отличие от большинства феодалов, клирики были не только хорошо образованы, но и знали латинский язык, на котором в то время излагались правовые нормы и велось делопроизводство. Отсюда не случайно, что, например, во Франции начиная со второй половины XIII в. именно клирики стали возглавлять королевские канцелярии. Аналогичная ситуация сложилась и в Англии, где клирики владели землёй на тех же условиях, что и светские феодалы, а потому были обязаны нести военную службу и платить королю налоги. В подобных условиях архиепископы, епископы и иные носители духовных званий охотно шли на королевскую службу. Как отмечал Д. Тревельян, «вследствие тесной связи, существовавшей между епископством и королевским правительственным чиновничеством, варварская страна была богата одарёнными и образованными чиновниками. Благодаря своему епископскому авторитету они имели такое влияние, что могли, действуя в качестве слуг короля, заставить невежественных и грубых баронов подчиняться им» [8, с. 555]. В результате в Англии уже в XII в. появился весьма эффективный по тем временам чиновничий аппарат, что сопровождалось неконтролируемым приростом королевской власти. В дальнейшем это вызвало недовольство феодальной знати, которая попыталась затормозить процесс усиления королевской власти. В 1215 г. король Иоанн Безземельный был вынужден подписать «Великую хартию вольностей», положившую начало ограничению властных амбиций английских монархов.

В средневековой Европе наиболее совершенной административной организацией обладала римско-католическая церковь, которая противопоставила феодальному партикуляризму свой универсализм и космополитизм. Будучи единой и централизованной силой, она выгодно отличалась от расплывчатых и децентрализованных управленческих структур, создаваемых светскими правителями. По мнению Г. Бермана, после папы Григория VII церковь обрела большинство характерных черт государства в его современном понимании. Она объявила себя независимой публичной властью, стала издавать собственные законы и проводить их в жизнь через собственную управленческую вертикаль, опиралась на свои судебные учреждения с рациональной системой юриспруденции, а также на своих граждан – приверженцев христианской веры, которых она облагала налогами в виде десятины. Время от времени церковь собирала даже собственные армии [9, с. 118]. Наиболее сильной стороной церковной организации было наличие разветвлённой системы административной иерархии, охватывающей все западноевропейские страны, а также использование в сфере управления и судопроизводства собственных канонических норм, разработанных на основе римского права. Церковь имела также своих юридических экспертов, нотариусов и законовевов, которые готовились в церковных школах и высоко ценились во всех европейских странах. Административная машина церкви была отлажена безукоризненно, а потому не случайно, что именно по её образу и подобию создавались королевские канцелярии в странах средневековой Европы.

На фоне политической и административной разобщённости Европы выделялось государство, где издавна существовала иерархически организованная бюрократия. Речь идет о прямой наследнице Римской империи – Византии. «С самого начала все чиновники империи были не частными слугами сеньоров..., а представителями публичной власти – “слугами государства” (“василевса”): их отзыв, смещение и назначение были актами государственной власти. <...> Основным юридическим правилом, заложенным в фундамент византийской системы организации государственного аппарата, служил принцип всеобщей сменяемости должностных лиц. Ни занимаемые должности, с высшей до низшей..., ни почетные титулы не являлись наследственными. Степень соответствия лица занимаемой им должности определялась личными достоинствами, верностью василевсу и Романии и неукоснительным исполнением своих обязанностей в соответствии с предписаниями закона. То есть функционирование аппарата предполагало постоянный приток в состав чиновничества свежих сил, постоянное освобождение его от несправившихся или провинившихся служителей государства» [10, с. 178]. В дальнейшем административный опыт Византии стал примером для многих европейских монархов, стремящихся наладить эффективное управление на подконтрольных им территориях.

Необходимым условием утверждения рыночных отношений стал переход от вассально-сеньориальной структуры властно-управленческих отношений к территориальной. Во многом это было связано с возрастанием силы и влияния королевской власти, которая в дальнейшем стала символом новых европейских наций. В подобных условиях феодальная знать лишилась всякого политического влияния и институционализировалась в качестве привилегированного придворного сословия. Ликвидация полицентризма властей сопровождалась образованием наций-государств во главе с наследственным правителем, что, в конечном счете, привело к появлению постоянного чиновничества, способного проводить властную волю монарха в масштабах всего государства.

Европейское чиновничество возникло не на основе вассально-сеньориальной иерархии, а сформировалось из управляющих королевского домена. В период преобладания феодальных отношений король, как и любой другой крупный земельный собственник, для управления своим дворцовым хозяйством и многочисленными имениями создавал собственный штат управляющих, которые одновременно были его домашними слугами. Нередко в услужение королю шли его вассалы, принимающие на себя обязанность нести пожизненную королевскую службу. Будучи назначаемыми и сменяемыми королем, они были от него практически полностью

зависимы. В дальнейшем, по мере того, как «первый среди равных» король-сеньор утверждался как полновластный монарх, его личные управляющие превращались в полноправных королевских чиновников. Однако при этом продолжали сохранять личную зависимость от монарха и в большинстве случаев совмещали государственные полномочия с придворными обязанностями.

В период феодальной раздробленности монарх в силу нехватки средств не мог позволить себе иметь многочисленное чиновничество. Как один из сеньоров он был вынужден ограничиваться лишь теми податями, которые взимались с королевского домена. Однако с появлением наций-государств и введением обязательных налогов появилась возможность содержать не только наемную армию и богатый королевский двор, но и нанимать большое количество чиновников, с помощью которых родовая знать была оттеснена от всех наиболее значимых рычагов государственного управления. С появлением постоянного чиновничества, управление, основанное на принципах вассалитета, начало быстро замещаться управлением, основанным на принципах личной зависимости и простейших формах служебной субординации.

Первоначально назначение чиновников происходило от случая к случаю в связи с решением тех или иных вопросов и полностью полагалось на личное усмотрение монарха. Их полномочия рассматривались как привилегии, которые давались или отбирались по воле их господина. Зачастую они представляли собой результат личного соперничества и борьбы за сферы влияния. Четко определенной сферы компетенции чиновников не существовало, как не существовало и разделения их труда. Каждый из них мог выполнять самые разные функции: административные, финансовые, полицейские, судебные и др. За одинаковыми официальными титулами и должностями могли скрываться разные обязанности. Таких чиновников М. Вебер называл «патримониальной бюрократией». Патримониальная бюрократия не обладала профессиональной подготовкой, что компенсировалось ее личной преданностью монарху, жизненным опытом и божественным провидением. Исполнение служебных обязанностей носило субъективный характер, преобладала не бюрократическая «беспристрастность», а личная воля должностного лица, его личное отношение к данному просителю и данному делу. Неограниченное личное усмотрение чиновников нередко оборачивалось откровенным произволом.

Большое значение для утверждения европейской бюрократии имела рецепция римского права, которое в период Средневековья было предано забвению. В период феодальной раздробленности судопроизводство велось не на основе единых унифицированных норм, а на основе норм обычного права, укоренившихся обычаях и издавна сложившихся прецедентов, различных для каждой местности. Однако уже с XII в. в обществе стал постепенно пробуждаться интерес к римскому праву, которое отвечало потребностям развивающегося товарного хозяйства и благоприятствовало капиталистическому развитию. Данный процесс активно поддерживался европейскими монархами, для которых наиболее привлекательными были те его положения, которые провозглашали абсолютность и неограниченность королевской власти.

Рецепция римского права, начавшаяся в Северной Италии, – в экономически развитых ломбардийских городах-республиках – очень скоро распространилась и на другие европейские государства. Одним из первых его признали императоры Священной Римской империи, которые считали себя преемниками древнеримских императоров. Но наиболее благоприятную почву идеи римского права обрели во Франции, а также в тех романских государствах, где римская правовая традиция не была полностью забыта. В Европе наиболее активными сторонниками римского права стали легисты, которые изучали в университетах и, прежде всего, в Болонском университете, его основные идеи. Будучи сторонниками централизованной королевской власти, они стремились ограничить полномочия сеньориальных и церковных судов, а также компетенцию органов городского самоуправления. В римском праве они усматривали идеальное выражение вечных и незыблемых истин, обусловленных неизменной природой человека. Просветительская деятельность легистов во многом способствовала утверждению в сфере управления начал безличности и формальной рациональности. По мнению М. Вебера, «главным следствием рецепции римского права было то, что оно приучило к формально-юридическому мышлению» [11, с. 214]. Рецепция римского права, в конечном счете, привела к появлению значительного числа юридически образованных чиновников, которые отныне должны были действовать беспристрастно, соблюдать законы, а также блюсти интересы короля, власть которого признавалась абсолютной и стоящей над всеми законами. В подобных условиях личные связи и происхождение, являющиеся ранее единственным основанием для занятия должностей, начали постепенно уступать свое место знаниям и компетенции чиновников.

Заключение. Таким образом, в период разложения средневекового общества с его сакрализованными традициями, патерналистскими и локальными взаимосвязями, возник целый ряд предпосылок для утверждения европейской бюрократии. Речь идет о зарождении рыночной экономики, образовании наций-государств, рецепции римского права и формировании структуры чиновничества, лично зависимо от воли монарха и назначаемого на условиях владения профессиональными компетенциями, игнорируя ранее актуальную родовитость и личные связи. Организованные по образцу церковников, чиновники стали решать широкий круг вопросов на подвластных королю территориях, транслируя королевскую власть во все сферы жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1992. – 376 с.
2. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с нем. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
5. Вебер, М. Социализм. Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918) / М. Вебер // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1991. – № 2. – С. 42-64.
6. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби // Сборник. – М., 1991.
7. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер ; пер. с нем. // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–706.
8. Тревельян, Д. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Д.М. Тревельян ; пер. с англ. – М.: Иностр. лит., 1959. – 608 с.
9. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ; ИНФРА-М_НОРМА, 1998. – 624 с.
10. Литаврин, Г.Г. Византийское общество и государство в X – XI вв. / Г.Г. Литаврин. – М. : Наука, 1977. – 345 с.
11. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер. – Петроград : Наука и школа, 1923. – 240 с.

Поступила 11.05.2020

**AUTHORITIES AND ADMINISTRATIVE RELATIONS
IN THE CONDITIONS OF THE EUROPEAN MIDDLE AGES**

S. LUGVIN

The article discusses some of the features of European traditional society: the dominance of sacred tradition, the predominance of subsistence farming, paternalistic relations, the presence of local relationships, senior-vassal relations, the charisma of royal power. Such features of traditional society in many respects predetermined such features of its power-administrative organization as decentralization of power, the combination of power with land ownership, the predominance of military service over civil service, the widespread use of clergy in the sphere of administration, the borrowing of administrative samples of the Roman Catholic Church and the Byzantine Empire, etc. Subsequently, the author comes to the conclusion that European bureaucracy, which was originally a "patrimonial bureaucracy," begins to emerge during the period of decomposition of European medieval society. A considerable influence on its formation was exerted by such processes as the emergence of a market economy, the formation of nation-states, the rejection of the principle of vassality, the establishment of a hierarchy of service, the reception of Roman law and the appearance of legally educated officials.

Keywords: *European traditional society, power-administrative organization of the Middle Ages, patrimonial bureaucracy.*

УДК 94(476)“1903/1904”+352(476)(091)“1903/1914”

**ПАВЯТОВЫЯ ЎСТАНОВЫ ПА КІРАВАННІ ЗЕМСКАЙ ГАСПАДАРКАЙ
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1903–1911 гг.): СТРУКТУРА І ФУНКЦЫІ****А.Р. ЛУДЗІЧ***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

Разглядаюцца функцыі і структура павятовых устаноў па кіраванні земскай гаспадаркай у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях на працягу 1903–1911 гг. Раскрываецца праблема ажыццяўлення земскай рэформы і гісторыя стварэння земскіх упраўленняў на тэрыторыі Беларусі, асноўная задача якіх заключалася ва ўсебаковым развіцці і паляпшэнні гаспадарчага стану краю. На падставе аналізу заканадаўчых крыніц і матэрыялаў справаводства паказваецца кола паўнамоцтваў павятовых устаноў па рэалізацыі сацыяльнай, эканамічнай і культурнай палітыкі на месцах. Ахарактарызаваны парадак фарміравання павятовых органаў кіравання земскай гаспадаркай. Разглядаюцца структурная арганізацыя і функцыі павятовых камітэтаў. Вызначаны асабовы склад і парадак дзейнасці служачых павятовых упраў. Зроблены высновы, што павятовія земскія ўпраўленні ў беларускіх губернях уяўлялі сабой асаблівы тып адміністрацыйных устаноў з элементамі мясцовага самакіравання, а парадак іх фарміравання засноўваўся на непасрэдным прызначэнні служачых, а не іх выбарнасці.

Ключавыя словы: беларускія губерні, земская рэформа, сістэма мясцовага кіравання і самакіравання, установы па кіраванні земскай гаспадаркай, павятовія камітэты, павятовія ўправы.

Уводзіны. У 1903 г. у новых палітычных і сацыяльна-эканамічных умовах на тэрыторыі Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў былі створаны губернскія і павятовія ўстановы па кіраванні земскай гаспадаркай. Гэтыя органы па сваіх функцыях мелі шмат агульнага з земствамі ўнутраных губерняў, але істотна адрозніваліся парадкам фарміравання і складам служачых. Праблема рэалізацыі земскай рэформы на тэрыторыі Беларусі і дзейнасці органаў мясцовага самакіравання прыцягвала ўвагу даследчыкаў, як гісторыкаў, так і юрыстаў-прававедаў, аднак у гістарыяграфіі так і не складалася адзінага погляду на дзейнасць гэтых устаноў. Дарэвалюцыйны даследчык В.М. Грыбоўскі акцэнтаваў увагу на абмежаванай кампетэнцыі земскіх камітэтаў: «Земскія камітэты – некалькі відазмененыя распарадчыя камітэты, надзеленыя большымі паўнамоцтвамі і абавязкамі» [1, с. 121]. Сярод сучасных даследаванняў неабходна вылучыць працу В.П. Слабажаніна, які характарызаваў земскія ўпраўленні як «бюракратызаваныя органы мясцовага кіравання» [2, с. 106]. Пытанні ажыццяўлення земскай рэформы ў Беларусі займаецца С.А. Талмачова [3]. Некаторыя аспекты мясцовага самакіравання знайшлі месца ў працах, прысвечаных працэсам мадэрнізацыі, сацыяльна-эканамічнай гісторыі, сацыяльнай трансфармацыі грамадства. У сваёй манаграфіі А.Г. Каханойскі сцвярджае, што расійская ўрадавая палітыка пасля паўстання 1863–1864 гг. была накіравана не на інтэграцыю, а на сегрэгацыю і дыскрымінацыю асобных груп насельніцтва (яўрэяў, палякаў, каталікоў і інш.) [4, с. 262–263]. Гэтая акалічнасць аказала значны ўплыў на ажыццяўленне земскай рэформы ў беларускіх губернях. Н.С. Маторавы адзначыла пазітыўны вопыт функцыянавання гэтых устаноў, што дазволіла ўраду ў 1911 г. перайсці да ўвядзення выбарных земстваў [5, с. 60]. Звесткі аб структуры земскіх органаў і іх асноўных паўнамоцтвах прыведзены ў даведчаных зборніках супрацоўнікаў Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы [6]. У той жа час адсутнічаюць даследаванні, якія б у поўнай ступені ахарактарызавалі структурную арганізацыю і функцыянаванне ўстаноў па справах земскай гаспадаркі ў межах павета. Мэта даследавання – раскрыць структуру і парадак функцыянавання павятовых устаноў па кіраванні земскай гаспадаркай на тэрыторыі Беларусі ў 1903–1911 гг.

Асноўная частка. Працэс рэалізацыі земскай рэформы ў беларускім краі быў спрэчным і складаным пытаннем для расійскага самадзяржаўя, бо меў абмежаваны характар. На аснове «Палажэння аб земскіх губернскіх і павятовых установах» ад 1 студзеня 1864 г. ствараліся выбарныя земскія ўстановы. Па меркаванні тагачаснага міністра ўнутраных спраў П.А. Валуева, які 26 мая 1863 г. выступіў на пасяджэнні Дзяржаўнага савета, земствы павінны былі быць створаны ва ўсіх 44 губернях імперыі [7, л. 31]. Аднак земскія ўстановы з’явіліся толькі ў 33 губернях, прычым не адначасова, а па меры падрыхтаванасці, у тым парадку, які вызначаўся Міністэрствам унутраных спраў. У гэты пералік не трапілі многія ўскраінныя губерні, у тым ліку, беларускія. У сувязі з пераходам заходніх губерняў на ваеннае становішча і разгортваннем паўстання 1863–1864 гг., рэалізацыя земскай рэформы стала праблематычнай. Вядома, што пасля паўстання самадзяржаўе не давярала мясцовым памешчынам «польскага паходжання». Урад імперыі адтэрмінаваў увядзенне новых органаў самакіравання, бо асцерагаўся, што на выбарах атрымаюць перамогу мясцовыя дваране, а іх дзейнасць будзе накіравана насуперак дзяржаўнаму курсу. Парадак выбараў у земскія ўстановы вызначаўся маёмасным цензам, які забяспечваў перавагу памеснага дваранства, што падкрэслівала структура нацыянальнага складу вышэйшага саслоўя беларускіх губерняў пасля паўстання 1863–1864 гг.: 77 264 спадчынныя дваран (51,8%) прызнавалі роднай мовай беларускую, 49 024 (32,9%) – польскую,

17 486 (11,7%) – рускую [4, с. 194]. Віленскі генерал-губернатар М.М. Мураўёў у сваёй справаздачы па гэтым пытанні адзначыў наступнае: «Выборное начало, положенное в основании земств, поставило бы хозяйственное управление краем в зависимость от враждебного дворянства, мелкой шляхты и городского сословия польского происхождения и римско-католического вероисповедания. Посему полагаю, что земские учреждения не могли быть введены в вверенном мне крае» [7, л. 31]. Тым больш, важна будзе адзначыць, што за стварэнне земстваў на Беларусі сярод мясцовага дваранства ў 1860-я гг. не разгарнулася актыўнай барацьбы, бо вышэйшае саслоўе краю было знясілена значнымі стратамі падчас паўстання 1863–1864 г., а астатнія дваране былі больш заклапочаны захаваннем сваіх зямельных валоданняў, чым пытаннямі мясцовага самакіравання.

У цэлым, раздробленае і неэфектыўнае кіраванне мясцовай гаспадаркай у заходніх губернях падштурхоўвала ўрадавыя колы да больш рашучых крокаў у напрамку стварэння такіх грамадскіх органаў самакіравання, якія задаволілі б земскія патрэбы і вырашалі на месцах самыя разнастайныя пытанні. Нярэдка ў беларускім краі адна і тая ж галіна земскай гаспадаркі знаходзілася ў кампетэнцыі розных адміністрацыйных устаноў, што дзейнічалі незалежна і нічым не былі звязаныя, акрамя асобы старшыні: губернатара, павятовага прадвадзіцеля дваранства і г.д. Напрыклад, лякарні знаходзіліся пад кіраўніцтвам загада грамадскага догляду, а сельскія лякарні – урачэбнага аддзела павятовага распарадчага камітэта. Дзейнасць павятовых распарадчых камітэтаў, створаных у 1874 г., трапіла пад асаблівую крытыку: «Гэтыя ўстановы складаліся з чыноўнікаў (павятовы спраўнік, гарадскі галава, неад’емны член павятовай сялянскай прысутнасці і інш.), якія валодалі сваімі непасрэднымі абавязкамі, а ўдзел у земскай працы быў для іх лішнім цяжарам, што не даваў магчымасці паглыбіцца ў патрэбы краю... Земскай службе необходимы агенты, якія ведаюць мясцовыя патрэбы, асабіста зацікаўленыя ў паспяховым іх задавальненні, аб’яднаныя ідэяй грамадскай службы, злучанай з пачуццём адказнасці перад колам асоб, якія выказалі яму давер» [1, с. 122–123]. Адсутнічалі адзіныя выканаўчыя органы, а іншыя, калі і існавалі, то выключна на паперы, а іх абавязкі выконвалі паліцэйскія органы [7, л. 42]. Адзіныя устаноўчы бок такой мясцовай дэцэнтралізацыі заключаўся ў яго адноснай «дешевізне», бо ўтрыманне земстваў ва ўнутраных губернях каштавала значных сродкаў. Тым больш, удалы вопыт правядзення гарадской рэформы ў Беларусі служыў пазітыўным прыкладам і сказаўся на карысць рэалізацыі земскай рэформы.

Адным з ініцыятараў увядзення земскіх устаноў у заходніх губернях быў міністр унутраных спраў І.Л. Гарамыкін. Арганізацыя кіравання земскай гаспадаркай на прадугледжаных прынцыпах, на думку міністра, адкрыла б для «рускіх» людзей у Заходнім краі магчымасць паступаць на службу на пасады старшыні і членаў упраў і тым самым заахвочвала іх да набыцця зямельнай маёмасці і аседлага пражывання ў сваіх маёнтках [7, л. 126зв.]. Увядзенне земстваў падштурхнула б актыўную частку мясцовай грамадскасці да ўдзелу ў самакіраванні. Павелічэнне колькасці землеўладальнікаў праваслаўнага веравызнання ў беларускіх губернях стала сігналам для пачатку рэалізацыі земскай рэформы (табліца).

Табліца. – Канфесійная прыналежнасць землеўладальнікаў у 5 беларускіх губернях, 1902 г. [7, л. 168].

Губернія	Праваслаўныя		Каталікі		Лютэране		Яўрэі		Інш.		Усяго
Віленская	1929	17,1%	8983	79,7%	61	0,54%	91	0,8%	206	1,8%	11270
Гродзенская	1279	45,1%	1450	51,2%	54	1,9%	28	0,9%	21	0,7%	2832
Віцебская	6125	69,9%	2564	27,6%	504	5,4%	48	0,5%	–	–	9281
Мінская	8689	63,8%	4551	33,4%	97	0,7%	161	1,1%	101	0,7%	13599
Магілёўская	11233	77,8%	2722	18,8%	163	1,1%	314	2,1%	1	0,01	14432

І.Л. Гарамыкін на аснове перапісак з мясцовымі губернатарамі склаў праект з некаторымі адрозненнямі ад Палажэння 1890 г. Згодна з ім, па-першае, распарадчыя земскія органы (павятовыя сходы) не ствараліся, па-другое, старшыня і члены выканаўчых органаў (упраў) прызначаліся ўрадам без уліку маёмаснага цензу [7, л. 76зв.]. Непасрэднае кіраўніцтва гаспадарчымі справамі павінна быць узложана на выканаўчыя органы, у складзе якіх служылі б прызначаныя чыноўнікі. Міністр прапанаваў стварыць толькі губернскія земскія сходы і ўправы, якія б кіравалі гаспадарчай часткай губерні і асобных павеатаў. Спецыяльныя ж земскія ўстановы для павеатаў не прадугледжваліся [1, с. 118]. Тым самым адзінкай самакіравання земскай сістэмы павінна быць губерня, а не павет, як гэта было ва ўнутраных губернях імперыі.

Нягледзячы на тое, што 31 мая 1899 г. Дзяржаўны савет указаў прыступіць да ажыццяўлення рэформы па праекце І.Л. Гарамыкіна, ён так і не быў рэалізаваны з-за пазіцыі С.Ю. Вітэ, які выступіў супраць распаўсюджвання органаў самакіравання, што магло стаць пагрозай самадзяржаўю [7, л. 78]. Тым не менш, Мікалай II даручыў наступнаму міністру ўнутраных спраў, Д.С. Сіпягіну, працягнуць распрацоўку праекта. Міністр унёс свае карэктывы, паколькі лічыў неабходным для кіравання земскай гаспадаркай у няземскіх губернях стварыць сістэму бюракратычных органаў, якія б утрымлівалі ў сабе і грамадскі элемент. Д.С. Сіпягін прапанаваў уключыць у склад губернскіх і павятовых органаў і галосных як прадстаўнікоў мясцовага насельніцтва, даць ім пэўную самастойнасць у вырашэнні значнага кола пытанняў гаспадаркі краю [1, с. 118].

Асноўнае кіраванне земскай гаспадаркай будзе засяроджана ў губернскім цэнтры, што дазволіць замацаваць уладу начальніка губерні і цэнтральнай адміністрацыі над земскімі ўстановамі. Для земскіх губерняў цэнтральнай Расіі была характэрна значная самастойнасць павятовых устаноў ад губернскіх. Аднак на захадзе самадзяржаўе імкнулася прытрымлівацца прынцыпу цэнтралізаванага кіравання мясцовай гаспадаркай, але, у той жа час, прымаўся да ўвагі пры распрацоўцы тых ці іншых мерапрыемстваў і асаблівасці эканамічнага развіцця асобных паведаў. Такім чынам, урад імкнуўся захаваць аднастайнасць земскай гаспадаркі губерні, таму дзейнічаць павятовыя ўпраўленні павінны былі па адным плане і адной сістэме.

Забойства Д.С. Сіпягіна ў красавіку 1902 г. затрымала ажыццяўленне праекта. Новы кіраўнік Міністэрства ўнутраных спраў, В.К. фон Плеве, некалькі перапрацаваў праект папярэдніка, выступіўшы за паступовае, а не адначасовае ўвядзенне земскіх упраўленняў у Заходнім краі. 2 красавіка 1903 г. Мікалаем II было зацверджана «Палажэнне аб кіраванні земскай гаспадаркай у губернях Віленскай, Віцебскай, Валынскай, Гродзенскай, Кіеўскай, Ковенскай, Магілёўскай, Мінскай і Падольскай» [8, с. 334]. Згодна з Палажэннем, земскія ўпраўленні ў пералічаных губернях беларускага краю ўзялі на сябе функцыі камісій народнага харчавання, загадаў грамадскага догляду і прысутнасцей па земскай гаспадарцы [8, с. 334]. Аднак Палажэнне ўступіла ў сілу толькі ў Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях, а накіонт астатніх губерняў міністр павінен быў звяртацца да ўрада ва ўстаноўленым парадку [5, с. 56]. Неабходна адзначыць, што на Віленскую, Гродзенскую і Ковенскую губерні Палажэнне ад 2 красавіка 1903 г. так і не атрымала свайго распаўсюджвання, таму парадак кіравання мясцовай гаспадаркай там застаўся без змен.

Для кіравання земскай гаспадаркай у трох беларускіх губернях былі заснаваны губернскія і павятовыя камітэты і земскія ўправы [8, с. 339]. Згодна з артыкулам 2 Палажэння пералік функцый упраўленняў па справах земскай гаспадаркі за некаторымі абмежаваннямі быў аналагічны таму, што і ў земскіх выбарных органах расійскіх губерняў. Да групы гаспадарчых задач адносілася вырашэнне фінансавых пытанняў: загаданне мясцовымі грашовымі і натуральнымі земскімі павіннасцямі, капіталамі і нерухомай маёмасцю. Упраўленні абавязаны былі наглядаць за станам шляхоў зносін (дарог, прыстаней і г.д.), сродкаў сувязі (паштовых гасцінцаў, тэлеграфных і тэлефонных ліній). Яны павінны былі спрыяць развіццю мясцовай сельскай гаспадаркі, гандлю, прамысловасці, а таксама арганізоўваць абарону палёў, лугоў і лясоў ад шкодных насякомых і жывёл, весці барацьбу з драпежнікамі. Ветэрынарная справа прадугледжвала прыняцце мер па прадухіленні і спыненні эпідэміі. Акрамя таго, упраўленням па справах земскай гаспадаркі было перададзена губернскае страхаванне маёмасці. У сацыяльнай сферы ўпраўленні па справах земскай гаспадаркі павінны былі клапаціцца аб забеспячэнні насельніцтва харчаваннем, утрыманні медыцынскіх устаноў у павеце, паляпшэнні санітарных умоў у населеных пунктах, весці «догляд бедных, невылечна хворых і вар'ятаў, а таксама сірот і калечаных» [8, с. 338–339]. Да гэтай групы функцый можна аднесці абавязкі па папярэджанні і тушэнні пажараў. Таксама ўпраўленні абавязаны былі клапаціцца аб развіцці пачатковай і прафесійнай адукацыі, навучальных устаноў, якія ўтрымліваліся за кошт зямскага збору. У законе дакладна агаворвалася, што да гэтых навучальных устаноў ставіліся пачатковыя школы, падведомныя Міністэрству народнай асветы, царкоўна-прыходскія школы і школы граматы, прафесійныя вучылішчы [8, с. 339]. Земствы мелі права вызначаць грашовыя зборы на патрэбы мясцовай гаспадаркі і хадатайнічаць перад адміністрацыяй аб іх задавальненні. У цэлым, змест дадзенага артыкула амаль цалкам адпавядаў арт. 2 Палажэння аб губернскіх і павятовых земскіх установах 1890 г., якое дзейнічала для земскіх губерняў імперыі. Урад вырашыў не абмяжоўваць кола паўнамоцтваў, бо галоўнай задачай дадзенага пераўтварэння з'яўлялася ўпарадкаванне земскай гаспадаркі ва ўскраінных губернях. Такім чынам, упраўленні па справах земскай гаспадаркі па свайму функцыяналу валодалі тым жа колам паўнамоцтваў, што і выбарныя земствы ўнутрырасійскіх губерняў.

Сістэма павятовых упраўленняў па кіраванні земскай гаспадаркай складалася з двух галін – распарадчай і выканаўчай. Распарадчая ўлада належала павятовым камітэтам на чале з павятовым прадвадзіцелем дваранства. Апроч мясцовага кіраўніка дваранства, у яго склад уваходзілі галава павятовага горада, усе земскія начальнікі, падаткавы інспектар, павятовы спраўнік, прадстаўнік ад ведамства земляробства і дзяржаўных маёмасцей, неад'емны член павятовай управы па справах земскай гаспадаркі, земскія галосныя і валасныя старшыні (2 – 5 чал.) па прызначэнні губернатара [8, с. 341].

Пры стварэнні павятовых камітэтаў асоба павятовага спраўніка ў іх складзе выклікала спрэчкі. Да ўвядзення земскіх органаў спраўнік адзінаасобна кіраваў працай павятовага распарадчага камітэта – органа, якому наляжала загаданне гаспадарчымі справамі, раскладкай земскіх павіннасцей. Аднак у складзе павятовага камітэту спраўнік стаў выканальнікам даручэнняў губернскай адміністрацыі, а таму і не валодаў значнай самастойнасцю ў вырашэнні гаспадарчых спраў паведа [7, л. 107].

У склад павятовых камітэтаў увайшлі два земскія галосныя, якія выбіраліся на тры гады. Іх наяўнасць у складзе камітэта вызначала за земскімі ўпраўленнямі пэўную долю самастойнасці. Галоснымі маглі выступаць асобы, якія пастаянна пражываюць у павеце і валодаюць нерухомай маёмасцю, абкладзенай земскім зборам [8, с. 340]. За выключэннем прагонных грошай для раз'ездаў, земскія галосныя свае абавязкі выконвалі бясплатна і не прыраўноўваліся да статусу дзяржаўных чыноўнікаў. На пасады іх прызначаў міністр унутраных спраў са спісу кандыдатаў, прадстаўленых губернатарам і павятовым прадвадзіцелем дваранства. Перавага такіх служачых заключалася ў іх інфармаванасці: пражываючы ў павеце і вало-

даючы маёмасцю, яны маглі паведамляць губернатару, міністру ўнутраных спраў, губернскаму і павятоваму камітэту больш дакладныя звесткі аб стане мясцовай гаспадаркі, чым дзяржаўныя служачыя. Таму іх удзел у працы павятовых камітэтаў быў проста неабходны. Наяўнасць нават аднаго галоснага давала магчымасць плённа праводзіць пасяджэнне камітэта, бо прынятыя рашэнні грунтаваліся не толькі на лічбах, а пераважна на звестках гэтых асоб. Таму галосныя мелі права голасу на пасяджэннях і не маглі быць адхілены ад выканання сваіх абавязкаў да заканчэння трохгадовага тэрміну, акрамя рэдкіх выключэнняў.

З іншага боку, пазіцыя галосных у складзе павятовага камітэта была даволі хісткай па прычыне колькаснай перавагі чыноўнікаў. Закон дапусціў іх у земскія ўпраўленні як мясцовых прадстаўнікоў, хоць і ў выглядзе галосных па прызначэнні, але, з аднаго боку, паралізаваў гэтым іх значэнне ў камітэце, а з другога, – адбіваў у іх жаданне ўвогуле прымаць удзел ў пасяджэннях распарадчага органа. Гэта было абумоўлена тым, што шматлікі склад дзяржаўных служачых у камітэце, нават пры наяўцы некаторых з іх, заўсёды забяспечваў перавагу іх меркавання над думкай галосных. Пры жаданні адстойваць сваю пазіцыю, галосныя заўсёды заставаліся ў меншасці. «Зразумела, земскія галосныя не валодалі тымі магчымасцямі, якія былі ў сапраўдных земцаў. Карэннае насельніцтва адносіцца да іх з недаверам, таму што народ іх не выбіраў. Правамі грамадзянскай службы яны не валодаюць. Пры такіх абставінах адзіная выгада для галосных – магчымасць у далейшым трапіць у склад управы, а для гэтага неабходна адпаведная праца» [1, с. 124].

Галоўнай задачай, якую выконвалі павятовыя камітэты як распарадчыя органы, з'яўлялася правядзенне папярэдняга абмеркавання актуальных пытанняў земскай гаспадаркі. Функцыі камітэтаў заключаліся ў разглядзе каштарысу выдаткаў па павеце на будучы год, памераў натуральных павіннасцей. Для губернскага камітэта па справах земскай гаспадаркі павятовыя камітэты павінны былі прад'явіць звесткі аб пераводзе натуральных падаткаў у грашовыя, планах работ па абслугоўванні шляхоў зносін, уладкаванні прыстаней, дазвалах на правядзенне рынкаў, таргоў і ярмарак, аб устанаўленні коштаў на розныя тавары і паслугі [5, с. 58]. Апроч гэтых абавязкаў, па волі губернатара ці губернскага камітэта павятовыя ўпраўленні маглі папярэдне абмяркоўваць і іншыя пытанні. На абмеркаванні губернскага камітэта яны маглі прадстаўляць асобныя пытанні і хадатайніцтвы, якія тычыліся мясцовых патрэб.

На пасяджэнні павятовы камітэт па справах земскай гаспадаркі збіраўся раз у год, звычайна не пазней 1 жніўня. У выпадку ўзнікнення важных і неадкладных пытанняў па ініцыятыве губернатара ці губернскага камітэта па справах земскай гаспадаркі пасяджэнні склікаліся ў надзвычайным парадку. Для пачатку працы пасяджэння неабходна была прысутнасць не менш чым 7 членаў, у тым ліку адзін галосны і адзін валасны старшыня [8, с. 346]. Акрамя членаў камітэту, для разгляду асобных пытанняў з правам дарадчага голасу маглі ўдзельнічаць наступныя служачыя: па справах духоўнага ведамства і народнай адукацыі – інспектар народных вучылішч і павятовы наглядчык царкоўнапрыходскіх школ; па вайсковых справах – прадстаўнік ад камандавання ваеннай акругі; па справах шляхоў зносін – прадстаўнік адпаведнага ведамства; па ветэрынарнай частцы – павятовы ветэрынар; па пытаннях медыцынскага абслугоўвання – павятовы ўрач ці хтосьці з мясцовых урачоў [8, с. 341]. Старшыня павятовага камітэту таксама меў права запрашаць на пасяджэнні іншых асоб. Усе прынятыя рашэнні запісваліся ў журнал і падпісваліся старшыней і членамі камітэту, а на працягу двухтыднёвага тэрміну прадстаўляліся ў губернскі камітэт.

Са сказанага вышэй можна зрабіць выснову, што павятовыя камітэты па справах земскай гаспадаркі на акрэсленай тэрыторыі Беларусі былі пазбаўлены самастойнасці ў вырашэнні разнастайных пытанняў [3, с. 21]. Яны знаходзіліся ў падпарадкаванні губернскаму камітэту, па прычыне чаго ўпраўленне земскай гаспадаркай беларускіх губерняў уяўляла сабой адзіную сістэму, мела адзіны план свайго развіцця. Гэтыя павятовыя органы з'яўляліся падрыхтоўчым звяном у справе складання будучых выдаткаў і раскладаў натуральных земскіх павіннасцей, якія затым абмяркоўваліся на пасяджэннях у губернскім цэнтры. У сілу свайго абмежаванасці, па ацэнках тагачасных даследчыкаў, «павятовы камітэт па складу ўяўляў сабою нешта сярэдняе паміж ацэнчымі камісіямі ці павятовымі з'ездамі» [1, с. 122]. Яны з'яўляліся дарадчымі ўстановамі, што азначае – мелі функцыю толькі папярэдняй распрацоўкі пытанняў.

Выканаўчымі органамі ў структуры земскіх упраўленняў былі павятовыя управы, кампетэнцыяй якіх з'яўлялася вырашэнне ўсіх спраў мясцовай гаспадаркі. На чале павятовай управы стаяў мясцовы прадвадзіцель дваранства. У яе склад таксама ўваходзілі павятовы спраўнік, падаткавы інспектар, 2–3 земскія галосныя ад павета, неад'емны член ад губернскай управы, а таксама спецыялісты розных галін, кшталту, інжынера, майстра, урача і г.д. [8, с. 342]. Павятовыя управы збіраліся на пасяджэнні штотыднёва, а пры надзвычайных абставінах – і часцей.

Старшыней управы з'яўляўся мясцовы прадвадзіцель дваранства. Аднак арт. 52 Палажэння 1903 г. устанаўліваў, што агульнае кіраўніцтва і кантроль над павятовымі управамі ўскладаецца на губернскія управы [8, с. 346]. Кандыдаты на пасаду старшыні і членаў павятовай земскай управы прызначаліся губернскай управай, якая магла і звальняць асоб. Павятовы спраўнік, падаткавы інспектар мелі абавязкам дапамагаць старшыні за наглядам гаспадарчага станау павета. Старшыні управы належала права агульнага нагляду за правільнасцю вырашэння спраў ва ўправе. Арт. 55 Палажэння ўстаноўлена, што старшыня мог адмяніць нават тое рашэнне членаў управы, за якое прагаласавала абсалютная большасць, калі яно супярэчыла закону [8, с. 347]. У такім выпадку рашэнне адпраўлялася на абмеркаванне спачатку ў губернскую управу, а яна, у сваю чаргу, адпраўляла справу на разгляд у губернскі камітэт.

Асабліва важную ролю ў працы павятовых упраў адыгрываў неад’емны член, на якога было ўскладзена выкананне даручэнняў павятовай управы. Ён прызначаўся губернатарам з ліку асоб, якія пражывалі на тэрыторыі павета і валодалі нерухомай маёмасцю [8, с. 342]. Пажадана, кандыдат на пасаду павінен быў мець досвед дзяржаўнай службы ў павеце, што дазваляла яму валодаць інфармацыяй аб мясцовасці. У выпадку хваробы ці адсутнасці старшыні яму даручалася весці пасяджэнне ўправы. Ён быў абавязаны па даручэнні губернскай і павятовай упраў наведваць аб’екты, каб асабіста пераканацца ў іх гаспадарчым стане: аб’езд лясчэбніц і арыштанцкіх дамоў, агляд дарог і прыдарожных пабудоў, інспектаванне розных устаноў, вырашэнне пытанняў аб падводнай павіннасці і паромных пераправах – няпоўны пералік непасрэдных абавязкаў неад’емнага члена. Напрыклад, з сакавіка 1903 па сакавік 1904 г. неад’емны член Полацкай управы здзейсніў 12 паездак агульнай працягласцю 1081 вярста, неад’емны член Лепельскай управы – 9 аб’ездаў [9, лл. 21, 49]. Аб кожнай паездцы ім складалася справаздача, якая затым заслухоўвалася ва ўправе. Астатнія члены ўправы (інжынеры, майстры, тэхнікі) павінны былі аказваць дапамогу падчас раз’ездаў па павеце. Усе заўвагі і недахопы ў далейшым павінны былі быць даведзены ўправе на бліжэйшым пасяджэнні [9, л. 81]. Неад’емны член складаў усе даклады па справах управы, збіраў статыстычныя звесткі аб стане земскай гаспадаркі, якія затым накіроўваліся на абмеркаванне ў павятовую ўправу. Напрыклад, неад’емны член Віцебскай павятовай управы за 1903 г. сабраў статыстыку аб ураджаях, коштах на прадукты харчавання, колькасці занятых на грамадскіх работах, вёў спісы святароў і народных настаўнікаў [9, л. 83]. Неад’емны член кіраваў справаводствам канцылярыі, якая складалася з 2-3 пісараў. Канцылярыя павінна была весці дакументазварот управы, фінансавую дакументацыю [6, с. 237]. Як бачна, на дадзеных асоб выпадала значная нагрузка ў выглядзе шматлікіх паўнамоцтваў і абавязкаў. Акрамя гэта, варта дадаць, што яны таксама ўваходзілі ў склад іншых павятовых устаноў, а таму павінны былі знаходзіць нямала часу для ўдзелу ў іх пасяджэннях. У прыватнасці, вясною, падчас вясеннага прызыву, неад’емны член працаваў у складзе павятовай прысутнасці па воінскай павіннасці, што не дазваляла яму ў гэты перыяд вырашаць бягучыя справы ўправы [10, с. 12].

Павятовая ўправа для працы павятовага камітэта і губернскай управы збірала неабходныя звесткі па разнастайных пытаннях, вяла падрыхтоўку дакладаў [9, л. 20]. Справы, якія паступалі ў павятовую ўправу, напрыклад, грашовыя асігнаванні, выкананне даручэнняў губернскай управы, разгляд паступіўшых хадатайніцтваў і заяў, вырашэнне гаспадарчых пытанняў, – разглядаліся і абмяркоўваліся на пасяджэннях управы калегіяльна ўсімі членамі. Пры роўнасці галасоў прымалася тое рашэнне, за якое выступіў кіраўнік. Варта ўказаць, на пасяджэннях была неабавязковай наяўнасць усіх членаў павятовай управы, нарада мела адбыцца і пры меншай колькасці служачых, а пералічаныя вышэй бягучыя пытанні звычайна вырашаліся без удзелу галосных. Гэта пацвярджае вытрымка са справаздачы Полацкай управы: «У 1903 г. у пасяджэннях пераважна ўдзельнічалі тыя, хто пражываў у павятовым цэнтры (неад’емны член, спраўнік, падатковы інспектар)» [9, л. 81]. Напрыклад, на сходзе Аршанскай павятовай управы 1 чэрвеня 1904 г. прысутнічала 5 членаў (неад’емны член у якасці старшыні, падатковы інспектар, павятовы спраўнік, 2 земскіх галосных), 8 чэрвеня – толькі 3 (неад’емны член, падатковы інспектар і земскі галосны), 15 чэрвеня – 4 (старшыня і 3 члена) [11, лл. 7–8зв., 12, 35зв.–36]. Павятовыя ўправы Мінскай губерні ў 1905 г. паведамлілі, што з 414 пасяджэнняў за мінулы год (1904 г.), земскія галосныя прынялі ўдзел толькі ў 56 з іх [10, с. 13]. Аднак прысутнасць земскіх галосных была неабходна пры галасаванні і абмеркаванні больш важных пытанняў: складанні гадавога бюджэту, правядзенні таргоў для падрадчыкаў, урэгуляванні падводнай павіннасці, адкрыцці новых школ, ляскарняў, паштова-тэлеграфных станцый і інш. [9, л. 81]. Другасныя пытанні: удакладненне дадатковых звестак, адказ на запыты дзяржаўных устаноў – вырашаліся асабіста неад’емным членам з дазволу старшыні.

Павятовыя ўправы як выканаўчыя органы улады вырашалі шматлікія задачы па непасрэдным кіраванні ўсімі галінамі павятовай гаспадаркі. Яны складалі пералік пытанняў для разгляду на пасяджэннях павятовага камітэта, выконвалі даручэнні губернскай управы, якая, у сваю чаргу, кантралявала іх дзейнасць [8, с. 346]. У галіне будаўніцтва і паляпшэння інфраструктуры ўправы складалі бюджэт на будаўнічыя матэрыялы і работы, вялі кантроль за іх ходам, назіралі за станам дарог, прыдарожных пабудоў, прыстаней, перапраў, правяралі справаздачы за ўсе будаўнічыя работы [11, лл. 5–10]. Для паляпшэння якасці працы пошты служачыя павятовых упраў назіралі за добраўпарадкаваннем паштова-тэлеграфных станцый, выбіралі месцы для іх пабудовы, выдавалі дазвол на карыстанне земскімі коньмі для праезду ў межах павета [11, лл. 34–36, 38зв.].

Вялікія намаганні прыкладваліся і да паляпшэння народнай адукацыі. Менавіта павятовая ўправа адказвала за будаўніцтва і рамонт школ, хадатайнічала аб адкрыцці новых устаноў адукацыі, забяспечвала школы інвентаром і падручнікамі, асігнавала грашовыя сумы на народныя вучылішчы і царкоўнапрыходскія школы, вяла нагляд за гаспадарчым станам школ і брала на сябе многія іншыя клопаты народнай асветы [6, с. 236]. З 1907 г. павятовыя ўправы ўзялі курс на пашырэнне сеткі народных вучылішч. Напрыклад, у 6 паветах Віцебскай губерні за перыяд 1907–1910 гг. было адкрыта 350 навучальных устаноў, а земскае асігнаванне за 1903–1910 гг. вырасла з 42 410 руб. да 198 685 руб. [12, с. 36, 39].

Земскія ўправы бралі на сябе апеку над гарадскімі і сельскімі лякарнямі, шпіталямі, абавязаліся клапаціцца аб інвалідах, састарэлых, душэўнахворых. З ініцыятывы ўпраў адкрываліся і рамантаваліся бальніцы, амбулаторыі, фельдшарска-акушэрскія пункты [6, с. 236]. Для недапушчэння і спынення эпідэміі ўправы пашыралі штат медыцынскіх работнікаў, закупалі дадатковыя медыкаменты [12, с. 5]. Для губернскай управы па справах земскай гаспадаркі павятовыя земскія ўправы складалі і падавалі справаздачу аб дзейнасці медыцынскіх устаноў. Для развіцця і паляпшэння ветэрынарнай справы павятовыя ўправы займаліся адкрыццём ветэрынарных пунктаў, вызначалі іх колькасць і месца знаходжання; бралі пад кантроль апрацоўку, захоўванне і продаж прадуктаў жывёлагадоўлі, прымалі меры для прадухілення захворванняў сярод жывёлы [6, с. 236]. Для павелічэння якасці медыцынскага абслугоўвання і абмеркавання самых розных пытанняў мясцовай медыцыны ўправы арганізавалі сходы ўрачоў і медыцынскіх супрацоўнікаў. Гэтыя сходы складалі інструкцыі для ўрачэбнага персаналу, устанаўлівалі планы па барацьбе з эпідэміялагічнымі захворваннямі, складалі карткавую рэгістрацыю для хворых, што дазваляла больш дакладна разумець прычыны эпідэміі. Яшчэ адным накірункам працы сходаў урачоў стала адкрыццё павятова-санітарных саветаў і санітарных аддзелаў, што палепшыла стан медыцыны [12, с. 5]. Пералічаныя мерапрыемствы павятовых упраў у Віцебскай губерні дазволілі за перыяд 1903–1910 гг. павялічыць колькасць урачоў са 165 да 256, урачэбных пунктаў – з 22 да 50, амбулаторных наведванняў – з 358 104 да 608 533 [12, с. 7–8].

Па справах воінскай сферы земскім управам належалі функцыі размяшчэння, забеспячэння харчаваннем і абмундзіраваннем апалчэнцаў, а таксама адпраўка іх на прызыўныя пункты, пастаўка ў войска коней. У страхавой сферы земскімі управамі падбіраліся агенты па страхаванні пабудоў і маёмасці, складанню актаў аб пажарах, правярцы стахавых ведамасцей і інш. [6, с. 236].

Каштарыс штогодніх расходаў павятовых упраў па земскай гаспадарцы дае магчымасць прааналізаваць асноўныя накірункі дзейнасці гэтых устаноў. У прадмет расходаў Аршанскай управы ў 1904 г. уваходзілі: па дарожнай частцы (22 857 руб.), утрыманне мясцовага штату служачых (10 771 руб. 33 кап.), медыцынскае абслугоўванне (21 490 руб. 68 кап.), ветэрынарная частка (1 917 руб. 28 кап.), этапная павіннасць (205 руб.), фінансаванне царквы (7 914 руб. 59 кап.), іншыя расходы (395 руб.) [12, лл. 13зв. – 19зв.]. Усяго – 70 844 руб. У далейшым прадоўжыўся рост выдаткаванняў на патрэбы земскай гаспадаркі, якія на наступны год 1905 г. склалі ўжо 113 869 руб. 9 кап. [11, лл. 13зв. – 19зв.].

Фактычна, павятовыя ўправы валодалі кампетэнцыяй, падобнай да выканаўчых земскіх органаў унутраных губерняў. З прыведзенага пераліку функцый павятовых упраў можна канстатаваць, што яе дзейнасць пераважна выражалася ў выкананні даручэнняў губернскай управы па прадстаўленні разнастайных звестак і даных для абмеркавання і вырашэння пытанняў земскай гаспадаркі. У такіх умовах і павятовыя выканачаўныя органы не павінны былі валодаць той незалежнасцю, якая прадстаўлялася павятовым управам земскіх губерняў [7, л. 107]. Напрыклад, павятовы прадвадзіцель дваранства і галосныя прымалі ўдзел у нарадах губернскай управы і мелі права галасаваць па спрэчных пытаннях прыняцця справаздачы ці разгляду скаргаў на сваю ж дзейнасць. Тым самым, такое становішча павятовых служачых мела значнае супярэчэнне, што сведчыла аб недасканаласці арганізацыі павятовых упраў.

Кажучы пра дзейнасць упраў, неабходна адзначыць, што іх самастойнасць была абмежавана арт. 53 Палажэння 2 красавіка 1903 г., у сілу якой яны павінны былі дзейнічаць толькі пад наглядам і па ўказаннях губернскай управы [9, с. 346]. Яна разглядала справаздачы павятовых органаў, абмяркоўвала скаргі на дзеянні іх служачых. Гадавыя каштарысы складаў павятовы камітэт і часам яны не адпавядалі надзеям павятовых упраў, што імі распараджаліся. Напрыклад, 11 верасня 1906 г. рэчыцкі павятовы прадвадзіцель дваранства М.М. Розэн хадатайнічаў перад губернскім камітэтам аб прадстаўленні павятовай управе 457 руб. 30 кап. для выплаты пазык па выдатках на канцылярскія патрэбы за 1905 г. Старшыня ўказаў, што такія незапланаваныя расходы былі выкліканы неабходнасцю пашырэння штату пісараў канцылярыі па прычыне павелічэння колькасці спраў [13, с. 113]. Аднак камітэт большасцю галасоў адхіліў хадатайніцтва рэчыцкай управы. Гэты выпадак сведчыць, што ўправа не ў поўнай ступені ведала, якімі сродкамі валодае, што толькі агранічвала яе кола паўнамоцтваў. Такі кантроль з боку губернскіх упраўленняў пазбаўляў служачых павятовых органаў самастойнасці ў дзеяннях, ініцыятывы. У справаздачы Лепельскай павятовай управы за 1904 г. было ўказана, што дзеянні яе служачых час ад часу выглядаюць непрудуманымі, так як не хапае неабходных інструкцый, якія згодна з арт. 6 Палажэння павінны зыходзіць з боку МУС і губернскай управы [9, л. 49зв.].

Размеркаванне спраў паміж членамі ўправы далёка не заўсёды выглядала рацыянальным і раўнамерным, асабліва ў сувязі з тым, што служачыя, акрамя непасрэдных абавязкаў, займалі шэраг пасадак у іншых мясцовых установах. У выніку складвалася становішча, калі вырашэнне спраў мясцовай для членаў павятовых упраў гаспадаркі адыходзіла на другі план. Гэта з'яўлялася недахопам функцыянавання павятовых упраўленняў, бо земская справа была зацікаўлена ў пастаянным развіцці і спецыялістах, якія будуць працаваць у неабходным напрамку. Для ілюстрацыі вышэйказанага можна прывесці вытрымку са справаздачы Мінскай губернскай управы за 1904 г.: «У склад управы ўваходзяць 1 старшыня і 5 членаў. Здавалася б,

пры такой колькасці членаў справы ўправы маглі быць размеркаваны так, каб ніхто не быў абцяжараны празмернай працай. Аднак насамрэч, вядзенне справаводства, а таксама кіраванне земскай гаспадаркай у большасці выпадкаў засяроджана ў руках неад'емнага члена. Астатнія члены ўправы так абцяжараны сваімі непасрэднымі абавязкамі, што пры ўсім жаданні не маюць фізічнай магчымасці знайсці шмат часу справам управы. Кожны з земскіх галосных таксама мае акрэсленую працу, і таму яны могуць выдзеліць для земскіх спраў столькі часу, колькі дазволіць ім ўласны занятак» [10, с. 12].

Палажэнне 2 красавіка 1903 г. з'яўляўся спробай палепшыць старую сістэму земска-гаспадарчага кіравання без правядзення карэннай рэформы. Практы прадугледжваў толькі частковыя змены ў кіраванні мясцовай гаспадаркай. Называючы такі тып кіравання земскім, закон надзяліў упраўленні па кіраванні земскай гаспадаркай усімі правамі і абавязкамі ўстаноў, якія функцыянавалі ва ўнутраных губернях. Аднак характар дзейнасці такіх устаноў быў цалкам адміністрацыйны. Граф Г.І. Дорэр назваў Палажэнне 2 красавіка 1903 г. «тыповым узорам бюракратычнай установы, зборам чыноўнікаў, апраунтых у адзенне земстваў» [3, с. 21]. З іншага боку, у параўнанні з існуючымі раней установамі земскія ўпраўленні валодалі значнай перавагай. Створаныя ўпраўленні былі здольныя вырашыць многія мясцовыя праблемы, а іх функцыянаванне стала перадумовай да ўвядзення паўнаважных земстваў, у поўнай ступені адпаведным інтарэсам грамадскасці краю. Губернскія і павятовыя ўстановы па кіраванні земскай гаспадаркай былі ліквідаваны ўказам Сената «Аб распаўсюджванні дзеяння Палажэння аб земскіх установах на Віцебскую, Валынскую, Кіеўскую, Мінскую, Магілёўскую, і Подольскую губерні» ад 14 сакавіка 1911 г. [14, с. 173]. Усе справы перадавалі выканаўчым і распарадчым органам выбарных земстваў – павятовым земскім сходам і ўправам.

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку стварэння земскіх камітэтаў і ўпраў па Палажэнні 1903 г. на тэрыторыі Беларусі пачала функцыянаваць асаблівае сістэма кіравання земскай гаспадаркай, але земскае самакіраванне тут яшчэ не ўводзілася. Калі ў расійскіх губернях існавалі выбарныя земскія сходы і ўправы, то ў Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях на аснове прызначэння штату служачых дзейнічалі павятовыя камітэты і ўправы. Іх паўнамоцтвы былі амаль ідэнтычнымі. Гэтыя органы мелі як элементы самакіравання, так і бюракратычны пачатак. Важнай асаблівасцю функцыянавання на павятовым узроўні гэтых земскіх устаноў заключалася ў тым, што на тэрыторыі Беларусі служачыя павятовых камітэтаў і ўпраў прызначаліся міністрам унутраных спраў па рэкамендацыі губернатараў і праддзвіццеляў дваранства, а не выбіраліся. Павятовыя ўстановы па справах земскай гаспадаркі былі пастаўлены пад кантроль губернскім, з-за чаго яны былі пазбаўлены самастойнасці ў задавальненні мясцовых патрэб, што абумовіла абмежаванасць іх кампетэнцыі ў вырашэнні самых розных спраў земскай гаспадаркі. Тым самым, земскае кіраванне на тэрыторыі Беларусі хоць і існавала, але ўяўляла сабой хутчэй адгалінаванне дзяржаўнай адміністрацыі, чым грамадскае самакіраванне. Тым не менш, распаўсюджванне і дзейнасць на тэрыторыі Беларусі новых устаноў па кіраванні мясцовай гаспадаркай далі штуршок да больш актыўнага абмеркавання пытання аб увядзенні на тэрыторыі Беларусі выбарнага земскага самакіравання і, у цэлым, для развіцця мясцовага самакіравання на беларускіх землях.

ЛІТАРАТУРА

1. Грибовский, В.М. Предполагаемое земское управление в неземских губерниях / В.М. Грибовский [Б. м. : б. и., между 1901 и 1917]. – С. 115—125.
2. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин. – Минск : Право и экономика, 2003. – 166 с.
3. Талмачова, С.А. Распаўсюджанне земскай рэформы ў заходніх губернях Расійскай імперыі (1903–1911 гг.) / С.А. Талмачова // Весці БДПУ. С. 2, Гісторыя. Філасофія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – Мінск : БДПУ. – 2010. – № 4. – С. 20–24.
4. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 г.) / А.Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 333 с.
5. Моторова, Н.С. Управления по делам земского хозяйства на территории белорусский губерний: функции, структура, состав (1903-1911 гг.) / Н.С. Моторова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2016. – № 4 (97). – С. 55–60.
6. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е.К. Анищенко [и др.] ; сост. Ю.Н. Снапковский, Д.Л. Яцкевич ; редкол.: Д.В. Яцевич (глав. ред.) – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1355. Положение о преобразовании земских учреждений в Европейской части России.
8. Высочайше утвержденное положение об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской, 2 апреля 1903 г., № 22757 // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е : в 33 т. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 23. – Отд. 1. – С. 334–353.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46759. Краткие обзоры о деятельности уездных управ по делам земского хозяйства по Витебской губернии.

10. Отчет Минской губернской управы по делам земского хозяйства. – Минск : Паровая тип. И. и. В. Тасьман, 1905. – 246 с.
11. НИАБ. – Ф. 2083. Оп. 1. Д. 3. Постановления управы по делам земского хозяйства.
12. Матвеев, Н.Г. Краткий обзор деятельности Управления по делам земского хозяйства Витебской губернии / Н.Г. Матвеев. – Витебск : Тип. Подземского, 1910. – 126 с.
13. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства. – Минск : Паровая тип. И. и. В. Тасьман, 1907. – 127 с.
14. О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии, 14 марта 1911 г., № 34903 // ПСЗРИ: Собрание 3-е : в 33 т. Санкт-Петербург, 1914. – Т. 31. – Отд. 1. – С. 170-175.

Пастуныў 12.06.2020

COUNTY INSTITUTIONS OF THE LOCAL ECONOMY IN BELARUS (1903–1911): STRUCTURE AND FUNCTIONS

A. LUDZICH

The article covers the functions and structure of County institutions of the local economy in Vitebsk, Mogilev and Minsk provinces in 1903-1911. It reveals the problem of the zemstvo reform implementation and the process of the zemstva establishment on the territory of Belarus, whose main task was to fully develop and improve the local economic state. Based on the analysis of legislative sources and records, it shows the County institutions terms of reference for social, economic and cultural policy implementation on the ground. The article describes the way of the County institutions formation to run the local economy. The structural organization and functions of County committees are considered as well. Besides it defines the stuff and the employees' activity procedure of the County government. It is concluded that the County Zemstvo offices in the Belarusian provinces were a special type of administrative institutions with elements of local self-government, however their formation process appeared to be the direct appointment of employees instead of electability.

Keywords: *Belarusian provinces, zemstvo reform, the system of local government and self-government, institutions of the local economy, county committees, county governments.*

УДК 902.2:739

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТАЛЛОГРАФИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА X – XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛЬНЫХ НАХОДОК ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ)

*канд. ист. наук, доц. И.В. МАГАЛИНСКИЙ; канд. техн. наук, доц. О.П. ШТЕМПЕЛЬ
(Полоцкий государственный университет)*

Представлены результаты изучения структуры металла и внешних технологических признаков изделий из цветных металлов X – XVIII вв., происходящих из отдельных археологических памятников на территории Северной и Центральной Беларуси. Установлено, что первоначальные заготовки всех изученных образцов были получены с помощью литья, а их последующая финальная доводка была связана с деформирующими приемами обработки давлением и отжигом. В ходе исследования выявлено, что изученные образцы возможно соотнести с тремя технологическими схемами: 1) литьё (2 образца); 2) литьё и косметическая холодная ковка (6 образцов); 3) литьё и формующая горячая ковка (1 образец).

Ключевые слова: археометаллургия, металлография, археология Беларуси, ювелирное производство, материальная культура.

Введение. В настоящее время одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед белорусской археологической наукой, является всестороннее изучение археологических артефактов, полученных в ходе многолетних исследований на разных категориях памятников. Не отрицая значения традиционных подходов к изучению археологических находок (планиграфический, типологический, стратиграфический и др.), важно отметить, что на современном этапе развития науки большое значение имеет комплексное изучение материалов с использованием методов естественных наук, что позволит уточнить датировки, охарактеризовать распределение различных типов артефактов, выявить экономические и культурные связи разных регионов в древности, проследить эволюцию техники и др. [1, с. 119].

Особенное значение для анализа уровня развития древнего ремесла и материальной культуры имеют изделия из цветных металлов, изготовление которых требовало от ремесленника знания наиболее передовых технологических приемов, свойств металлических сплавов, особенностей поведения металлов под воздействием высоких температур, наличия художественного вкуса и многого другого.

В современной археологической науке для изучения специфики производственной деятельности по обработке цветных металлов принято использовать комплексный подход, который включает изучение микроструктуры металла (металлография), химического состава изделий, а также внешних следов производственных операций (трассология) [1–4]. Подобный подход позволяет не только реконструировать технологию изготовления определенных артефактов, но также проследить взаимозависимость между химическими свойствами сплавов и их внутренним строением, выявить типичные технологические схемы, характерные для изготовления различных категорий изделий, что позволит создать целостную картину развития ювелирного производства в древности.

В белорусской историографии вопроса применения естественнонаучной методологии для изучения древних ремесел выделяется несколько этапов:

1) 60-е – первая половина 70-х гг. XX в. – период нарастающего интереса к методологии естествознания, появление первых работ, в которых представлены результаты анализа химического состава и структурных исследований отдельных находок;

2) конец 70-х – 80-х гг. XX в. – характеризуется появлением обобщающих работ по структурному изучению изделий из черных металлов;

3) 2000-е – 10-е гг. – возвращение исследователей к изучению химического состава изделий из цветных металлов, появление публикаций по результатам анализов большой серии артефактов из отдельных памятников [5, с. 102].

Таким образом, изучение структуры изделий из цветных металлов, а также внешних следов производственных операций в отечественной археологической науке не выступало объектом специальных исследований.

Целью настоящей статьи является рассмотрение возможностей применения металлографического метода для анализа изделий из цветных металлов в контексте изучения эволюции технологии древнего ювелирного ремесла.

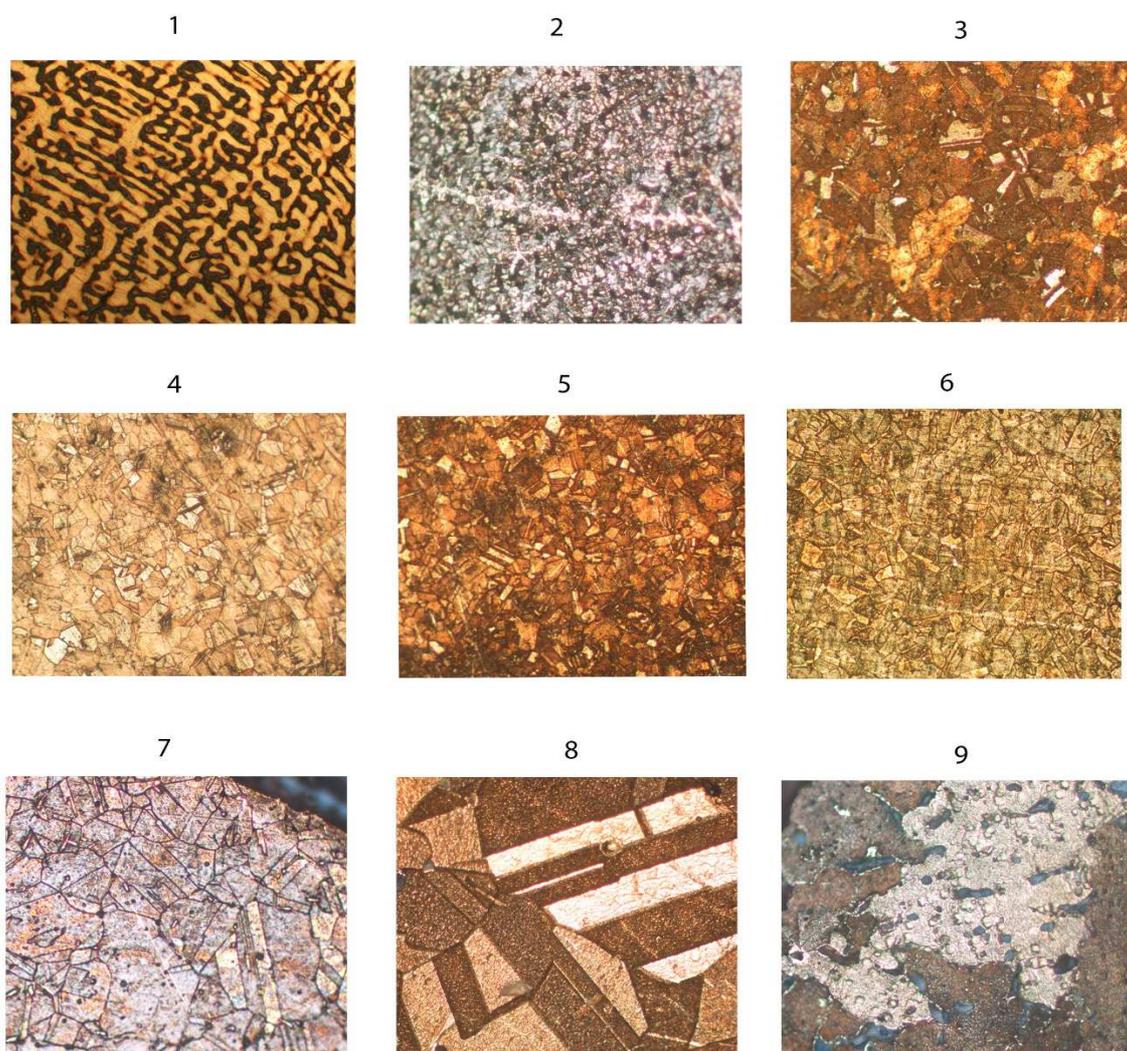
Основная часть. Для комплексного изучения образцов в представленной работе приводятся результаты не только исследования структуры металла, но также его химического состава и данных, полученных в результате поверхностного изучения.

Исследование химического состава изделий проводилось по методу оптико-эмиссионного спектрального анализа в контрольно-испытательной лаборатории Полоцкого государственного университета под руководством заведующего лабораторией С.Ф. Денисенка на портативном искровом оптическом эмиссионном спектрометре SPECTROPORT производства компании «Spectro Analytical Instruments GmbH» (Германия).

Изготовление шлифов осуществлялось авторами статьи на металлографическом комплексе французской компании PRESI, который включает отрезной станок MECATOME T201A и шлифовально-полировальную машину MECAPOL P262. Шлифы заливались в полимерную смолу, которая быстро засыхает и не воздействует на структуру металла. В качестве травителей использованы раствор хромпика в серной кислоте ($\text{Ca}_2\text{Cr}_2\text{O}_7 + \text{H}_2\text{SO}_4$), аммиачный раствор хлорной меди ($\text{CuCl}_2 + \text{H}_2\text{O} + \text{NH}_3$), а также солянокислый раствор хлорного железа ($\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$). Для изучения структуры образцов делались поперечные спилы концов изделий. Наблюдение проводилось при помощи металлографического микроскопа NICON MODEL EPIPHOT 200 при увеличении $\times 100$ и $\times 200$. Измерение микротвёрдости по Викерсу осуществлялось на микротвёрдомере американской компании BUEHLER MODEL No 1105D с нагрузкой в 100 г при давлении в 15 с.

Исследование внешних признаков технологических операций, использовавшихся при изготовлении отдельных изделий, проводилось с использованием цифрового микроскопа LIVENHUK DTX 500 LCD 500x, а также лупы со сменными линзами с увеличением $\times 2,5$, $\times 6$ и $\times 16$ LIVENHUK ML11.

Для проведения исследований было отобрано 9 образцов (Рисунок), происходящих из материалов археологических раскопок на территории отдельных памятников Северной и Центральной Беларуси: Лучно – 1 (XII – XIII вв., исследования М.В. Климова); Полоцк – 2 (XI – XII вв., исследования А.Л. Коца); Бирули – 5 (X в., исследования А.В. Войтеховича); Ивесь – 1 (XVI – XVIII вв., исследования В.В. Черевко)¹.

1 – язычок фибулы (увеличение $\times 100$); 2 – проволочный браслет (увеличение $\times 200$); 3 – фибула (увеличение $\times 100$); 4 – перстень (увеличение $\times 100$); 5 – проволока (увеличение $\times 100$); 6 – браслет пластинчатый (увеличение $\times 100$); 7 – спираль венчика (увеличение $\times 100$); 8 – шейная гривна (увеличение $\times 100$); 9 – браслет (увеличение $\times 200$).

Рисунок. – Структура металла исследованных образцов

¹ Авторы выражают признательность указанным исследователям за предоставленные для изучения предметы.

Первый образец представлен фрагментом пластинчатого браслета, происходящего из материалов исследований на археологическом комплексе Лучно-1. Изделие фрагментированное, пластинчатое, скрученное в несколько раз, с чеканным рельефным геометрическим орнаментом. На поверхности отсутствуют выразительные следы технологических операций, использованных для изготовления предмета, что связано с сильной коррозией. Предмет изготовлен из многокомпонентной латуни с достаточно высоким содержанием цинка (9,6%) в сплаве. В металле браслета обнаружены также примеси олова и свинца (Sn – 1,93%, Pb – 14,3%). До травления на поверхности микрошлифа зафиксированы мелкие неметаллические включения. После травления солянокислым раствором хлорного железа ($\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$) обнаружена мелкозернистая структура (среднее значение размера зерна – 0,067 мкм). Наблюдаются также следы двойников, возникших вследствие деформирования зерен (см. Рисунок, 6). Среднее значение микротвёрдости – 85,9 HV. Можно сделать вывод, что образец был обработан давлением с последующим отжигом.

Фрагмент подковообразной спиралеконечной фибулы происходит из материалов археологических исследований на территории Заполотского посада Полоцка. Изделие имеет вид выгнутого прутка треугольного сечения с одним закрученным в спираль концом. Предмет сильно корродирован, что не позволяет определить технологию его изготовления по внешним признакам. Фибула изготовлена из свинцовой латуни с содержанием цинка (8,83%) и свинца (5,4%). До травления на микрошлифе фиксировалось большое количество мелких разносторонне ориентированных равномерно распределенных включений вытянутой формы. В результате травления шлифа $\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$ были обнаружены полиэдрические со скругленными краями зерна (средние размеры – 0,055 мкм) с малым количеством двойников (см. Рисунок, 3). Среднее значение микротвёрдости 89,6 HV. Таким образом, фиксируются следы обработки давлением с последующим отжигом. Возможно, что эта процедура повторялась несколько раз, на что указывает равномерное распределение дефектов на нетравленном шлифе.

Из раскопок Заполотского посада Полоцка исследовался также язычок фибулы, который представляет собой фрагментированное изделие в виде выгнутого заостренного с одного конца стержня округлого сечения. Предмет сильно корродирован, отсутствуют следы технологических операций. Язычок изготовлен из свинцовой латуни с низким содержанием цинка и свинца (Zn – 3,28%; Pb – 1,57%). При изучении нетравленного микрошлифа обнаружено небольшое количество дефектов, присутствуют также растрескивания на существенную глубину у поверхности. В середине шлифа наблюдались остатки усадочных раковин. После травления образца аммиачным раствором хлорной меди ($\text{CuCl}_2 + \text{H}_2\text{O} + \text{NH}_3$) проявилась явно выраженная дендритная структура, характерная для литых изделий из сплавов на основе меди (см. Рисунок, 1). Дендриты характеризуются разнонаправленностью пространственного расположения, отсутствуют явно выраженные следы пластической деформации. В тоже время, микротвёрдость (89,2 HV) указывает на незначительную степень деформирования после отливки.

Следующая группа изделий происходит из материалов археологических исследований на селищах Бирули I, II. Целый проволочный браслет имеет вид выгнутого по форме руки круглого в сечении металлического стержня с чеканным геометрическим орнаментом. Предмет изготовлен из многокомпонентного латунного сплава с высоким содержанием свинца (27,26%), включающим также цинк (8,27%) и олово (3,47%). На нетравленном шлифе фиксируется незначительное количество мелких, равномерно распределенных неметаллических включений, в приповерхностном слое наблюдается повышенное количество оксидов. В результате травления $\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$ обнаружена очень мелкая дендритная структура, характерная для быстро остывающего из жидкого состояния металла (см. Рисунок, 2). При этом не фиксируются следы пластической деформации. Среднее значение микротвёрдости – 84,2 HV.

В качестве образца был отобран также дротовый перстень. Изделие имеет вид округлого в сечении стержня с заходящими, сужающимися концами. Предмет сильно корродирован, нет выразительных следов технологических операций. Перстень изготовлен из оловянной латуни с достаточно высоким содержанием цинка (16,16%) и олова (7,61%). При изучении нетравленного микрошлифа обнаружено незначительное количество мелких дефектов, в центре шлифа выявлена большая усадочная раковина, а также оксидный слой на поверхности. После травления солянокислым раствором хлорного железа обнаружена полиэдрическая структура с незначительным количеством зерен со сглаженными границами (см. Рисунок, 4). Фиксируются также следы двойникования. Размер зерен – 0,05 мкм. Среднее значение микротвёрдости – 100,6 HV. Наличие усадочной раковины свидетельствует о том, что исходная заготовка получена литьём. Отсутствие выраженных следов дендритной структуры, а также мелкий размер зерен свидетельствуют о пластическом деформировании с небольшой степенью обжатия и последующем отжиге.

Еще один образец из Бирулей представлен фрагментом браслета. Предмет имеет вид сужающейся выгнутой пластины с рельефным окончанием. Явных дефектов и следов технологических операций при поверхностном осмотре не обнаружено. Браслет изготовлен из свинцовой латуни со значительным содержанием цинка (9,19%) и свинца (24,0%). На нетравленном микрошлифе фиксируются усадочные раковины, много разноразмерных, но равномерно распределенных дефектов (предположительно, литья). Обнаружен дефект – глубоко проникающая по трещине эвтектическая смесь Cu-CuO характерного красноватого

цвета. После травления $\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$ обнаружилась крупнозернистая структура (см. Рисунок, 9). Среднее значение микротвёрдости 88,7 HV. Вероятно, изделие было получено литьем, затем подвергалось отжигу.

Интерес представляет фрагмент спирали головного венчика, изделия в виде закрученного, треугольного в сечении, стержня. При визуальном осмотре явных технологических дефектов не обнаружено. Предмет изготовлен из многокомпонентной латуни с высоким содержанием цинка (12,97%), а также включением свинца (4,34%) и олова (1,50%). На нетравленном микрошлифе выявлены мелкие неметаллические включения, по поверхности наблюдаются толстые слои окислов и коррозионное растрескивание на небольшой глубине. После травления $\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$ обнаружилась полиэдрическая структура, при этом зерна имеют характер разнотерности, в некоторых зернах присутствуют двойники (см. Рисунок, 7). Среднее значение микротвёрдости 51,3 HV. Таким образом, характер микроструктуры образца свидетельствует о том, что он подвергался воздействию высоких температур длительное время (отжиг), в результате чего произошла перекристаллизация и начался рост отдельных зерен за счет других.

Фрагмент шейной гривны из Бирулей происходит из кургана с трупосожжением. Изделие представляет собой два перевитых между собой стержня, изготовлено из многокомпонентной латуни с содержанием свинца (24,5%), цинка (9,16%), а также низкой концентрацией олова (1,64%). На нетравленном микрошлифе обнаружены крупные и многочисленные неметаллические включения, по поверхности располагались значительные слои эвтектики Cu-CuO . После травления раствором хромпика в серной кислоте ($\text{Ca}_2\text{Cr}_2\text{O}_7 + \text{H}_2\text{SO}_4$) обнаружилась крупнозернистая структура (средний размер зерна – около 0,34 мм) (см. Рисунок, 8). Среднее значение микротвёрдости 82,6 HV. Подобная структура характерна для отожженного, а потом слегка деформированного металла.

Еще один образец происходит из материалов археологических исследований могильника Ивесь. Предмет представляет собой фрагмент проволоки круглого сечения, на которой во время визуального наблюдения зафиксированы продольные желобки. Химический состав металла проволоки не изучался. До травления на микрошлифе обнаружено много мелких, почти равномерно распределенных неметаллических включений (дефектов). После травления $\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$ выявлена мелкозернистая структура (размер зерен 0,06 мм) (см. Рисунок, 5). Зерна имеют полиэдрическую форму с существенным количеством двойников. Наблюдается также большое количество голубоватых включений, равномерно распределённых между зёрнами (0,013 мм). Среднее значение микротвёрдости – 106,3 HV. Структура металла указывает, что предмет несколько раз подвергался пластическому деформированию и отжигу, при этом в последний раз он был слегка наклепан.

Заключение. В ходе исследования структуры металла образцов, происходящих из отдельных археологических памятников на территории Северной и Центральной Беларуси, стало возможным выявить наиболее распространённые технологические приёмы, использовавшиеся для их производства. Было установлено, что изученные предметы возможно соотнести с тремя технологическими схемами: 1) литьё (2 образца); 2) литьё и косметическая холодная ковка (6 образцов); 3) литьё и формирующая горячая ковка (1 образец).

Первоначальные заготовки всех образцов были получены с помощью литья, а последующая доводка была связана с деформирующими приемами обработки давлением и отжигом. Изделия, полученные по первой технологической схеме, представлены образцами с читаемой дендритной структурой (см. Рисунок, 1–2). В этом контексте выделяется дровотый орнаментированный браслет с мелкодендритной структурой, указывающей на очень быстрое остывание заготовки в форме (см. Рисунок, 2). Наибольшее количество исследованных образцов возможно соотнести со второй технологической схемой, которая указывает на косметическую доработку в холодном состоянии исходной литой заготовки с неоднократными отжигами, на отдельных предметах фиксируются также следы наклёпа (см. Рисунок, 3–8). Следует отметить, что побывавшие в огне образцы (часть предметов происходит из погребений по обряду трупосожжения) отличаются существенно более крупным размером зёрен (см. Рисунок, 8). К третьей технологической схеме, вероятно, следует отнести один образец, представленный фрагментом браслета. В данном случае исходная литая заготовка была существенно деформирована в горячем состоянии, на что указывают вытянутые в продольном направлении включения свинца (см. Рисунок, 9).

Таким образом, дальнейшая работа по исследованию структуры металла изделий ювелирного ремесла с территории Северной и Центральной Беларуси даст возможность проследить эволюцию древней технологии, выявить отличительные признаки местной цветной металлообработки, а также проследить возможные культурные контакты с другими регионами в древности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магалинский, И.В. Применение данных лазерного спектрального анализа химического состава цветных металлов при изучении ювелирного ремесла Полоцка X–XVII вв. / И.В. Магалинский, С.Н. Райков // Доклады НАН Беларуси. – Т. 58. – № 2. – Минск : Беларуская навука, 2014. – С. 119–122.
2. Ениосова, Н.В. Технология производства ювелиров Гнёздава в X – начале XI вв. по данным трасологии и металлографии / Н.В. Ениосова // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. – 2017. – № 5. – С. 205 – 237.

3. Зайцева, И.Е. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. / И.Е. Зайцева, Т.Г. Сарачева. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.
4. Асташова, Н.И. Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея / Н.И. Асташова, Т.Г. Сарачева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г. – СПб., 2010. – С. 317–329.
5. Магалінскі, І.У. Выкарыстанне метадаў прыродазнаўчых навук для вывучэння прадукцыі сярэднявечных метала-апрацоўчых рамёстваў на тэрыторыі Беларусі (гістарыяграфічны нарыс) / І.У. Магалінскі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 9 – С. 98-103.

Поступила 12.05.2020

THE USE OF METALLOGRAPHY FOR STUDYING THE TECHNOLOGY OF JEWELLERY PRODUCTION IN THE 10th-18th CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF SEPARATE FINDINGS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS)

I. MAHALINSKI, O. CHTEMPEL

The results of studying the metal structure and external technological features of non-ferrous metal products of the 10th-18th centuries originating from archaeological sites on the territory of Northern and Central Belarus are presented. It was found that the initial blanks of all the studied samples were obtained using casting, and their subsequent final refinement was connected with deforming methods of pressure and annealing treatment. The research revealed that the studied samples can be correlated with three technological schemes: 1. casting (2 samples); 2. casting and cosmetic cold forging (6 samples); 3. casting and forming hot forging (1 sample).

Keywords: *archaeometallurgy, metallography, archaeology of Belarus, jewellery production, material culture.*

УДК 364 «1950»

**СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ****канд. ист. наук И.А. МАРТИНКЕВИЧ****(Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет)**

Исследуются основные направления социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны во 2-й половине 1950-х гг. На основе анализа архивных документов, посвящённых данной теме, автор определяет наиболее приоритетные направления работы по обеспечению инвалидов-фронтовиков в изучаемый период, выделяет новые виды помощи, появившиеся в это время, и отмечает трудности и недостатки в процессе оказания социальной помощи инвалидам Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: социальное обеспечение, Великая Отечественная война, инвалиды, фронтовики, здравоохранение, пенсии, санаторно-курортное лечение, протезирование.

Введение: Послевоенная система социального обеспечения инвалидов и участников Великой Отечественной войны в БССР прошла долгий путь становления, преобразований и реформирования. Для успешного решения проблем социального обеспечения были выработаны механизмы оказания помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны, которые соответствовали реалиям того времени. Этот процесс не был одномоментным и занял более десяти лет.

Закон о государственных пенсиях 1956 г. стал своего рода завершением отдельного этапа в формировании послевоенной социальной политики советского государства первых послевоенных лет. С момента окончания войны до его принятия была выстроена система учёта, медицинской помощи, протезирования, организации разного рода выплат и пенсий инвалидам и участникам Великой Отечественной войны. После принятия закона работа в этом направлении продолжилась.

Основная часть. Перед советскими партийными органами власти стояла новая задача по расширению спектра государственной помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны. Однако не менее важным направлением работы оставалось решение системных проблем, отдельные из которых ко 2-й половине 1950-х гг. успели приобрести хронический характер и сдерживали дальнейшее развитие. О масштабности принятых мер по их разрешению можно судить по содержанию докладных записок, а также переписки ведомств и министерств. К примеру, в одной из докладных на имя министра социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценковой сообщалось, что с момента опубликования закона «О государственных пенсиях» была развёрнута большая работа по его практическому осуществлению: проведён перерасчёт пенсий более чем 400 000 человек, в результате чего с 1 октября 1956 г. пенсии выплачивались в соответствии с Законом о государственных пенсиях [1, л. 2].

Вместе с тем, в процессе дальнейшей реализации закона «О государственных пенсиях» 1956 г. система социального обеспечения БССР столкнулась с рядом трудностей, часть из которых так и не была решена в конце 40-х – начале 50-х гг. Одним из наиболее чувствительных вопросов оставалось недостаточное финансирование, сдерживавшее решение проблем социального обеспечения. Ситуация усугублялась ростом цен на оказание медицинских услуг. В результате во второй половине 1950-х гг. объёмы помощи в этой сфере начали сокращаться, что повлекло за собой другие сопутствующие проблемы.

В письме Е.Т. Гуценковой председателю Совета Министров БССР Н.Е. Авхимовичу сообщалось, что в 1956 г. и предыдущие годы на санаторно-курортное лечение было выделено 4 835 000 руб., в том числе 3 020 000 из республиканского бюджета, приобретённые путёвки выдавались неработающим инвалидам Великой Отечественной войны. В 1957 г. на эти цели было выделено только 3 927 000 из них 3 020 000 из республиканского бюджета. Вместе с тем, в 1957 г. стоимость многих путёвок в доме отдыха за это время выросла на 20 – 25% и составила 300 руб. вместо прежних 240 руб. в предыдущие годы. К примеру, стоимость путёвки в санаторий г. Несвижа составляла 1 250 рублей вместо 1 000 в предыдущие годы, та же ситуация наблюдалась и по остальным городам, где находились санатории.

Учитывая вышесказанное, а также увеличение количества путёвок и денежных компенсаций, выданных персональным пенсионерам, в 1957 г. количество путёвок для инвалидов Великой Отечественной войны значительно уменьшилось по сравнению с 1956 г.. В связи с этим министр социального обеспечения Е.Т. Гуценкова обращалась с просьбой к союзному руководству увеличить финансирование данной статьи расходов на 1 000 000 рублей из союзного бюджета, однако в условиях централизованной плановой экономики такое решение требовало дальнейшего согласования и не могло быть решено в кратчайшие сроки, что вызывало излишние задержки и волокиту [1, лл. 72–73].

Не менее важной проблемой, так и не решённой в первое послевоенное десятилетие, была недостаточная эффективность организации работы с жалобами инвалидов и участников Великой Отечественной войны. Оперативность решения проблем на местах по-прежнему оставляла желать лучшего. В докладной записке «О неудовлетворительном состоянии дела с рассмотрением жалоб и заявлений в Могилёвском

отделе социального обеспечения и его городских отделах» 23 ноября 1957 г. на имя Е.Т. Гуценковой сообщалось, что сроки рассмотрения жалоб постоянно грубо нарушались, 265 из них не были рассмотрены, многие обращения лежали в отделах без внимания более 20 суток.

Не редкими были случаи, когда жалобы вовсе не фиксировались в общем журнале регистрации поступления почтовой корреспонденции, терялись или рассматривались формально. К примеру, инвалид Великой Отечественной войны II-й группы из д. Слобода Чериковского р-на Ф.С. Дадерко в своём заявлении Могилёвскому облсобесу выражал претензии по поводу несправедливого назначения ему пенсии Чериковским райсобесом. Несмотря на это, дальнейшее решение вопроса Могилёвский облсобес направил на рассмотрение в этот же райсобес [1, лл. 94–95, 98].

В заявлении-жалобе инвалида Великой Отечественной войны I-й группы Ф.Г. Кулеша фронтовик сетовал на неправильное назначение группы инвалидности, которую получил после тяжёлого ранения в голову ещё 16 апреля 1945 г. Он долго находился на излечении, вплоть до июня 1946 г., после чего вернулся домой «в далеко неблагоприятном состоянии». Несмотря на большие трудности со здоровьем и отсутствие положительной динамики в лечении, за период с 1947 г. по 11 марта 1958 г. ему была присвоена уже II группа, после чего Ф.Г. Кулеш в очередной раз был приглашён на медицинское переосвидетельствование в г. Пинск на ВТЭК. Врачебной комиссией была присвоена уже III группа без дальнейшего переосвидетельствования. Инвалид войны утверждал, что такое решение не могло быть обусловлено улучшением его состояния здоровья, поскольку реальное положение дел таково, что здоровье только ухудшалось [2, лл. 3–4].

Пенсионное обеспечение и организация оздоровления инвалидов и участников Великой Отечественной войны проходило в русле тех процессов, которые были выработаны ещё в первые послевоенные годы. Данная система была далека от совершенства. Вместе с тем, работа по протезированию и обеспечению инвалидов Великой Отечественной войны специальными средствами передвижения во второй половине 1950-х гг. вышла на качественно новый уровень. Это было обусловлено целым рядом факторов: ещё к концу 1940-х был проведён подробнейший учёт всех инвалидов Великой Отечественной войны, что позволило более адресно распределять материальные средства, выделяемые из бюджета на нужды фронтовиков. Кроме того, к началу 1950-х гг. советская экономика начала выходить на показатели довоенного уровня, а ко 2-й половине 1950-х во многих отраслях превысила довоенные показатели, дав возможность увеличить объёмы финансирования социальной отрасли. Немаловажным было и то, что к этому времени в БССР уже был построен ряд предприятий, обеспечивающих протезирование инвалидов-фронтовиков.

Важным достижением конца 1940-х – начала 1950-х гг. стала выдача инвалидам Великой Отечественной войны моторных колясок и машин с ручным управлением. Эта обязанность была возложена на организации здравоохранения ещё Постановлением Совета Министров СССР от 3 июля 1948 г., согласно которому транспортные средства для инвалидов-фронтовиков должны были выдавать при наличии у них соответствующего заключения, подтверждающего право на получение моторной коляски. С целью повышения эффективности процесса протезирования, по решению Совета Министров БССР с 5 марта 1957 г. на министерство торговли была возложена обязанность по продаже инвалидам Великой Отечественной войны автомобилей «Москвич» с ручным управлением, при условии, что у инвалидов-фронтовиков были на руках соответствующие справки министерства здравоохранения. По мнению Министерства социального обеспечения БССР, распределение автомобилей, а также выдачу представлений о нуждаемости указанной категории граждан в моторных колясках или автомобилях по-прежнему следовало бы оставить за министерством здравоохранения БССР. Такая точка зрения была обоснована тем, что в процессе прохождения ВТЭК не составляло труда установить причины получения инвалидности и нетрудоспособности [3, лл. 1–2]. В реальности же это создавало условия для перепродажи автомобилей и мотоколясок по завышенным ценам или спекуляции. Министр здравоохранения БССР И.А. Инсаров отмечал, что за два года распределения машин «Москвич» с ручным управлением по предложенной схеме транспортные средства нередко приобретались инвалидами, которые уже получили бесплатные мотоколяски по линии Министерства социального обеспечения БССР. В итоге, на основании обращения Министерства здравоохранения БССР право выдачи автомобилей «Москвич» для инвалидов Великой Отечественной войны было передано Министерству социального обеспечения, а распределение транспортных средств стали проводить на заседаниях областных ВТЭК на основании специального законоположения [3, л. 3].

Ещё одной значимой проблемой в деле обеспечения инвалидов-фронтовиков протезами, мотоколясками и другими средствами передвижения 2-й половины 1950-х годов было несоответствие выпускаемого количества реальным потребностям в них. Несмотря на то, что учёт нуждающихся в получении мотоколясок и автомобилей был уже проведен, до конца 1950-х гг. полностью удовлетворить запросы инвалидов и обеспечить их специальными средствами передвижения так и не удалось. В письме заместителя председателя Совета Министров БССР И.Ф. Климова заместителю председателя Госплана СССР Н.И. Строкину отмечалось, что к 1 января 1959 г. на учёте в Министерстве социального обеспечения состояло 1 000 инвалидов Великой Отечественной войны, нуждающихся в мотоколясках. Многие из них прошли курсы по управлению и свыше года ожидали получения транспорта, тогда как на 1959 г. для БССР планировалось выделить только 300 шт. мотоколясок для этой категории инвалидов. Совет Министров БССР обращался с просьбой выделить на 1959 г. 1 000 мотоколясок, но в соответствии с письмом Госплана СССР от 20 февраля 1959 г. для БССР оказалось возможным дополнительно выделить только 100 [3, лл. 4–6].

Подобного рода несоответствия были обусловлены как недостатками плановой экономики, в рамках которой корректировать объёмы выпуска необходимых товаров было трудно, так и ориентированностью промышленности не в пользу социально значимых групп товаров. Всё это в совокупности с несогласованностью вопросов учёта и обеспечения на местах значительно усложняло и без того непростую проблему.

Вместе с тем, нельзя сказать, что вопросы протезирования и обеспечение спецтранспортом были пущены на самотёк: со стороны контролирующих органов и министерства здравоохранения уделялось внимание не только количеству выпускаемой продукции, но и её качеству, сервисному обслуживанию и ремонту. Так, 14 февраля 1959 г. начальник отдела Государственного планового комитета Совета Министров СССР Г.С. Хламов в письме заместителю председателя Совета Министров БССР А.И. Золову поручал принять срочные меры по профилактическому обслуживанию и ремонту мотоколясок и автомобилей «Москвич» с ручным управлением, находившихся в эксплуатации у инвалидов Великой Отечественной войны. Поручение основывалось на жалобах, которые продолжали поступать от инвалидов в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Бывшие фронтовики-инвалиды высказывали недовольство как плохим обслуживанием, так и отсутствием организации ремонта мотоколясок на местах. [3, лл. 10–11].

В отчёте министру Г.С. Хламову 16 марта 1959 г. А.И. Золов отмечал, что указанием министерства сельского хозяйства БССР и СНХ БССР обязанность производить профилактическое обслуживание и ремонт мотоколясок и автомобилей с ручным управлением возлагалась на авторемонтные предприятия, автобазы и РТС. Исполкомам областных советов поручалось в месячный срок провести прикрепление к авторемонтным предприятиям, автобазам и РТС всех имеющихся в наличии у инвалидов мотоколясок и автомобилей для профилактического обслуживания и проведения ремонта. Согласно постановлению, предприятиям, к которым прикреплялись мотоколяски и автомобили, было указано на необходимость предоставлять их на годовые плановые осмотры органам ГАИ и нести ответственность за техническое состояние транспорта инвалидов. Министерству социального обеспечения разрешалось, в отдельных случаях, полностью или частично оплачивать стоимость ремонта колясок, в зависимости от материального положения инвалидов.

По итогам проверки было установлено, что на 1 марта 1959 г. областными и городскими исполнительными органами власти была проведена работа по прикреплению к авторемонтным предприятиям, автобазам и РТС более 1 600 мотоколясок. В Могилёве, Бресте, Витебске, Гродно и других крупных городах были созданы стационарные пункты для ремонта мотоколясок и машин с ручным управлением. Заместитель министра социального обеспечения Г. Корпусенко в письме Совету Министров БССР указывал, что на 7 марта 1959 г. было прикреплено 1 608 мотоколясок, в том числе 488 из них – к авторемонтным предприятиям, 376 – к автобазам и 744 – к РТС. Но по итогам проверки было выяснено, что только в Могилёве была создана база мастерских для ремонта мотоколясок и автомашин инвалидов, там были в наличии запчасти, заключён договор с Серпуховским мотозаводом по ремонту мотоколясок на период гарантийного срока. В других городах, кроме прикрепления мотоколясок к авторемонтным предприятиям, автобазам и РТС, ничего так и не было сделано, запчасти отсутствовали, а ремонт не производился. [3, лл. 12–13].

В докладной записке от 20 марта 1959 г. заместитель председателя госплана СССР В.П. Зотов сообщал председателю СМ БССР Н.Е. Авхимовичу, что в связи с многочисленными жалобами инвалидов Великой Отечественной войны на неудовлетворительное обеспечение их протезно-ортопедическими изделиями и низкое качество протезов, Совет Министров СССР поручил Госплану СССР с участием СМ союзных республик и Минздрава СССР рассмотреть этот вопрос и предоставить предложения. В свою очередь Госплан СССР просил в двухнедельный срок сообщить о состоянии и конкретных мерах, осуществляемых для развития производства и улучшения качества протезно-ортопедических изделий, а также предложения по данному вопросу, требующие решения союзного правительства [3, л. 20]. В ответ на запрос В.П. Зотова 7 апреля 1959 г. Председатель СМ БССР Н.Е. Авхимович отмечал, что в БССР для обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны насчитывалось 6 протезных предприятий: протезный завод в г. Минске и 5 протезных мастерских (по одной в Бобруйске, Витебске, Гомеле, Гродно и Могилёве), которые находились в подчинении Министерства социального обеспечения БССР.

Протезные предприятия по своему оснащению и мощностям полностью обеспечивали нужды инвалидов Великой Отечественной войны в различных протезно-ортопедических изделиях. Для их обслуживания в отдалённых районах от протезных предприятий производились выезды работников для приёма заказа и снятия мерок. Объём работ протезных предприятий на ближайшие подотчётные три года был определён в следующих объёмах [3, л. 14]:

Год	Валовая продукция в оптовых ценах (млн руб.)	Изготовление протезов (шт.)	Пошив протезно-ортопедической обуви (пар)
1959	5,2	8 900	10 500
1960	5,3	9 000	10 500
1961	5,3	9 000	10 500

Только в 1959 г. для улучшения работы по обеспечению инвалидов Великой Отечественной войны планировалось обеспечить безотказную госпитализацию инвалидов войны, нуждающихся в сложном протезировании, в Минском НИИ травматологии и ортопедии, усилить связь Минского НИИ ортопедии и восстановительной хирургии с протезными предприятиями в части оказания им помощи по усовершенствованию протезно-ортопедических изделий, улучшению их качества и внедрения облегчённых протезов, а также обеспечить все протезные предприятия квалифицированными врачами-протезистами. В целях повышения квалификации врачей, планировалось направлять их в протезные институты г. Москвы и Минздрава СССР для повышения соответствующей квалификации.

Для того, чтобы реализовать намеченные мероприятия, Совет Министров БССР обратился к Министерству социального обеспечения БССР с просьбой выделить одну передвижную протезную мастерскую (оборудованную на автомашине) с целью обеспечить протезирование инвалидов, проживающих в отдалённых районах. На неё планировалось возложить обязанность по ремонту протезов, принятию заказов и снятию мерок для протезов. Кроме того, СМ БССР просил внести в проект постановления Совета Министров СССР освобождение протезных предприятий от внесения в бюджет отчислений прибыли и разрешить перевод рабочих данных предприятий на повременную оплату труда [3, л. 15].

В письме заместителю председателя СМ СССР А.Н. Костину от 15 мая 1959 г. председатель СМ БССР Т.Я. Киселёв сообщал, что в БССР насчитывалось более 1 000 инвалидов Великой Отечественной войны, которые состояли на учёте в Министерстве социального обеспечения как нуждающиеся в предоставлении мотоколясками. Однако БССР по плану 1959 г. к этому времени было выделено только 500 мотоколясок, что не обеспечивало потребности в них инвалидов. По этой причине от имени СМ БССР Т.Я. Киселёв лично просил дополнительно выделить 500 мотоколясок. Письмо было переадресовано в Госплан СССР. Рассмотрев просьбу Т.Я. Киселёва, зампред вышеупомянутого комитета, М.А. Лесечко, 4 июня 1959 г. указывал, что на Серпуховском мотоциклетном заводе (где производили мотоколяски) по плану производства на 1959 г. должны были выпустить 16 500 мотоколясок, это количество, за исключением 137 шт., оставленных в резерве, было распределено между республиками пропорционально численности инвалидов. БССР при заявке 900 шт. выделялись фонды на 500 шт. Кроме Белорусской ССР заявки подавали и другие республики. Так, УССР заказывала 2000 шт., Узбекская ССР – 600 шт., Грузинская ССР – 130 шт., Молдавская – 234 шт. Было отмечено, что Совету Министров БССР возможно выделить некоторое количество колясок только за счёт резерва, однако более целесообразным посчитали распределить его между республиками во втором полугодии, после выяснения результатов выполнения плана за первое полугодие 1959 г. [3, лл. 27–28].

Несмотря на принимаемые меры со стороны СМ БССР и сотрудников Министерства социального обеспечения, в полной мере решить проблему обеспеченности инвалидов Великой Отечественной войны мотоколясками в 1959 г. так и не получилось. При этом данное направление работы оставалось одним из самых востребованных среди инвалидов. Это подтверждают обращения и жалобы бывших фронтовиков. К примеру, начальник гомельского гарнизона, генерал-майор Мухин в докладной записке Председателю Совета Министров БССР Киселёву К.В. указывал, что Гомельский областной исполнительный комитет «неудовлетворительно содействовал офицерам и военнослужащим». К такому выводу он пришёл, ознакомившись с положением дел по рассмотрению жалоб инвалидов-фронтовиков. По данным Гомельского облсобеса по состоянию на 1 июня 1959 г. было зарегистрировано 320 инвалидов Великой Отечественной войны, нуждающихся в мотоколясках, из них 22 инвалида – 1-й группы; 180 – 2-й и 118 – 3-й.

В 1957 г. было обеспечено мотоколясками 87 инвалидов Великой Отечественной войны, в 1958 г. – 64, а за 6 месяцев 1959 г. – 40, тогда как на очередь в этот год было поставлено более 100 человек. При этом облсобес не имел годового плана перспективного поступления мотоколясок, что создавало неопределённость и жалобы со стороны инвалидов [3, л. 37].

Не были лишены недостатков и другие области работы по протезированию инвалидов Великой Отечественной войны. По итогам проведённой проверки председатель комиссии советского контроля СМ БССР Ф.А. Баранов 23 июня 1960 г. сообщал председателю СМ БССР Т.Я. Киселёву о том, что действующие в республике 6 протезно-ортопедических предприятий в основном выполняли заказы по выпуску протезно-ортопедических изделий, но качество производимых изделий по-прежнему оставалось низким, а многие детали и материалы, из которых изготавливались протезные изделия, были непрочные, быстро изнашивались и ломались. Протезы по оценкам инвалидов были жёсткие, грубо сделанные и неудобные. Должного внимания их тонкой подгонке и отделке не уделялось.

В отдалённых районах многие инвалиды не носили полученные протезы из-за их низкого качества, плохой подгонки или вовсе потому, что просто не были обучены ими пользоваться. Только в Минске 172 опрошенных инвалида Великой Отечественной войны подтвердили, что вообще не пользовались протезами, а остальные имели серьёзные претензии к качеству. В Речице из 62 инвалидов только 7 не высказали жалоб, а 18 из них вовсе не носили протезы. По данным медицинских учреждений многие корсетные изделия должным образом не могли обеспечить фиксацию и коррекцию позвоночника. Поступали постоянные жалобы на низкое качество ортопедической обуви и аппаратов.

Обоснованность нареканий подтверждалась массовыми фактами износа протезов раньше заявленного срока эксплуатации. Только по неполным данным 1959 г. инвалидам было выдано 596 нарядов на изготовление новых протезов. Причины преждевременного износа не изучались, а необходимые меры к повышению качества практически не принимались. На предприятиях нарушались установленные сроки изготовления протезов и ортопедической обуви. При наличии материалов и необходимых полуфабрикатов многие изделия зачастую выдавались в течение двух и более месяцев, вместо положенных 30 дней. На Минском протезном заводе в 1959 г. было выполнено с опозданием 1 211 заказов на обувь, что составило 32% к общему числу выполненных заказов. Руководители отдельных предприятий проявляли волокиту и безразличие к инвалидам. Были зафиксированы случаи, когда работники протезных мастерских не сообщали инвалидам об изменении намеченных сроков выполнения заказов и, тем самым, вынуждали их по нескольку раз приезжать в мастерскую [4, л. 56.]. Так, на Минском протезном заводе только во время проводимой проверки за полученными заказами, которые были не выполнены в срок, приехали 5 инвалидов. В их числе оказалась и В.И. Жахович, приехавшая 24 мая из д. Мотоль Ивановского района Брестской области (около 400 км. от Минска), но заказ со сроком изготовления 15 мая не был выполнен, и она была вынуждена возвратиться домой без нужных ортопедических изделий.

Органы социального обеспечения требовали излишнюю документацию от инвалидов, которые обращались на предмет изготовления протезно-ортопедических изделий. К примеру, те из них, кто имел необходимость в изготовлении ортопедической обуви за полную стоимость, при наличии справки врача-хирурга, были вынуждены обращаться в городские и районные отделы соцобеспечения за нарядами на их изготовление, что противоречило действующему законодательству. При повторном же обращении за документами на протезные изделия или их ремонт сотрудники соцобеспечения часто требовали ненужные справки от хирурга.

Однако нельзя сказать, что такая непростая ситуация с обеспечением протезами была обусловлена только субъективными факторами. Одной из объективных причин низкого качества протезных изделий и нарушение установленных сроков их изготовления было неудовлетворительное состояние материально-технической базы протезных предприятий. Оборудование их в большей степени оставалось примитивным, а уровень механизации крайне низким. Кроме того, большинство производственных операций выполнялось вручную, что значительно тормозило процесс изготовления протезов и не исключало человеческий фактор. Некоторые протезно-ортопедические производства размещались в малоприспособленных и тесных помещениях и не были оснащены необходимым инструментарием и оборудованием. К примеру, Гомельская мастерская размещалась в непригодном тесном помещении, где не было кузницы и комнаты для снятия негативов. В нитролаковом и шлифовальном цехах отсутствовала искусственная вентиляция. Для обивки протезов не хватало шорной машины. На Минском протезном заводе не было гипсовых ножей, ножниц, ортопедического стола, подставок, стандартных номерных носков. Гродненская протезная мастерская не была укомплектована шарошечно-консольным станком и циркулярной пилой, крайне плохо оборудована мебелью. В непригодном помещении размещалась Бобруйская протезная мастерская. Протезные предприятия не были оборудованы рентгеновскими установками, не имели стендов для ходьбы инвалидов.

Серьёзным недостатком в деле обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны протезами было отсутствие передвижных мастерских, что крайне усложняло обслуживание инвалидов, проживающих в отдалённых районах республики. При необходимости ремонта протезов и несложного протезирования они были вынуждены за сотни километров приезжать в мастерские. Это требовало огромных усилий от самих инвалидов. Многие из них просто не могли себе этого позволить по состоянию здоровья и материальным причинам. Кроме того, такое путешествие требовало больших финансовых издержек государственных средств, которых можно было бы избежать. Особенно большие трудности испытывали в протезировании инвалиды, проживающие в Брестской области. Там протезной мастерской вовсе не было организовано. Совет Министров БССР ещё постановлением от 30 ноября 1956 г. № 787 обязывал Министерство социального обеспечения БССР изучить вопрос о целесообразности её открытия в Брестской области и внести свои предложения, но этого сделано не было. В результате инвалиды Брестской области вынуждены были протезироваться в Гродно, Минске и Гомеле.

На работе протезных предприятий сказывалось и невыполнение в установленные сроки планов поставки полуфабрикатов и материалов, а также их низкое качество. К примеру, Реутовский экспериментальный завод и Московская протезно-бандажная фабрика несвоевременно поставляли хлорвиниловые кисти и протезные перчатки. Частыми были перебои в снабжении мастерских пробкой и марлей. Ухудшилось качество хрома, поставляемого Минским кожевенным заводом «Большевик». Много претензий предъявлялось к качеству ниток, гвоздей и т.д.

При протезных предприятиях не было стационаров или общежитий, за исключением одного, находившегося при Минском протезном заводе, на 8 коек, которое не обеспечивало возможности подготовки инвалидов к протезированию в амбулаторных условиях и проверки полученного протезного изделия в носке. Специальных кабинетов и персонала для обучения инвалидов пользованию протезами также не было. Ни на одном протезном предприятии не было организовано конструкторского бюро по разработке, усовершенствованию, внедрению новых протезно-ортопедических изделий и усовершенствованию технологии их производства.

К началу 1960-х гг. в Белорусской ССР так и не был решён вопрос с обеспечением всех инвалидов мотоколясками. На 1960 г. для Министерства социального обеспечения было выделено 1 000 шт. четырёхколёсных мотоколясок С-3-А Серпуховского завода, а на 1 января 1960 г. в областных отделах социального обеспечения состояло на очереди ещё с 1958–1959 гг. 1153 инвалида Великой Отечественной войны и Советской Армии. Помимо этого поступали и многочисленные заказы от других учреждений и организаций.

Протезные предприятия остро нуждались в квалифицированных кадрах: на протезном заводе и в мастерских не было ни одного специалиста с инженерным образованием. Так, техническим руководителем Минского протезного завода работал И.А. Фрид, бухгалтер по специальности, без всякого технического образования. Такие случаи были нередкими и в других протезных мастерских республики.

Особенно трудно обстояли дела с укомплектованием этих предприятий врачами-специалистами. К примеру, на Минском протезном заводе с 1957 г. в должности врача-протезиста работал А.П. Романов, окончивший медицинский институт в 1956 г. До этого он работал в районной больнице, откуда был уволен с плохой характеристикой. За время работы на заводе специализации он не проходил и часто допускал ошибки. В Могилёвской протезной мастерской в течение двух лет не было врача-протезиста, а принятый только в апреле 1960 г. по совместительству врач Ковальчук не имел специальной подготовки в области протезирования. В Гомельской протезной мастерской врач-протезист также отсутствовал. Специалистами по протезированию не были укомплектованы и в Министерстве социального обеспечения БССР. Как итог, оно не могло обеспечить необходимыми специалистами и предприятия [4, лл. 58–59].

Таким образом, исходя из материалов проверок, проводимых по вопросу качества оказания услуг по протезированию инвалидов и участников Великой Отечественной войны в БССР, следует отметить, что к началу 1960-х гг. в БССР отсутствовала чёткая система организации протезирования инвалидов. Министерство здравоохранения и Министерство социального обеспечения БССР не вели должного учёта всех инвалидов, нуждающихся в протезировании. Особенно плохо был налажен учёт тех инвалидов Великой Отечественной войны, которые никогда не обращались в органы социального обеспечения для протезирования.

Проведённый с помощью актива медицинских работников с 6 по 12 июня 1960 г. в четырёх районах Гомельской области учёт всех, подлежащих протезированию, показал, что в сельских районах по-прежнему насчитывалось значительное количество инвалидов, нуждающихся в протезировании, но не состоящих на учёте в органах социального обеспечения. Только в центральном районе Гомеля помимо 88 инвалидов, состоящих на учёте в органах соцобеспечения, было выявлено ещё 27 человек, нуждающихся в протезировании. В Кормяном районе, кроме состоящих на учёте 159 инвалидов, дополнительно выявили 65, а в отдалённом от областного центра Петриковском районе, к 101 учтенному после переучёта было внесено ещё 95 человек, не имеющих протезов и не состоящих на учёте.

Связь лечебных учреждений с протезными предприятиями оставалась недостаточной. Врачи-ортопеды городских и областных больниц редко бывали на протезных предприятиях и не консультировали их работников. Периодический приём инвалидов в мастерских этими специалистами не практиковался, а инвалиды, нуждающиеся в протезировании, не проходили учёт на диспансеризацию [4, л. 61].

Указанные недостатки организации протезирования инвалидов в республике в значительной мере объяснялись существующими в то время неправильным разделением единого комплекса мероприятий (лечение, подготовка к протезированию и протезирование инвалидов) между двумя ведомствами. Материалы проверки, а также высказывания многих работников органов здравоохранения, социального обеспечения, протезных предприятий и инвалидов приводили к выводу о целесообразности сосредоточения дела протезирования в министерстве здравоохранения. В итоге к началу 1960-х гг. протезные заводы и мастерские являлись по существу предприятиями промышленного типа. Они имели план по номенклатуре, прибылям, производительности труда, что явно противоречило медицинским задачам этих учреждений. Действующая сдельно-прогрессивная оплата труда рабочих протезных предприятий не способствовала повышению качества протезных изделий. В этих условиях протезирование стало рассматриваться не как сложное медицинское по своей сущности мероприятие, а как простое дело, доступное любому работнику с техническим или даже без специального образования. Дело усугублялось и тем, что органы здравоохранения не несли ответственности ни за состояние кадров протезных предприятий, ни за обеспечение стационарными условиями протезирующихся инвалидов, ни за качество протезно-ортопедических изделий.

Органы социального обеспечения не могли осуществить квалифицированное медицинское руководство протезными предприятиями, обеспечить выявление, учёт и диспансерное наблюдение всех инвалидов, нуждающихся в протезировании. Научно-методическое руководство протезными предприятиями практически не проводилось, а Минский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии, находящийся в ведении Министерства здравоохранения, по существу вопросами протезирования и протезостроения практически не занимался [4, л. 62]. В итоге, по материалам проверок было предложено принять ряд мер, направленных на улучшение материально-технической базы протезных предприятий, предусмотрев необходимую их реконструкцию, а также оснащение недостающим оборудованием и инструментарием. В частности, планировалось организовать протезную мастерскую в Брестской области. При протезных предприятиях было принято решение создавать передвижные мастерские для ремонта протезных

изделий и протезирования инвалидов, проживающих в отдалённых районах республики, предусмотрев при этом необходимое количество автомашин, оборудования для них и штаты протезистов-специалистов, а накопления протезных предприятий направлять на их расширение и техническое оснащение. Для улучшения качества изделий было предложено ввести на протезных предприятиях временно-премиальную оплату труда вместо сдельно-прогрессивной. Планирование работы протезных предприятий планировалось проводить по принципам планирования медицинских учреждений. При них было предложено организовывать общежития-интернаты для инвалидов, приезжающих на протезирование, а также кабинеты для обучения пользования протезами.

Одно из важнейших предложений по повышению эффективности протезирования выделось в решении кадрового вопроса обеспеченности квалифицированными врачами-протезистами, техниками-протезистами и мастерами, в улучшении работы по подготовке и повышению квалификации специалистов протезных предприятий на местах, в том числе посредством командирования их к Московскому и другим институтам протезирования и протезостроения. Для этого в Минском институте травматологии и ортопедии предлагалось создать экспериментальную мастерскую протезирования и протезостроения для разработки, испытания и внедрения в производство новых протезно-ортопедических изделий и материалов для них.

Помимо решения кадровых вопросов был предложен ряд изменений организационного плана, направленных на повышение точности учёта в республике всех инвалидов, нуждавшихся в протезировании, и изучение эффективности протезирования, упорядочение системы выдачи нарядов на протезно-ортопедические изделия. В целях коренного улучшения организации протезирования и усиления научно-методического руководства в этой области, предлагалось передать все существующие протезные предприятия республики в ведение органов здравоохранения [4, лл. 63–64].

Заключение. Система социального обеспечения инвалидов и участников Великой Отечественной войны во 2-й половине 1950-х гг. соответствовала послевоенным реалиям. Эффективность работы по-прежнему в значительной степени зависела от уровня финансирования. В это время проявились серьёзные проблемы системного плана. Эффективность и своевременная реализация решений не могла быть в полной мере воплощена на практике из-за недостатков, обусловленных существующей системой управления и планирования. Корректировка выпуска той или иной, необходимой для инвалидов, продукции происходила очень медленно и требовала большого количества согласований в министерствах и ведомствах разного уровня. Все эти причины в своей совокупности привели к тому, что во второй половине 1950-х гг. сложилась достаточно противоречивая картина: в области расширения спектра государственной помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны действительно был сделан значительный шаг вперёд, однако само расширение видов оказываемой поддержки привело к появлению новых проблем, во-многом обусловленных системными недостатками, которые так и не были искоренены в предыдущие годы. Особенно остро это проявилось в работе по обеспечению фронтовиков-инвалидов протезами и средствами передвижения. Казавшиеся ранее решёнными, проблемы протезирования приобрели новое содержание и актуальность, разрешить которые в существующих реалиях оказалось непросто.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3072.
2. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3085.
3. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3094.
4. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3104.

Поступила 20.05.2020

SOCIAL SECURITY OF DISABLED PEOPLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE 2nd HALF OF THE 1950S: MAIN DIRECTIONS AND DIFFICULTIES OF IMPLEMENTATION

I. MARTSYNKEVICH

The article explores the main areas of social security for people with disabilities of the Great Patriotic War in the 2nd half of the 1950s. Based on the analysis of archival documents devoted to this topic, the author identifies the most priority areas of work to provide disabled front-line soldiers during the study period, identifies new types of assistance that appeared at that time, and notes the difficulties and shortcomings in the process of providing social assistance to invalids of the Great Patriotic War.

Keywords: social security, World War II, people with disabilities, front-line soldiers, healthcare, pensions, sanatorium-resort treatment, prosthetics.

УДК 94(476):329.15 «1921/1929»

**БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1921–1928 ГОДАХ:
СОСТАВ И ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ***канд. ист. наук, Н.Н. ПАРХИМОВИЧ**(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Анализируется роль сельских партийных организаций КП(б)Б в реализации аграрной политики в годы НЭПа. На первом этапе (1921–1926 гг.) влияние партийных структур на экономику было минимальным, поскольку новая экономическая политика не предусматривала регламентации производства. Каждое крестьянское хозяйство включить в сферу партийного влияния было невозможно. Не позволяло этого сделать и число коммунистов в сельских ячейках (3–10 человек). Одна сельская ячейка охватывала несколько волостей. В 1927 г. партийное и государственное руководство взяло курс на производственную кооперацию деревни. Деревенские ячейки превратились в механизм реализации этой политики. Неготовые к этому сельские коммунисты использовали в отношении крестьян методы принуждения. Применение деревенскими парторганизациями к крестьянам репрессивных мер было обусловлено политикой высшего партийного руководства. Ряд членов деревенских ячеек понимали абсурдность новой линии на селе, но, являясь частью огромного партийного механизма, вынуждены были выполнять навязанные решения. Активного противодействия политике партии со стороны сельских партийных организаций автором не выявлено.

Ключевые слова: сельские партийные организации КП(б)Б, НЭП, аграрная политика.

Введение. Экономические процессы, развивавшиеся в белорусской деревне в 1920-е годы, имели неординарный характер. Это было время поиска путей развития аграрного сектора. Отменив частную собственность на землю, передав её в пользование крестьянства, государство радикально изменило отношения на селе. Однако в начале 1920-х годов компартия, определявшая аграрную политику, вынуждена была уступить «мелкособственническим интересам» крестьянства, предоставив ему право частной инициативы (исключая куплю и продажу земли). Конечная же цель реформирования села оставалась прежней – создание производственных коллективов, которые вытеснят, как предполагалось, индивидуального производителя. Этой установке должны были следовать все члены партии, начиная с рядового коммуниста и заканчивая секретарём ЦК. В этой связи представляет научный интерес позиция членов сельских партийных ячеек, которые непосредственно участвовали в сельскохозяйственном производстве, соприкасались с крестьянством, и на себе ощущали все достоинства и недостатки новой политики.

Цель данной работы – выявить роль сельских партийных организаций КП(б)Б в реализации аграрной политики 1920-х гг. Материалом для исследования стали документы Национального архива Республики Беларусь, областных архивов, исследования белорусских историков, касающиеся проблем аграрной политики указанного периода. Работа проводилась на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Основная часть. Партийные организации на селе в 1920-х гг. не были отдельной замкнутой единицей. Они были включены в целостную систему организационной партийной структуры и непосредственно подчинялись уездным комитетам КП(б)Б, которые состояли, как правило, из 5–7 членов и 2–3 кандидатов. При таком количественном составе основными формами их работы с сельскими ячейками были совещания, рассылки циркуляров, поездки на места для инструктирования и участия в собраниях. Вести целенаправленную индивидуальную работу с каждой ячейкой, а тем более с каждым коммунистом, члены уездного комитета не могли физически. Игуменский уезд, например, состоял из 21 волости. Самая дальняя из них располагалась от центра за 110 – 115 вёрст. Техническими средствами передвижения партийный комитет не обладал. Для этих целей использовали лошадей. Телеграфная связь поддерживалась только с 8-ю волостями. В такой ситуации член уездного комитета партии мог посетить волость не чаще одного раза в месяц, решая при этом неотложные дела.

В 1921–1924 гг. организации КП(б)Б в деревне состояли из 3–4 человек. В работе большинства ячеек отсутствовала плановость, предварительная подготовка вопросов, выносимых на собрание, не было их активного обсуждения. Некоторые ячейки ориентировались на закрытые собрания и таким образом отстранялись от остального крестьянства. С другой стороны, ряд организаций постоянно проводил открытые партийные мероприятия, скорее напоминающие митинги. В обоих случаях на собраниях обсуждались преимущественно вопросы общеполитического характера. Проблемы, касающиеся местного населения, экономические аспекты затрагивались редко.

Представляя по своему происхождению, как правило, беднейшее крестьянство, члены сельских ячеек не имели практики ведения добротного организованного хозяйства. Они ничем не отличались от остальной массы данной категории земледельцев. Получив вместе со всеми землю, крестьяне-коммунисты

только начали осваивать навыки умелого ведения хозяйства. Следовательно, их дворы не могли быть примером рентабельной организации. Члены сельских парторганизаций должны были пропагандировать в теории передовые методы агротехники, призывать к созданию социалистических форм производства на селе, не имея собственного положительного примера.

Коммунистов, непосредственно занимавшихся ведением крестьянского хозяйства, в 1921–1924 гг. в партии было немного. Так, в Сиротинском районе Витебского округа в 1924 г. из 27 739 крестьян-землепашцев лишь 6 были членами КП(б)Б, в Меженском районе из 11 105 их было 8. В этом же году во всём Витебском округе число членов партии, трудившихся в личном хозяйстве, составляло только 4% от общего количества деревенских коммунистов [1]. В свою очередь, лишь немногие из этих 4% могли похвастаться успехами своего двора, в большинстве своём, с трудом справляясь с устройением дел. Это было связано и с объективными трудностями: не хватало инвентаря, рабочего скота, ощущалось малоземелье. Вместе с тем, часть коммунистов не стремилась приложить к хозяйству максимум усилий для его возрождения. Наблюдая, как неплохо устроились их товарищи по ячейке на административных должностях, те, кто работал в хозяйстве, стремились к тому же.

Центральные партийные органы пытались поправить положение дел в ячейках различными способами. Одним из них была отправка коммунистов на работу в деревне. Общими требованиями к таким лицам служили знание жизни села, умение вести пропагандистскую и культурно-массовую работу. Однако таких членов партии катастрофически не хватало. Одна из крупнейших мобилизаций коммунистов прошла в 1924 г. Материалы по Витебскому округу дают общую картину состава направленных большевиков. Для работы в деревне округа было отобрано 30 человек. По профессиональному составу это были помощники заведующих столовыми, экспедитор, помощник прокурора, инструктор уездного исполкома, чернорабочий, представители других профессий. Большинство из них имело смутное представление о крестьянском труде. Из 30 лишь 7 ранее работали в деревне. По уровню образования они распределялись следующим образом: 4 человека имели среднее образование, 2 – домашнее, 24 – низшее, что граничило с безграмотностью. Разумеется, что такой контингент вряд ли мог существенно улучшить работу сельских ячеек и способствовать росту авторитета компартии в деревне. Тем более, что ни один из посланных на село не рекомендовался к ведению собственного хозяйства. Все они были определены на советскую, кооперативную, культурно-просветительскую и иного рода работу вне связи с крестьянским трудом [2].

Второй рычаг, с помощью которого вышестоящие партийные органы пытались улучшить работу сельских ячеек, – организация учёбы сельских коммунистов. Основными формами обучения в 1921–1924 гг. были уездные совпартшколы, марксистские кружки, курсы-съезды, занятия в избах-читальнях, кружки поллитграмоты. Программы и сроки обучения на каждой из этих ступеней не отличались большим разнообразием. В основном это были вопросы идеологии, внутренней и внешней политики. Проблемы агрономического и экономического характера, организации крестьянского хозяйства затрагивались лишь в совпартшколах и на курсах-съездах, программы которых отводили несколько часов на эти вопросы. Сложности в обучении усугублялись острой нехваткой квалифицированных преподавательских кадров, недостатком материальных средств и соответствующей литературы. По этим причинам процесс обучения растягивался на 5 – 6 месяцев вместо 2 – 5 недель по программе. Сезон обучения был ограничен: учёба была возможна поздней осенью и зимой, когда крестьяне заканчивали полевые работы. Это касалось не только тех коммунистов, которые вели собственное хозяйство, но и всех остальных членов ячейки, ибо последние привлекались в это время к проведению различного рода сельскохозяйственных кампаний.

Понимая, что слабые ячейки – угроза потери влияния партии в деревне, большевистский ЦК в Москве предпринял меры по количественному росту сельских партийных ячеек. Согласно решения XI съезда РКП(б), крестьяне, желавшие вступить в партию, должны были представить 3 рекомендации коммунистов с трехлетним стажем. Учитывая, что такое количество рекомендаций на селе найти было нелегко, XIV конференция РКП(б) приняла решение сократить число рекомендуемых до 2-х человек с двухгодичным стажем. Кроме этого, стали практиковаться командировки партийных работников в деревни, где не было коммунистов, имевших право рекомендации (приезжая в такую местность, члены КП(б)Б давали рекомендации желающим).

Изменение условий приёма привело к численному росту сельских коммунистов. На 1 октября 1927 г. в рядах компартии Беларуси насчитывалось 3027 членов, работавших на селе. Из них 2278 были непосредственно заняты в сельском хозяйстве. При этом 80% вступили в большевистскую партию после 1925 года. Если число сельских коммунистов росло относительно быстро, то их качественный состав менялся медленно. Подводя итоги очередного смотра ячеек в 1926 г., ЦК КП(б)Б отметил рост их числа, но указал, что уровень образования членов партии по-прежнему низок.

Авторитет коммунистов-хозяйственников на селе оставался невысоким. Проведённое комиссией ЦК КП(б)Б в 1927 г. обследование 87 хозяйств крестьян-коммунистов показало, что только 19 из них можно было считать добротными. Остальные дворы находились в запущенном состоянии. Наряду с объективными причинами такого положения (нехватка инвентаря, качественного посевного материала, денежных средств), комиссия назвала и субъективные – стремление крестьянина-коммуниста оставить своё хозяйство и уйти в город или же остаться в деревне, но земледельческим трудом не заниматься.

Было ещё одно обстоятельство, не способствовавшее совершенствованию хозяйства крестьянами-коммунистами. Стоило такому крестьянину окрепнуть, как ответственные партийные работники спешили обвинить его в проявлении «кулацкого уклона». Такие случаи были отмечены комиссией, например, в Койдановском районе.

К 1925–1927 гг. со стороны деревенских коммунистов по-прежнему не наблюдалось стремления вступить в колхоз. Объясняя причину данного факта, комиссия ЦК КП(б)Б, изучавшая в 1927 г. положение дел в парторганизациях на селе, констатировала: «...многие коммунисты рассуждают, что эта форма (колхозы) в данное время и при данных условиях трудно применима и стремления на селе переходить к ведению хозяйства нет» [3]. В Витебском районе в результате опроса членами комиссии окружкома КП(б)Б выяснилось, что из 16 членов и 12 кандидатов партии, работавших в деревне, никто не изъявил желания вступить в колхоз.

Ситуация изменилась после XV съезда ВКП(б), который положил начало кампании по созданию сельскохозяйственных производственных объединений. На долю сельских парторганизаций легла основная нагрузка по осуществлению съездовской директивы в области хозяйственного строительства в деревне. Стремясь выполнить решения съезда, испытывая давление со стороны отделов по работе в деревне при ЦК и окружкомах, партийные органы в районах требовали от сельских ячеек активизации работы по организации кооперативов, главным образом, производственных. Уже через 2 месяца после организации отдела по работе в деревне бюро ЦК заслушивает отчёт о работе 40 сельских ячеек. Анализ их работы свидетельствовал, что деревенские коммунисты плохо представляли свои задачи в новых условиях. С учётом этого факта бюро ЦК КП(б)Б конкретизировало задачи деревенских парторганизаций. Обратив внимание на важность организации колхозов, ЦК обязало коммунистов создавать коллективные хозяйства и вступать в них; предлагалось развернуть широкую работу по развитию системы сельскохозяйственного кредита и контрактации, совершенствованию системы налогообложения и землеустройства, усилить агромическую пропаганду среди крестьян.

Партийное руководство понимало, что прежнее число сельских ячеек не справится с такими задачами. Поэтому процесс создания новых парторганизаций в деревне ускорился. Неспешный естественный рост сменяется резким скачком. Динамика строительства ячеек на селе достаточно показательна: 1922 г., март – 67; 1923 г., февраль – 94; 1924 г., февраль – 108; 1925 г., июль – 318; 1926 г., июль – 399; 1927 г., октябрь – 432; 1928 г., июнь – 650. Таким образом, только с октября 1927 г. по июнь 1928 г. число парторганизаций в деревне выросло на 218 единиц, в то время как с июля 1926 по октябрь 1927 г. рост составил лишь 33 единицы [4].

К 1928 г. труженики деревни ни психологически, ни экономически не исчерпали потенциала индивидуального хозяйствования. Они не были готовы отказаться от своего двора и сменить форму производства. Предыдущие действия государственных и партийных структур, наглядный пример работы окружающих колхозов оказались недостаточными, чтобы склонить крестьян к коллективному производству. В этих условиях логичным было бы неспешное, постепенное становление коллективного хозяйствования на селе и совершенствование качественного состава и работы ячеек. Вместо этого к сельским парторганизациям предъявляются всё более жёсткие требования. Суть их одна: ускорение процесса создания колхозов. В марте 1928 г., например, бюро ЦК КП(б)Б, заслушав отчёт о работе Полоцкой окружной организации, потребовало: «...энергічна развярнуць работу па каляктывізацыі і кааперацыі вясковых камуністаў». Обыденностью стали команды и угрозы, их высказывали не только в адрес рядовых коммунистов. Так, на заседании пленума Всебелорусского совещания земельных работников Н.М. Голодед похвастался, что он отчитал наркома торговли Адомайтиса за провал заготовок льна у кооперативов. После попыток последнего оправдаться глава правительства заявил: «Или ты сядешь, или ты должен посадить того, кто так долго возил тебе эти ложные справки» [5, с. 138].

Ещё более резкими и грозными предстают формулировки Ноябрьского 1928 г. Пленума ЦК КП(б)Б. В принятой резолюции отмечалось, что партийные ячейки в деревне должны быть особо бдительны в борьбе против правого уклона. Несогласные с курсом партийного руководства в деревне автоматически становились правыми уклонистами. На места следуют директивы с угрозами в адрес коммунистов, не выполняющих решения о борьбе с «правым уклоном». Парадокс ситуации заключался в том, что сельские коммунисты, получавшие их, не имели никакого представления о том, что такое этот «правый уклон».

Поставленные в сложное положение политикой центрального руководства партии, сельские ячейки были вынуждены применять чрезвычайные меры незаконного характера: изъятие материальных ценностей у крестьян; лишение их льгот по налогу и даже арест нежелающих вступать в колхоз или невыполнявших задание по налогообложению. В ряде мест эти действия приобрели широкий размах, и вышестоящие органы вынуждены были останавливать наиболее активных. Так, Гомельский окружком в специальной директиве потребовал прекращения применявшихся в округе мер «активизации» сознательности крестьян.

Заключение. Таким образом, в 1921–1927 гг. влияние партийных структур на экономику деревни было минимальным. Проводимая в эти годы Новая экономическая политика была несовместима с регламентацией производства на селе. Каждое крестьянское хозяйство включить в сферу партийного контроля

и влияния было невозможно: общее число коммунистов в сельских ячейках не позволяло этого сделать на местах. Большинство партийных организаций на селе в этот период состояло из 3 – 10 человек, а одна сельская ячейка приходилась на несколько волостей. Изменение аграрной политики, предпринятое руководством страны в 1928 г., отразилось и на деятельности сельских парторганизаций. Реализация выработанных установок на ускорение производственного кооперирования деревни, не готовой к такому повороту, вынудило сельские ячейки активно вмешиваться в экономические процессы. Высшие партийные структуры определяли характер и направление развития, а деревенские ячейки проводили в жизнь спускаемые сверху решения. Неготовые к резкой смене курса, но вынужденные подчиниться партийной дисциплине, сельские коммунисты использовали в отношении крестьян методы принуждения. Применение деревенскими парторганизациями репрессивных мер в отношении односельчан было обусловлено политикой высшего партийного руководства в аграрном секторе. Ряд членов деревенских ячеек понимали абсурдность новой линии на селе, но, будучи частью огромного партийного механизма, вынуждены были выполнять навязанные решения. Активного противодействия политике партии со стороны сельских партийных организаций автором не выявлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 13. – Л. 99.
2. ГАВО. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 857. – Л. 13.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. – Л. 625.
4. Подсчитано по: Волохович, Л.И. Партийное строительство в Белоруссии в первые годы нэпа / Л.И. Волохович. – Минск : Изд. Мин-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – С. 106; Звезда. – 1927. – 13 января. – С. 3; 1928. – 1 июня. – С. 2
5. Мікула, Я.І Фарміраванне камандна-адміністрацыйных метадаў кіраўніцтва кааператыўным рухам у беларускай вёсцы у 1926–1928 гг. / Я.І. Мікула // Старонкі гісторыі Беларусі : зб. арт. / М.М. Крывальцэвіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 157 с.

Поступила 18.06.2020

BOLSHEVIK ORGANIZATIONS IN THE BELARUSIAN COUNTRYSIDE IN 1921–1928: COMPOSITION AND INFLUENCE ON ECONOMIC PROCESSES

N. PARKHIMOVICH

The role of rural party organizations of the CP(b) in the implementation of agricultural policy during the NEP years. At the first stage (1921-1926), the influence of party structures on the economy was minimal, since the new economic policy did not provide for regulation of production. It was impossible to include every peasant farm in the sphere of party influence. The number of Communists in rural cells (3-10 people) did not allow this to be done. One rural cell covered several parishes. In 1927, the party and state leadership set a course for industrial cooperation in the village. Village cells have become a mechanism for implementing this policy. The rural Communists, who were not ready for this, used methods of coercion against the peasants. The use of repressive measures by the village party organizations against the peasants was determined by the policy of the highest party leadership. A number of members of village cells understood the absurdity of the new line in the countryside, but, being part of a huge party mechanism, they were forced to implement the imposed decisions. The author did not reveal any active opposition to the party's policy on the part of rural party organizations.

Keywords: rural party organizations of the CP(b), NEP, agricultural policy.

УДК 94(437)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭМИГРАЦИИ
ПО АННУЛИРОВАНИЮ УСЛОВИЙ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ****В.Ю. ПИНЧУК***(Белорусский государственный университет, Минск)**v_u_pinchuk@mail.ru*

Рассмотрена проблема борьбы чехословацкого правительства в эмиграции в Лондоне за денонсацию решений Мюнхенского соглашения, заключенного 30 сентября 1938 г. На основе архивных материалов, опубликованных документов, мемуаров Э. Бенеша, а также научной литературы рассмотрены причины необходимости отмены условий соглашения в Мюнхене для чехословацкой стороны. Для правительства Чехословакии в эмиграции это был вопрос определения государственных границ, континуитета государственной власти, а также положения национальных меньшинств по окончании Второй мировой войны. В работе подробно описан ход переговоров с руководством государств, заключивших соглашение в Мюнхене, по денонсации его условий. Особое внимание уделено переговорам с правительством Великобритании, которое после падения Франции в июне 1940 г. имело среди союзников наибольшее влияние в Западной Европе. Указаны достижения и неудачи чехословацкого правительства, связанные с аннулированием Мюнхенского соглашения.

Ключевые слова: Мюнхенское соглашение, Э. Бенеш, послевоенные границы Чехословакии, чехословацкое правительство в эмиграции, Вторая мировая война.

Введение. Одной из ключевых проблем Чехословакии в межвоенный период был вопрос о положении этнических меньшинств. Порядка трети населения ЧСР составляли немцы, венгры и поляки. На протяжении 1920 – 1930-х гг. чехословацкое правительство игнорировало требования этих этнических меньшинств о самоуправлении, что вызывало конфликты на национальной почве. Со временем это повлекло за собой вмешательство Германии, Польши и Венгрии во внутренние дела Чехословакии. Изменение политической конъюнктуры в Европе в середине 1930-х гг. и обострение территориальных противоречий, а также усиление национальных движений внутри Чехословакии, создавали угрозу ее независимости. Национально-территориальные споры между ЧСР и соседними государствами решались под сильным международным давлением. В значительной степени оно исходило от Великобритании и Франции, которые стремились сохранить дружеские отношения с рейхсканцлером А. Гитлером и были готовы пойти ему на уступки. Для разрешения конфликта между Германией и Чехословакией 29 сентября 1938 г. в Мюнхене была созвана международная конференция, с участием представителей Великобритании, Италии, Франции и Третьего рейха. Ее результатом стала передача Германии территорий (около 29 тыс. км²), где компактно проживало 3,4 млн немцев и около 300 тысяч чехов. Гарантами новых границ выступили Великобритания и Франция [1, с. 176]. Чехословацкая делегация в лице посла в Германии В. Мاستного и парламентского референта министерства иностранных дел Г. Масаржика не была допущена к обсуждению и лишь по окончании конференции была ознакомлена с ее итогами. 30 сентября правительство Чехословакии приняло мюнхенские условия, хотя и оценило их как диктат, навязанный под угрозой применения силы. Соглашение не рассматривалось в парламенте и не было представлено для ратификации, которая подразумевала принятие конституционного закона об изменении государственных границ.

С заключением соглашения началась череда переговоров по спорным пограничным вопросам. Используя дружеские отношения с Германией, Польша и Венгрия выдвинули территориальные претензии к Чехословацкой республике и добились их удовлетворения. Проблема польского национального меньшинства в Чехословакии была решена путем передачи Тешинской Силезии и части северной Словакии Польше (900 км² с населением 240 тыс. человек, в том числе 130 тыс. чехов) в течение октября 1938 г. По решению Первого венского арбитража, состоявшегося 2 ноября 1938 г., государства-арбитры Италия и Германия передали Венгрии более 11 тыс. км² словацких и закарпатских земель с населением 1 027 тыс. чел. [2, с. 23].

Планы А. Гитлера в отношении Чехо-Словацкой республики¹ не ограничивались Судетами. Еще в октябре 1938 г. немецкий Генеральный штаб выработал план по захвату оставшейся чехословацкой территории. В ночь с 14 на 15 марта 1939 г. чехословацкий президент Э. Гаха под давлением рейхсканцлера подписал соглашение с Германией о включении в ее состав чешских земель. На следующий день был издан

¹ Данное название было закреплено за государством 22 ноября 1938 г. с признанием парламентом автономии Словакии.

декрет о создании Протектората Богемия и Моравия. Днем ранее была провозглашена независимость Словакии, а затем по «просьбе» ее главы Й. Тисо Германия дала согласие на защиту словацкого государства [1, s. 224–230]. 15 марта 1939 г. Венгрия ввела войска в Подкарпатскую Русь. Таким образом, Чехо-Словакия официально прекратила существование.

Великобритания и Франция не предпринимали никаких шагов по защите новых границ Ч-СР. 12 марта 1939 г. на запрос парламента Великобритании о гарантии чехословацкой границы Н. Чемберлен отвечал, что эти гарантии имели в виду неспровоцированную агрессию в отношении Чехо-Словакии. На март 1939 г. такой агрессии не было. В соответствии с инструкциями своих правительств 13 марта английский и французский послы в Германии настойчиво рекомендовали, чтобы Прага воздержалась от каких-либо действий против немцев и установила непосредственный контакт с Берлином. Таким образом, державы-арбитры свои обязательства не выполнили. В день немецкой оккупации чешских земель Чемберлен объяснял это бездействие тем, что словацкий парламент 14 марта 1939 г. объявил Словакию независимой и тем самым положил конец внутреннему распаду государства. При таком варианте развития событий снимались все гарантийные обязательства [3, с. 160].

После ликвидации Ч-СР в эмиграции активизировалось чехословацкое движение Сопротивления. Одним из его создателей, а в последствие и лидером стал экс-президент Чехословакии Э. Бенеш. Еще 5 октября 1938 г. под давлением А. Гитлера он подал в отставку и вскоре выехал в Лондон. Бенеш видел и свою вину в заключении Мюнхенского соглашения, поэтому вопрос об отмене его условий имел для него крайне важное значение. Находясь в эмиграции, Э. Бенеш ожидал изменения международной ситуации для возвращения на политическую арену. После отставки он утратил свой политический вес как среди чехословацких политиков, так и на международном уровне. В глазах лидеров великих держав Э. Бенеш был частным лицом, находящимся в эмиграции. Оккупация Чехословакии в марте 1939 г. давала Бенешу шанс восстановить политические позиции. Он хотел доказать неправоту действий Германии в отношении Чехословакии, а главной задачей видел возрождение единой Чехословацкой республики в ее домюнхенских границах [4, s. 156–157].

Основная часть. Для борьбы за восстановление государства и отмену условий Мюнхенского соглашения, необходимо было создать чехословацкое правительство в эмиграции, которое бы имело международное признание. Это удалось сделать только в июле 1941 г.² Признание правительства ЧСР в эмиграции ставило под вопрос легитимность Мюнхенского соглашения.

Чехословацкому руководству в эмиграции было очевидно, что поражение Германии в войне не приведет к автоматическому восстановлению Чехословакии в прежних границах, так как на момент начала немецкого вторжения в Польшу 1 сентября 1939 г. государство уже не существовало. В связи с этим было необходимо признание того, что акт агрессии в отношении к ЧСР был совершен Германией еще в сентябре 1938 г., а затем добиться аннулирования решений, принятых в Мюнхене, как незаконных. В течение 1940–1942 гг. Э. Бенеш пытался аргументировано, с правовой точки зрения, обосновать свою позицию относительно необходимости отмены соглашения и восстановления прежних чехословацких границ.

В марте 1940 г. Э. Бенеш выступил с закрытой лекцией «Чехословакия после войны» в «Empire club», в которой предоставил вариант решения вопроса о чехословацких послевоенных границах и положении национальных меньшинств. Он предложил отсчитывать континуитет чехословацкого правительства от 18 сентября 1938 г. – даты предъявления Францией и Великобританией ультиматума о необходимости передачи Чехословацкой части своей территории Германии. События, произошедшие в стране после этого момента, он призывал признать вне закона. Бенеш заявил о необходимости восстановления исторических границ ЧСР, которые бы включали в себя Судетскую область. Измененная граница между Словакией и Венгрией должна быть исправлена путем переговоров между сторонами. О границе с Польшей ничего не было сказано. Он утверждал, что эти требования в западных политических кругах были восприняты лояльно [5, s. 32, 36–37]. Затем, на заседании Госсовета в декабре 1940 г. Э. Бенеш на широкую аудиторию заявил, что Мюнхенское соглашение в правовом отношении не существует. Данное утверждение он формулировал на основе двух фактов: во-первых, его подписание было нарушением существовавших и касавшихся ЧСР международных договоров и внутренних чехословацких законов и было сделано под натиском А. Гитлера. Во-вторых, Чехо-Словакия, будучи преемницей Первой республики, была уничтожена насильственно, а согласие президента Э. Гахи на передачу чешских земель Германии получено под давлением [6, с. 83–85].

Решения Мюнхенской конференции изначально не были признаны Советским Союзом и США. Эти страны также не считали правомерной оккупацию чехословацких территорий 15 марта 1939 г. Данную позицию Вашингтон и Москва неоднократно подтверждали. С государствами, участвовавшими в подписании Мюнхенского соглашения ситуация складывалась иначе. Длительное время рассмотрение вопроса об аннулировании решений Мюнхенской конференции было фактически невозможным, так как во власти Великобритании

² Подробнее см.: Пинчук, В.Ю. Формирование чехословацкого эмигрантского правительства (1939–1941 гг.) / В.Ю. Пинчук // Гуманитарно-экономический вестник. – 2018. – № 3–4. – С. 127–131.

и Франции находились политики, участвовавшие в его подписании. Помимо этого, еще в мае 1939 г. эти страны признали де-факто Словацкое государство [7, s. 136]. На тот момент для них было важно сохранить дружественные отношения с Германией, что фактически означало продолжение политики умиротворения. Э. Бенеш считал, что только начало войны в Европе сможет отстранить от власти политических деятелей, ответственных за Мюнхен, и даст шанс на восстановление Чехословакии. Франция до своего поражения в июне 1940 г. так и не рассмотрела вопрос об отмене условий Мюнхенского соглашения. В Великобритании в мае 1940 г. новым главой правительства стал У. Черчилль, а в декабре того же года пост министра иностранных дел занял А. Иден, которые изначально были против политики умиротворения Германии. Еще в июле 1939 г. Черчилль убеждал Э. Бенеша в том, что мир, который будет выстроен в будущем, не будет без Чехословакии [8, s. 78], однако и с его приходом к власти отмена решений Мюнхена длительное время не была на первом плане в британо-чехословацких отношениях. Несмотря на высказывания Черчилля 30 сентября 1940 г. по случаю второй годовщины подписания Мюнхенского соглашения о том, что оно «мертво», британское руководство отказывалось давать какие-либо обещания об отмене его действия, так как считало, что вслед за этим на повестку дня выйдет проблема гарантии послевоенных границ Чехословакии. На это Великобритания не могла пойти. Вопрос о послевоенных чехословацких границах включал в себя не только чехословацко-немецкий спор, но и венгерскую проблему, а также конфликт интересов ЧСР и Польши из-за Тешинской Силезии. Помимо этого, 31 мая 1939 г. Великобритания в одностороннем порядке объявила о гарантии территориальной целостности Польши, что в сентябре того же года послужило официальной причиной объявления войны Третьему рейху. Проблема отмены соглашения также была напрямую связана с урегулированием вопроса о правовом статусе немецкого, а также венгерского меньшинств в ЧСР.

В начале 1941 г. чехословацкое правительство начало активно призывать британское руководство к отмене решений Мюнхенской конференции. Э. Бенеш подготовил несколько меморандумов по аннулированию условий соглашения и правовому континуитету ЧСР. Наиболее известный из них – от 18 апреля 1941 г. – был передан им лично У. Черчиллю во время смотра чехословацкого войска в Лемингтон-Спа. В нем Бенеш предлагал британскому правительству официально признать континуитет Чехословацкой республики и ее правительства в Лондоне, наподобие польского, голландского и норвежского и призывал британское руководство к аннулированию Мюнхенского соглашения [9, с. 13]. В переписке с А. Иденом по этому предложению Черчилль отмечал, что не видит причин, по которым британская сторона не могла бы предоставить чехам признание, схожее с тем, что было дано полякам. При этом он указывал, что Великобритания не будет брать никаких обязательств о границах. Иден поддержал его мнение [10, s. 86–87]. После этого каких-либо изменений в позиции британского руководства по вопросу об отмене Мюнхенского соглашения не последовало. Зато акция Бенеша поспособствовала сдвигению с мертвой точки вопроса о признании Великобританией чехословацкого правительства в эмиграции, что произошло 18 июля 1941 г. [11, с. 459–460].

С новой силой чехословацкий президент стал обращать внимание английского руководства на мюнхенский вопрос после назначения 27 сентября 1941 г. нового протектора Р. Гейдриха. Для оказания давления на британское правительство он стал использовать новый аргумент – оккупационный режим в Протекторате и давление (в первую очередь психологическое) на его жителей. Э. Бенеш утверждал, что после всех тягот, которые испытывает при оккупации чехословацкое население, оно имеет право на восстановление домюнхенских прав и порядка. Однако его доводы были для британцев недостаточными. Лондон стоял на позиции, согласно которой в случае денонсации Мюнхенского соглашения и восстановления ЧСР в ее прежних границах, другие государства, ставшие жертвой Германии, также будут стремиться по примеру Чехословакии решить свои территориальные проблемы, на что Великобритания не могла пойти в одиночку. Вопрос о границах должен быть решен на послевоенной конференции стран-союзниц. Для этого было необходимо, чтобы государства, подписавшие Мюнхенское соглашение, заключили новый договор, который бы определил очертания ЧСР [4, s. 298–301].

В начале декабря 1941 г. А. Иден направился в СССР для ведения переговоров о сотрудничестве в борьбе против Германии. 16 декабря 1941 г. в ходе встречи с И. Сталиным был поднят вопрос о послевоенных границах в Европе. Советский лидер заявил, что Чехословакия должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Он не исключал, что ее территория может быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая в ходе войны была союзницей Германии. В свою очередь А. Иден отметил, что вопрос о новых границах должен решаться при участии США и вряд ли его решение возможно до окончания войны [12].

16 декабря 1941 г. президент Э. Бенеш и глава чехословацкого правительства Я. Шрамак подписали заявление о состоянии войны со всеми государствами, воюющими на стороне Германии против США, СССР и Великобритании. Причем датой состояния войны было предложено объявить заключение Мюнхенского договора, а не 15 марта 1939 г., чтобы не создалась иллюзия принятия чехословацким правительством подписания соглашения [13, с. 257–260].

Регулярные переговоры Э. Бенеша и чехословацкого правительства в эмиграции с руководством Великобритании по вопросу об отмене условий Мюнхенского соглашения продолжались и в 1942 г.

15 января 1942 г. состоялась встреча Э. Бенеша с британским дипломатическим представителем при правительстве ЧСР, Ф. Николсом, а через неделю и с А. Иденом. В ходе бесед чехословацкий президент поднимал вопрос о судетской проблеме и послевоенных границах ЧСР и призывал британское руководство как можно скорее решить их. Он считал, что Германия скоро падет, а проблем с аннулированием Мюнхенского соглашения у ЧСР с великими державами, кроме как с Великобританией, нет. Данная ситуация, по мнению президента, отрицательно сказывалась на отношении чехословацкого народа и ответственности к вопросу о сотрудничестве с Великобританией. Бенеш считал необходимым восстановить прежние границы Чехословакии и при этом уменьшить количество немецкого населения. Это можно было сделать как путем обмена части земель ЧСР, так и посредством трансфера. Однако британская сторона отказалась поддержать эту идею, аргументировав это тем, что Великобритания не может брать на себя гарантии послевоенных границ без предварительного согласования такого рода вопросов с США. Однако как Николс, так и Иден согласились посодействовать поиску решения проблемы [14, s. 99–105].

В начале апреля 1942 г. Э. Бенеш предложил Ф. Николсу новую формулу чехословацко-британского компромисса. Согласно ей, Мюнхенское соглашение было уничтожено самой Германией после оккупации ею Чехословакии в 1939 г. После признания данного факта, по мнению Бенеша, можно было бы восстановить довоенный статус ЧСР. Затем он перечислил все используемые ранее аргументы, обосновывавшие необходимость отмены соглашения. Среди них и признание Великобританией несправедливости в адрес ЧСР, и нерешенность судетской проблемы, которая мешает подготовке к восстановлению Чехословакии после войны и даже то, насколько серьезное значение Мюнхен имеет для самого Бенеша, и какой «физической и душевной» травмой он стал для его народа. Чехословацкий лидер подчеркнул, что советское неприятие соглашения и постоянная помощь ведет за собой усиление влияния СССР на чехословацкую политику, что опасно. Сам же Бенеш хочет придерживаться политики равновесия между Западом и Востоком. Президент призывал Великобританию принять решение без оглядки на мнение США. Он обвинял Лондон в том, что тот не хочет давать гарантии границ ЧСР, ибо стремится использовать чехословацкую карту для заключения, впоследствии, компромиссного мира с Германией. Последнее Николс категорически отвергал, а с остальными доводами, по словам Бенеша, был согласен. Однако британский посол не мог сам принимать настолько серьезные решения, а Форин-офис и А. Иден не хотели идти на какие-либо уступки. Затем Бенеш перешел на угрозы о прекращении переговоров, потому что чехословацкая сторона сделала уже все, что могла. Недальновидность Великобритании, по его словам, не дает ей понять, какие последствия во внешней политике ожидают Лондон в дальнейшем, как в Центральной Европе, так и на континенте в целом [14, s. 220–221].

Несмотря на радикальное заявление Бенеша британское руководство так и не предприняло никаких конкретных действий по аннулированию Мюнхенского соглашения. Его формула была отвергнута, а остальные доводы вновь признаны недостаточными [14, s. 232]. В сложившейся ситуации Э. Бенеш рассчитывал на содействие СССР в решении данного вопроса. Он ожидал результатов переговоров между Великобританией и Советским Союзом, намеченных на май 1942 г.

26 мая 1942 г. в ходе визита главы советского НКВД, В. Молотова, в Великобританию было заключено англо-советское соглашение. В нем речь шла о взаимопомощи двух стран и отказе от вступления в односторонние переговоры с Германией [15]. Президент Бенеш высоко оценил это соглашение, считал его одним из наиболее важных дипломатических актов в войне для реорганизации Европы. Для чехословацкого лидера это означало создание предпосылок к восстановлению Чехословакии, важной частью чего было послевоенное сотрудничество великих держав. Бенеш считал, что если бы сотрудничество между СССР и Великобританией было налажено ранее, то можно было избежать как подписания Мюнхенского соглашения, так и начала Второй мировой войны [4, s. 298–301].

Во время пребывания советского наркома в Лондоне 27 мая 1942 г. на территории Протектората чехословацкие военные с помощью британского Управления специальных операций успешно провели покушение на Р. Гейдриха, известное как операция «Антропид». Его совершили заброшенные на оккупированную территорию чех Я. Кубиш и словак Й. Габчик [16, s. 29]. Смерть Гейдриха привела к массовым репрессиям в Протекторате. Проправительственное издание «Čechoslovak», а также газета чехословацкой армии «Naše poviny», которые издавались в Лондоне, в течение нескольких последующих месяцев публиковали на своих страницах списки погибших жителей Протектората, обвиненных в пособничестве подготовке и осуществлению покушения на Гейдриха [17]. История сожженных немцами в июле 1942 г. чешских деревень Лидице и Лежаки вызвала всплеск интереса к чехословацкому вопросу во всем мире. События в Протекторате стали ярким примером Сопrotивления в оккупированной Европе и значительно подняли авторитет правительства Э. Бенеша, что он не преминул использовать в качестве рычага давления на Великобританию, в том числе, в вопросе о признании недействительным Мюнхенского соглашения [10, s. 59].

5 июня 1942 г. в ходе встречи советского посла при Союзных правительствах в Лондоне А. Богомолова и статс-секретаря министерства иностранных дел ЧСР Г. Рипки, было передано устное сообщение от руководства СССР, что оно не признает условий Мюнхенского соглашения и хочет видеть Чехословакию

восстановленной в прежних границах. То же самое обещал Э. Бенешу В. Молотов на их встрече 9 июня, подчеркивая, что «СССР видит ЧСР после войны со всеми теми территориями, которые были у нее отняты Гитлером» [18].

В июне-июле 1942 г. переговоры по решению мюнхенского вопроса были продолжены. 4 июня 1942 г. британский министр А. Иден пригласил чехословацкого президента в Форин-офис, чтобы сообщить ему содержание англо-советского соглашения. Во время встречи Бенеш заявил, что пришло время аннулировать Великобританией решения Мюнхена, потому что эта проблема начинает плохо влиять на взаимоотношения держав. Иден согласился с этим [4, s. 303]. На следующий день проблему отмены Мюнхенского соглашения Бенеш обсуждал с Ф. Николсом. Ему чехословацкий президент сообщил о советском обещании гарантии границ [19, s. 12].

Сообщение Э. Бенеша британской стороне о гарантиях от СССР возымело успех. 25 июня 1942 г. состоялась очередная беседа Э. Бенеша с А. Иденом. Британский министр интересовался, было ли дано советское обещание о гарантии домюнхенских послевоенных границ ЧСР письменно, касается ли оно Тешина и был ли передан чехословацкой стороной для СССР какой-либо меморандум, относительно границ. Ответ на все эти вопросы был отрицательным. Однако Бенеш отметил, что Советский Союз в скором времени даст письменные гарантии. Иден сообщил, что Великобритания хочет сделать встречный шаг и заявить об отказе от условий Мюнхенского соглашения, однако по вопросу о правовом континуитете вряд ли они придут к согласию. Присутствовавший на встрече Г. Рипка попытался надавить на британцев, призывая их подготовить сообщение о недействительности Мюнхенского соглашения раньше, чем это сделает СССР. Однако Иден сказал, что Москва не может сама определять эти границы, так как это противоречит англо-советскому соглашению [19, s. 6–9]. После этого Иден предложил компромиссные варианты, на основе которых стороны могли бы достигнуть окончательного решения по вопросу аннулирования Мюнхенского соглашения. Причем по главному вопросу британское руководство согласилось с формулой, предложенной в апреле 1942 г. Бенешем – Германия своей оккупацией Чехословакии сама уничтожила мюнхенские договоренности. В мемуарах Бенеш отмечал, что это было сделано в связи с тем, что руководство Великобритании не хотело признавать себя неправым в подписании соглашения. Вопросы о континуитете ЧСР, национальных меньшинствах и границах предполагалось рассмотреть позднее. После некоторых уточнений, 7 июля в ходе очередной беседы заинтересованных сторон была оговорена окончательная формула отмены британской стороной условий Мюнхенского соглашения [4, s. 308].

После нескольких лет переговоров с британцами, произошло то, чего так долго ожидал Э. Бенеш. 5 августа 1942 г. Я. Масарик и А. Иден обменялись нотами. В содержании британской ноты подчеркивалось, что Великобритания не будет больше руководствоваться Мюнхенским соглашением во взаимоотношениях с ЧСР, в том числе при определении ее послевоенных границ [20]. Однако о гарантиях границ ничего не было сказано. Чехословацкий лидер был вынужден согласиться с британским отказом от обсуждения территориальных вопросов. Только в марте 1945 г. британское руководство согласилось официально признать полномочия чехословацкого правительства на всей территории Чехословакии в ее границах на 31 декабря 1937 г. [21, s. 395].

Вслед за достижением соглашения с британской стороной Э. Бенеш решил получить схожее решение и от французской стороны. Руководитель французского Сопротивления Ш. де Голль, как и чехословацкий президент, был аутсайдером в списке политических интересов Великобритании, и также долгое время боролся за признание себя официальным представителем Франции в эмиграции. В августе 1940 г. чехословацкий и французский политики установили деловые контакты и обещались поддерживать сотрудничество [4, s. 341]. 6 августа 1942 г. Бенеш пригласил к себе комиссара иностранных дел Национального комитета «Свободная Франция» М. Дежана. Он заявил, что видит в комитете реальное представительство Франции и то, что после аннулирования Мюнхенского соглашения британским правительством, то же самое следовало бы сделать и французам. Дежан, по словам Бенеша, согласился с его предложением и высказал свои аргументы, почему эту идею необходимо довести до конца. Позицию чехословацкого правительства политик попросил передать де Голлю [4, s. 342–343]. В конце августа 1942 г. Дежан вновь встретился с Бенешем. Он передал положительный ответ де Голля на аннулирование соглашения в Мюнхене. 22 сентября комиссар предложил чехословацкому представителю при Национальном комитете Ф. Черному обмен письмами между главами правительств – Шрамеком и де Голлем, которые бы подтверждали отмену условий Мюнхенской конференции [7, s. 190]. В скором времени был составлен текст, а 29 сентября, в четвертую годовщину подписания Мюнхенского соглашения, Национальный комитет «Свободная Франция» объявил его условия недействительными (договор де Голля – Шрамека). Причем, французская сторона дала более радикальное согласие, чем британцы. Национальный комитет признавал границы чехословацкого государства до сентября 1938 г. [22, s. 128–129]. Следует отметить, что данный документ готовился французами без предварительного согласования с британской стороной и вызвал негативную реакцию в польских правительственных кругах [7, s. 191].

Это был лишь первый шаг французов по отмене условий Мюнхенского соглашения. В момент подписания чехословацко-французского соглашения Национальный комитет еще не был признан официальным французским правительством. Чехословакия была первым из государств-союзников, которое признало правительство де Голля. Еще в мае 1944 г. М. Дежан, который стал французским послом при чехословацком правительстве, предложил Э. Бенешу обсудить новое заявление, которое бы уточнило характер отношений между сторонами [4, s. 351]. В течение июня-июля 1944 г. проходили переговоры о заключении чехословацко-французской декларации о сотрудничестве. Одним из важнейших пунктов соглашения, по мнению чехословацкого правительства, было подтверждение обозначенной в договоре де Голля – Шрамека в сентябре 1942 г. отмены Францией условий Мюнхенского соглашения. Против этого выступал французский посол в Великобритании Р. Массильи. Он понимал, что отказ от решений Мюнхена вызовет резкий протест со стороны Польши, а также обострит вопрос о чехословацко-немецкой границе [20]. После проведения цикла переговоров 22 августа 1944 г. была подписана чехословацко-французская декларация. Согласно документу, Франция признавала Мюнхенское соглашение недействительным. Между ней и чехословацким правительством возобновлялись дипломатические отношения в той степени, в которой они были до сентября 1938 г. Предполагалось, что сотрудничество между ЧСР и Францией «в рамках всеобщей безопасности и восстановлении Европы и будет более тесным и эффективным» [11, s. 485–486].

В сентябре 1944 г. итальянское правительство, установленное после освобождения Италии войсками союзников, также признало недействительными решения Мюнхенской конференции и Венского арбитража от 2 ноября 1938 г., что скорее было символическим актом и не имело серьезного значения для обеих сторон [11, s. 485–487].

Заключение. Таким образом, к концу 1944 г. из четырех государств-участников Мюнхенского соглашения, от своей подписи не отказалась лишь Германия, вопрос с которой решался уже по окончании войны. Аннулирование решений Мюнхенского соглашения подписавшими его державами стало значительным достижением для чехословацкого правительства в эмиграции, чье государство не было территориально обозначено на карте Европы. Денонсация соглашения так и не позволила выполнить главную цель Э. Бенеша и его правительства – получить гарантии на восстановление Чехословацкой республики в ее полных прежних границах и обеспечить правовой континуитет государства. Однако она укрепила позиции президента Бенеша и его правительства на международной арене. Помимо этого, отмена условий соглашения давала шанс на то, что при решении вопроса о новых границах Чехословакия получит поддержку не только СССР, но и Великобритании, а ее послевоенные границы не будут соответствовать тем, что были установлены после заключения Мюнхенского соглашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. V 2 Sv. / Zprac. M. Hronský, L. Deák, J. Korček, M. Barnovský, M. Štefanský. Bratislava: Národné literárne centrum, 1998. – Sv. 2. – 324 s.
2. Сальков, А.П. Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 г. – март 1939 г.) / А.П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А.П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 7 – С. 9–28.
3. Черчилль, У. С. Вторая мировая война. В 6 т. / У. С. Черчилль. – М. : Терра, 1997. – Т. 1. – 366 с.
4. Beneš, E. Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství / E. Beneš. – Praha : Orbis, 1948. – 520 s.
5. Beneš, E. Dopisy bratru Vojtovi : 1938–1944 / E. Beneš ; připravila V. Olivová. – Praha : EVA-Milan Nevole, 1998. – 73 s.
6. Dekrety prezidenta republiky 1940–1945. Dokumenty / Připravili K. Jech, K. Kaplan. – Brno : Ústav pro soudobé dějiny, 2002. – 1069 s.
7. Kuklik, J. Dlouhé stíny Mnichova. Mnichovská dohoda očima signatářů a její dopady na Československo / J. Kuklik, J. Němeček, J. Šebek. – Praha : Auditorium, 2011. – 401 s.
8. Smetana, V. Beneš a Britové za druhé světové války / V. Smetana // Na pozvání Masarykova ústavu / Redakce P. Kaleta, M. Pehr, R. Vašek. – Praha : Akcent, 2004. – S. 73–86.
9. Od uznání československé prozatímní vlády do vyhlášení válečného stavu Němcku 1940–1941 / Připravil J. Němeček [et al.]. – Praha : Úst. mezinár. vztahů, 2009. – Sv. 2. – 544 s.
10. Brown, M. D. Jak se jedná s demokraty. Britské ministerstvo zahraničí a českoslovenští emigranti va Velké Britanii, 1939–1945 / M. D. Brown // Připravovali P. Dobrovský, J. Ševčík. – Praha-Plzeň: Beta, 2008. – 376 s.
11. Dr. Beneš, E. Šest let exilu: a druhé světové války: Reči, projevy, dokumenty z r. 1938–1945 / Dr. E. Beneš. — Praha : Orbis, 1947. — 494 s.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 558, Оп. 11, Д. 59. Л. 111.
13. Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943 / Připravili L. Otáhalová, M. Červinková. – Praha : Akademia, 1966. – Sv. 1. – 412 s.
14. Československá zahraniční politika v roce 1942 (leden—31 červenec 1942). Dokumenty československé zahraniční politiky / Připravil J. Němeček [et al.]. – Praha : Úst. mezinár. vztahů, 2010–2015. – Sv. 1. – 472 s.
15. Twenty-Year Mutual Assistance Agreement between the United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics: May 26, 1942 [Electronic resource] / The Avalon project. Documents in Law, History and Diplomacy. — Mode of access: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/brsov42.asp>. – Date of access: 23.03.2020.

16. Rees, N. Prezident Beneš v Anglii: československá vláda v exilu v Londýně a v Buckinghamském hrabství za druhé světové války / N. Rees. – Praha : Společnost Edvarda Beneše, 2006. – 64 s.
17. Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky (AMZV). Londýnský Archiv, důvěrný. Krabice 137.
18. РГАСПИ. – Ф. 558. Оп. 11. Д. 233.
19. Masarikův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky, EB II/1, V79/1, k. 111.
20. AMZV. Londýnský Archiv, důvěrný. – K. 73.
21. S projevem nejhlubší úcty: dopisy, zprávy a depeše Huberta Ripky Edvardu Benešovi (1922–1948) / Editori I. St'oviček, D. Hubený. – Praha : Národní archiv : Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2018. – 512 s.
22. Československá zahraniční politika v roce 1942 (srpen – 31 prosince 1942). Dokumenty československé zahraniční politiky / Připravil J. Němeček [et al.]. – Praha : Úst. mezinár. vztahů, 2015. – Sv. 2. – 501 s.

Поступил 17.06.2020

ACTIVITIES OF THE CZECHOSLOVAK GOVERNMENT IN EXILE FOR CANCELLATION OF THE CONDITIONS OF THE MUNICH AGREEMENT

V. PINCHUK

The article is devoted to the problem of the struggle of the Czechoslovak government in exile in London to denounce the conditions of the Munich Agreement, signed on September 30, 1938. Based on archival materials, published documents, E. Benes memoirs, and scientific literature it reveals the reasons for the cancellation of the conditions of the Munich Agreement. For the Czechoslovak government in exile, these were questions about the outline of state borders, the continuity of state power, as well as the situation of national minorities in Czechoslovakia at the end of World War II. The author describes in detail the course of negotiations on the denunciation of the conditions of the Munich agreement. Most attention was paid to negotiations with the British government. After the defeat of France in June 1940, the British government had the greatest influence among the allies in Western Europe. The article is indicated the achievements and failures of the Czechoslovak government in accepting the conditions for canceling the Munich Agreement.

Keywords: *The Munich Agreement, E. Beneš, the post-war borders of Czechoslovakia, the Czechoslovak government in exile, World War II.*

УДК 94 (476+576) «1914/1918»

**ЕПАРХИАЛЬНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА СЛУЖБЕ В ВЕДОМСТВЕ ПРОТОПРЕСВИТЕРА
ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***канд. ист. наук, доц. Э.В. СТАРОСТЕНКО**(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Статья посвящена исследованию службы епархиального духовенства в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны. Изучаются основные пути поступления священников на службу в ведомство протопресвитера, их обеспечение, сложности, связанные с сохранением прежнего места службы. Рассматривается соответствие поступающего из епархий духовенства месту назначения. Прослеживается изменение положения епархиальных священников в армии после отречения Николая II и установления власти Временного правительства, анализируется судьба епархиальных священников после упразднения ведомства протопресвитера военного и морского духовенства.

Ключевые слова: *Первая мировая война, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, православная церковь, православное духовенство.*

Введение. Служба православного духовенства в российской армии в последние годы все чаще обращает на себя внимание историков. В частности, история института православного военного духовенства в годы Первой мировой становится предметом изучения профессиональных историков, военных, лиц, связанных с православной церковью, публицистов. Вместе с тем, зачастую публикации характеризуются поверхностным рассмотрением проблемы, использованием недостаточной источниковой базы, злоупотреблением дублированием уже известных фактов, односторонним рассмотрением функционирования священников в армии, тогда как исследование института военного духовенства требует привлечения значительного объема источников, преимущественно архивных, и их тщательного анализа. Близкое знакомство с источниками, раскрывающими службу священников в российской армии, позволяет ставить вопросы о таких аспектах данной проблемы, которые ранее практически не оказывались объектом научного исследования. В их числе особое внимания заслуживает проблема пополнения рядов военного духовенства призванными на время войны священниками из епархий. К вопросам службы епархиального духовенства в российской армии обращались А. Кострюков, С. Фирсов, С. Малышко, Э. Старостенко, О. Родионова [1–7]. В рамках заявленной темы представляют интерес пути поступления духовенства в ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, вопросы их обеспечения, профессиональная пригодность, а также судьба таких священнослужителей в период революционных преобразований. Исследование службы епархиального духовенства в российской армии осуществлено на основе широкого круга источников, среди которых официальные документы военного ведомства и ведомства протопресвитера военного и морского духовенства, указы Синода и решения епархиальных консисторий, материалы делопроизводства протопресвитера, полевой канцелярии и Духовного правления, главных священников, а также периодическая печать, мемуары. Данная статья подготовлена с привлечением фондов Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Национального исторического архива Беларуси. В научный оборот вводятся новые источники по конфессиональной истории Беларуси, в частности документы, раскрывающие особенности службы епархиальных священников в ведомстве военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны.

Основная часть. Накануне войны в штате ведомства протопресвитера военного и морского духовенства числилось около 730 человек. Они служили в регулярных воинских формированиях и военноместных церквях. Однако начавшаяся Первая мировая война повлекла создание новых воинских частей и учреждений (например, госпиталей и лазаретов), в которых полагалось (или позже было введено) штатное место священнослужителя. За годы войны количество священников, побывавших в армии для религиозного обслуживания военнослужащих, достигло 5000 человек. По данным на май 1917 г. больше всего священников находилось на Юго-Западном фронте – 830 человек. На Западном фронте служило 750, на Северном – 610, Румынском – 410 и Кавказском – 270 священнослужителей [8, л. 71]. Если взять данные о динамике численности священников на Западном фронте (находился на территории Беларуси), то по данным на ноябрь 1915 г. здесь служило 665 священников [9, л. 10], к маю 1917 г. их количество увеличилось до 750 человек [8, л. 71], а в декабре 1917 г. сократилось почти до 400 человек [8, лл. 184–193].

Для организации религиозного обслуживания создаваемых на время войны полков и госпиталей было составлено мобилизационное расписание, согласно которому на время войны в распоряжение протопресвитера назначалось епархиальное духовенство. Расписание вступило в силу с 1 сентября 1910 г., до начала войны вносились правки (по другим данным вступило в силу с 1 мая 1912 г.) [10, с. 53]. Следует отметить, что к началу Первой мировой войны оно расходилось с проводимой мобилизацией [6, с. 58].

В расписании была указана информация о месте предварительной дислокации и времени формирования новых полков и госпиталей, а также о необходимом количестве священников и сроке их прибытия к месту службы. Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба рекомендовал по возможности назначать священников из епархий, в районе которых располагались воинские части и учреждения. Это способствовало своевременному прибытию к месту назначения. Срок прибытия рассчитывался по следующему принципу: по железным дорогам – 300 верст в сутки, водными путями сообщения – 100, почтовыми и проселочными дорогами – 75, а в распутицу – 50 [11, л. 13]. Мобилизованным предоставлялось два дня для решения домашних вопросов и один – для сдачи дел администрации и преемнику [11, л. 13]. Согласно расписанию, госпитали, расположенные в Виленском военном округе, должны были быть в мобилизационной готовности на 7–16 день, в Варшавском – на 5–12 день [11, лл. 69 – 69об.]. К этому же сроку следовало прибыть священникам. Для находящихся на территории Беларуси епархий сроки устанавливались следующие: прибытие по Гродненской епархии – от 5 до 10 дней, по Минской – от 7 до 16 дней, по Могилевской – до 11 дней [11, лл. 84 – 85об.].

В соответствии с расписанием, каждая епархия составляла списки священников, которые в момент необходимости могли отправиться на территорию военных действий. Указом Синода «О назначении священнослужителей в войсковые части на случай мобилизации армии» от 12 января 1911 г. епархиальным епископам поручалось не просто составить общие списки, а заранее распределить священников по полкам и госпиталям, и после уведомить соответствующие окружные штабы об избранных кандидатах. Синод рекомендовал избирать лиц преимущественно из монашеского духовенства. Включение белого духовенства в мобилизационные списки допускалось только при наличии нескольких штатных должностей в их причте. Забегая вперед отметим, что возглавивший в 1911 г. ведомство военного и морского духовенства Г.И. Шавельский имел иное мнение о том, кого именно следует отправлять на службу в армию. Он считал, что для этого больше подходят иереи, имеющие соответствующее образование и физическую подготовку. Однако внести изменения в мобилизационное расписание до войны не удалось, и в армию попало значительное количество иеромонахов, которых позже, тем или иным образом, заменяли на более способных священников. Епархиальное начальство должно было поддерживать список в актуальном состоянии, и обо всех изменениях сообщать в окружные штабы [11, л. 49об.]. Кроме того, епархии обеспечивали мобилизованное духовенство всем необходимым для богослужения: комплекты предметов следовало собрать заранее (по количеству священников), и хранить на епархиальных складах до востребования.

Всего в военно-врачебные заведения от всех епархий Российской империи планировалось отправить 434 священника [11, л. 27]. На основе анализа мобилизационных ведомостей установлено, что 59 из них призывались с территории Беларуси. Гродненская епархия должна была предоставить 22 священника (двое в Виленский, остальные – в Варшавский военные округа), Минская – 14 священников, Могилевская – 14 священников, Полоцкая епархия – 9 священников (все в Виленский военный округ). Позже в расписание вносили изменения: например, к 1912 г. сократили количество священников, поступающих в распоряжение госпиталей, неприданных дивизиям (из епархий на территории Беларуси в госпитали, неприданные дивизиям, было решено направить только 7 священников из Полоцкой епархии) [11, л. 118]. В воинские части епархии должны были отобрать 152 кандидата, из них 8 – с территории Беларуси (4-х из Гродненской, 2-х из Минской и 2-х из Могилевской епархий) [11, лл. 63–65].

Следует отметить, что не все епархиальные консистории смогли найти требуемое число кандидатов. Епископ Гродненский в марте 1911 г. сообщал Синоду, что епархия не может предоставить 22 кандидата в формируемые госпитали: иеромонахов в монастырях епархии едва хватало для исполнения богослужений, а командирование белого духовенства лишило бы приходы священников и нанесло бы вред «гражданской и патриотической жизни общества» [11, л. 98об.]. Указом Синода от 15 марта 1911 г. Гродненской епархии разрешили избрать вместо 22 кандидатов лишь двоих (остальных поручалось найти в Черниговской и Волынской епархиях), но вместе с тем обязали обеспечить всех кандидатов богослужебными предметами. Пастыри с территории Беларуси стали поступать на службу по мобилизационным спискам с первых дней войны [4, с. 112].

Мобилизованное духовенство имело право на получение пособий: прогонных денег по расчету расстояния к месту назначения; 150 рублей на экипировку; военно-подъемных в размере четырехмесячного оклада (300 рублей); сумм на приобретение верховой лошади, седла или повозки [12, л. 223об.]. При выступлении в поход кроме основного жалования священник получал суточные полевые пособия, размер которых зависел от местности, где он служил. Это была экономически самая защищенная часть поступающего в армию на время войны епархиального духовенства.

Еще один путь поступления епархиального духовенства на временную службу в ведомство военного и морского духовенства – назначение по специальному распоряжению протопресвитера. Стараниями Г.И. Шавельского священнослужительские должности учреждали в воинских частях и учреждениях по ходу войны, и появились вакантные места, для замещения которых мобилизованного из епархий духовенства не хватало. Поэтому по ходатайству протопресвитера Синод рассылал в духовные консистории указы об отправке священников в ряды военных пастырей. Первый такой указ был направлен в Киевскую, Харьковскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую епархии еще в сентябре 1914 г.: каждая

должна была предоставить 10 кандидатов в распоряжение протопресвитера [5, с. 83]. Но, ввиду формирования новых частей и переформирования старых, а также увеличения числа выбывших священнослужителей, потребность в кадрах некоторое время сохранялась. Уже 23 мая 1915 г. указом Синода Минскому, Могилевскому, Полоцкому, Курскому и Херсонскому епископам было поручено назначить десять священников в распоряжение протопресвитера [13, л. 60]. Кандидаты должны были иметь надлежащее богословское образование, патриотический настрой, хорошее физическое здоровье, соответствующий возраст (до 45 лет) [14, л. 1]. Епархия должна была также обеспечить командированных содержанием и всем необходимым для службы. Г.И. Шавельский вспоминал, что не все епархии отбирали кандидатов в соответствии с требованиями: «в 1915 году Полоцкое епархиальное начальство, по требованию Синода, избрало пятерых: четверо из них было в возрасте от 62 до 71 года, а пятый находился под судом. Конечно, ни один из них не был допущен протопресвитером на театр военных действий. При таком положении дела могли проникать в армию и недостойные» [15, с. 98–99]. Проконтролировать соответствие всех епархиальных священников требованиям ведомства было проблематично ввиду их многочисленности.

Ряды военного духовенства пополнялись за счет добровольцев. Можно назвать несколько причин их стремления поступить на временную службу в ведомство протопресвитера. Нередко священники руководствовались патриотическими чувствами, желая послужить царю и отечеству в военное время. Вместе с тем, важной причиной являлась денежная сторона вопроса: служба в ведомстве протопресвитера, пусть и временная, принесла бы священнику больший, нежели чем в епархии, доход [5, с. 83]. Например, служащий в Пашковской церкви Могилевского уезда А. Билецкий просил архиепископа Могилевского и Мстиславского Константина разрешить ему поступить священником в действующую армию, так как Пашковский приход малочисленный и крайне скуден по обеспечению причта [16, л. 1].

Протопресвитер, принимая на службу священников, руководствовался не только уровнем образования и соответствием месту службы, но и обращал внимание на место проживания: он предпочитал принимать на службу священников из ближайших к фронту епархий, так как командирование их в армию требовало меньших расходов и времени [17, л. 95об.].

С поступлением епархиальных иереев на временную службу в ведомство протопресвитера возникал ряд проблем, главной из которых стало сохранение за добровольцами мест епархиальной службы и содержания по ним. Для призванных по мобилизационному расписанию и указам Синода такой проблемы не возникало: указом Синода от 1 августа 1914 г. им гарантировалось сохранение места и содержания. При этом под содержанием понималось казенное жалование, проценты с капиталов, доход от оброчных статей, выгоды от земли и квартиры в натуре, если такие имелись при церквях [7, л. 60]. Поступая на временную службу в ведомство протопресвитера, добровольцы рассчитывали, что такой порядок будет распространяться и на них. Однако указом Синода от 4 июня 1916 г. разъяснялось, что на основное содержание и сохранение прихода могут претендовать только те, кто призван по мобилизационному расписанию. Кроме того, суммы, не входящие в основное содержание (кружечные и братские доходы, вознаграждения за требы), должен получать заместитель [18, с. 295]. На основании данного указа за добровольцами можно было не сохранять место в епархиях. Вместе с тем необходимо отметить, что и до указа от 4 июня 1916 г. имели место случаи увольнения священников из епархий: священника Горвельской церкви Речицкого уезда И. Загоровского исключили из списков духовенства Минской епархии вопреки обещанию епископа оставить приход за ним (прошение от 10 мая 1915 г.), священника А. Шимановского из Борисовского уезда отчислили из епархии ввиду ухода на службу в армию (рапорт от 23 февраля 1915 г.) [19, л. 30; 20, л. 1].

В сложившейся ситуации часть служащего в армии епархиального духовенства оказалась под угрозой остаться без основного места службы после войны. В дело пришлось вмешаться протопресвитеру. На основании его рапорта, 12 октября 1916 г. Синод принял решение, по которому июньский указ не распространялся на священников-добровольцев, поступивших на службу в ведомство военного духовенства до 4 июня 1916 г., следовательно, приходы за ними должны были быть сохранены [21, л. 1]. Позже, в соответствии с указом Синода от 30 января 1917 г., было решено оставить вопрос о сохранении прихода на усмотрение епископа. Из каждой епархии следовало направить в распоряжение протопресвитера не менее 7 человек от епархии. На примере Могилевской епархии шестеро из семерых командированных сохранили свои места службы: лишь священник Городищенской церкви Горецкого уезда А. Керножицкий был уволен с занимаемого места [22, л. 1 об.].

Полевая канцелярия протопресвитера и Духовное правление старались допускать в армию только тех добровольцев, у которых имелись бумаги, подтверждающие согласие духовной консистории на временный переход в ведение протопресвитера священника, с сохранением за ним прихода и содержания. Это требование имело целью защитить ведомство протопресвитера от возможных претензий со стороны временно поступивших на службу в ведомство священников: в противном случае не имеющие мест в епархиях по окончании войны могли потребовать компенсацию годового жалования, или попросить штатное место в ведомстве протопресвитера [23, лл. 401–401об.]. Анализ делопроизводства главного священника армий Западного фронта показал, что при отсутствии согласия епархиального начальства добровольцам отказывали. Да и сами епархиальные консистории часто не соглашались на временную службу своих священников в ведомстве протопресвитера: архиепископ Могилевский и Мстиславский Константин «затруднялся» согласиться на отправку иерея Мордашевичской церкви Оршанского уезда С. Глыбовского с сохранением за ним места по службе (август–сентябрь 1916 г.) [24, л. 2]. Он же отказывался отправить

в армию иерея Шамовской церкви Мстиславского уезда Н. Шафрановского без увольнения из епархии [25, л. 1]. Консистории не желали отправлять своих священников по ряду причин. Так, по мере увеличения числа отбывающих на службу в армию священников, в епархиях стала ощущаться их нехватка. Например, в декабре 1916 г. староста и попечители Греской церкви Слуцкого уезда Минской губернии жаловались епископу Минскому и Туровскому на отсутствие священника в приходе: «вот уже пошел четвертый месяц с тех пор, как бывший у нас священником о. Сергей Радевич добровольно ушел в полковые священники и на его место никто не прислан до сих пор, между тем потребность в церкви и в священнике у нас в настоящее время очень велика ... смертность людей увеличилась, и трупы умерших хоронятся без священника, желание же молиться в церкви в это тяжелое время у всех очень велико» [26, л. 74]. Или рапорт благочинного 1-го округа Невельского уезда епископу Полоцкому и Витебскому Кириону от 31 января 1917 г. о командированном в армию в 1915 г. священнике Смирнове: «Отсутствие этого священника весьма ощутительно, ибо и в мирное время, при полном составе соборных священников, им нелегко управиться со всем делом в приходе... В настоящее же время дел в приходе много прибавилось, вследствие прибытия в приход беженцев и расквартирования здесь нескольких воинских частей» [27, л. 2об.]. Кроме того, нежелание отпускать священников с сохранением места было связано со сложностью обеспечения заместителей достойной оплатой труда [7, л. 61].

Однако, несогласие архиереев не было помехой для отдельных священников: они все равно покидали места епархиальной службы и уходили на временную службу в военно-духовное ведомство. Многие из них надеялись остаться в штате ведомства протопресвитера, или рассчитывали получить место в приходе после войны. Самым ярким примером можно считать историю А. Кадея из Пинского уезда Минской епархии, который вступал в неоднократные конфликты с епархиальным и военно-духовным начальством [7, л. 124]. Добровольцем он был назначен во 2-й лазарет 64-й пехотной дивизии, но уже в 1915 г. стал требовать гарантий по сохранению за ним прихода в епархии, хотя ушел в армию без согласия архиерея. Синод оставил ходатайство без удовлетворения [13, л. 140]. За время войны он успел послужить на Северном, Западном, Юго-Западном фронтах, везде плохо себя зарекомендовал, и, в конце концов, был отчислен в епархию с широкой оглаской (решено на Втором всероссийском съезде военного и морского духовенства в июле 1917 г.).

На особых условиях в ряды военного духовенства влились священники-беженцы. Лишившись места службы, духовенство оккупированных территорий и их семьи оказались в плачевном положении, многие обращались за помощью в Синод. 24 октября 1915 г. Синод издал указ «Об устройстве судьбы беженцев-клириков». Он преследовал целью защитить лишенных работы и дома священников. Для этого всем епископам было поручено предоставлять духовенству оккупированных епархий возможность временно исполнять священнические обязанности на имеющихся вакантных местах. [28, лл. 2 – 2об.]. Этот указ был также адресован и протопресвитеру военного и морского духовенства. Консистории занятых противником епархий не были против службы в ведомстве протопресвитера своих священников, оставляя за собой право отозвать их в случае необходимости. В 1916 г. архиепископ Гродненский и Брестский писал главному священнику Западного фронта, что беженцы, служащие в тылу, должны вернуться в епархию по мере освобождения их приходов [29, л. 31].

Вкладом ведомства военного и морского духовенства в устройство беженцев стало поручение главным священникам предоставлять места в армии в первую очередь пригодным для службы на театре военных действий [28, л. 2об.]. Для получения места в армии им было достаточно предоставить удостоверение личности и документы, подтверждающие право на исполнение пастырских обязанностей [6, с. 59]. Изучение рапортов и донесений главного священника армий Западного фронта позволяет сделать вывод, что среди назначавшихся священников было большое число выходцев из Гродненской епархии (по данным РГИА большая часть этих священников была отправлена в военно-санитарные поезда и лазареты), часто встречаются представители Минской и Литовской епархий [5, с. 84; 30].

Устройство беженцев было использовано ведомством протопресвитера как возможность заменить часть поступивших в воинские части и учреждения иеромонахов. Данные меры позволили бы сократить расходы, связанные со службой иеромонахов и заменить несоответствующих требованиям ведомства на более достойных [28, л. 2об.]. Большинство из них находились в преклонных годах, и, что не менее важно, не имели необходимого образования и подготовки. Главный священник армий Западного фронта писал, что госпитальные иеромонахи «люди одинокие, нередко уже преклонных лет, и после 15-ти месяцев военно-походной жизни уставшие и нуждающиеся в продолжительном отдыхе, а иногда и серьезном лечении» [28, л. 117]. Поэтому он предлагал штабным священникам составить списки тех, кого можно заменить иереями-беженцами.

Идея замены иеромонахов иереями была поддержана не только главными и штабными священниками, но также командирами частей и главными врачами госпиталей. Так, главный врач 408-го полевого запасного госпиталя, расположенного в Ракове, согласился с заменой иеромонаха о. Иоанникия («человека болезненного и крайне скудного образования»), дабы оказать помощь священникам-беженцам, обремененным семьей [28, л. 149]. Иеромонах 11-го полевого запасного госпиталя был отчислен в августе 1916 г. по причине «болезненного состояния и необходимости дать место весьма нуждавшемуся в средствах священнику-беженцу, который, как получивший полное богословское образование принесет больше пользы, чем не получивший образование иеромонах» [31, л. 131]. Начальник 9-го головного эвакуационного пункта в Лунинце просил заменить служа-

щих в госпитале иеромонахов образованными священниками: «оба эти иеромонаха – люди не только без всякого образования, но люди едва грамотные ... не только не в состоянии вести каких-либо бесед духовно-нравственного содержания с больными и ранеными, но они не в состоянии дать даже надлежащее разъяснение прочитанному Св. Евангелию» [32, лл. 67 – 67об.]. Многие иеромонахи ситуацией довольны не были, но им пришлось покинуть места службы, уступив их беженцам.

Беженцам полагалось жалование в соответствии с занимаемой должностью. Сохранение же приходского жалования было в компетенции епархиального начальства. По распоряжению протопресвитера, беженцы были лишены права получения единовременных пособий военного времени. Поэтому при поступлении на службу в ведомство протопресвитера они давали подписку о согласии служить за одно жалование и полевые порции, без права получения пособий военного времени [30, л. 21].

Важной стала проблема соответствия месту назначения командируемых в распоряжение протопресвитера епархиальных священников. Назовем несколько причин, по которым прошения епархиального духовенства отклоняли. Единогласно отказывали добровольцам, не предоставившим характеристику (отзыв) и послужной список из епархии. Отказывали не имеющим должного образования. И, конечно, отказывали в случае отсутствия вакантных мест. Во всех случаях прошение или оставляли без ответа, или же выносились соответствующая резолюция протопресвитера («Отклонить», «Отклонить за неимением мест», «Отклонить ввиду большого числа кандидатов», «Отклонить, так как есть более достойные кандидаты»). Отметим, что нехватка священников имела место в начале войны: речь идет о госпиталях, саперных и железнодорожных батальонах, артиллерийских бригадах [33, с. 201]. В артиллерийских бригадах, запасных полках эта проблема оставалась актуальной на протяжении войны. Но в целом проблема нехватки священников в армии в историографии несколько преувеличена.

С поступлением епархиальных священников на службу в ведомство протопресвитера армия пополнялась лицами, не всегда имеющими достаточный уровень образования и пастырского опыта. Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства оказалось в неоднозначной ситуации. С одной стороны, оно имело возможность выбирать кандидатов из числа добровольцев, основываясь на послужных списках и отзывах консистерий, отсеивая тех, кто не соответствовал требованиям ведомства. Но с другой стороны, проводить отбор среди священников-беженцев не было возможности: исполняя указ Синода, протопресвитер был вынужден снисходительно относиться к ним и предоставлять место службы. В работе А. Кострюкова процитированы весьма красноречивые слова Г.И. Шавельского: «Руководство военным духовенством затруднялось тем обстоятельством, что армия переполнялась мобилизованными, взятыми из епархий, не знавшими духа, условий военно-духовной службы священниками» [1, с. 150]. Не имеющие опыта службы среди военнослужащих, епархиальные священники пытались устроить свою деятельность в армии по принципу службы в приходе, делая акцент на культурную деятельность, в то время как военному священнику полагалось не только отправлять требы, но в большей степени выполнять идеологическую, нравственно-патриотическую, воспитательную работу. Но у протопресвитера не было выбора: выбывающее духовенство следовало замещать, а также назначать священнослужителей на новые места. В таких условиях все, что оставалось Г.И. Шавельскому – выбрать наиболее подходящих для службы в частях и учреждениях российской армии. Поэтому в годы войны остро стояла не столько проблема нехватки духовенства в армии, сколько нехватка соответствующего месту службы духовенства.

Положение епархиальных священников, находящихся на временной службе в ведомстве военного и морского духовенства, пошатнулось после Февральской революции. Еще весной 1917 г. начались увольнения. Чаще всего они были связаны с сокращением должностей, расформированием воинских частей и учреждений. Эти решения принимались высшим военным или духовным руководством и были обусловлены военной необходимостью, а также сокращением расходов. Под сокращение попадали именно епархиальные священники, как временно откомандированные в действующую армию. Иногда увольнение священников могло быть инициировано самими военнослужащими: солдаты мотивировали свое решение экономией, или же недовольством своим священником. В таком случае отчислить от должности могли как штатного, так и внештатного священнослужителя. Увольнял также протопресвитер и главные священники фронтов. Чаще всего это было связано с неприемлемым отношением к службе (неисполнение обязанностей, отсутствие на месте службы, монархические настроения). Так, священник-беженец из Гродненской епархии, был отчислен в епархию за то, что, прибыв на работу в госпиталь, позволил себе перед солдатами выразить недоверие совершившейся революции и пришедшему к власти Временному правительству, а также надежду на восстановление самодержавия [34, л. 1].

Сами священники видели свое будущее по-разному. Штатное военное духовенство не опасалось за свою судьбу: по окончании войны их должности сохранялись [35, с. 123]. А вот священники, поступившие в ведомство на время войны, оказались перед выбором.

Часть священников (преимущественно мобилизованные, призванные специальными распоряжениями протопресвитера и некоторые добровольцы), подает рапорты об увольнении и возвращении на епархиальную службу. Причина крылась не столько в боязни за свою жизнь в условиях нарастающего недовольства солдат, сколько в желании как можно быстрее вернуться в епархию и занять свой или иной свободный приход, пока это еще возможно. Они понимали, что по демобилизации мест в ведомстве военного духовенства не будет,

равно как осознавали, что в епархии на их место уже мог прийти другой священнослужитель или же закрепился заместитель (если он понравился прихожанам). На имя протопресвитера стали поступать рапорты с просьбами об отчислении или хотя бы длительной командировке для устройства в епархии. В качестве причины увольнения называли плохое самочувствие, усталость от войны, семейные обстоятельства. Вместе с тем, все эти причины не являлись уважительными. Единственное, что могло стать уважительной причиной для увольнения – справка, подтверждающая ухудшение состояния здоровья. Но причины, указанные в таких справках, зачастую были несерьезными (утомление, бессонница, слабость желудка).

Тогда священники попытались вернуться в епархию с помощью прошений паствы и консистории. Но и это для протопресвитера не являлось уважительной причиной. 26 октября 1917 г. из полевой канцелярии главному священнику Западного фронта пришло разъяснение, согласно которому ходатайство прихожан о возвращении в приход тех или иных священников, находящихся в действующей армии, не может служить основанием для увольнения в епархии [36, л. 725]. Отчаявшись, отдельные священнослужители сбегали из армии [36, л. 784].

Причина удерживания священников из епархий в армии крылась в финансовой стороне вопроса. Дежурный генерал штаба командующего армиями Западного фронта 16 апреля 1917 г. писал главному священнику, что священники, назначенные в армию и получившие все виды пособий военного времени не могут быть уволены из армии по семейным или иным обстоятельствам [37, л. 6]. Но священники не оставляли надежду покинуть армию, забрасывая протопресвитера прошениями об увольнении. Ситуация была замечена и военнослужащими: в письме на имя протопресвитера от 12 сентября 1917 г. они указывали на бегство епархиальных священников из армии без возвращения полученных ими пособий [29, лл. 180 – 180об.]. Только в ноябре 1917 г. увольнять священнослужителей без взыскания пособий военного времени разрешили в случае их замены другим священником (обычно из лишившихся места службы) без новых финансовых затрат [29, л. 187].

В иной ситуации оказались священники-беженцы, часть добровольцев, а также мобилизованные из бедных и малочисленных приходов. Такие священнослужители старались остаться в ведомстве военного и морского духовенства. После войны, по расформированию частей, идти им было некуда: священники-беженцы лишились своих приходов, священники-добровольцы были отчислены, а на их место назначены другие. Кроме того, почувствовав разницу между доходами и занятостью духовенства епархиального и военного, некоторые хотели попытаться счастья и закрепиться в штате. Однако свободных должностей не было, а если и были, то на них в первую очередь назначали духовенство, служившее в ведомстве по штатам мирного времени, но лишившееся должностей после Февральской революции.

Новые прошения из епархий протопресвитером отклонялись. В июне 1917 г. он просил главного священника Западного фронта отказывать добровольцам и назначать на вакантные места уже имеющееся духовенство [37, л. 24]. Поэтому на большинстве прошений 1917 г. стоят резолюции «Отказать», «Отказать за множеством кандидатов», «Ничего не могу сообщить, ибо не знаю, сколько постоянных мест останется», «Не могу обещать, пока не пристрою старослужащих в ведомстве» и прочее [17; 38].

Ухудшение кадровой ситуации происходит после прихода к власти большевиков. Перемирие с Германией ускорило расформирование воинских частей, а с ними и упразднение должностей священнослужителей. В конце 1917 г. увеличивается число прошений духовенства о предоставлении мест в ведомстве ввиду расформирования воинских частей, а также жалоб на невозможность устроиться на службу в епархиальное ведомство. Например, священник 62-й пехотной дивизии К. Зенкович, беженец из Гродненской епархии, писал протопресвитеру о скором расформировании дополнительных воинских частей, ввиду чего он может остаться без должности, а вернуться на старое место службы в епархии нет надежды [38, л. 369]. К декабрю 1917 г. число священников в армиях Западного фронта сократилось до 392 человек (против 750 в мае 1917 г.) [8, лл. 184–193].

Окончательно ведомство военного и морского духовенства было ликвидировано 16 января 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам № 39 «О расформировании всех управлений духовного ведомства». Все священнослужители всех вероисповеданий подлежали увольнению со службы в военном ведомстве, а все их управления – расформированию. Войсковым комитетам предоставили возможность оставить священника, но в таком случае расходы на его содержание возлагались на военнослужащих [39, с. 260]. Поэтому неудивительно, что священников в частях не оставили. Несколько тысяч человек оказались без места службы и средств к существованию [40, с. 23]. 29 января 1918 г. протопресвитер писал в Народный комиссариат по военным делам, что в ведомстве состоит порядка 3700 священнослужителей (из которых 3000 – нештатные), и все они нуждаются в материальной помощи [41, л. 1об.]. Поместный собор просил выделить помощь всем «безместным» священникам на 6 месяцев [42, лл. 5об., 8 – 8об.]. По данным А.В. Соколова, государство выплатило содержание духовенству только за январь-февраль 1918 г., что составило 50 000 рублей, и больше никакой помощи со стороны государства оказано не было [43, с. 713–714].

Мало кто возлагал надежды на устройство в епархиях. Если у нештатного духовенства имелись шансы вернуться на службу в епархии, то штатные священники ведомства являлись для епархий «совершенно чуждым и излишним элементом», который не может рассчитывать на должности и пособия по епархиальной службе. «Ликвидируя свои дела в полку, – писал священник А. Вишняков, – едет иерей Божий в епархию, с которой связь давно порвана, где его основательно уже забыли, едет в поисках места... Пока пройдет его кандидатура

куда-либо, пока подвергаемый «пробе» избирателями, он найдет себе приход, сколько мук испытать придется!» [44, с. 35]. Найти приход было сложно. В первую очередь на вакантные места назначали уже имеющихся кандидатов, после шла очередь нештатного военного духовенства, и последними в очереди шли штатные военные священники [45, с. 19]. Часто в качестве места службы предлагались бедные приходы. Поэтому судьба епархиальных священников, решивших послужить отечеству в годы Первой мировой войны в рядах военного духовенства, сложилась по-разному: кто-то вернулся на прежнее место службы, кому-то удалось устроиться в новом приходе. Но были и те, кому места службы не нашлось. В таком случае известны случаи перехода духовенства на работу, не связанную с культовой деятельностью.

Заключение. В годы Первой мировой войны значительное число епархиальных священников поступило в распоряжение протопресвитера военного и морского духовенства для религиозного обслуживания военнослужащих российской армии. Часть из них попала в армию по мобилизационному расписанию 1910 г. (586 человек). Они гарантированно сохраняли за собой места в епархиях и получали достойное содержание. Также, ввиду большого количества вакантных должностей и замены имеющегося духовенства по запросу протопресвитера, Синод поручал епархиальным консисториям направлять дополнительное количество священников в распоряжение Г.И. Шавельского. Мобилизованные по специальным распоряжениям по своему статусу приравнивались к священникам из мобилизационных списков. Вместе с тем, епархиальные священнослужители нередко сами просили принять их на временную службу в ведомство военного и морского духовенства. Однако эта часть священников столкнулась с проблемой увольнения из епархии и потерей содержания по епархиальному месту службы. Также была предоставлена возможность служить в частях и учреждениях армии священникам-беженцам, потерявшим место службы в епархиях, оккупированных противником. Важно, что поступающие на службу в ведомство протопресвитера епархиальные священники не понимали специфику службы в воинской среде, а потому нередко делали акцент не на идеологическую и воспитательную работу, а на культовую деятельность. Протопресвитер старался осуществлять отбор кандидатов, однако ввиду их многочисленности, занятости самого протопресвитера, а также особых привилегий для некоторых из них (беженцев), осуществление отбора проводилось неэффективно, что привело к появлению в армии непригодных для службы священнослужителей. В период революционных преобразований положение епархиальных священников в армии пошатнулось, начались увольнения. Окончательно епархиальное духовенство покинуло ряды военных священников после упразднения военно-духовного ведомства большевиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кострюков, А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году / А.А. Кострюков // Церковь и время. – 2005. – № 2. – С. 143–198.
2. Фирсов, С.Л. Военное духовенство России. К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий / С.Л. Фирсов // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 19–24.
3. Малишко, С.В. Мобілізація православного військового і морського духовництва російської армії та флоту в 1914 р. / С.В. Малишко // Зб. наук. пр. Сер. Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т. – Харків, 2013. – Вип. 49. – С. 88–92.
4. Родионова, О.А. Деятельность духовенства Минской епархии в начальный период Первой мировой войны / О.А. Родионова // Просвещение, свидетельство и проповедь. Миссия Церкви: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1020-летию крещения Руси, Минск, 15–16 дек. 2008 г. / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорус. гос. ун-та, С.-Петербург. гос. ун-т ; под общ. ред. епископа Бобруйского и Быховского Серафима (А.Д. Белоножка). – Минск, 2009. – С. 110–113.
5. Старостенко, Э.В. Священники белорусских епархий в рядах военного духовенства Российской империи в годы Первой мировой войны / Э.В. Старостенко // Религия и общество – 10 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–23 марта 2016 г. / Могилев. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев, 2016. – С. 82–85.
6. Старостенко, Э.В. Поступление епархиальных священников на временную службу в ведомство пресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны (на материалах Беларуси) / Э.В. Старостенко // Романовские чтения – 13 : сб. статей Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова ; Могилев, 25–26 октяб. 2018 г. / МГУ им. А.А. Кулешова ; под общ. ред. А.С. Мельниковой. – Могилев, 2019. – С. 58–59.
7. Старостенко, Э.В. Деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э.В. Старостенко. – Минск, 2018. – 187 л.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10392.
9. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10581.
10. Емельянов, С.Н. Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн / С.Н. Емельянов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 51–60.
11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 7118.
12. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9159.
13. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9768.
14. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 826.

15. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 2. – 412 с.
16. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 961.
17. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10304.
18. Указ Святейшего правительствующего Синода от 4 июня 1916 г. // Полоц. епарх. ведомости. – 1916. – № 25. – С. 293–295.
19. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38485.
20. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38455.
21. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 713.
22. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 826.
23. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 1.
24. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 748.
25. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 967.
26. НИАБ. – Ф. 96. Оп. 13. Д. 2.
27. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 99.
28. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9627.
29. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 21.
30. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9761.
31. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 3.
32. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10025.
33. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.
34. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10112.
35. Старостенко, Э.В. Изменение положения православного военного духовенства Западного фронта после Февральской революции 1917 г. / Э.В. Старостенко // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. Междунар. науч. конф., СПб., 20 окт. 2017 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов [и др.] – СПб., 2017. – Вып. 4. – С. 117–130.
36. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10321.
37. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10348.
38. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10315.
39. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. – М. : [б. и.], 1942. – 1483 с.
40. Старостенко, Э.В. Православное военное духовенство Западного фронта в период революционных преобразований 1917 г. в России / Э.В. Старостенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2017. – № 2. – С. 19–24.
41. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10526.
42. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 3431. Оп. 1. Д. 444.
43. Соколов, А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.В. Соколов. – СПб., 2014. – 810 л.
44. Вишняков, А.В. Молчать больше нельзя / А.В. Вишняков // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 11/12. – С. 35–37.
45. Старасценка, Э.В. Прусаваўнае васнае духавенства на тэрыторыі Беларусі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года / Э.В. Старасценка // Беларус. гіст. часопіс. – 2018. – № 6. – С. 16–20.

Поступила 08.04.2020

DIOCESAN PRIESTS IN THE SERVICE IN THE DEPARTMENT OF THE PROTOPRESBYTER OF THE MILITARY AND NAVAL CLERGY DURING THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

E. STAROSTENKO

The article is devoted to researching of service of the diocesan clergy in the department of the protopresbyter of the military and naval clergy during the First World War. The main ways of entering the service of priests in the department of the protopresbyter, their salary, and the difficulties associated with maintaining the former place of service are studied. It is considered the suitability of the clergy coming from the dioceses to the destination in this article. Also it is traced the change in the position of diocesan priests in the army after the abdication of Nicholas II and establishment of Provisional government and it is examined the fate of the diocesan priests after the abolition of the department of protopresbyter of military and naval clergy.

Keywords: First World War; department attached to protopresbyter of military and navy clergy; Russian Orthodox church, orthodox clergy.

УДК 39 (476-22) (091)

ПАСЛЯВАЕННАЕ ЖАБРАЦТВА Ў ДЫСКУРСЕ ВУСНАЙ ГІСТОРЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ¹

канд.гіст.наук, дац. А.В. СУМКО
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Разглядаецца пасляваеннае жабрацтва як адмысловая практыка ў сістэме жыццезабеспячэння вясковага насельніцтва ў складаных эканамічных умовах. У якасці крыніц выступілі матэрыялы вуснай гісторыі, якія дазволілі зразумець спецыфіку абранай праблемы і ахарактарызаваць адметнасці рэпрэзентацыі феномена наваеннага жабрацтва ў калектыўнай памяці вясковага насельніцтва Віцебшчыны.

Ключавыя словы: пасляваенная вёска, вусная гісторыя, Віцебская вобласць, жабрацтва, старцы, голад, стратэгія жыццезабеспячэння.

Уводзіны. Феномен жабрацтва ўзгадваецца ў розных культурах. Пад гэтай соцыякультурнай з’явай разумеецца сістэматычнае прашэнне міласціны ў незнаёмым людзям, якая з’яўляецца для жабрака асноўным сродкам жыццезабеспячэння. У канцы XIX ст. з’яўляюцца даследаванні, якія аналізуюць гэты спецыфічны промысел, яго прыроду і вылучаюць катэгорыі жабракоў. Найбольш ярка дадзены феномен прадстаўлены ў этнаграфічных працах, дзе прадметам даследавання выступаюць перш за ўсё рытуальна-сімвалічныя аспекты жабрацтва і дваісты сацыяльны статус жабракоў у традыцыйным беларускім грамадстве. Яшчэ ў канцы XIX ст, аналізуючы соцыякультурны ландшафт Беларускага Падзвіння, М.Я. Нікіфароўскі пазначаў, што “старцы-жебракі” ў народных уяўленнях выступалі пасрэдкамі паміж светам жывых і памерлых, успрымаліся вяскоўцамі як “божыя людзі”. Разам з тым ён адзначаў, што жабракі знаходзіліся па-за сацыяльнай структурай вёскі і ў зносінах з імі захоўвалі дыстанцыю. “Да “старца” падыходзяць на самы кароткі час, каб падаць міласціну, з ім гавораць толькі ў межах таго, за чыю “душаньку” творыцца падаянне” [1, с. 17]. Крыўда ці выпадкі падману жабракоў былі вельмі рэдкімі, бо лічылася, што гэта адбывалася на памерлых продках чалавека, што схібіў [2, с. 343].

Жабракоў (старцаў) аб’ядноўвала адзіная стратэгія жыццезабеспячэння, але яны адрозніваліся матывамі і практыкавалі розныя мадэлі паводзін. М.Я. Нікіфароўскі падзяляў жабракоў на “выпадковых” і “прафесійных” і адзначаў, што “чым цяжэй год у сельскагаспадарчым вымярэнні, тым большая колькасць “выпадковых старцаў” блукае за міласцю, то ў адзіночку, то ўдваіх, асабліва браты і сёстры. У больш цяжкіх абставінах з малалеткамі выходзяць старыя. “Выпадковыя старцы” з’яўляюцца каля Філіповак, блукаюць да Раства...знікаючы па меры набліжэння палявых работ. ...тады застаюцца на вольным свеце прафесійныя “старцы”” [1, с. 19–20]. Прымаючы падзел жабракоў на “выпадковых” і “прафесійных”, даследчыкі XIX – пачатку XX ст. на падставе эмпірычнага матэрыяла вылучалі тыповыя рысы перш за ўсё “прафесійных” старцаў. Што датычыла “выпадковых”, то адзначалася, што “часовыя жабракі нічога тыповага з сябе не ўяўляюць. Гэта тыя ж сяляне, якія часова надзелі торбу. “Збярэ пагарэлец, што трэба для будаўніцтва ... абміне галеча ў селяніна, пацярпелага ад няўрода і ён здыме з сябе торбу, прымецца за гаспадарку” [3, с. 5–6].

Тэма жабрацтва, як промысла адмысловай сацыяльнай групы “старцаў”, гучыць і ў матэрыялах вуснай гісторыі, якія адлюстроўваюць з’явы 1920-х – 1930-х гадоў. Што датычыць наратываў пра жыццё пасля вызвалення ад нацыстаў і перыяд пасляваеннага аднаўлення, то яны фіксуюць феномен “вымушнага жабрацтва”, які з аднаго боку дэманструе ўзнаўленне практык “класічнага жабрацтва” XIX – пачатку XX ст., а з другога боку – прафанацыю сакральнага статусу “старцаў”, бо на першы план выходзіла ўтылітарная прагматыка жыццезабеспячэння, а рытуальныя і магічныя практыкі альбо цалкам адсутнічалі, альбо выяўляліся ў рудыментарных, фармальных варыянтах.

Даследаванне феномена пасляваеннага жабрацтва мае адносна непрацяглую традыцыю. Найбольш поўна яно прадстаўлена ў расійскай гістарыяграфіі, у межах якой даследуюцца заканадаўчыя аспекты дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да жабракоў у другой палове XX ст. [4], а само жабрацтва разглядаецца як эфектыўная сацыяльная практыка (праява “сацыяльнага імунітэту”), заснаваная на культурнай пераемнасці базавых класічных жабрацкіх стратэгіі дарэвалюцыйнага перыяду [5]. Што датычыць айчынай гістарыяграфіі, то праблема пасляваеннага жабрацтва не стала прадметам асобнага даследавання. Яна ўскосна разглядалася ў рэчышчы пасляваеннага голада і стратэгіі выжывання насельніцтва ў складаных умовах [6; 7].

Геаграфія даследавання – сучасная тэрыторыя Віцебшчыны, якая ў пасляваенны час (з 1944 па 1954 год) была прадстаўлена дзвюма абласцямі: Полацкай і Віцебскай, сацыяльна-эканамічныя адрозненні паміж якімі былі абумоўлены ўключэннем у склад першай раёнаў (Браслаўскі, Відзаўскі, Глыбоцкі, Дзісенскі, Докшыцкі, Дунілавіцкі, Міёрскі, Пліскі і Шаркаўшчынскі), што да 1939 г. уваходзілі ў склад Польшчы, дзе пераважала прыватная ўласнасць на зямлю і аднаасобная гаспадарка. У выніку рэгіён меў у сваім складзе раёны з рознымі тыпамі сацыяльна-эканамічнага ўкладу, розным узроўнем дабрабыту насельніцтва і неадпаведнымі стартавымі ўмовамі пасляваеннага аднаўлення. Вывучэнне пасляваеннага жабрацтва з пазіцыі антрапалагічнага падыходу і этнаграфічнага метаду збору інфармацыі на прыкладзе пэўнага рэгіёну дае

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД-РФФД “Субкультура дзетства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века”, дамова № Г20Р-095.

магчымаць дэталёва прааналізаваць праблему, вызначыць характэрныя рысы азначанага феномена. Храналагічныя межы пасляваеннага жабрацтва ахопліваюць не толькі першыя гады пасля вызвалення, але 1946/47 год, калі засуха і няўроды актуалізавалі праблему фізічнага выжывання.

Асноўная частка. Пасля вызвалення разглядаемы рэгіён знаходзіўся ў цяжкім эканамічным становішчы. Агульная колькасць сельскага насельніцтва Віцебскай вобласці (14 раёнаў) на 1 студзеня 1945 г. складала 433, 8 тыс. чалавек (61% ад даваеннай колькасці), па ўсходніх раёнах (6 раёнаў) Полацкай вобласці – 123,5 (52,3%), па заходніх раёнах (9 раёнаў) Полацкай вобласці – 241, 2 (75,5%) [8, с. 241–242]. У надзвычай экстрэмальных умовах апынуліся жыхары тых раёнаў, дзе нацысты ў барацьбе з партызанамі праводзілі палітыку “выпаленай зямлі”. “Уся дзярэўня згарэўшы. На пняк сталі, настаялі, накруціліся, нічога не было...”² (Расонскі р-н); “А на вясну мы прыехалі. 23 апрэля мы прыехалі, так, а што ж мы прыехалі?! Стаяць коміны і ўсё”³ (Пастаўскі р-н). Шэсць усходніх раёнаў Полацкай вобласці (Асвейскі, Ветрынскі, Дрысенскі, Полацкі, Расонскі, Ушацкі) і сем раёнаў Віцебскай (Гарадоцкі, Дубровенскі, Сіроцінскі, Суражскі, Чашніцкі, Лёзненскі, Мехоўскі) былі ўключаны ў лік 36 найбольш пацярпелых ад нацыстаў на тэрыторыі БССР [9, л. 10]. Паказальнай можа з’яўляцца сітуацыя ў вызваленым Расонскім раёне, дзе з 16 сельскіх саветаў у 10 былі цалкам знішчаны ўсе грамадзскія і жылля забудовы, сельскагаспадарчы інвентар і дамашнія жывёлы, а з 38 000 даваенага насельніцтва засталася 17 508 чалавек, якія ва ўмовах ваенных дзеянняў 1944 г. пасяўныя работы не праводзілі [10, л. 13]. Частка насельніцтва Расонскага раёна амаль год хавалася ў лясах, а частка была эвакуіравана ў раёны Калінінградскай вобласці. Пасля вяртання на вызваленую тэрыторыю людзі жылі ў зямлянках, лазнях, непрыстасаваных для пражывання памяшканнях. Згодна з архіўнымі данымі без прытулку засталіся 37, 3% сельскага насельніцтва Віцебскай вобласці, 34% – Полацкай вобласці [9, л. 35]. Частка насельніцтва, пасля вызвалення ў 1944 г., пакідала спустошаныя раёны і сыходзіла ў ацалелыя раёны Беларусі, а таксама ў Літву і Латвію. Напрыклад, у Ашмянскім раёне, які лічыўся багатым і ўраджайным краем, паводле партыйных даных, у жніўні 1945 г. пражывала 1700 сем’яў бежанцаў з Віцебскай і Мінскай абласцей [7, с. 102]. Тыя, хто заставаўся, былі вымушаны змагацца за выжыванне, максімальна выкарыстоўваючы ўсе наяўныя рэсурсы.

Успаміны вяскоўцаў фіксуюць, што вельмі актуальнай была праблема фізічнага выжывання на спустошанай тэрыторыі, калі пагроза гвалтоўнай смерці знікла, а на першае месца выйшла пагроза смерці ад голаду: “Пасля вайны нічога год не пахаўшы... Нічога не было” (Расонскі р-н) [11, с. 67]. У ежу ішло ўсё, што можна было есці: *Страшны голад быў. Коні здахалі, людзі падлу елі*”⁴ (Расонскі р-н); *Траву во елі эту. Шчавель расцёт такі... Сморгалі і пяклі эты ляпёшкі*”⁵ (Полацкі р-н). Неабходна адзначыць, што вусны дыскурсы голаду і экстрэмальнай гастронаміі фіксуецца пераважна ва ўсходніх раёнах рэгіёну [11, с. 72]. Адноўленыя ў першы год пасля вызвалення калгасы знаходзіліся ў вельмі цяжкім стане, аэбліва ў раёнах найбольш пацярпелых ад нацыстаў, таму магчымаасці эканамічнай дапамогі былі вельмі абмежаваныя. “Да вайны нічога было, і робілі, і стараліся, а пасля вайны галадавалі крэпка, цяжка было жыць. Калок запішуць. Давалі на яго якога хлеба. А які хлеб быў? Гірса была. Трудадні.. ну, як валы робілі” (Полацкі р-н)⁶.

Жыхары спаленых вёсак, каб элементарна выжыць, вымушаны былі займацца жабрацтвам і брацца за любую працу дзеля кавалка хлеба. Аб’ектыўна маршруты жабракоў і парабкаў пралягалі ў куды больш “сытыя” раёны Заходняй Беларусі: “А тады жабраваць мама хадзіла ў Храброва (на той старане, за Дзьвіной). Паехала, і адзін дзень нет, і другі. А яна там у бабкі была, трое рабятка, мужыка яе забілі там, у западнай, там дзярэўня, ну і мама мая асталася. Папрасіла тая бабка, каб дроў парэзаць і насочкаў рабяткам навязаць, ну, мама мая гэта ўмела. Толькі ў хату прыйшла: “Ну, садзісь, кажэ, я цябе пакармлю”. Наліла, кажэ, мне капусты, а як ёсць мяса так і капуста разумная. А я ж хацела естачкі, я схваціла, кажыць, а яна гарачая, абпаліла ва рту, есць хачу, а рот увесь падняўся. ...мама ёй там усё справіла: і насочкаў навязала, і ў хаце прыбрала, і баньку вытаніла, ну, яна можа якога чыну была, была багатая, з хлебам” (Верхнядзвінскі р-н)⁷.

У адносінах да людзей, якія прасілі міласціну, прымяняўся тэрмін “жабрак” ці “старац”. Этнаграфічныя крыніцы сведчаць, што ў XIX – першай трэці XX ст. распаўсюджанай назвай былі “старцы”: “пад словам “старац” паўсюдна ў Віцебскай Беларусі разумеецца чалавек, даведзены жыццём да горкай неабходнасці прасіць у чужых людзей першай жыццёвай патрэбы – кавалка надзённага хлеба” [1, с. 17]. М.Я. Нікіфароўскі пазначаў, што на Віцебшчыне такая назва адносілася да ўсіх, незалежна ад таго, хто прасіў міласціну: старыя, людзі сярэдняга ўзросту ці дзеці. Гэта традыцыя захоўваецца і ў матэрыялах вуснай гісторыі XX ст.: “А вот жабракі тут ці хадзілі? Старцы ці жабракі? – Хадзілі, хадзілі, ой тады хадзілі. – Дык гэта ўжо пасле вайны? А вот да вайны ці хадзілі? – Ой, да вайны я не скажу вам. Не знаю этага. А пасле вайны хадзілі, хадзілі. Тады ў нас сторажэ, ужо бежанка была з унучкай, хадзіла па вочарадзі, кармілася. – Дык, а вот як іх называлі? Старцы ці нішчыя, жабракі? Як звалі такіх людзей? – Старцы. – Старцы? – Старцы і ўсё. Па-нашаму, па-простаму.

² Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ) : Зап. Сумко А. у 2019 г. ад Кандрацэвай Надзеі Антонаўны, 1928 г. , в. Янкавічы Расонскага р-на.

³ Зап. Грэбень Я., Корсак А., Сумко А. у 2017 г. ад Галоўка Анны Ігнат’евны, 1935 г.н., в. Міські Пастаўскі р-н.

⁴ ФА ПДУ : Зап. Сумко А.В. у 2019 ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н., у в. Галоўчыцы Расонскага р-на.

⁵ ФА ПДУ : Зап. Лобач У., Сумко А. у 2018 г. ад Рудзёнкі Фёдора Антонавіча, 1937 г. н. в. Загацце Полацкага р-на.

⁶ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Сумко А. у 2018 г. ад Маісеенка Марыі Філіпаўны, 1931 г.н. у в. Мураўшчына Полацкага р-на.

⁷ ФА ПДУ : Зап.Сумко А. у 2018 г. ад Гайбут Веры Кірылаўны, 1941 г.н. у в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на.

Старцы, і я старчоўка была. – Старчоўка? – Старчоўка. – І дажэ еслі дзеці хадзілі, так называлі, да? – А як жа. Усё роўна, якая разніца?” (Шумілінскі р-н)⁸. Вяскоўцы ў сваіх успамінах пра перыяд пасляваеннага аднаўлення пры ідэнтыфікацыі феномена выкарыстоўваюць вызначэнне і “старац”, і “жабрак”: “*Многа з голаду паўмірала ў Валатоўках, а мы не, мы не памёрлі, мы з сястрой хадзілі, ну як...на жэбрах, на старцах.*” (Расонскі р-н)⁹.

Палявыя даследаванні фіксуюць успаміны пра жабрацкія практыкі ва ўсіх раёнах Віцебшчыны. Прычым аналіз матэрыялаў вуснай гісторыі паказвае, што калі ва ўсходніх раёнах успаміны пра пасляваеннае жабрацтва – гэта ўспаміны пра ўласны жыццёвы досвед, то ў заходніх пераважаюць успаміны сведкаў гэтай з’явы: “– А ці хадзілі жабракі? – *Хадзілі, асобенно, после вайны крэпка многа было жабракоў*”¹⁰ (Глыбоцкі р-н); “*Кароча к нам, а мы самі пачці галадалі, і к нам кождый дзень па дзесяць чалавек прыхадзілі: “Што-небудзь дайце”.* *Каму бульбіну, каму дзве, каму лямёшку, каму бліночак, каму какой зацірачкі даш паесці – людзі галодныя*”¹¹ (Міёрскі р-н). Палявыя матэрыялы сведчаць, што прашэнне міласціны давала магчымасць не толькі пазбегнуць галоднай сьмерці, але і атрымаць рэсурсы для аднаўлення асабістай гаспадаркі: “*..бульбу мы як на старцах хадзілі, то людзі давалі нам бульбу і мы тады неяк развялі*” (Расонскі р-н)¹².

У галодны час, жабрацтва як адмысловая мадэль паводзінаў і эфектыўная стратэгія жыццезабеспячэння становілася ўзорам для пераймання: “– *Хаділі на старцах, хаділі. Многа хаділа і дзеці хаділі. Дажэ адін раз сама хаділа. Думаю, ну все же ходят і я пайду. В одну хату зашла – пакармілі, в другую хату зашла – далі два бурачка красненькіх. Пашла, где балышая семья, где многа детей было, их там і послеваенные і ваенные, всякіе. Я захажу, а ані все сідят за сталом. Цётка Марья раздвінула дзецей, паставіла мне міску і налажыла, как сейчас помню, картошка вареная была. Вот стала я адхадіць дамой, а ана гаваріт, што падажді, не уходи, а я ж не прасіла нічога, а оні меня так прынялі, што я растерялась. Я не думала, я не знала, што оні там живут, эта балышая такая сем’я. І ана мне с сабой, какой-то хлеба кусок дала, налажыла то лі скварку какую, то лі што. Я прішла дамой ішчаслівая, а мама плакала, так мама плакала. “Дачушка, не нада нікагда больше, не нада, не хадзі. Будзеце вы накормлены.” – Вы пошли, просто, что все ходили? – Все хаділі. Гаварілі: “Ай, пашла на беднасці”. І я пашла на беднасці. Нада ж праверіть как это.*”¹³ (Полацкі р-н).

Жабрацкія маршруты залежалі ад розных фактараў: геаграфія пражывання, фізічныя магчымасці, узрост, сямейныя абставіны. Напрыклад, з Расонскага раёна, больш хадзілі ў Полацкі, у тыя вёскі, якія не адсяляліся падчас вызвалення. “– *Куды жабраваць хадзілі? – Мы хадзілі...раз яны жылі, их не эвакуіраваў ніхто, яны агароды пахалі. Мы і хадзілі, Баравуха, ай, якія дзярэўні былі туды і хадзілі. Наберым што-небудзь, давалі людзі. Прынясем дамоў. Мама балела сільна. Мы прыйдем з сястрой, а тады пойдзем у лес, жылі каля лесу блізенька, дроў нацягаем ей і апяць паілі, так і выжылі. Мы па аднаму месцу цягаліся. Нас ужо зналі*”¹⁴ (Расонскі р-н). Старыкі і падлеткі, збольшага хадзілі радыяльна, на недалёкія адлегласці, па адных і тых жа населеных пунктах. Аднак голад вымушаў пераадольваць і большыя адлегласці: “– *А ў Западную хадзілі? – Гэта ж далёка было. Помню, сабраліся ідці, гэта яшчэ 45 год быў, яшчэ вайна не кончыўшыся была, мама і яшчэ тры жэнішчыны з Валатовак, ну і я напросілася. Вот мы ішлі на Боркавічы, тады і прыйшлі ў Дзісну, а ўжо Дзвіна была атышоўшы ад берагу.. і дождж ліў. Мы пахадзілі, ніхто нам нічога не даваў. Мне з Кацей па скібачке хлеба далі і ўсе, а гэтым нічога. І мы апяць вярнуліся ў тыя Боркавічы і ногі растухлі, столькі прайшоўшы. Гэта можа март быў.*”¹⁵ (Расонскі р-н); “*Ой, ой, як ішлі з гэтага.. парцізанская зона была, ... Расоны, во, з Расон ішлі. Ішлі, набяралісь. Ну, праўда, папа нікому не адказаў, хоць нескалька бульбін укінець, хоць што-небудзь*”¹⁶ (Міёрскі р-н). Іншы раз, каб дабрацца да заходніх раёнаў, рызыкавалі жыццём, чапляліся за таварнякі, якія памяншалі хуткасць на пэўных участках чыгунцы: “*Ну, вот торбачку возьмеш і пойдзеш. А што, калі ўсе галодныя?! Ездзілі ў эту самую, дальшэ туды, у Рыгу, у Латвію ездзілі, у Западную сюды, там жа там лепей жылі. І я ездзіла з маткай. Зойдзеш у хату – пакармяць. Што-нібудзь там: баначку мукі усыпіць, хто круп, хто кусочак хлеба дасць. Хто што мог даць, то давалі. Ну і шаберыца торба. А тады як жа ідці? Паяздэж ж хадзілі, таварнікі, ну і тады падойдзеш к этаму таварніку, прыцішыць ход трошачку, там у Палаце, і бывала мяне скінець матка, а тады і сама, пад аткос паляцім, падымімся і...*”¹⁷ (Полацкі р-н).

Жыхары пацярпелых раёнаў, якія знаходзіліся недалёка ад былой польска-савецкай мяжы, хадзілі пераважна ў заходнюю частку Віцебшчыны, якая была ў лепшай гаспадарчай сітуацыі, чым разбураныя ўсходнія раёны: “*Ішлі-ішлі-ішлі ўсе яны, жабракі гэты, сюды. Тутака багацей жылі, сюды ішлі, за Дзвіну, цераз паром...*”¹⁸ (Міёрскі р-н); “*У нас, у Западнай Беларусі здесь было едіналічество, людзі жылі намного*

⁸ ФА ПДУ : Зап. Аўсейчык У., Лобач У. у 2018 г. ад Суханавай Кацярыны Іванаўны, 1932 г.н. у в. Сіроціна Шумілінскага р-на.

⁹ ФА ПДУ : Зап. Сумко А. у 2019 г. ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н. у в. Галоўчыцы Расонскага р-н.

¹⁰ ФА ПДУ : Зап. Аўсейчык У. у 2012 г. ад Выпадка Чаславы Пятроўны, 1937 г.н. у в. Хоцькі Глыбоцкага раёна.

¹¹ ФА ПДУ : Зап. Сумко А. у 2019 г. ад Якіменка Ліліі Якаўлены, 1931 г.н. у г. Дзісна Міёрскага р-на.

¹² ФА ПДУ : Зап. Сумко А. у 2019 ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н. у в. Галоўчыцы Расонскага р-н.

¹³ ФА ПДУ : Зап. Сумко А. у 2019 г. ад Станоўка Ніны Браніславаўны, 1937 г.н. в. Быстрыца Палацкага р-на.

¹⁴ ФА ПДУ : Зап. Сумко А. у 2019 ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н. у в. Галоўчыцы Расонскага р-н.

¹⁵ ФА ПДУ : Зап. Сумко А. у 2019 г. ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н. у в. Галоўчыцы Расонскага р-н.

¹⁶ ФА ПДУ : Зап. Лобач У. у 2019 г. ад Тэклі-Тэрэзы Патрымайла, 1929 г.н. у г. Дзісна Міёрскага р-на.

¹⁷ ФА ПДУ : Зап. У. Лобач, А. Сумко ў 2016 г. ад Палавой Маі Паўлаўны, 1937 г.н. у в. Казімірова Полацкага р-на.

¹⁸ ФА ПДУ : Зап. Мякшыла М. у 2019 г. ад Маняк Раісы Васільеўны, 1939 г.н. г. Дзісна Міёрскага р-на.

багаче. Былі запасы і мяса, і сала і хлеба і ўсё. І паэтаму сразу после вайны хадзілі нішчыя.”¹⁹ (Міёрскі р-н). “Прышла адна цётка і гаворыць: “Можна ў вас хлеба кусочак ёсць? Дзесяць дзетак на пячы сядзяць і плачаць, есці хочучь”. Паў булкі абрэзала і дала. **Жабравалі, хадзілі асобенна з восточнай стараны.** – А чаму асобенна з восточнай? – Таму, што там голод быў страшны, тут багацейшыя людзі былі, былі палякі”²⁰ (Міёрскі р-н); “У мяне папа ў 45-м вярнуўся ранены. Тады гэтыя восточнікі і хадзілі, гэтымі гадамі. Да, да, з торбамі. Каму дзе што рабілі, і служылі, і жалі, і ўсё на свеце” (Глыбоцкі р-н).

Адносная заможнасць жыхароў заходніх раёнаў у параўнанні з гаротнымі станам сялян з Усходу актуалізавала падзел на “заходнікаў” і “ўсходнікаў” з шырокім спектрам узаемных сацыякультурных стэрэатыпаў: “Былі такія дзве клічкі, былі “западнікі” і “восточнікі”. Гэта ўжо больш хадзілі “восточнікі”, патаму што ў “западнікав”, в западзе ж как-нікак адналічна жылі і ў іх была астаўшыся і зерна больш там, і кабана какова-нібудзь можна вырашчвалі. А ў восточных – калхозы былі, там былі болей бедныя”²¹ (Міёрскі р-н). Паказальным з’яўляецца запіс, зроблены ў 2019 г. падчас экспедыцыі Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта ў Міёрскім раёне, дзе падзел паміж “восточнікамі” і “западнікамі” тлумачыўся рознымі адносінамі да рэлігіі і маёмаснага стану: “– Ну і в чым адліччя? – Во-первых, отличаются очень в религиозном плане. Восточные – это и полное неверие, это и никаких особых икон в доме, и там никаких исповедей. Все эти обряды, там исключены. – Ну, а по характеру, по отношению? – Я бы сказала, восточные они были более прогрессивные, т.е. цивилизованные, как бы вам сказать... – Восточные? – Да, восточные, более цивилизованные, чем западные. Тут ещё долго ходили в лаптях всяких: и лыковых, и верёвчатых, а вот там этого не было. – А как к «западникам» относились там? Ну, знаете, мне такое вот кажется было отношение пренебрежительное. Вот они как-то понимали, что это были более остальые, может быть, может зажиточные. – Более богатые? – Да, более богатые, поэтому какая-то неприязнь была”²² (Міёрскі р-н). У сваю чаргу, “ўсходнікі” маглі атаясамлівацца з савецкімі парадкамі, з іншай сістэмай каштоўнасцей і тады спрацоўваў механізм непрыняцця: “Няхай вас Сталін корміць”²³ (Міёрскі р-н).

Неабходна адзначыць, што пасляваеннае жабрацтва было вынікам не толькі катастрофічнага стану насельніцтва ад разбуральных наступстваў падчас Вялікай Айчыннай вайны, але і няўроду 1946 г. Напрыклад, у Віцебскай вобласці на 14 красавіка 1947 г. налічвалі каля 5 тысяч знясіленых і хворых ад голаду [6, с. 249]. Вусны дыскурс голаду гучыць ва ўспамінах пра першыя пасляваенныя гады, прычым у заходніх раёнах ён тлумачыўся як кара за атэістычную палітыку савецкай улады: “– А як жылося пасля вайны? – После вайны, у нас в вайну яшчо хлеб быў, а после вайны, Бог даў, што не стала. У нас не хлеба, не бульбы нічога, так даждём заліло. Знішчалі цэрквы, касцёлы, каб нічога не было. А Бог наслau даждь такі, ну і гэтак, гэтак даждь ліў дзень і ноч. Жыта на зіму не пасеялі, бульба зніла. Голод быў, траву елі. 1946 год гэта голод быў”²⁴ (Міёрскі р-н).

Параўнальны аналіз успамінаў пра выжыванне пасля вызвалення і этнаграфічных крыніц XIX – пачатку XX ст. сведчыць пра наяўнасць устойлівых стратэгіі і практык жабрацтва ў часе і пераемнасць мадэляў паводзін, прынятых ў субкультуры жабракоў. Механізмы падобнай пераемнасці вынікаюць са спецыфікі жыцця, калі сям’я аб’ядноўвала некалькі пакаленняў і старэйшыя, праз аповяды, якія яны чулі ад сваіх бацькоў і ўласнае назіранне, знаёмлілі з вопытам і пэўнымі стратэгіямі жыццезабеспячэння мінулага. У XIX – пачатку XX ст. на Віцебшчыне жыхары некаторых вёсак займаліся жабрацтвам, як дадатковым промыслам. Напрыклад, на Полаччыне былі вядомы “Махіроўскія старцы” – насельніцтва вёскі (“ад малага да вялікага”), якое займалася жабрацтвам і па класіфікацыі М.Я. Нікіфароўскага адносілася да “кірмашовых старцаў” [1, с. 29]. Матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць вяртанне да гэтай практыкі з боку навакольнага мясцовага насельніцтва ў складаных паваяенных гады: “...хадзілі часта – з’ядзём і пайшлі апяць... і саседзі хадзілі з намі, хадзілі” (Полацкі р-н)²⁵. Такім чынам, экстрэмальныя жыццёвыя ўмовы актуалізавалі ў калектыўнай памяці жыццёвы вопыт пра жабрацтва як пра магчымую стратэгію выжывання.

Успаміны пра пасляваеннае жабрацтва дэманструюць запатрабаванне ўніверсальных схем прашэння міласціны (спецыфічнасць знешняга выгляду, паводзін і маўлення), а таксама і тое, што ўласны досвед і абмен вопытам рабіў іх больш эфектыўнымі. Разам з тым, трэба адзначыць, што як і ў XIX ст., так і ў XX ст. жабрацтва для адных было вымушанай часовай практыкай, для другіх – адмысловай канцэпцыяй жыцця, для трэціх – эфектыўнай стратэгіяй жыццезабеспячэння, якая ў параўнанні з працай у пасляваенным калгасе, прыносіла гарантываны прыбытак у сямейны бюджэт пры меншых працоўных выдатках. Успаміны вясцоўцаў пра выпадкі, калі жабрацтва становілася прыярытэтным заняткам у працівагу працы ў калгасе, падцвярджаюцца архіўнымі

¹⁹ ФА ПДУ : Зап. Аўсейчык У. у 2019 г. ад Шымуковіча Фадзея Лаўрэнцьевіча, 1935 г.н., г. Дзісна Міёрскага р-на.

²⁰ ФА ПДУ : Зап. Жукаў Д. Мякшыла М. у 2019 г. ад Грыдзюшка Веры Фадзееўны, 1933 г.н., в. Іст Міёрскага р-ну.

²¹ ФА ПДУ : Зап. Сумко А., Наркеўскі А., Саланевіч А., Якубёнак І. ад Глафіры Цімафееўны Бабакі, 1927 г.н. у г. Дзісне Міёрскага р-на.

²² ФА ПДУ : Зап. Лобач У. у 2019 г. ад Пішчудлёнак Марыя Сцяпанаўна, 1936 г.н. у г. Дзісна Міёрскага р-на.

²³ ФА ПДУ : Зап. Лобач У. у 2019 г. ад Тэклі-Тэрэзы Патрымайла, 1929 г.н. у г. Дзісна Міёрскага р-на.

²⁴ ФА ПДУ : Зап. Жукаў Д. Мякшыла М. у 2019 г. ад Фурс Яўгенія Іосіфавіча, 1930 г.н., в. Іст Міёрскага р-ну.

Неабходна адзначыць, што ў прыведзенай цытаце, вынікаючы з-за спецыфікі індывідуальнай памяці, хутчэй за ўсё супалі два перыяда няўроду: 1946 г. (засуха) і пачатак 1950-х гг., калі дажджы знішчылі ўраджай у рэгіёне.

²⁵ ФА ПДУ : Зап. у 2019 г. ад Гураўчанка Валянціны Грыгор’еўны, 1928 г.н. у в. Махірова (нар.у в. Асяродкі) Полацкага р-на.

дакументамі. Напрыклад, у сакрэтным лісце ад 23.01.1945 г. на імя старшыні Расонскага сельскага савета ад аднаго з падраздзяленняў дзяржаўнай бяспекі ўтрымлівалася выписка з прыватнага ліставання пра гаротнае становішча сям’і, члены якой некалькі разоў хадзілі жабраваць у Латвію: “Дорогой брат Пётр я буду просить, чтобы ты помогал нам в жизни. На сегодняшний день имеем три пуда муки и с этим запасом придется жить весь год. Видимо придется умирать с голода! Мама вместе с Ваней уже пошли третий раз в Латвию собирать по-миру и оттуда приносят куски хлеба. Тяжелое время.” [12, л. 36]. У выніку праверкі было выяўлена, што працаздольныя члены сям’і амаль не прымалі ўдзелу ў палявых работах, а замест працы ў калгасе хадзілі ў Латвію: “мы пражывем і без вашага калгасу” [12, л. 38].

Матэрыялы вуснай гісторыі Віцебшчыны сведчаць пра тое, што мадэлі паводзін выбіраліся жабракамі з улікам асаблівасцей успрымання тых, да каго яны звярталіся. Напрыклад, можна заўважыць выбарчую практыку выкарыстання рэлігійных сімвалаў. Ва ўсходніх раёнах, дзе ваяўнічны атэізм, інспіраваны дзяржавай, панаваў больш працяглы перыяд, дэманстрацыя набожнасці амаль не практыкавалася: “А вот пасля вайны ці хадзілі старцы, жабракі? Ці былі такія, што вот яны памаліцца ўмелі? – Нет, э́та так не было, што прыхадзілі малілісь – не, а так, бедныя. Прасілі, бедныя прыхадзілі”²⁶ (Полацкі р-н). Што датычыла заходніх раёнаў, то апеляцыя да рэлігійнай свядомасці гаспадароў была надзвычай актуальная: “Мы не хадзілі, а да нас пасля вайны з восточнай Беларусі прыхадзілі. Яны ж там папаленыя былі, бедна жылі, так ішлі да нас. Прыйдучы, паглядаюць ёсць ці абраз, перакрэсціцца і “Падайце радзі Хрыста”... і так ішлі, ішлі, ішлі...” (Глыбоцкі р-н)²⁷; “Пасля вайны ж многа хадзілі, мая мамка нікому не адказвала. Дажэ на следныя бывала і хлябок аддаць, не магла адказаць. Хадзілі, карміла і супам, што ёсць, тым і карміла. – Дык гавораць, што божыя людзі, вот хоць што ды трэба даць. – Ну яны ж і прыхадзілі ўсягда і прасілі падарыцца радзі Хрыста. І хадзілі ж пасля вайны, многа хадзіла, очень многа”²⁸ (Глыбоцкі р-н); “Прыйдучы, перакрэсціцца ў парозе стая і кажачы: “памілуйце мяне, дайце мільстыню”, ну і ўсе, што яны скажуць, перакрэсціцца і ўсе, сама сабой паішчыць, і кажачы дайце паесць, нада сям’ю карміць”²⁹ (Міёрскі р-н).

Неабходна адзначыць, што ўспаміны пра “класічных старцаў”, якія лячылі ці выконвалі магічныя практыкі, насілі адзінкавы характар: “Мяне фугасная бомбачка была ранейшы. Ой, як доўга мучалася, а тады ж хадзілі бедныя: і рабаты і старыя, пабіраліся, гэта не з нашай стараны, а з той, там жа фронт прайшоў. А тады к нам прыйшла старэнькая бабка: “пройдзець можа тры дні, я прыйду я вылеку”. Прышла і прыносіць такі пучок травы, такая сівая трава, як цяпер гляжу, гаворыць: “дай мне дзетка якой не будзь чарапчак, адбіты там што не будзь”. Яна спаліла гэту траву, тады гаворыць: “У цябе кароўка ёсць? Дай мне салодкай сметанкі троху, каб салодкай, самы вяршок”. Размяшала яна гэта, ну гаворыць, дай нагу. Бажачкі, як яна мне памазала нагу, я думала, што я кончуся. Балела, як жа ж балела, біла пена.... і вот толькі яна мяне вылічыла. Яна доўга ў нас жыла, а тады пайшла і болі не прыйшла.”³⁰ (Міёрскі р-н). Улічваючы спецыфіку крыніц, можна дапусціць, што рэспандэнты ўзгадвалі з’яву, якая штодня кідалася ў вочы, аднак, па сутнасці палявыя матэрыялы фіксуюць, што размова ўжо не вядзецца пра жабракоў, як пра нейкую адмысловую сацыяльную групу, а пераважна пра жабрацтва вымушанае.

Праз уласны досвед ці абмен вопытам выпрацоўваўся пэўны алгарытм, які забяспечваў эфектыўнасць жабрацкай практыкі і пэўную прафанацыю сакральнага статусу “класічных старцаў”. Выкарыстоўваючы веру людзей у тое, што жабрацкая памінальная ці “заздраўная” малітва дойдзе да Бога хутчэй, пасляваенныя жабракі хадзілі ў хрысціянскія святы і памінальныя дні, збіраліся перад касцэламі ці цэрквамі: “Я помню после вайны і к нам прыхадзілі, там Дзедзіна ёсць дзярэўня, дык маміна сестра жыла там, дваюрадняя. І там я знакамая, дык яна после вайны хадзіла, як цяпер сказаць, жабраваць хадзіла. У яе было трое дзяцей, Дзедзіна – гэта было дзярэўня спалена, яна была бедная, яна хадзіла далёка жабраваць, за Парфенава туды, а тады ідзець, толькі я пераваліцца цераз парог хаты: “Ай, Зоська, ай умарылася”, і палезіць к бабулі на печ. – А вот гэтыя людзі, якія хадзілі, яны ж і паміналі памерлых? – Паміналі. Дык во гэтая самая з Дзедзіна, дык сама ўжо знала нас... раней было, вот гэта і мама казала і свякроў, што нада на Каляды, як першы дзень, у цэркві, дык там многа сядзіць этых нішчых, і нада тады ўзяць па кусочку сала па невялікаму, каб усім даць”³¹ (Докшыцкі р-н). Трэба адзначыць, што ўзаемаадносіны з навакольным светам былі абумоўлены існуючай сістэмай культурных кодаў, якія глыбока фіксаваліся ў свядомасці кожнага чалавека, цесна перапляталіся з жыццёвымі абставінамі і афармляліся ў ментальныя схемы, што ўплывалі на будзённыя практыкі. Так, традыцыйная карціна свету вяскоўцаў не дазваляла адмаўляць жабракам, бо лічылася, што жабрак – гэта “божы чалавек”: “Прыходзілі жабракі, да. Ім нада тожа даваць. Што б абязцельна іх не упускаць і даваць ім, што палучыць, што сам ясі – то і даваць. Э́та Бог жабракоў прысылаець” (Віцебскі р-н) [13, с. 271]; “Даўна Бог хадзіў па свеце, выпрацоўваў людзей, ён хадзіў у відзе жабрака. Бубуля наша раскажывала, ён у відзе жабрака быў. Ён прыйдзіць і як бы начаваць просіцца, хто пусціць, хто падасць яму паесці, а некаторыя ідзі-ідзі, там хоць і можна і ёсць, дзе яму і паначаваць і палажыць дзе, а ні хацелі гэтых прынімаць старых, як ён увідзе жабрака там

²⁶ФА ПДУ : Зап. Лобач У. у 2019 г. ад Нікалаевай Надзеі Афанасьеўны 1932 г.н. у в. Шпакоўшчына Полацкага р-на.

²⁷ФА ПДУ : Зап. Мяховіч П. ад Рабкоўскага Віктара Нікалаевіча 1933 г.н. у в. Кавалеўшчына Глыбоцкага р-на.

²⁸ФА ПДУ : Зап. Лобач У., Сумко А. у 2018 г. файл 180923_003, в. Чарневічы Глыбоцкага р-на.

²⁹ФА ПДУ : Зап. Аўсейчык У., Цыганкова А., Апанасёнак А. у 2019 г. ад Кукуць Марыі Леанідаўны 1932 г.н. у в. Перабродзе Міёрскага р-на.

³⁰ФА ПДУ : Зап. Сумко А., Якубе́нак І., Саланевіч А. у 2019 г. ад Стомы Яўгеніі Мікалаеўны 1931 г.н. у в. Кліматы Міёрскага р-на.

³¹ФА ПДУ : Зап. Аўсейчык У. у 2011 г. ад Малюжанец Марыі Уладзіміраўны 1933 г.н. у в. Таргуны Докшыцкага р-на.

тады ўжо брэзгавалі гэтакімі людзьмі, не пускалі і вот, гэта ўжо ічытаюцца неблагачысцівы чалавек”³² (Докшыцкі р-н). Уплыў ментальных схем на будзённыя практыкі фіксуецца не толькі ў заходніх раёнах: “ – Ну, а вот ім абязцельна даць хоць што? – Да, абязцельна давалі. Хоць што, там гаворыш, што у нас саміх нічога, а усё роўна далжны даць. Далжны даць, давалі-давалі”³³ (Полацкі р-н).

Заклучэнне. Матэрыялы палявых даследаванняў фіксуюць, што большасць успамінаў пра пасляваеннае жабрацтва на тэрыторыі Віцебшчыны – гэта сведчанні пра жабрацтва вымушанага характару, якое дапамагала выжыць у складаных эканамічных умовах. Што датычыла прафесійнага жабрацтва, то ўспаміны пра “класічных старцаў”, якія выконвалі рытуальныя ці магічныя практыкі, маюць адзінкавы характар і па сутнасці размова ўжо не вядзецца пра нейкую адмысловую сацыяльную групу. Палявыя матэрыялы сведчаць пра пераемнасць мадэляў паводзін, прынятых ў субкультуры дарэвалюцыйных жабракоў і ўзнаўленне традыцый этнічнага вопыту выжывання ў неспрыяльных умовах. Для жыхароў знішчаных вёсак жабрацтва было адной з эфектыўных пасляваенных стратэгіяў жыццезабеспячэння. Прашэнне міласціны давала магчымасць не толькі пазбегнуць галоднай сьмерці, але і атрымаць рэсурсы для аднаўлення асабістай гаспадаркі. Жабрацкія маршруты залежалі ад розных фактараў: геаграфіі пражывання, фізічных магчымасцей, узросту, сямейных абставін. Жабраваць хадзілі ў раёны, якія найбольш ацалелі пасля вайны – пераважна ў заходнюю частку Віцебшчыны, якая была ў параўнальна лепшай гаспадарчай сітуацыі, чым разбураныя ўсходнія раёны. Гэта, у сваю чаргу, актуалізавала падзел на “заходнікаў” і “ўсходнікаў” з шырокім спектрам узаемных сацыякультурных стэрэатыпаў.

Матэрыялы вуснай гісторыі Віцебшчыны сведчаць пра тое, што жабрацкія мадэлі паводзін выбіраліся з улікам асаблівасцей успрымання тых, да каго жабракі звярталіся. Дэманстрацыя набожнасці жабракамі з мэтай больш эфектыўнага збору міласціны найбольш практыкавалася ў заходніх раёнах рэгіёну, насельніцтва якіх вылучалася высокім узроўнем рэлігійнасці. Аднак, незалежна ад геаграфічнага складніка, трывалыя традыцыйныя ментальныя схемы ўплывалі на будзённыя практыкі ў адносінах да тых, хто праціў міласціну, і не дазвалялі адмаўляць “старцам”.

ЛІТАРАТУРА

1. Никифоровский, Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский ; предисл. и сост. А.П. Ащенко. – Минск : Беларусь, 2019. – 271 с.
2. Лобач, У.А. Міф. Прастора. Чалавек: беларускі традыцыйны ландшафт у сяміятычнай перспектыве / У.А. Лобач. – Минск : Тэхналогія, 2013. – 511 с.
3. Рыбкин, М. Деревенское нищенство / М. Рыбкин. – СПб. : Паровая Скоропечатня Я. И. Либермана, 1895.
4. Зубкова, Е. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940 – 1960-е годы / Е. Зубкова // Труды Института российской истории РАН. – 2013. – Вып. 11. – С. 285–310.
5. Кометчиков, И. Традиция якутальства как грань “социального иммунитета” калужской деревни и борьба с ней в 1930-е – начале 1960-х гг. / И. Кометчиков // Антропологический форум. – 2014. – № 20. – С. 240–340.
6. Кашталян, І. Голад у БССР 1946–1947 гг. ва ўспамінах сведкаў часу / І. Кашталян // Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі / Пад рэд. д-ра гіст. н. А. Смаленчука. – Минск : Зміцер Колас, 2015. – С. 244–249.
7. Шумскі, Ян. Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944 – 1953 гг.) / Ян Шумскі. – Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2012. – 362 с.
8. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945 : док. и материалы / сост. Н.В. Воронова [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4-п. Воп. 29. Спр. 267.
10. Занальны дзяржаўны архіў горада Полацка (ЗГА г. Полоцка). – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 9.
11. Сумко, А.В. Выжыванне пасля вызвалення: вёска Паўночнай Беларусі ў дыскурсе вуснай гісторыі / А.В. Сумко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2019. – № 9. – С. 65–72.
12. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 16.
13. Полацкі этнаграфічны зборнік. – Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. / Уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – 368 с.

Паступіў 14.05.2020

THE POST-WAR BEGGARY IN THE DISCOURSE OF THE ORAL HISTORY OF VITEBSK REGION

A. SUMKO

The post-war beggary is considered a special practice in the life support system of the village population in difficult economic conditions. The sources were oral history materials, which allowed to understand the specifics of the chosen problem and to characterize the peculiarities of representation of the phenomenon of the postwar extreme poverty in the collective memory of the village population of Vitebsk region.

Keywords: *post-war village, oral history, Vitebsk region, beggary, elders, hunger, life support system.*

³² ФА ПДУ : Зап. Аўсейчык У. у 2011 г. ад Малюжанец Марыі Уладзіміраўны 1933 г.н. у в. Таргуны Докшыцкага р-на.

³³ ФА ПДУ : Зап. Лобач У. у 2019 г. ад Нікалаевай Надзеі Афанасьеўны 1932 г.н. у в. Шпакоўшчына Полацкага р-на.

УДК 325.14 (73) «189/195»

ЭВОЛЮЦИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В 1890-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.¹**К.А. СУРМА***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*

Рассматривается иммиграционная политика США в области противодействия нелегальной иммиграции в конце XIX – первой половине XX вв. Автор выявляет причины зарождения феномена нелегальной иммиграции в Соединённых Штатах и прослеживает эволюцию данной проблемы. Особое внимание уделяется исследованию форм и средств борьбы с нелегальной иммиграцией.

Ключевые слова: США, иммиграционная политика США, нелегальная иммиграция, программа Брасеро.

Введение. Миграционные процессы приобрели глобальный характер, который сопровождается ростом как легальной, так и нелегальной иммиграции. Нелегальная иммиграция является одной из острейших проблем иммиграционной политики многих стран мира, поскольку она приводит к увеличению нагрузки на социально-экономическую сферу, а также столкновению различных национально-этнических общностей. Совершенствование административных механизмов, направленных на предотвращение незаконного въезда в страну, сегодня выступает одной из приоритетных задач стран-реципиентов в области иммиграционной политики. Это обуславливает актуальность изучения исторического опыта США в противодействии нелегальной иммиграции.

Исследование данной темы на протяжении многих лет находится в центре внимания зарубежных ученых. В американской историографии стоит отметить труды комплексного характера Р. Дэниелс, С. Беккер [1; 2], обобщающие иммиграционную политику США. Главное внимание авторы уделяют рассмотрению причин иммиграции, анализу количественного и качественного состава иммигрантов, их социально-экономического положения. Исследователи выделяют характерные черты различных этапов в иммиграционной политике США. Однако в приведенных работах практически не освещается проблема нелегальной иммиграции в США в обозначенный период. Что касается комплексных исследований, посвященных проблеме нелегальной иммиграции в конце XIX в. – первой половине XX в., то их немного. Одним из основных можно назвать труд американского историка М. Нгай [3]. Отдельное внимание обращают на себя исследования М. Г. Григо и А. Новрастеа [4; 5], чьи работы посвящены изучению проблемы мексиканской нелегальной иммиграции в США в 1940-е – 1950-е гг. Стоит отметить, что исследования проблемы нелегальной иммиграции в США в конце XIX – первой половине XX вв. в русскоязычной историографии полностью отсутствуют. Данный факт обусловил подготовку данной статьи. Основными источниками исследования являются законодательные акты США, отчеты Бюро иммиграции США и Бюро переписи населения США, правительственные отчеты.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1890-х гг. по первую половину 1950-х гг., поскольку в этот период происходит эволюция проблемы нелегальной иммиграции в США. Крайним периодом исследования была выбрана первая половина 1950-х гг., так как в эти годы правительству США удалось сравнительно успешно стабилизировать проблему нелегальной иммиграции.

Методология исследования представлена общенаучными методами (анализ, синтез, индукция, дедукция) и конкретно-историческими методами (историко-генетическим, историко-системным). Также при написании данной статьи использовались хронологический подход и принцип историзма.

Основная часть. Появление проблемы нелегальной иммиграции в сфере иммиграционной политики США впервые обозначилось только в конце XIX – начале XX вв., когда были установлены первые федеральные ограничения на въезд для иммигрантов. До этого времени иммиграция в США была свободной, т.е. отсутствовали федеральные ограничения на въезд в страну (конец XVIII – конец XIX вв.), поэтому такой феномен, как нелегальная иммиграция не мог существовать, поскольку нелегальным иммигрантом иностранец становится только в случае нарушения иммиграционного законодательства².

Первые категории иммигрантов, которым был запрещен въезд в страну, были установлены в соответствии с федеральными законами, принятыми в 1875 – 1900-е гг.: Закон о дополнительных действиях в отношении иммигрантов (1875 г.); Закон о регулировании иммиграции (1882 г.); Закон о внесении изме-

¹ Статья написана в рамках темы НИР «Разработка научно-теоретического и методического обеспечения образовательного процесса по истории в условиях модернизации педагогического образования на компетентностной основе», выполняемой на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ.

² Нелегальный иммигрант – это лицо, которое не является гражданином США и находится в Соединённых Штатах, нарушая иммиграционное законодательств США [2, р. 65].

нений в законы об иммиграции (1891 г.); Законы о регулировании иммиграции иностранцев в Соединенные Штаты (1903 г., 1907 г.). Данные законы ограничили въезд в страну «нежелательных элементов» для американского общества: нищих, преступников, проституток, анархистов, многоженцев, лиц с психическими и умственными отклонениями [6–10]. Другой категорией иммигрантов, для которых доступ в страну был ограничен, стали китайские рабочие в соответствии с законом 1882 г. «Об исключении китайцев» [11]. Причиной этого стал рост антикитайских настроений в американском обществе, вызванных увеличением числа китайских иммигрантов (если в 1850-е гг. суммарно въехало около 35 тыс. китайцев, то уже в 1870-е гг. их количество составило 134 тыс. человек) [12, р. 5–6]. Китайские иммигранты представляли собой дешевую рабочую силу, что могло привести к ухудшению положения американцев на рынке труда. Это, в сочетании с тем, что китайцы были представителями другой расы и культуры, привело к росту антикитайских настроений и введению ограничений на иммиграцию для китайских рабочих.

Въезд и проживание иммигрантов, относившихся к категориям «нежелательных элементов», и китайских рабочих в США было законодательно запрещено, однако в действительности они стали обходить законодательство и въезжать в страну нелегально.

Появление проблемы нелегальной иммиграции поставило перед правительством США новые задачи: инспектирование иммигрантов при официальном въезде в страну, обеспечение контроля на границе для предотвращения нелегального въезда и депортация тех, кто уже незаконно проживал в США. Для реализации этих целей в 1891 г. было создано федеральное ведомство, получившее название «Бюро иммиграции». Бюро осуществляло контроль за приемом иммигрантов на специально созданных станциях иммиграции (самая известная находилась на острове Элис в Нью-Йорке), также оно было наделено полномочиями депортировать любого иностранца, который незаконно проживал в США. Для усиления контроля на границах в рамках Бюро иммиграции в 1904 г. была организована небольшая группа иммиграционных инспекторов (75 человек), получившая название «конная гвардия», задачей которой, кроме инспектирования прибывших иммигрантов, стало патрулирование границ [13].

Борьба с незаконным проникновением и депортация иностранцев, относящихся к «нежелательным элементам», и китайских рабочих проводилась разными способами. В связи с тем, что большинство иностранцев, попавших в список «нежелательных элементов», были европейцами, пытавшимися скрыть свои «недостатки» при официальном въезде в страну, Бюро иммиграции стремилось не допустить их во время проверки в пункте приема иммигрантов. В случае, если им удавалось проникнуть в США, их обнаружение и дальнейшая депортация обычно происходила только после того, как они попадали в приюты, больницы и тюрьмы [3].

Противодействие нелегальной иммиграции китайских рабочих несколько отличалось, так как основной способ проникновения китайцев в США заключался в незаконном пересечении сухопутных границ. Китайцы, как правило, обращались к услугам контрабандистов, которые провозили их в страну, главным образом, через южную границу. Борьба с контрабандным ввозом китайцев стала основной задачей Бюро в области обеспечения контроля за незаконным пересечением границ в данный период [14].

Масштабы нелегальной иммиграции были незначительны, но в то же время незаконная иммиграция приобрела перманентный характер. Между 1895 и 1914 гг. Бюро иммиграции в среднем депортировало около тысячи человек в год, относившихся к группе «нежелательных элементов»; среднегодовое количество китайцев, задержанных на границе и депортированных, находилось приблизительно на том же уровне [3]. Это объясняется тем, что главным источником иммиграции были европейские страны (В 1895 – 1914 гг. в США въехало около 17 млн. человек, из них европейцы составили около 86%) [1515, р. 33], а ограничения на иммиграцию затронули лишь незначительную часть прибывающих иммигрантов – около 1% от всей иммиграции за тот же период [2, р. 7].

Обострение проблемы нелегальной иммиграции произошло в 1920-е гг., причиной чему послужил кардинальный пересмотр иммиграционной политики после Первой мировой войны. Правительство США взяло курс на введение нового принципа ограничений, основой которого стала система национальных квот. Ее законодательной базой стали Законы об ограничении иммиграции иностранцев в США (1921 г., 1924 г.). В соответствии с данной системой был установлен строгий годовой лимит на въезд в страну иммигрантов из стран Восточного полушария: в сумме из всех стран Восточного полушария могло въехать в США 164 тыс. человек в год. Ограничение по квотам не распространялось на иммигрантов из стран Западного полушария. Важной составляющей новых ограничений стало введение визовой системы въезда в страну [16]. Введение этих ограничений значительно сократило легальную иммиграцию в США. В сравнении с довоенным периодом (1910 – 1914 гг.) в 1925 – 1929 гг. иммиграция сократилась более чем в три раза и составила в среднем около 300 тыс. человек в год [12, р. 5–6].

Вместе с тем, сокращение легальной иммиграции привело к росту нелегальных проникновений, главным образом из Европы и Мексики. Новые ограничения привели к значительному увеличению незаконных проникновений через сухопутные границы США, что создало необходимость в отдельной структуре для предотвращения данной проблемы. Такой структурой стал созданный в 1924 г. Пограничный патруль США, подотчетный Бюро иммиграции. Количество пограничных инспекторов в данный период составило 450 человек [17].

Масштабы нелегальной иммиграции в 1920-е гг. значительно выросли в сравнении с периодом конца XIX – начала XX вв. Общее количество депортированных за 1925 – 1927 гг. составило приблизительно столько же, сколько было депортировано за десятилетний период до введения квот (30 тыс. человек) [18, p. 232].

В конце 1920-х гг. были предприняты попытки упростить процесс депортации, так как перед депортацией «нелегалов» требовалось провести несколько обязательных процедур, которые занимали значительное количество времени и требовали финансовых расходов из государственного бюджета: арест иммигранта, судебное разбирательство и только после этого – депортация. В 1927 г. Бюро иммиграции санкционировало добровольный выезд из страны нелегальных иммигрантов за их собственный счет [3]. Такая практика привела к увеличению количества удалений «нелегалов» из страны. В 1929 г. количество удалений составило 38 796 человек, из которых 25 888 человек покинули страну добровольно [19, p. 21].

В начале 1930-х гг. произошло увеличение депортаций нелегальных иммигрантов-мексиканцев. Усиление политики депортации в отношении мексиканских «нелегалов» было одной из попыток администрации президента Г. Гувера уменьшить нагрузку на социально-экономическую сферу США в связи с мировым экономическим кризисом. Количество депортируемых к 1933 г. выросло по сравнению с 1928 г. практически в два раза и составило приблизительно 20 тыс. человек (не считая «нелегалов», добровольно покинувших страну за свой счет), большая часть из которых была мексиканцами [20, p. 54]. Политика президента Г. Гувера, не принесла результатов. Усиление депортации не снизило потока нелегальных иммигрантов: если в 1928 г. пограничная служба задержала на границе около 25 тыс. человек, то в начале 1930-х гг. этот показатель остался примерно на том же уровне (в 1932 г. было задержано около 22 тыс. человек) [21, p. 44]. После поражения Г. Гувера на президентских выборах 1933 г. усиление политики депортации в отношении «нелегалов» из Мексики прекратилось [1, p. 66].

На протяжении второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. нелегальная иммиграция сократилась в связи с экономической депрессией, которая снизила потоки легальной иммиграции и явилась сдерживающим фактором для нелегальной иммиграции. В данный период количество задержанных и депортированных находилось на уровне 1925 – 1927 гг.

По-настоящему остро проблема нелегальной иммиграции обозначилась во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. в связи со стремительным ростом нелегального пересечения границ мексиканцами. Если в период 1934 – 1943 гг. было задержано в среднем около 12 тыс. нелегальных мексиканцев в год, то в 1945 г. число задержанных увеличилось более чем в пять раз и составило приблизительно 69 тыс. человек, а с 1947 г. по 1953 г. – более 3 млн. человек [22, p. 33]. Причины массовой нелегальной иммиграции мексиканцев в послевоенный период были следующими: восстановление экономики США после экономической депрессии 1930-х гг.; дисбаланс экономического развития между США и Мексикой, в которой отмечался быстрый рост населения; расширение потребностей в неквалифицированном сельскохозяйственном труде на Юго-Западе США [22, p. 35].

Существенным фактором, способствующим росту нелегальной иммиграции мексиканцев, стала программа Брасеро (*The Bracero program*), которая создала систему сезонного контрактного ввоза мексиканских работников в США в годы Второй мировой войны (1942 г.). Введение программы Брасеро создало возможность легального въезда в страну для мексиканцев, что по своей сути должно было снизить поток нелегальной иммиграции, однако наблюдался обратный эффект. Это было связано с тем, что ход получения рабочих контрактов на прямую регулировали различные административные ведомства США и Мексики, делая их посредниками между работодателями и контрактными рабочими. С одной стороны, это приводило к тому, что желающие стать участниками программы должны были дать взятку мексиканским чиновникам, регулировавшим процесс отбора контрактных рабочих, а с другой стороны, проблемой стало то, что количество контрактных рабочих, необходимых в США по данным Министерства труда Соединенных штатов, было значительно ниже количества желающих участвовать в программе. По этим причинам многие мексиканцы, узнав о возможностях заработка в США, но не имеющие возможности поучаствовать в программе Брасеро, искали самостоятельный путь попадания в страну [22, p. 28].

Ввиду того, что задержание и депортация мексиканцев не приводила к снижению или стабилизации их потока (несмотря на то, что количество офицеров Пограничного патруля увеличилось до 1400 человек), правительство США искало другие способы решения этой проблемы. Первой попыткой стала политика «массовой легализации» нелегальных мексиканцев в качестве участников программы Брасеро, которая получила название «высыхание» (*“Drying out”*). Она заключалась в том, что нелегальных иммигрантов из Мексики не депортировали, а позволяли заключить рабочий контракт на месте в США и вернуться к работодателю, у которого они работали до задержания. С 1947 – 1949 гг. было легализовано около 142 тыс. мексиканцев. Однако такая практика приводила к снижению выдачи рабочих контрактов для мексиканцев, которые стремились въехать в США в качестве участников программы Брасеро напрямую из Мексики. Например, в 1950 г. было выдано только 19 тыс. контрактов на участие в программе, так как на территорию США через процесс «высыхания» прошло около 96 тыс. человек. Это привело к тому, что нелегальная иммиграция продолжала расти, поскольку мексиканцы, чтобы избежать долгих бюрократических процедур, устремились в США, желая получить контракт на месте. Вскоре правительство США отказалось от этой политики [4, p. 57].

В первой половине 1950-х гг. правительство США провело по борьбе с этой проблемой комплекс мер, цель которых заключалась в переориентации как нелегальных иммигрантов из Мексики к въезду на законных основаниях в качестве участников программы Брасеро, так и американских фермеров – на наем легальных мексиканских рабочих.

Первый шаг заключался в реформировании программы Брасеро в начале 1950-х гг. для упрощения найма контрактных рабочих американскими фермерами. Мексиканское правительство было отстранено от процесса отбора рабочих, что снизило возможность коррупции и позволило американским фермерам перейти на модель «выращивания» работников, т.е. нанимать рабочих, которые у них работали до их возвращения в Мексику после окончания рабочего сезона. Также участникам программы было позволено менять место работы между фермами, независимо от первоначально заключенного контракта [5]. Вторым шагом стало проведение Службой иммиграции и натурализации комплекса массовых рейдов по аресту и принудительной депортации «нелегалов» из Мексики в Юго-Западном регионе США, который получил название операция «Wetback»³ в 1954 г. Для поддержки операции Конгресс выделил дополнительные 3 млн. долларов Службе иммиграции и натурализации. В операции «Wetback» приняло участие около 800 офицеров Пограничной службы, которым оказывали поддержку местные власти и население. Она длилась с начала лета 1954 г. до осени того же года, итогом была депортация около 1 млн. мексиканцев [4**Ошибка!** **Источник ссылки не найден.**, р. 58].

В сочетании с возможностями легального трудоустройства мексиканцев в качестве участников программы Брасеро, операция «Wetback» оказалась крупным успехом правительства. Ее главная заслуга заключалась в том, что большинство американских фермеров окончательно переориентировалось на наем легальных рабочих из Мексики, поскольку рейды по депортации могли лишить их работников-нелегалов. В результате произошло резкое снижение нелегальной иммиграции из Мексики, которое сопровождалось ростом легальной трудовой иммиграции. Задержание нелегальных иммигрантов в 1955 – 1961 гг. по сравнению с 1947 – 1953 гг. сократилось на 80% (в среднем в год задерживалось около 90 тыс. человек) [22, р. 33]. Ежегодное количество участников программы колебалось между 400 – 450 тыс. человек в 1955 – 1960 гг. по сравнению с 1947 – 1953 гг., этот показатель находился между 100 – 200 тыс. человек [4, р. 49–50].

Заключение. Таким образом, проблема нелегальной иммиграции в США впервые обозначилась в конце XIX – начале XX вв. В связи со спецификой иммиграционного законодательства и политики США в отношении определённых национально-этнических групп первыми нелегальными иммигрантами были иностранцы, попавшие в категорию «нежелательных элементов», и китайские рабочие. Масштабы нелегальной иммиграции на рубеже XIX – XX вв. были незначительны, однако приобрели перманентный характер. Введение количественных ограничений на иммиграцию в начале 1920-х гг. привело к увеличению потока нелегальных иммигрантов из стран Европы и Мексики, количество которых стало значительно выше, чем в период до введения количественных ограничений. По-настоящему остро проблема нелегальной иммиграции обозначилась после окончания Второй мировой войны (во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.), когда потоки «нелегалов» из Мексики достигли многомиллионного масштаба.

Основная форма борьбы с нелегальной иммиграцией заключалась в усилении пограничного контроля, а также депортации нелегальных иммигрантов из страны. Для противодействия нелегальной иммиграции правительство Соединенных штатов прибегало к рейдам по задержанию нелегальных иммигрантов, однако, данная политика могла иметь успех в перспективном сокращении потока нелегальной иммиграции только в комплексе с другими мерами, которые бы создали условия для её легализации. Успешной борьбу с нелегальной иммиграцией можно назвать в период после Второй мировой войны. Сочетание мер по усилению депортации и созданию условий для легального въезда в страну, проведенное федеральным правительством в первой половине 1950-х гг., привело к стабилизации проблемы во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daniels, R. Guarding the golden door: American immigration policy and immigrants since 1882 / R. Daniels. – N.Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2005. – 570 p.
2. Becker, C. S. Immigration and illegal aliens: blessing or burden? / C. S. Becker, D. A. Becker. – Farmington Hills, Michigan : Gale Group/Thomson Learning, 2009. – 157 p.
3. Ngai, M. M. Impossible subjects: illegal aliens and the making of modern America : Politics and society in twentieth-century America [Electronic resource] / M. M. Ngai. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2014. – 377 p. // Scribd, Inc. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/read/263209910/Impossible-Subjects-Illegal-Aliens-and-the-Making-of-Modern-America-Updated-Edition?mode=full#>. – Date of access: 22.11.2018.

---

³ Такое необычное название было дано, в связи с тем, что за нелегальными иммигрантами из Мексики закрепилось уничижительное прозвище – «wetback» («мокрая спина»), так как для попадания в США многим из них приходилось вплавь преодолеть реку Рио-Гранде, протекавшую на границе США и Мексики.

4. Griego, M. G. The importation of mexican contract laborers to the United States, 1942-1964 / M. G. Griego // Between two worlds: Mexican immigrants in the United States : Jaguar books on Latin America / M.G. Griego ; Ed. D. Gutiérrez. – Wilmington, 1996. – Ch. 3. – P. 45 – 85.
5. Nowrasteh, A. Enforcement didn't end unlawful immigration in 1950s, more visas did [Electronic resource] / A. Nowrasteh // Cato institute. – Mode of access: <https://www.cato.org/blog/enforcement-didnt-end-unlawful-immigration-1950s-more-visas-did>. – Date of access: 06.01.2019.
6. An act supplementary to the acts in relation to immigration: Act of march 3, 1875. [Electronic resource] : Library of Congress. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/43rd-congress/session-2/c43s2ch141.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
7. An act to regulate immigration: Act of august 3, 1882. [Electronic resource] : Library of Congress. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/47th-congress/session-1/c47s1ch376.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
8. An act in amendment to the various acts relative to immigration and the importation of aliens under contract or agreement to perform labor: Act of march 3, 1891. [Electronic resource] : Campus library. – Mode of access: <http://library.uwb.edu/Static/USimmigration/26%20stat%201084.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
9. An act to regulate the immigration of aliens into the United States: Act of march 3, 1903. [Electronic resource] : Library of Congress. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/57th-congress/session-2/c57s2ch1012.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
10. An act to regulate the immigration of aliens into the United States: Act of february 20, 1907. [Electronic resource] : Library of Congress. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/59th-congress/session-2/c59s2ch1134.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
11. An act to inaugurate certain treaty stipulations relating to chinese: Act of may 6, 1882. [Electronic resource] : Library of Congress. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/47th-congress/session-1/c47s1ch126.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
12. 2016 Yearbook of immigration statistics. – Wash. : U.S. Department of homeland security, Office of immigration statistics, 2017. – 115 p.
13. An Immigrant nation : United States regulation of immigration, 1798-1991. – Wash., 1991. – 41 c. [Electronic resource] : HathiTrust digital library. – Mode of access: <http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015025288732>. – Date of access: 02.03.2018.
14. McDonald, W. F. Changing boundaries of law enforcement: State and local law enforcement, illegal immigration and transnational crime control, final report [Electronic resource] / W. F. McDonald // The National criminal justice reference service . – Mode of access: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/188877.pdf>. – Date of access: 06.01.2019.
15. Historical statistics of the United States, 1789–1945: a supplement to the Statistical abstract of the United States. – Wash. : The United States bureau of the census., 1949. – 363 p.
16. An act to limit the immigration of aliens into the United States, and for other purposes: Act of May 26, 1924. [Electronic resource] : Library of Congress. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/68th-congress/session-1/c68s1ch190.pdf>. – Date of access: 02.03.2018.
17. Border patrol history [Electronic resource] / U.S. customs and border protection. – Mode of access: <https://www.cbp.gov/border-security/along-us-borders/history>. – Date of access: 22.11.2018.
18. Annual report of the commissioner general of immigration to the secretary of labor fiscal year ended june 30 1927. – Wash. : Bureau of immigration, 1927. – 236 p.
19. Annual report of the commissioner general of immigration to the secretary of labor fiscal year ended june 30 1929. – Wash. : Bureau of immigration, 1929. – 230 p.
20. Annual report of the commissioner general of immigration to the secretary of labor fiscal year ended june 30 1933. – Wash. : Bureau of immigration, 1934. – 96 p.
21. Annual report of the commissioner general of immigration to the secretary of labor fiscal year ended june 30 1932. – Wash. : Bureau of immigration, 1932. – 195 p.
22. US immigration law and policy: 1952-1979: a report prepared at the request of senator Edward M. Kennedy, chairman, Committee on the judiciary, United States Senate, upon the formation of the Select commission on immigration and refugee policy [Electronic resource] : HathiTrust digital library. – Mode of access: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pur1.32754078041195>. – Date of access: 22.10.2019.

Поступила 12.06.2020

US IMMIGRATION POLICY EVOLUTION IN THE FIELD OF COUNTERING ILLEGAL IMMIGRATION IN THE 1890s – THE FIRST HALF OF THE 1950s.

K. SURMA

The article discusses the US immigration policy on countering illegal immigration in the late XIX – first half of the XX centuries. The author identifies the causes of the phenomenon of illegal immigration in the United States and traces the evolution of the problem. Special attention is paid to the study of the forms and means of dealing against illegal immigration.

Keywords: *The USA; US immigration policy; immigration; illegal immigration; Bracero program.*

УДК 930:903.022(476)

**ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ
III – VII вв. В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.****М.В. ТКАЧЁВА***(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Исследование посвящено историографическому аспекту изучения керамических комплексов Верхнего Поднепровья III – VII вв. Выделены этапы в изучении керамического производства, охарактеризованы основные методы и исследовательские методики при изучении керамики данного хронологического диапазона. Проанализированы основные публикации по истории исследования керамики Верхнего Поднепровья III – VII вв. в XX – начале XXI вв. Сделан вывод о том, что керамику рассматриваемого археологического периода археологи на территории Беларуси начали изучать еще в довоенные годы. В 1950-е – 1970-е гг. керамика являлась объектом изучения Л.Д. Поболя, Э.А. Сымоновича, П.Н. Третьякова. С 1980-х гг. изучением керамики занимаются А.М. Обломский и Н.В. Лопатин. В 1990-е гг. Р.В. Терпиловский и Н.С. Абашина, Д.В. Серета, И.В. Зиньковская разработали схемы для классификации керамики киевской и колочинской культур. В 2000-е гг. технологическим особенностям керамического производства посвятила свои исследования Н.Н. Дубицкая.

Ключевые слова: историография, керамическое производство, Верхнее Поднепровье, керамика с расчесами, киевская культура, колочинская культура.

Введение. Керамика является наиболее массовым и выразительным материалом, который встречается во время раскопок. Керамический материал – важнейший источник изучения этнокультурного развития населения. Именно керамические комплексы позволяют ответить на один из важнейших вопросов при атрибуции археологической культуры – о непрерывности либо смене населения на какой-либо территории, характере миграционных процессов на определённом хронологическом отрезке времени.

Ввиду отсутствия на сегодняшний день комплексных исследований по заявленной теме, цель данной статьи – проанализировать историографический аспект изучения керамических комплексов Верхнего Поднепровья III – VII вв. на протяжении предыдущего столетия и вплоть до настоящего времени.

Основная часть. Керамику рассматриваемого археологического периода археологи на территории Беларуси начали изучать еще в довоенные годы. Но в тот период времени изучение имело описательный характер. Первые коллекции в это время были собраны А.Н. Лявданским, А.Д. Коваленей, С.А. Дубинским, В.И. Голубовичем. В 1920 г. С.А. Дубинским во время проведения раскопок верхнего слоя Банцеровского городища на р. Свислочь была найдена груболепная слабопрофилированная керамика VI – VII в. н.э. А.Н. Лявданский на селищах у д. Осетище и Малое Стахово в Борисовском районе обнаружил керамику аналогичную сосудам из верхнего слоя Банцеровского городища. А.Д. Коваленя на городище и селище Прыгань у с. Круглое и у деревень Васильевка, Тетерин, Лубены и Заречье Бельничского района нашел керамику, аналогичную сосудам из Банцеровского городища. Данные исследователи отметили условия и особенности обжига керамических изделий, а также состав керамических масс [1, с. 44–56].

В 1920-е гг. впервые на территории Беларуси была найдена керамика с расчесами. Такая керамика была выявлена А.Н. Лявданским на селищах Бельчица и Рудня вблизи от Полоцка и Ф. Балодисом на селище Волкорезы в юго-восточной Латвии. А.Н. Лявданский предпринял попытку интерпретировать небольшую группу лепной керамики из насыпей курганов. Три фрагмента с расчесами гребнем из Бельчицы охарактеризованы им по-разному: «штрихованные» и «с орнаментом». В древностях селища Рудня фрагменты со штриховкой и с расчесами объединены в одну группу – имеющих «штрихованный орнамент», но с оговоркой: «если его можно назвать таким». В тот же период К.М. Поликарповичем во время разведок на стоянках каменного века на среднем Соже была собрана керамика с расчесами. Характеристика такой керамики К.М. Поликарповича отличается от описания А.Н. Лявданского и представлена так: «наружная поверхность покрыта сеткой пересекающихся друг друга прямых нарезных линий». Никакого толкования расчесов на керамике ученым предложено не было [2, с. 5].

В послевоенные годы наблюдалось увеличение интереса к изучению керамики и керамического производства. В этот период керамика являлась объектом изучения Ю.В. Кухаренко, П.Н. Третьякова, Л.Д. Поболя. Но процесс развития производства керамики, основные технологические приемы мастеров в послевоенные годы не изучались. Основной причиной было отсутствие комплексных научных методик для всестороннего изучения особенностей производства керамической посуды с применением естественнонаучных методов [3, с. 239–241].

С 1950-х гг. на территории Беларуси началось планомерное изучение древностей киевской культуры, в том числе и керамики. Впервые они были исследованы Л.Д. Поболем. Наиболее известными являются

Абидня, селище и могильник около д. Тайманово Быховского района Могилевской области. Исследователь разделил керамический материал по способу обработки поверхности на три группы: гладкостенные, с расчесами и глянцевые [4, с. 28–60; 5, с. 441–444]. В этот же период времени археологами начала исследоваться керамика с расчесами. В 1957 г. О.Н. Мельниковская обнаружила такую керамику во время исследования селища Барсуки на р. Сож в Могилевской области. Керамика была двух видов – грубая и лощеная. Исследовательница отметила, что орнамент на сосудах представляет собой различного направления пучки параллельных врезанных линий, которые нанесены на поверхность сосуда зубчатым штампом. Также О.Н. Мельниковская отметила её сходство с находками керамики К.М. Поликарповича. У исследовательницы не было сомнения, что керамика с расчесами датируется серединой I тыс. н.э., но для интерпретации посуды с расчесами она предложила два варианта: 1) аналогична (в определенной степени) роменской и относится к VIII в.; 2) синхронна лощеной керамике [2, с. 5].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. началось изучение керамики из культурного слоя городищ Колочина и Тушемли. Именно в этот период был поставлен вопрос о выделении самостоятельных археологических культур: колочинской и тушемлинской. Исследователи, решая эту проблему, сделали существенный акцент на керамический комплекс как на одну из определяющих черт любой археологической культуры.

Более ранние колочинские древности, как считал Е.А. Горюнов, отличаются типологически от материалов верхнего слоя Тушемли. Он обратил внимание, что в материалах Северной Беларуси, а отчасти и Смоленщины сосуды с ребром встречаются редко и таким образом не так характерны степени, как и для колочинской культуры. Для выяснения соотношения между колочинскими и тушемлинскими древностями существенное значение имеет видовой состав встречаемой в них реберчатой керамики, которая представлена горшками трех основных типов: усеченно-коническими с ребром на середине высоты, биконическими со скругленным или резким переломом тулова и цилиндро-коническими сосудами. В таком сочетании реберчатая керамика встречается только в колочинских древностях, причем для них особенно характерны горшки двух последних форм. В древностях же северного круга (Банцеровщина, Демидовка и другие) есть в основном горшки первого или второго типа. Цилиндро-конические формы горшков в них отсутствуют. В керамике северных памятников преобладают горшки нерасчлененной формы: высокие, с плоским дном, слегка выпуклыми, расширяющимися кверху стенками, несколько суженной горловиной и чуть отогнутым наружу венчиком. Такие формы чаще встречаются в слое Тушемли и на других городищах Смоленщины. В древностях же типа Колочина таких почти нет. В тех и других комплексах представлены сосуды баночной и тюльпановидной формы, но они имеют разновидности, характерные только для колочинских древностей или для Тушемли в частности. Так, колочинские баночные сосуды слегка сужены к горлу, диаметр которого почти равен диаметру дна. На памятниках северных древностей (Банцеровщина, Замковая Гора, Узмень и другие) они представлены приземистыми формами, с почти прямыми, сужающимися книзу, а не к устью, стенками. Тюльпановидные сосуды на юге Верхнего Поднепровья близко напоминают цилиндро-конические по пропорциям, имеют такой же хорошо выраженный переход от верхней части к нижней, но не имеют ребра. В Тушемле они иные: с постепенно сужающимся книзу туловом и более раскрытые [6, с. 143; 7, с. 143–150 8, с. 52].

С 1960-х гг. материалами колочинской культуры занимался Э.А. Сымонович. Он разделил всю керамику из городища Колочин I на два типа и дал её краткое описание. Также исследователь сравнил колочинскую керамику с керамическими материалами из Тушемли, Акатаво на Смоленщине, Банцеровского городища Минского района, с памятниками Брянщины и Курской области, и сделал вывод, что на всех этих памятниках керамика имеет схожие формы. Он увидел сходства типа керамики из городища Колочин керамике, найденной на селище возле с. Корчак [9, с. 38–51]. В этот же период времени материалы типа Тушемли начал изучать Е.А. Шмидт. Он косвенно затрагивал в своих работах и колочинские древности. Е.А. Шмидт указал на близость позднетушемлинской и колочинской посуды и отметил, что ребристая посуда типична не только для колочинских поселений, но и для памятников Смоленского Поднепровья. Обратив внимание на керамику с «расчесами», Е.А. Шмидт сделал важный вывод о том, что керамика, украшенная расчесами, в бассейне Днепра и Западной Двины может датироваться второй четвертью I тысячелетия н.э., так как на городищах-убежищах VI – VII вв. она уже не встречается [1, с. 155]. П.Н. Третьяков изучил керамику с гребенчатыми расчесами, найденную в Абидне и Тайманово. Он пришел к выводу о сходстве этих материалов с находками на селище Барсуки и датировал памятники второй четвертью – серединой I тыс. н.э. Л.Д. Поболь во время раскопок в 1963–1965 гг. на р. Березине, на первом селище у д. Щатково (Могилевская область) и на селище в урочище Узвечев у пос. Красная Зорька (Минская область) также обнаружил слабопрофилированную керамику, в том числе содержащую расчесы. Изучив ее, автор раскопок отнес таковую к позднерубинской культуре, датировав III – IV вв. [2, с. 4].

В 1976 г. И.Н. Русанова в своей работе «Славянские древности VI – VII вв.» опровергла мнение Э.А. Сымоновича о схожести керамики из городища Колочин I с корчакскими древностями. Она сделала вывод, что в своей массе керамика типа Корчак и верхнеднепровская типа Тушемли – Колочин образует

две разные группы и два определенных ареала, внутри каждого из которых господствует посуда со своими характерными особенностями [10, с. 51].

С 1980-х гг. изучением керамики рассматриваемого периода занимаются А.М. Обломский и Н.В. Лопатин. А.М. Обломским была создана классификация для описания сосудов из колочинских памятников. Исследователь разделил всю керамику на грубую лепную кухонную и лепную столовую, гончарную импортную [11, с. 34–36]. Н.В. Лопатин же обратил внимание на нерешенность вопроса о соотношении керамики юга и севера Верхнего Поднепровья. По его мнению, неразрешенность проблемы определена несколькими факторами. Во-первых, в научный оборот введено ограниченное число целых керамических форм, что не позволяет судить о характерности той или иной формы для определенных регионов. Во-вторых, сравнение керамики обычно происходит между несколькими крупными регионами, по этой причине остаются скрытыми различия керамических комплексов внутри регионов, а обобщенные данные по целому региону становятся непоказательными. Исследователем был проведен анализ керамических материалов из Демидовки, Колочина, Тушемли. По итогам анализа было определено значительное сходство керамики Колочина и Демидовки, а также отличие ее от керамики Тушемли. В дальнейшем, Н.В. Лопатин выделил для Подвинья и Верхнего Поднепровья единый киевско-колочинский стиль керамики [12, с. 9–15].

Методика Н.В. Лопатина состоит в выделении керамических стилей. Под «стилями» он понимает «совокупность посуды, сходную внутри себя и отличающуюся от других по наиболее общим признакам (характер профилировки, манера выделки, устойчивые виды декора)». Стиль – более обширное понятие, чем тип, он описывается серией типов и отражает культурную традицию [13, с. 144–157]. В это же время появилась работа В.В. Седова, в которой составлена сводная типологическая характеристика всей славянской керамики с рассмотрением ее локальных особенностей [14].

Изучением древностей Гомельского Поднепровья, в том числе и керамики занимается О.А. Макушников. Им были изучены коллекции городища Колочин I. Данная коллекция состоит из 12 полных сосудов, более 3000 фрагментов, в том числе около 60 обломков, которые показывают форму сосудов полностью или до уровня середины высоты. Ученый разработал детальную типологию керамики Колочинского городища I. По назначению вся керамическая посуда была разделена на 4 категории: преобладающие в комплексе кухонные горшки и корчаги, а также встречаемые в небольшом количестве миски, сковороды и диски. Выделено 6 типов горшков и корчаг [15, с. 18–19; 16, с. 363–380].

В 1990-е гг. Р.В. Терпиловским и Н.С. Абашиной была разработана схема классификации керамики киевской культуры. Сопоставление разных типов посуды из закрытых комплексов (жилищ, погребений) дает основание выделить основные тенденции развития керамического комплекса для культуры и ее локальных групп. Но отсутствие работ по материалам Верхнего Поднепровья не дает сделать конкретных выводов [17, с. 292].

В это же время были предложены новые системы классификации керамики колочинской культуры такими исследователями, как Д.В. Середа и И.В. Зиньковская [18, с. 220–234.] Типология Д.В. Середы разработана как для целых форм посуды, так и для керамических фрагментов. Была привлечена керамика памятников колочинской территории, выделена также структура керамического комплекса (процентное соотношение таксонов сосудов). Исследователем было описано несколько территориальных и хронологических групп Колочинских памятников. На территории Беларуси было определено две фазы [19, с. 3–9].

В 2000-е гг. технологическим особенностям керамического производства Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья III – V вв. посвятила свои исследования Н.Н. Дубицкая. По материалам памятников эпохи железного века и Раннего Средневековья Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья с помощью методов естественных наук ею было проведено комплексное исследование основных аспектов технологического процесса изготовления керамической посуды. Было выявлено, что для состава формовочных масс использовали такие искусственные отошающие компоненты, как дресва кристаллических пород и измельченный керамический отошитель (шамот). Основным искусственным отошающим элементом для гончарства культур железного века лесной полосы Восточной Европы являлась дресва кристаллических пород (территория Беларуси, Прибалтики, Смоленщины и смежные районы). Н.Н. Дубицкой было установлено, что для гончарства эпохи железного века на территории Беларуси характерно широкое использование тонкоизмельченного специального отошителя (менее 0,1). Тонкое измельчение специального отошителя, по мнению исследовательницы, содействует более равномерному его распределению в формовочной массе и лучшему взаимодействию с ней.

Как показали исследования Н.Н. Дубицкой, схемы на основе дресвы и шамота являются самыми древними местными технологическими схемами. Выявлено, что основные рецепты составления формовочных масс, которые преобладали в гончарстве на территории Беларуси на протяжении полутора тысяч лет, установились уже в раннемилоградское время (VI – IV вв. до н. э.). Их основу образуют простые рецепты (глина + дресва и глина + шамот). В целом, для древнего гончарства на территории Беларуси не характерно использование органического отошителя, как растительного, так и животного происхождения. Установлено, что единственным способом обжига посуды, до появления гончарного круга, был обжиг

в кострищах. Кострища располагались на поверхности земли или в ямах различной глубины. Преобладал восстановительный обжиг.

В целом выявлено, что для древнего гончарства на территории Беларуси характерна преемственность и устойчивое развитие. Полученные на одном этапе знания и навыки по технологии подготовки формовочных масс и обжига сохранялись и являлись одним из компонентов гончарных традиций следующего этапа. Смена технологических традиций происходила постепенно [20, с. 443–445].

В 2008 г. были проведены археологические раскопки под руководством И.А. Марзалюка на территории городища Змеевка (Пелагеевское городище). В ходе работ была найдена керамика, которая по своим технологическим характеристикам идентична керамике из Колочинского городища. В результате было выделено три основных типа посуды Колочинской культуры:

– тип I – горшки тюльпановидной формы с широкой горловиной, отогнутой наружу шейкой и выразительным венчиком;

– тип II – горшки S-видной формы, с выразительными плечиками и отогнутым наружу венчиком, имеющие максимальное расширение на уровне верхней трети высоты. Это типичные горшки пражской культуры;

– тип III – ребристые горшки, имеющие максимальное расширение тулова на уровне середины высоты, оформленное в виде ребристого изгиба стенок, и невыделенный венчик [21, с. 20–23].

Заключение. Таким образом, интерес к изучению технологических особенностей керамики III – VIII вв. появился еще в довоенное время. В период с 1950-х по 1970-е гг. начали исследоваться памятники киевской культуры, в том числе и керамика. В это же время возник вопрос о выделении самостоятельных колочинской и тушемлинской культур. В связи с этим внимание исследователей было обращено на керамические формы как на один из отличительных элементов той или иной археологической культуры. С 1980-х гг. по настоящее время проводится изучение керамики киевской, колочинской и банцеровско-тушемлинской культур. А.М. Обломским впервые была создана научная классификация керамики для всего ареала колочинской культуры. Н.В. Лопатин, изучая керамику из Колочина и Тушемли, определил их качественное различие по ряду маркеров. Колочинскими древностями Беларуси, в том числе изучением керамики, занимается О.А. Макушников, который предложил свою классификацию керамики колочинской культуры. Однако комплексной работы, посвященной изучению керамики и керамического производства Верхнего Поднепровья на сегодняшний день в белорусской историографии не представлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмидт, Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III – VII вв. н. э. Тушемлинская культура / Е.А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 295 с.
2. Лопатин, Н.В. Культурные традиции населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в III – V вв. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Лопатин. – М. : Ин-т археологии РАН, 2000. – 23 с.
3. Дубицкая, Н.Н. Изучение древностей I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье / Н.Н. Дубицкая // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2010. – Вып. 25. – С. 239–241.
4. Поболь, Л.Д. Могильник у д. Тайманово / Л.Д. Поболь, Н.Н. Дубицкая, В.В. Пилипцевич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2003. – № 8. – С. 28–60.
5. Вяргей, В.С. Кіеўская культура / В.С. Вяргей, Ю.У. Каласоўскі // Археалогія Беларусі : у 2 т. Пад рэд. Т.У. Бяловай (гал. рэд.). – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Пятруся Броўкі, 2009. – Т. 1 – С. 441–444.
6. Горюнов, Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е.А. Горюнов ; под ред. А. Н. Кирпичникова. – Л. : Наука, 1981. – 136 с.
7. Русанова, И.П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья / И.П. Русанова // Славяне и Русь. – М. : Наука, 1968. – С. 143–150.
8. Седов, В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В.В. Седов. – М. : Наука, 1970. – 199 с.
9. Сымонович, Э.А. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) / Э.А. Сымонович // Советская археология. – 1966. – № 3. – С. 38–51.
10. Русанова, И.П. Славянские древности VI–VII вв. / И.П. Русанова. – М. : Наука, 1976. – 194 с.
11. Обломский, А.М. Колочинская культура / А.М. Обломский // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). – Раннеславянский мир. – 2016. – Вып. 17. – С. 34–36.
12. Лопатин, Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев / Н.В. Лопатин // КСИА. – 1989. – С. 9–15.
13. Лопатин, Н.В. Керамические стили и культурные группы III – V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье / Н.В. Лопатин // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье : сб. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. – СПб. : Труды ИИМК, 2004. – Т. XI. – С. 144–157.
14. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – М. : Наука, 1982. – 328 с.
15. Макушников, О.А. Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники VIII – IX вв. / О.А. Макушников // КСИА. – 2014. – С. 363–380.

16. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V-сердине XIII вв.: Социально-экономическое развитие / О.А. Макушников. – Гомель : Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.
17. Терпиловский, Р.В. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников) / Р.В. Терпиловский, Н.С. Абашина ; отв. ред. Д.Н. Козак. – Киев : Наукова думка, 1992. – 221 с.
18. Серда, Д.В. Колочинский керамический комплекс поселения Великие Будки (Хутор). Опыт сравнительного анализа / Д.В. Серда // *Stratum plus*. – 1999. – № 4. – С. 220–234.
19. Зиньковская, И.В. Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Картамышевский / И.В. Зиньковская // Вопросы истории славян. Археология, этнография ; под ред. А.З. Винникова. – Воронеж : ВГУ, 1998. – С. 3–9.
20. Дубицкая, Н.Н. Изучение технологии древней керамической посуды в Беларуси / Н.Н. Дубицкая // Археология і давня історія України : зб. наук. пр. – Київ : ІА НАН України, 2010. – Вип. 1. – С. 443–445.
21. Марзалюк, І.А. Гарадзішча Змяёўка (Пеллагеўскае гарадзішча) у Магілёве. Археалагічнае даследаванне / І.А. Марзалюк, Я.Р. Рыер. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2010. – С. 20–22.

Поступила 09.04.2020

HISTORY OF THE RESEARCH OF THE 3RD–7TH-CENTURY CERAMICS FROM THE UPPER DNEIPER REGION WITHIN THE 20TH AND THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES.

М. ТКАЧОВА

The article focuses on the historiographical aspect of the study of the 3rd–7th-century ceramic complexes from the Upper Dnieper region. The stages in the ceramic production study are pointed out, the main methods and research techniques for studying the ceramics of this chronological range are described. The main publications on the history of the research of the 3rd–7th-century ceramics from the Upper Dnieper region within the 20th and the beginning of the 21st centuries are analyzed. It is concluded that archaeologists in Belarus began to study the ceramics of the archaeological period under consideration back in the pre-war years. In the 1950s–1970s, ceramics were the object of study for L.D. Pobol, E.A. Simonovich, P.N. Tretyakov. Since the 1980s, ceramics were studied by A.M. Oblomsky and N.V. Lopatin. In the 1990s, R.V. Terpilovsky and N.S. Abashina, D.V. Sereda, I.V. Zinkovskaya worked out schemes for the classification of ceramics of Kyiv and Kaločyn cultures. In the 2000s, N.N. Dubitskaya devoted her research to the technological features of ceramic production.

Keywords: *historiography, ceramic production, Upper Dnieper region, ceramics with combing, Kyiv culture, Kaločyn culture.*

УДК 94(476)«1941/1944»

**РЕЙД ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ Ф.Ф. КАПУСТЫ
НА ТЕРРИТОРИЮ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1943 г.)****И.В. ЧЕРНЯВСКИЙ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В годы Великой Отечественной войны партизаны западных областей БССР внесли значительный вклад в разгром врага и приближение победы над ним. В целом ряде работ советского и постсоветского периода, посвящённых борьбе на оккупированной территории Беларуси, можно найти данные о создании формирований «народных мстителей», их боевых действиях, отношениях с местным населением, быте. Однако тема партизанских рейдов из центральных и восточных районов на территорию западных областей БССР в годы Великой Отечественной войны остаётся недостаточно освящённой. Между тем такая передислокация отрядов и бригад во многом усилила удары по врагу в данном регионе и сыграла свою роль в освобождении его от захватчиков. В статье рассмотрена история проведения крупнейшего по количеству участников рейда партизанского соединения под командованием Ф.Ф. Капусты в 1943 г. на территорию Белостокской обл. и его значение в активизации борьбы с оккупантами в Западной Беларуси.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; партизанское движение; Западная Беларусь; Белостокская область; партизанские формирования; личный состав; организационная структура; партизанские рейды.

Введение. Белостокская область была создана в 1939 г. после присоединения Западной Беларуси к БССР в результате начавшейся Второй мировой войны. В её состав была включена большая часть Белостокского воеводства, а также некоторые поветы Новогрудского воеводства бывшей Польской Республики. Географически область была наиболее удалена на запад в сравнении с другими административно-территориальными единицами БССР. Из-за такой особенности, дислоцировавшиеся в ней части Красной Армии подверглись нападению немцев уже в первые часы после начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. Став ареной ожесточённых боёв, к началу следующего месяца Белостокская обл. была полностью занята противником. В связи с быстротой происходивших событий подготовительная работа для развёртывания там партизанского движения проведена не была. Значительное количество советских и партийных работников в спешке ушло вслед за РККА на восток. Те формирования, которые всё же были созданы в период 1941–1942 гг. на территории Белостокской обл., в большинстве своём были рассеяны или уничтожены врагом. Некоторым партизанам удалось перейти в другие районы: в основном это были соседние Барановичская и Брестская обл. БССР.

Для активизации партизанского движения в Белостокской обл. и создания там боеспособных формирований в первой половине 1943 г. под руководством ЦК КП(б)Б из советского тыла был направлен ряд небольших организаторских групп. Однако должного результата это не дало. Часть групп погибла в пути или осталась в других областях. Тем, кто всё же прибывал в указанные районы, без особой поддержки местного населения выполнить поставленные задачи зачастую не удавалось. Тогда была избрана иная тактика: передислокация при помощи рейдов действовавших партизанских формирований из центральных и восточных регионов Беларуси в её западные области. Это было обусловлено следующими соображениями: не надо было тратить время на подбор личного состава, его обучение и вооружение. Кроме того, большая часть личного состава имела боевой опыт в тылу врага.

Партизанский рейд является одной из форм боевой деятельности. В научной литературе под данным термином обычно понимается совокупность диверсионной, разведывательной и агитационной работы, которую проводят формирования во вражеском тылу во время перемещения из одного региона в другой. К характерным чертам рейдов относят качественную подготовку; активное взаимодействие с местными партизанами и населением по пути следования; высокий уровень проведения идеологическо-разъяснительной работы среди бойцов, командиров и гражданского населения [1, с. 130].

Функции партийного руководства предстоявшим рейдом и в дальнейшем всей борьбой в регионе были возложены на образованный в июле 1943 г. Белостокский подпольный обком КП(б)Б во главе с секретарём В.Е. Самутиным (партизанская кличка Емельянов). Вскоре он прибыл на территорию Минской обл. Там должно было формироваться партизанское соединение для перехода в свою область и развёртывания там активной боевой деятельности. В этом вопросе помощь была оказана со стороны Минского подпольного обкома КП(б)Б во главе с В.И. Козловым. В августе 1943 г. находившееся в его подчинении партизанское соединение Слуцкой зоны было в состоянии расформирования. Именно выделенные из его состава боевые единицы и стали основой будущего формирования Белостокской обл. Непосредственно созданием руководил бывший командир соединения Слуцкой зоны, подполковник Ф.Ф. Капуста (партизанская кличка Костенко) при участии представителей Минского подпольного обкома КП(б)Б [2, с. 97].

Основная часть. В ходе организационных мероприятий по подготовке рейда, начавшихся в середине августа 1943 г., возникли определённые трудности. Представители Минского обкома в ряде случаев старались подбирать для нового соединения не целые боевые единицы, а лишь отдельные группы бойцов. Как правило, в них включали менее дисциплинированных и плохо обмундированных партизан [3, с. 19–21]. Такое поведение в целом объяснимо: отдавать лучших бойцов никто не хотел.

25.08.1943 г. Ф.Ф. Капуста принял от командира 300-й бригады им. Ворошилова вместе с вооружением и обозами отряд им. Невского (командир К.Н. Ещенко) в составе 122 чел.; отряд «Боевой» (командир Я.П. Гриценевич) в составе 213 чел., а также 17 чел. (включая 3-х из командного состава) из отряда «25 лет Октября», убывавшего в новую 200-ю бригаду им. Рокоссовского [4, с. 1]. На следующий день, 26.08.1943 г., он принял вместе с вооружением и обозами от командира 27-й бригады им. Чапаева отряд «За Родину» (командир М.Г. Янковский) в составе 170 чел.; 30 чел. рядового состава из отряда им. Щорса и 2 чел. рядового состава из отряда им. Чапаева. Таким образом, по состоянию на этот день общая численность формировавшегося соединения составляла 554 чел. [5, с. 2].

Однако в итоговом списке на 31.08.1943 г. (за день до выхода в боевой поход) под командованием подполковника Ф.Ф. Капусты в составе бригады специального назначения¹ значился иной список партизанских формирований и другая численность личного состава²: отряд «Боевой» – 201 чел. (37 командиров и 164 рядовых); отряд им. Невского – 140 чел. (27 командиров и 113 рядовых); отряд им. Будённого – 114 чел. (21 командир и 93 рядовых); отряд «За Родину» – 177 чел. (29 командиров и 148 рядовых); отряд Трацевского – 73 чел. (8 командиров и 65 рядовых); штаб – 40 чел. (9 командиров и 31 рядовой). Общая численность составляла 745 чел. (131 командир и 614 рядовых) [6, с. 3].

Таким образом, к упомянутым ранее боевым единицам были присоединены только созданный из партизан 225-й бригады им. Суворова Минской обл. отряд им. Будённого (командир М.Н. Изюмский) и отряд Трацевского³ [2, с. 115]. Личный состав, принятый из отрядов «25 лет Октября», им. Щорса и им. Чапаева, был пущен на пополнение других, поэтому они и не упоминаются в итоговом списке.

Что касается вооружения выступавшего в поход соединения, то оно распределялось по отрядам следующим образом⁴: отряд «Боевой» (1 орудие (47); 1 миномёт (35); 14 пулемётов; 8 автоматов (2225); 168 винтовок (11 108); 98 личного оружия); отряд им. Невского (4 пулемёта; 4 автомата (1886); 112 винтовок (5203); 26 личного оружия); отряд им. Будённого (4 пулемёта; 12 автоматов (3000); 90 винтовок (5400); 21 личного оружия); отряд «За Родину» (7 пулемётов; 6 автоматов (2100); 148 винтовок (8000); 21 личного оружия); отряд Трацевского (1 пулемёт; 8 автоматов (1000); 57 винтовок (2900); 10 личного оружия); штаб (17 автоматов (1500); 15 винтовок (2890); 22 личного оружия). Итого во всём соединении насчитывалось 1 орудие (47); 1 миномёт (35); 30 пулемётов; 55 автоматов (11 711); 590 винтовок (35 501)⁵; 198 единиц личного оружия [6, с. 3].

Таким образом, видно, что весь личный состав к началу рейда имел оружие. На одну винтовку приходилось по 60 патронов (с учётом пулемётов, использовавших те же боеприпасы, ещё меньше). На один автомат приходилось по 212 патронов. С учётом скорострельности основных моделей, находившихся в распоряжении партизан (советских и трофейных), этого хватало примерно на 10–15 мин интенсивного боя.

Исходной точкой для начала рейда стал Копыльский р-н Минской обл. Движение было начато 01.09.1943 г. из р-на д. Велешино (северо-восточнее п.г.т. Копыль) на юг. Построение походной колонны было заранее продумано командованием. Головным и замыкающим обычно ставили самые боеспособные формирования – отряды «Боевой» и им. Невского. В случае чего, они могли оказать достойное сопротивление противнику, выиграв тем самым время для перегруппировки сил или совершения манёвра. В середине двигались единицы поменьше и штаб. Каждый отряд организовывал боковое охранение (днём на расстоянии 1 км, ночью – на зрительной связи). За 30 мин до начала движения основных сил из головного отряда выделялась конная разведка. В её задачу входило следование по запланированному маршруту, его уточнение непосредственно на местности и проверка на наличие опасностей [7, с. 12].

Спустя несколько дней марша соединение достигло территории Клецкого р-на Барановичской обл., где была сделана недельная остановка. Командование рейдом понимало недостаточное обеспечение боеприпасами и взрывчатыми материалами своих боевых единиц, как на период проведения перехода, так и для развёртывания активных действий в новом регионе. При удачном стечении обстоятельств партизаны

¹ Именно под таким общим названием упоминаются в документе все партизанские формирования, готовившиеся выступить в рейд.

² В данном документе была обнаружена нестыковка: если сложить численность командного и рядового состава в отряде им. Будённого (21 и 93 чел. соответственно), то итоговая цифра – 114 чел. (в отчёте она указана, как 113 чел.). Тогда общая численность всего соединения, выступившего в поход, будет не 744 чел., а 745 чел. В тематической литературе эти цифры, судя по всему, не перепроверяли, поэтому везде значится 744 чел.

³ 25.08.1943 г. на базе десантной группы уполномоченного ЦК КП(б)Б А.Д. Трацевского (7 чел.), пополненной личным составом из других единиц, был создан отряд. Изначально он назывался отряд Трацевского или отряд Данилыча (по отчеству А.Д. Трацевского), а позже получил имя Жукова.

⁴ В скобках указано количество боеприпасов.

⁵ В этих данных была обнаружена нестыковка: если сложить численность патронов для винтовок каждого из отрядов вместе, то итоговая цифра равняется 35 501 шт. (в отчёте она указана на 1000 больше, как 36 501 шт.).

оказались бы далеко на западе, где сложнее наладить приём грузов с Большой земли. БШПД взялся организовать доставку всего необходимого самолётами. Однако ни в конце августа, ещё до рейда, ни во время первой остановки в сентябре 1943 г. этого сделать не удалось. Партизаны двинулись дальше. В составе маршевых колонн были и прибывшие во время остановки организаторские группы ЦК КП(б) и БШПД под командованием П.Р. Бастуна, В.В. Кундовича (в документах значился под кличкой «Чёрный»), И.М. Овсейчика, А.А. Стомы и И.С. Шурмана [8, с. 317].

В ночь с 12 на 13.09.1943 г. соединение с боем перешло железную дорогу Барановичи – Лунинец в р-не разъезда Ведыма (ст. Буды) и двинулось вглубь Ляховичского р-на. В течение нескольких последующих дней партизанские формирования рассредоточились и действовали отдельно друг от друга, нанося точечные удары по противнику. К примеру, 16.09.1943 г. отряд «Боевой» совместно с ротой из отряда им. Будённого уничтожили на ст. Кривошин лесной склад объёмом 600 м³ [9, с. 66]. 17.09.1943 г. отряд им. Невского успешно атаковал гарнизон противника в м. Медведичи [10, с. 1]. 18.09.1943 г. партизаны отряда «Боевой» уничтожили на ст. Волька лесной склад объёмом в 1600 м³, а на следующий день 19.09.1943 г. на ст. Кривошин сожгли здание станции, депо и мастерскую [9, с. 66].

В ходе рейда не прекращалось и обучение партизан. Каждый день 1-2 ч были выделены на политическую и 2 ч – на тактическую подготовку. По нечётным числам 1 ч выделялся на строевые занятия. Это укрепляло боевую выучку личного состава и позволяло постоянно держать его в тонусе. Помимо обучения личного состава и боевой работы партизаны вели широкую агитационно-разъяснительную работу среди местного населения: проводили беседы, собрания, распространяли печатную агитацию. Само появление крупных сил партизан оказывало значительное моральное влияние на людей, вселяло надежду на скорейший разгром противника и окончание войны. В отряды потянулись новые бойцы [11, с. 10].

В начале октября соединение снова собралось воедино около Выгонощанского озера и, продолжив рейд, вышло в Телеханский р-н Пинской обл. Здесь вновь была сделана двухнедельная остановка для приёма самолётов с Большой земли. В этот раз в течение 13 и 14.10.1943 г. прибыло 5 крылатых машин, доставивших так необходимый партизанам груз. Это значительно воодушевило личный состав, улучшило его моральное состояние и подняло боевой дух. Кроме того, во время стоянки 07.10.1943 г. из Минской обл. прибыла бригада им. Чапаева (командир Х.А. Матевосян) в составе 3 отрядов. Она вошла в соединение и дальше двигалась в Белостокскую обл. в его рядах [3, с. 19–21]. После такого усиления по состоянию на 14.10.1943 г. численность партизан была следующей: отряд «Боевой» – 218 чел. (37 командиров и 181 рядовой); отряд им. Невского – 178 чел. (37 командиров и 141 рядовой); отряд им. Будённого – 137 чел. (29 командиров и 108 рядовых); отряд «За Родину» – 197 чел. (39 командиров и 158 рядовых); отряд им. Жукова – 78 чел. (18 командиров и 60 рядовых); бригада им. Чапаева – 438 чел. (93 командира и 345 рядовых); штаб – 37 чел. (9 командиров и 28 рядовых). Общая численность составляла 1283 чел. (262 командира и 1021 рядовой) [12, с. 26].

Если не брать в расчёт новоприбывшую бригаду им. Чапаева, то личный состав изначально ушедших в рейд формирований с 01.09. по 14.10.1943 г. увеличился на 13,4% (+100 чел.). Все без исключения отряды прибавили в численности (больше всех вступило в отряд им. Невского – 38 новых бойцов), и лишь штаб соединения уменьшился на 3 чел.

Что касается вооружения, то ситуация по состоянию на 14.10.1943 г. выглядела следующим образом: отряд «Боевой» (1 орудие (50⁶); 2 миномёта (56); 16 пулемётов; 34 автомата (18 548); 167 винтовок (18 375); 96 личного оружия); отряд им. Невского (8 пулемётов; 41 автомат (16 907); 122 винтовки (10 550); 40 личного оружия); отряд им. Будённого (6 пулемётов; 22 автомата (10 077); 108 винтовок (9100); 25 личного оружия); отряд «За Родину» (11 пулемётов; 29 автоматов (17 752); 146 винтовок (15 246); 37 личного оружия); отряд им. Жукова (1 пулемёт; 14 автоматов (8257); 69 винтовок (5000); 18 личного оружия); бригада им. Чапаева (1 миномёт (24); 18 пулемётов; 47 автоматов (13 402); 300 винтовок (24 024); 91 личного оружия); штаб (5380 автоматных патронов; 18 винтовок (3075); 15 личного оружия). Итого во всём соединении насчитывалось 1 орудие (50); 3 миномёта (80); 60 пулемётов; 187 автоматов (90 323); 930 винтовок (85 370); 322 единицы личного оружия [12, с. 26]. В целом за период с 01.09. по 14.10.1943 г. значительно увеличилось количество оружия и боеприпасов. Так, миномётов и автоматов стало в 3 раза больше; пулемётов – в 2 раза; винтовок и личного оружия – в 1,5 раза. Количество боеприпасов к автоматам стало больше в 7,7 раз; к винтовкам – в 2,4 раза. Кроме того, появилось 3 противотанковых ружья с запасом в 263 патрона. Такое увеличение огневой мощи было связано с включением в состав соединения боевой бригады им. Чапаева, но главное – с помощью из советского тыла, без которой партизанам бы пришлось тяжело при продолжении рейда.

Во второй половине октября 1943 г. соединение Ф.Ф. Капусты вступило на территорию Брестской обл.: партизаны двигались через Берёзовский и Дрогичинский р-ны. В этот период к ним присоединился действовавший самостоятельно отряд им. Котовского (командир Н.Е. Ефремов). Далее на пути партизан лежало сразу несколько транспортных магистралей, использовавшихся противником. 21.10.1943 г. отряды поочередно преодолели шоссе Кобрин – Берёза – Картузская и Берёза – Картузская – Малеч и вышли к железнодорожной магистрали Берёза – Картузская – Линово. Для быстрейшего хода операции все подразделения разбили на 3 отдельные колонны и сделали щиты для переезда обозов через рельсы. Специальные группы заминировали железнодорожные пути на дальних подступах. Кроме того, взрывы полотна осуществлялись непосредственно во время движения походных колонн [8, с. 318]. Меры, принятые при подготовке операции, сделали своё дело. Всё прошло успешно. Более того, партизаны удерживали железную дорогу на данном участке ещё в течение нескольких дней.

⁶ В скобках указано количество боеприпасов.

После этого соединение Ф.Ф. Капусты вновь собралось в походную колонну и продолжило свой путь в северном направлении. Из данной местности за несколько переходов можно было достигнуть крупного лесного массива – Беловежской пуши, поэтому бригада им. Чапаева получила приказ отправиться в северную её часть, а бригада «Во имя Родины» (создана 24.10.1943 г. путём разделения отряда «За Родину» на отряды им. Кутузова и им. Хмельницкого) – в южную. Закрепившись там, они должны были начать активные действия на территории Белостокской обл. В дальнейшем в партизанских документах эти бригады будут фигурировать под общим названием южная группа Белостокского соединения. На деле выяснилось, что немцы превратили Беловежскую пушу и её окрестности в подобие военного лагеря с разного рода производствами, складами, госпиталями, посадочными площадками, разветвлённой системой узкоколейных железных дорог. Всё это охранялось целым рядом гарнизонов. Встретив упорное сопротивление, бригады им. Чапаева и «Во имя Родины» вынуждены были отступить обратно в Брестскую обл. [13, с. 35].

Оставшиеся отряды («Боевой», им. Жукова, им. Невского, им. Котовского, им. Будённого) и штаб продолжили рейд. Перейдя в Барановичскую обл., в конце октября партизаны преодолели железную дорогу Слоним – Зельва, переправились через р. Щара и в начале ноября 1943 г. достигли Липичанской пуши – одного из главных мест сосредоточения отрядов и бригад в данном регионе. Здесь также базировался ряд формирований, действовавших самостоятельно. Командование рейдировавшего соединения решило объединить их. 05.11.1943 г. путём разделения из отряда им. Невского была создана бригада им. Невского (в составе отрядов им. Невского и им. Василевской) под командованием К.Н. Ещенко. В её состав были переданы отряд им. Котовского и встреченный в пуше отряд им. Суворова (командир И.Я. Семашко). На базе действовавшей самостоятельно группы В.А. Авдонина был создан отряд «Звезда». Его объединили вместе с другим отдельным отрядом, получившим название «Кузнецкие металлурги», в бригаду «Пролетариат» под командованием Н.К. Войцеховского [14, с. 28–29].

Пока в Липичанской пуше проходили организационные мероприятия, командование выслало разведку по дальнейшему маршруту рейда. Она должна была установить наличие там советских партизан, а также вражеских (к ним в то время относили и Армию Крайову) сил. Параллельно шла подготовка к форсированию р. Неман. 12.11.1943 г. соединение в составе отрядов «Боевой», им. Жукова, им. Будённого; бригад им. Невского и «Пролетариат», а также штаба из Липичанской пуши продолжило рейд. Успешно была преодолена р. Неман и без боя пересечена железная дорога Лида – Волковыск. Продолжая свой путь к 13.11.1943 г. соединение достигло Васишишковского р-на, где расположилось на отдых. Белостокская обл. была совсем рядом [15, с. 154–155].

Появление крупного соединения партизан не было неожиданностью для противника. В короткий срок в треугольник Острино – Новый Двор – Бершты были переброшены значительные силы, начавшие наступление сразу с нескольких направлений. С целью оторваться от врага и выйти из-под удара командование партизан приняло решение ночью с 14 на 15.11.1943 г. прорываться на север в более лесистую местность. Однако эту задачу полностью выполнить не удалось: противник шёл по пятам. По партизанам был нанесён бомбовый авиаудар, однако неточный. Кульминацией противостояния стал затяжной бой в р-не дд. Зуброво и Иваче. Силы соединения прикрывали отряд «Боевой» им. Дунаева и 2 отряда из бригады им. Невского. Вечером и ночью они отбили 6 массированных атак [9, с. 69].

Противник имел превосходящую численность и огневую мощь, а также мог подтягивать подкрепление. У партизан же силы и запас боеприпасов уменьшались с каждым часом. В таких условиях к исходу 15.11.1943 г. командование соединения отдало приказ об отступлении в обратном направлении. Для большей маневренности и подвижности обозы решено было оставить. Интересно, что в таких условиях отряд им. Жукова всё же сделал попытку пробиться в Белостокскую обл., однако оказался в Литве, юго-восточнее г. Друскининкай, где попал в окружение. Выйти из него удалось лишь при помощи местного партизана-литовца [16, с. 39]. Основные силы соединения в течение нескольких следующих дней уходили от преследования в направлении Липичанской пуши. Осложняло их путь отсутствие проводников в незнакомой местности и её труднопроходимый лесисто-болотистый характер. Раненые и медперсонал были оставлены встретившимся бойцам из бригады им. «Ленинского комсомола». 19.11.1943 г. соединение Ф.Ф. Капусты вышло к р. Неман в Лидском р-не. Переправиться в леса Липичанской пуши удалось лишь к исходу этого дня после нескольких боёв с подразделениями Армии Крайовой.

Несмотря на такое развитие событий, командование соединения не собиралось отказываться от выполнения поставленных целей. Приближалась зима, поэтому постоянные базы было решено обустроить в Липичанской пуше. Здесь же при бригаде им. Ленина (командир Ф.М. Синичкин) оставался и штаб. Воздействовать на территорию Белостокской обл. в этот период было решено засылкой небольших диверсионных и агитационных групп (по 10–15 чел.) [17, с. 38].

Заключение. Таким образом, рейд партизанского соединения под командованием Ф.Ф. Капусты проходил по территории 4 областей с 01.09.1943 г. до его прекращения 15.11.1943 г. и окончательного завершения 19.11.1943 г. Общая продолжительность составила 80 дней. Подготовка к рейду не была спешной и заняла около 2 недель. Соединение имело среднюю численность в личном составе, при этом было достаточно укомплектовано командирами. Ответственная подготовка к рейду позволила избежать больших безвозвратных потерь в личном составе (всего погибло и умерло от ран 47 чел. (3,66% от всей численности)), а также до последних дней сохранять в целостности материальные ценности, двигавшиеся в обозах. Благодаря активной разъяснительной работе с местным населением в ходе рейда большинство боевых единиц пополнились новыми бойцами и численно окрепли. Кроме того, была проведена большая работа по объединению целого

ряда отдельных партизанских формирований. Это улучшило их организацию, управляемость и, как следствие, качество деятельности. В результате рейда под руководством Ф.Ф. Капусты оформилось соединение Белостокской обл., которое будет успешно действовать в тылу врага до его изгнания летом 1944 г.

Партизанские отряды и бригады, участвовавшие в переходах, были обеспечены оружием, но испытывали дефицит боеприпасов. На протяжении всего рейда они старались избегать затяжных боёв, а также нападения на большие гарнизоны и хорошо укреплённые места дислокации противника. Это было оправдано, т.к. такие действия могли подставить под угрозу всё проведение операции. Вместе с тем активно велась диверсионная работа на вражеских коммуникациях. В течение рейда был спущен под откос 51 эшелон, уничтожено 14 км полотна железной дороги, убито 1194 вражеских солдата и офицера. Тем самым был нанесён ощутимый удар по силам противника в данном регионе. Оккупанты вынуждены были считаться с партизанами и отвлекать дополнительные силы на борьбу с ними.

Из-за близости Белостокской обл. к немецкой Восточной Пруссии, наличия сильной вражеской агентуры, неосвоенности этой территории советскими партизанами соединение Ф.Ф. Капусты не смогло закрепиться там. С боями основные силы рейда вынуждены были отступить в Липичанскую пушу Барановичской обл., откуда в дальнейшем и действовали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны = Guerrilla Belarus. Illustrated Encyclopedia of partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War. – Минск : Бел. Энцикл. імя Пётруся Броўкі, 2019. – 352 с. (Беларусь помнит: во имя жизни и мира).
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе /А.Л. Манаенков [и др.] ; Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1983. – 763 с.
3. Отчёт о работе штаба партизанского движения Белостокской обл. за период с 04.08.1943 г. по 01.01.1944 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 5.
4. Ведомость на передачу численного и боевого состава с парт. бриг. им. Ворошилова в распоряжение подполковника Капуста Ф.Ф. (25.08.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 4.
5. Ведомость на передачу численного и боевого состава с парт. бриг. им. Чапаева в распоряжение подполковника Капуста Ф. Ф. (26.08.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 4.
6. Сведения о боевом и численном составе бригады специального назначения (31.08.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 4.
7. Боевой приказ № 001 (01.09.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 2.
8. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – Филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; гл. редкол.: А.Т. Кузьмин (пред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985.
9. Журнал учёта боевой и диверсионной работы парт. отр. «Боевой» им. Дунаева (начат 01.09.1943 г. – окончен 21.03.1944 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 1.
10. Журнал учёта боевой и диверсионной работы парт. бриг. им. Невского (начат 12.09.1943 г. – окончен 22.05.1944 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 1.
11. Расчёт часов на подготовку (18.09.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 119.
12. Сведения о боевом и численном составе группы парт. отрядов на 14.10.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 4.
13. Донесение капитана Л. П. Стефанюка (от 16.11.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 6.
14. Приказ по штабу партизанского движения Белостокской обл. № 0016 (05.11.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 2.
15. Черепица, В.Н. Уходили в поход на врага : партизанская бригада им. К. Калиновского в 1943-1944 гг. : (по док. и материалам архива нач. штаба С.В. Чудинова) / В.Н. Черепица. – Гродно : Гродн. тип., 2012. – 479 с.
16. Донесение отряда им. Жукова (28.11.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 6.
17. Боевой приказ № 0023 группе партизанских отрядов и бригад (29.11.1943 г.) // НАРБ. – Ф. 1400. Оп. 1. Д. 2.

Поступила 07.05.2020

SPECIAL CONNECTION OF PARTISAN DETACHMENTS ON THE TERRITORY OF WESTERN BELARUS (1942-1943)

I. CHARNIAUSKI

During the Great Patriotic war, the partisans of the western regions of the BSSR made a significant contribution to the defeat of the enemy and the approach of victory over him. In a number of works of the soviet and post-soviet period devoted to the struggle in the occupied territory of Belarus, you can find data on the creation of groups of "people's avengers", their fighting, relations with the local population, and life. However, the theme of partisan raids from the central and eastern regions to the territory of the western regions of the BSSR during the Great Patriotic war remains not sufficiently sanctified. Meanwhile, this relocation of a number of detachments and brigades greatly increased the attacks on the enemy in this region and played a role in freeing it from the invaders. The article discusses the history of the of the largest number of participants guerrilla formation raid under the command of F. F. Kapusta in 1943 on the territory of the Bialystok region and its importance in intensifying the struggle against the invaders in Western Belarus.

Keywords: Great Patriotic war; partisan movement; Western Belarus; Bialystok region; partisan formations; personnel; organizational structure; partisan raids.

УДК [94 + 355.425.4] (476 +474.3 + 474.4)«1941/1944»

**ПАРТЫЗАНСКИЯ ЗОНЫ БЕЛАРУСИ ЯК ПЛАЦДАРМ ДЛЯ РАЗГОРТВАННЯ
ЎЗБРОЕНАГА АНТЫГЕРМАНСКАГА СУПРАЦІЎЛЕННЯ НА ТЭРЫТОРЫІ
ЛАТВІІ І ЛІТВЫ (1941–1944): АРГАНІЗАЦЫЙНЫ І БАЯВЫ АСПЕКТ**

*канд. гіс. навук, дац. А.А. КРЫВАРОТ
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)
tak_tav@tut.by*

Разгледжана пытанне разгортвання партызанскага руху на беларуска-латвійскім і беларуска-літоўскім памежжы. Адзначана, што развіццё антыгерманскага супраціўлення ў 1941–1944 гг. на тэрыторыі прыбалтыйскіх рэспублік у значнай ступені было абумоўлена станам партызанскіх сіл на поўначы Віцебскай і паўночным захадзе Вілейскай абласцей. Раскрыта роля Віцебскіх «варот», Расонска-Асвейскай, Суражскай, Барысаўска-Бягомльскай і Ушачскай партызанскіх зон у прыёме, функцыянальнай падрыхтоўцы і матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні арганізатарскіх і баявых груп, якія накіроўваліся з савецкага тылу для далейшай баявой дзейнасці ў Літве і Латвіі. Абазначаны месцы базіравання на тэрыторыі Беларусі аператыўных груп ЦК КП(б) Латвіі і ЦК КП(б) Літвы, асноўныя раёны дыслакацыі латышскіх і літоўскіх партызанскіх падроздзяленняў. Прыведзены прыклады сумесных баявых аперацый партызан Беларусі, Латвіі і Літвы на транспартных камунікацыях праціўніка і супраць яго гарнізонаў. Матэрыял падрыхтаваны на аснове аналізу навуковай літаратуры і дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: *Аператыўная група, гарнізон, дыверсія, камунікацыі, карная аперацыя, партызанская зона, партызанскі атрад, плацдарм, рэйд.*

Уводзіны. Ва ўмовах хуткага наступлення войск вермахта большасць партыйна-савецкага актыву Латвіі і Літвы летам 1941 г. адышла на ўсход разам з войскамі Чырвонай Арміі. Партызанскія падраздзяленні, пакінутыя ў тыле ворага, змаглі ў ліпені – верасні 1941 г. правесці некалькі нападаў на акупацыйныя аб'екты, аднак пасля першых баёў з карнымі камандамі многія з іх былі рассяяны, панеслі страты, а байцы, якія засталіся жывыя, перайшлі да падпольных метадаў змагання. З набліжэннем зімы 1941/1942 г. большасць груп, закінутых з-за франтавой паласы па лініі партыйных органаў, камандавання Паўночна-Заходняга фронту і Балтыйскага флоту, ва ўмовах жорсткага пераследу з боку акупантаў ці спынілі ўзброеную барацьбу, ці вярнуліся праз лінію фронту ў савецкі тыл. Некаторыя партызанскія арганізатары часова перайшлі ў лясы Беларусі і Расійскай Федэрацыі, дзе былі ўключаны ў склад мясцовых атрадаў. Разгортванне партызанскай барацьбы ўскладняла і тое, што ў Латвіі і Літве савецкая ўлада існавала кароткі час. Недадаткова быў згуртаваны партыйна-савецкі актыв, а значная частка насельніцтва ў гарадах і сельскай мясцовасці па першым часе падтрымала нямецкі рэжым. У выніку арганізацыйны перыяд фарміравання партызанскага руху і стварэння адзінага кіруючага цэнтра антыгерманскага змагання ў Латвіі і Літве зацягнуўся. Пачынаючы з вясны 1942 г. Масква стала разглядаць некаторыя раёны Беларусі, вызваленыя партызанамі ад праціўніка, у якасці плацдарма для канцэнтрацыі латышскіх і літоўскіх арганізатарскіх груп і партызанскіх падраздзяленняў з мэтай іх далейшага пранікнення на тэрыторыю прыбалтыйскіх рэспублік і разгортвання там узброенага антыгерманскага супраціўлення.

Некаторая інфармацыя аб узаемадзеянні партыйных органаў, партызанскіх фарміраванняў і падпольных груп Беларусі, Латвіі і Літвы ў справе арганізацыі барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі ўтрымліваецца ў калектыўных навуковых працах [1; 2; 4; 6], манаграфіях [8; 11; 15], у навуковых артыкулах [9; 13], разнастайных зборніках [3; 5; 7; 12], навукова-папулярных брашурах [10; 14].

Разам з гэтым, нягледзячы на прысутнасць у публікацыях пэўных звестак аб арганізацыйных і баявых кантактах савецкіх патрыётаў Беларусі, Латвіі і Літвы ў гады Вялікай Айчыннай вайны, у гістарыяграфіі яшчэ адсутнічае комплексная навуковая праца, дзе ўсебакова быў бы асветлены ўклад партыйных структур КП(б)Б, партызанскіх фарміраванняў у станаўленне і пашырэнне ўзброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў і іх памагатых на тэрыторыі прыбалтыйскіх рэспублік.

Мэта артыкула – на аснове аналізу выяўленага матэрыялу ў навуковай літаратуры, выкарыстання архіўных дакументаў паказаць уплыў і значэнне партызанскіх зон, створаных на тэрыторыі Віцебскай, Мінскай і Вілейскай абласцей, на арганізацыйнае афармленне і бяздольнасць латышскіх і літоўскіх партызанскіх фарміраванняў, арганізацыйна-палітычную дзейнасць падпольных партыйных цэнтраў ЦК КП(б) Латвіі і Літвы.

Асноўная частка. Арганізацыйныя і баявыя сувязі савецкіх патрыётаў Беларусі, Латвіі і Літвы з мэтай сумеснай барацьбы супраць германскіх захопнікаў і іх памагатых зарадзіліся ў першыя месяцы Вялікай Айчыннай вайны. Яны праяўляліся ў разнастайных формах, асноўнай з якіх у 1941 – пачатку 1942 г. была ўзаемадапамога ў наладжванні падпольнай работы і партызанскага руху ў памежных раёнах. Месцам першых кантактаў беларускіх і латышскіх патрыятычных груп стаў Асвейскі раён Віцебскай вобласці. Тут напачатку зімы 1941 г. сталі ўзаемадзеінічаць падпольная група з беларускай вёскі Прошкі

ў складзе некалькіх дзясяткаў чалавек і патрыёты са Шкяўненскай і Пасіенскай валасцей Лудзенскага ўезда Латвіі на чале з А.М. Громам. Беларускія падпольшчыкі з мэтай падрыхтоўкі да разгортвання ўзброенай барацьбы супраць акупантаў стварылі непадалёку ад вёскі Прошкі тайнае сховішча зброі і боепрыпасаў, сабраных на месцах былых баёў. Гэты аб'ект стаў своеасаблівай базай, куды з Латвіі падпольшчыкі перапраўлялі байцоў і камандзіраў Чырвонай Арміі, савецкіх актывістаў, якім пагражала расправа з боку акупантаў. Сярод ваеннаслужачых-акружэнцаў і ваеннапалонных-уцекачоў, хто такім чынам перабраўся на тэрыторыю Беларусі, былі будучыя камандзіры 2-й Дрысенскай і Асвейскай імя М.В. Фрунзе партызанскіх брыгад, І.М. Кухарэнка і М.М. Кузьмін, камандзір атрада А.А. Шамаль. У сакавіку 1942 г. на гэту тайную базу перанеслі сваю зброю і боепрыпасы з Латвіі падпольшчыкі групы А.М. Грома [3, с. 100; 4, с. 364; 6, с. 476–477; 10, с. 11, 17–18; 11, с. 45; 14, с. 87; 15, с. 254–255; 16, с. 38–44; 17, с. 278–280, 359].

Пачатак баявой садружнасці савецкіх патрыётаў Беларусі і Літвы звязаны з дзейнасцю на беларуска-літоўскім памежжы групы Ф.Р. Маркава, якая 16 верасня 1941 г. пранікла на тэрыторыю Пастаўскага раёна пасля завяршэння вучобы ў дыверсійнай школе каля Бранска. Сам Ф.Р. Маркаў быў ураджэнцам Швянчонскага раёна Літвы, удзельнічаў у рэвалюцыйным руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі, а пасля ўз'яднання рэгіёна з БССР і да пачатку германскай акупацыі працаваў намеснікам старшыні Вілейскага аблвыканкама. За першыя месяцы знаходжання ў тыле праціўніка група змагла правесці некалькі дыверсій на чыгунцы Вільнюс – Дзвінск. На баявым рахунку падраздзялення – крушэнне воінскага эшалона з аўта-транспартам у складзе 30 вагонаў, падрыў эшалона з прадуктамі і фуражом для нямецкіх франтавых часцей, скінуты пад адхон шэсць паравозаў. Найбольш эфектыўны ўдар па чыгунцы быў нанесены 6 студзеня 1942 г., калі на ўчастку паміж станцыямі Падброддзе і Пагулянка быў разбіты паравоз, 39 вагонаў, забіта і паранена 185 нямецкіх салдат і афіцэраў. У асноўным баявая дзейнасць групы распаўсюджвалася на беларуска-літоўскае памежжа. Зімой 1941/1942 г. партызанам групы Ф.Р. Маркава ўдалося прасачыцца ў Вільнюс і ўсталяваць кантакты з савецкімі патрыётамі з ліку мясцовых актывістаў і ваеннаслужачых. З першых месяцаў вайны не толькі Віцебская, але і Вілейская вобласць стала той базай, дзе знаходзілі сабе прытулак афіцэры і салдаты Чырвонай Арміі, якія трапілі ў акружэнне ці германскі палон на тэрыторыі прыбалтыйскіх рэспублік. Так, у 1941 г. члены антыфашысцкай падпольнай арганізацыі з Панявежскага ўезда перапраўлялі ў Вілейскую вобласць савецкіх ваеннаслужачых-уцекачоў з лагераў ваеннапалонных [4, с. 360; 7, с. 276; 15, с. 256; 18, лл. 155, 156].

Весной 1942 г. партызанскі рух на тэрыторыі Віцебскай вобласці, у тым ліку на мяжы з Латвіяй, стаў паступова набываць масавы характар. Гэта тлумачыцца наступнымі падзеямі. Па-першае, з лютага 1942 г. сталі функцыянаваць Віцебскія (Суражскія) «вароты», праз якія на акупаваную тэрыторыю сталі накіроўвацца атрады, арганізатарскія і баявыя групы, перапраўляцца зброя і боепрыпасы. Па-другое, мясцовыя падпольныя групы сталі аб'ядноўвацца і пераходзіць да партызанскіх метадаў барацьбы. Па-трэцяе, да партызанскай дзейнасці сталі далучацца ваеннаслужачыя, якія даволі часта аказвалі станоўчы ўплыў на баяздольнасць і арганізаванасць партызанскіх баявых адзінак. Па-чацвёртае, даволі хуткі рост колькасці атрадаў спрыяў узбуйненню партызанскіх сіл – арганізацыі брыгад.

Разгортванне партызанскіх сіл у непасрэднай блізкасці ад тэрыторыі Латвіі мела важнае значэнне для актывізацыі барацьбы савецкіх патрыётаў гэтай прыбалтыйскай рэспублікі, якія сталі шукаць кантакты з беларускімі партызанамі. У канцы сакавіка 1942 г. з-за пагрозы для моладзі германскай мабілізацыі група А.М. Грома («атрад смалакураў») колькасцю 25 байцоў перайшла да партызанскай дзейнасці, а ў маі перабралася з Лудзенскага ўезда ў лясны Асвейскага раёна і стала часткай мясцовага атрада пад камандаваннем І.К. Захарава. Падраздзяленне аформілася ў канцы красавіка 1942 г. і складалася з мясцовых актывістаў і ваеннаслужачых-акружэнцаў. Прыкладна ў гэты час пасля правядзення буйной дыверсіі – падрыву склада – у беларускі атрад прыбыў адзін з кіраўнікоў падпольнай арганізацыі Дзвінска, А. Максімаў, а некалькі пазней – удзельнік абароны Ліёпаі, кіраўнік адной з рыжскіх падпольных груп, І. Судмаліс. У пачатку лета 1942 г. амаль палову Асвейскага атрада складалі латышы. У складзе беларускага атрада байцы групы А.М. Грома і іншыя латышскія падпольшчыкі дзейнічалі як самастойнае падраздзяленне [2, с. 398; 3, с. 182; 4, с. 364; 5, с. 234; 6, с. 476–477, 10, с. 35; 11, с. 46; 14, с. 88; 15, с. 254–255; 19, лл. 2, 9].

У сумесных аперацыях з атрадам І.К. Захарава супраць германскіх акупантаў і іх памагатых латышскія партызаны набывалі неабходны баявы вопыт. Вясной – летам 1942 г. ва ўзаемадзейні былі нанесены ўдары па калонах ворага на шашэйных камунікацыях, здзейснены напады на апорныя пункты акупантаў у Асвейскім раёне і Латвіі. На баявым рахунку партызан тры ўдалыя напады на праціўніка з засады на шашы Коханова – Асвея, у выніку якіх былі разбіты шэсць машын, у тым ліку легкавая, знішчаны каля 40 салдат і афіцэраў, у тым ліку генерал, здабыты важныя дакументы і іншыя трафеі. Падчас гэтых дыверсій вызначыўся баец атрада латыш І. Судмаліс. У маі 1942 г. партызаны вызвалілі значную частку Асвейскага раёна, разбурылі масты на дарогах, што вялі на Себеж і Дрысу. Народныя месціцы не абмяжоўваліся правядзеннем аперацый на беларускай тэрыторыі, а здзяйснялі ўдары па аб'ектах акупацыйнага рэжыму ў памежных уездах Латвіі. Так, 12 чэрвеня 1942 г. атрадамі імя М.В. Фрунзе Асвейскага раёна, Сяргееўскім Расонскага раёна (камандзір С.Х. Каракін) і падраздзяленнем Калінінскай вобласці агульнай колькасцю да 200 байцоў

было атакована мястэчка Шкяуне, дзе размяшчаліся нямецкія акупацыйныя ўстановы і гарнізон, адкуль немцы і айзсаргі рабілі вылазкі супраць партызан і набегі на навакольныя вёскі. Партызаны забілі і паранілі дзясяткі акупантаў з ліку аховы населенага пункта, ліквідавалі нямецкі пагранічны атрад, разграмілі валасную ўправу, казарму, пошту, тэлефонную станцыю. Нападаўшыя знішчылі рэгістрацыйныя спісы мясцовай моладзі, чым сарвалі яе адпраўку ў Германію. Налётам на акупацыйны аб'ект атрады сур'эзна падарвалі харчовую базу праціўніка ў рэгіёне, забраўшы са складоў каля трох тон мукі, цукру, масла. Паспяховаму правядзенню аперацыі ў значнай ступені садзейнічалі разведдадзеныя аб праціўніку, здабытыя напярэдадні латышскай групай А.М. Грома. Значнай баявой падзеяй у гісторыі атрада імя М.В. Фрунзе стаў напад у ноч з 20 на 21 чэрвеня 1942 г. на райцэнтр Асвея, пасля чаго дзясяткі жыхароў з навакольных вёсак уключыліся ў савецкі партызанскі рух. На тэрыторыі суседняга Расонскага раёна наносіла ўдары па акупантах падраздзяленне пад камандаваннем Р.А. Ахоціна, якое толькі за май 1942 г. разграміла паліцэйскія ўчасткі і ўправы на тэрыторыі 10 сельсаветаў, а таксама атрады Сяргееўскі (камандзір С.Х. Каракін) і Антоненкі. Вызваленая ад праціўніка тэрыторыя раёнаў паклала пачатак Расонска-Асвейскай партызанскай зоне, якая даходзіла да граніц Латвіі і Літвы [2, с. 402–403; 6, с. 477; 10, с. 35–36; 11, с. 46; 16, с. 109–113; 19, лл. 4, 9–10; 20, л. 15].

Актыўная баявая дзейнасць партызан на поўначы Віцебскай вобласці вясной – летам 1942 г. спрыяла пастаяннаму прытоку ў атрады новых байцоў. У сярэдзіне ліпеня 1942 г. атрад І.К. Захарава налічваў 150 чалавек, а ў жніўні 1942 г. на яго базе былі сфарміраваны тры новыя атрады. Важны этап пашырэння і ўмацавання партызанскага руху на поўначы Віцебшчыны быў звязаны з прыбыццём у рэгіён 1 ліпеня 1942 г. спецпадраздзялення Ваеннага савета 29-й арміі пад № 17 (камандзір А.І. Петракоў). Пасля некалькіх этапаў рэаганізацыі з атрадаў, якія дыслацыраваліся на тэрыторыі Асвейскага, Дрысенскага і Расонскага раёнаў, па распараджэнні аператывнай групы партызанскага руху пры Ваенным саваце 4-й ударнай арміі ад 26 жніўня 1942 г. былі вызначаны чатыры брыгады. Узбуджэнне партызанскіх сіл рэгіёна дазволіла народным месціцам наносіць адчувальныя ўдары па чыгуначных і важных шашэйных камунікацыях, буйных апорных пунктах ворага. Сведчаннем узрослага баявога патэнцыялу партызан стаў паспяховы падрыў атрадамі Асвейскага, Дрысенскага, Расонскага раёнаў 110-мятровага чыгуначнага моста праз Дрысу, вызваленне ад акупантаў у верасні 1942 г. населенага пункта Коханавічы, які размяшчаўся на скрыжаванні важных дарог і на шляху партызан да чыгункі, а таксама выгнанне акупантаў з райцэнтраў Асвея і Расоны. Такім чынам, у пачатку восені 1942 г. партызаны Расонска-Асвейскай зоны па сваёй арганізацыйнай структуры і баявых магчымасцях уяўлялі грозную сілу [19, л. 9–10; 20, л. 39; 21, л. 12–13, 35; 22, л. 13].

У заходняй частцы Расонска-Асвейскай зоны былі створаны трывалыя ўмовы для засылкі на тэрыторыю суседняй прыбалтыйскай рэспублікі партызанскіх і падпольных груп. Наяўнасць такой магчымасці была вельмі важная яшчэ з прычыны таго, што падчас свайго рэйду з Ленінградскага партызанскага краю партызанскі полк «За Савецкую Латвію» з 20 чэрвеня па 10 ліпеня 1942 г. не змог замацавацца на латвійскай тэрыторыі, стварыць там цэнтры партызанскага руху і агульны кіруючы цэнтр антыгерманскага супраціўлення. З усіх падраздзяленняў палка праз кальцо праціўніка ўглыб Латвіі прарваліся тры невялікія групы колькасцю 20 чалавек. У канцы ліпеня 1942 г. яны злучыліся ў лесе на стыку граніц Валкскага і Абрэнскага ўездаў, дзе стварылі невялікі партызанскі атрад (камандзір В. Эзерніек). Акрамя таго, у жніўні – верасні 1942 г. паветраным шляхам і праз акупаваную тэрыторыю Калінінскай і Ленінградскай абласцей у латвійскія рэгіёны было закінута яшчэ некалькі атрадаў і груп, якія з прычыны нападаў буйных карных каманд былі вымушаны перайсці ў глыбокае падполле ці вярнуцца ў савецкі тыл [10, с. 41–64; 11, с. 55, 57–58, 69].

Разгортванне партызанскага руху на тэрыторыі Літвы ў першай палове 1942 г. мела істотныя цяжкасці, абумоўленыя слабасцю падпольных і партызанскіх структур як у самой прыбалтыйскай рэспубліцы, так і ў сумежных раёнах Беларусі. Спробы стварыць кіраўнічы цэнтр па антыгерманскім супраціўленні ў Літве праз засылку туды арганізацыйных і баявых груп паветраным шляхам не прынеслі станоўчых вынікаў. Так, у сакавіку 1942 г. у тыл праціўніка былі закінуты самалётамі дзве вялікія групы кіраўнічых партыйных і камсамольскіх работнікаў на чале з сакратаром ЦК КП(б) Літвы І. Мескупасам-Адомасам, якім удалося распачаць сваю дзейнасць у паўночнай і паўднёвай частках рэспублікі. Аднак у хуткім часе групы перасталі выходзіць на сувязь з Цэнтрам і амаль поўнасцю загінулі. Летам 1942 г. на тэрыторыю рэспублікі было закінута яшчэ сем груп арганізатараў партызанскага руху. Адначасова ЦК КП(б) Літвы з мэтай засылкі новых груп на тэрыторыю рэспублікі ў сярэдзіне 1942 г. звярнуўся да ЦК КП(б)Б з просьбай прыцягнуць беларускіх партызан да аказання дапамогі літоўскім баявым і арганізатарскім групам у пранікненні на вызначаныя рэгіёны рэспублікі для выканання пастаўленых задач. Беларускі бок станоўча аднёсся да такой просьбы. Сакратар ЦК КП(б)Б Р.Б. Эйдзінаў арыентаваў Паўночна-Заходнюю аператывную групу ЦК КП(б)Б на аказанне патрыётам суседняй рэспублікі дапамогі праваднікамі і ўсталяваннем сувязі з брыгадамі Віцебскай вобласці на чале з А.Я. Марчанка і М.І. Дзячковым, праз месца дыслакацыі якіх пралягаў маршрут літоўскіх партызан. Найбольшая колькасць арганізатарскіх і баявых груп прайшла праз Віцебскія «вароты», да якіх прымыкала Суражская партызанская зона. Першыя два літоўскія падраздзяленні разам з інструктарам ЦК КП(б) Літвы, С. Сырусам, пры ўдзеле Паўночна-

Заходняй апэратыўнай групы ЦК КП(б)Б пераправіліся праз разрыў у лініі фронту летам 1942 г. [1, с. 297, 310; 6, с. 478; 12, с. 609–608; 13, с. 46, 51; 14, с. 100–101].

Для ўмацавання партызанскіх сіл у паўночнай частцы Вілейшчыны, як важнага плацдарма для пераходу арганізатарскіх і баявых груп у суседнюю рэспубліку, у жніўні 1942 г. у рэгіён па распараджэнні ЦШПР і штаба 4-й ударнай арміі Калінінскага фронту быў накіраваны атрад пад камандаваннем І.І. Пятрова (пазней – атрад «Спартак»), вылучаны са складу 2-й Беларускай брыгады (камандзір М.І. Дзячкоў). Некалькі пазней з-за лініі фронту праз Віцебскія «вароты» ў Вілейскую вобласць праніклі пяць груп літоўскіх партызан. Яны былі добра ўзброены і мелі радыёстанцыю для сувязі з Цэнтрам. Пасля кароткага адпачынку ў казанскіх лясах тры літоўскія групы перабраліся ў Літву, а падраздзяленні Ё. Арлаўскаса і Дубаўскаса аб'ядналіся ў адзін атрад, у якім першы стаў камандзірам, а другі – камісарам. Пасля праведзенай сумесна беларускімі і літоўскімі групамі разведкі ў шэрагу рэгіёнаў Літвы было вызначана, што там яшчэ не мелася неабходных умоў для базіравання буйнога партызанскага фарміравання. У такой сітуацыі камандаванне літоўскага атрада прыняло рашэнне заставацца на тэрыторыі Вілейшчыны да вясны 1943 г. і разам з мясцовымі партызанамі ўдзельнічаць ва ўзброенай барацьбе супраць германскіх акупантаў і іх паслугачоў [14, с. 100; 18, лл. 144, 159, 172аб.; 23, с. 169–170; 24, л. 289].

Першыя захады па выкарыстанні беларускай тэрыторыі як плацдарма для разгортвання партызанскага руху ў Латвіі былі зроблены ў верасні 1942 г., калі ў Асвейскі раён па заданні ЦК КП(б) Латвіі і пры садзеянні беларускага кіраўніцтва праз лінію фронту прыбылі тры групы (кіраўнікі Х. Грысліс, А. Лапа, І. Бараноўскі). Пасля непрацяглай падрыхтоўкі латышскія групы пры дапамозе беларускіх партызан перадыслацыраваліся ў раёны, вызначаныя ЦК КП(б) Латвіі, і разгарнулі там баявую дзейнасць. Падраздзяленне Х. Грысліса ў раёне г. Карсава ў лістападзе 1942 г. падверглася нападу карнікаў, панесла адчувальныя страты і было рассяяна. Двум байцам удалося заканспіравацца і звязацца з падпольшчыкамі. Група А. Лапы ў раёне гулбенскіх лясоў была акружана і ў баі з карнікамі страціла большую частку свайго асабовага складу. Тры байцы звязаліся з іншымі патрыятычнымі адзінкамі і працягнулі далейшае змаганне з гітлераўцамі [4, с. 364; 10, с. 69–71; 11, с. 76; 14, с. 90].

З рэйдных латышскіх падраздзяленняў найбольш эфектыўна дзейнічала група І. Бараноўскага, што атрымала задачу апэрыраваць у паўднёва-заходняй частцы Латвіі. Баявыя апэрацыі група праводзіла на поўначы Вілейшчыны сумесна з беларускімі атрадамі «Спартак», які, у сваю чаргу, узаемадзейнічаў з літоўскімі атрадамі Ё. Арлаўскаса. Беларускія, латышскія і літоўскія партызаны за верасень – лістапад 1942 г. правялі да 15 нападаў на гарнізоны, участкі і валасныя ўправы праціўніка, у тым ліку ў Вопсе, Ёдах, Казянах. Найбольш маштабнай стала апэрацыя з удзелам трох падраздзяленняў супраць паліцэйскай каманды колькасцю 130 чалавек, з дапамогай якой планавалі аднавіць гарнізон у Казянах з мэтай абароны акупацыйных аб'ектаў, у тым ліку маста праз Дзісну. У выніку раптоўнага нападу на мястэчка ў ноч з 3 на 4 лістапада 1942 г. партызаны знішчылі нямецкага афіцэра і дзясяткі паліцэйскіх, узялі ў палон 18 акупантаў, захапілі зброю і боепрыпасы. Пасля паспяховай апэрацыі пачаўся прыток у атрады мясцовай моладзі. Разам з нападамі на гарнізоны партызаны ажыццяўлялі ўдары па варожых камунікацыях. Байцы групы І. Бараноўскага 30 кастрычніка 1942 г. скінулі пад адхон воінскі эшалон з гітлераўцамі на 12-м кіламетры чыгункі Вільнюс – Дзвінск. Атрады «Спартак» і Ё. Арлаўскаса разбурылі чыгуначнае палатно на ўчастку Полацк – Вільнюс, рух на якім акупантам так і не ўдалося аднавіць. Ужо пасля першых апэрацый партызан акупацыйнае камандаванне стала рабіць захады па падаўленні баявой актыўнасці атрадаў. Так, 22 кастрычніка 1942 г. карная групіроўка ў складзе 70 выпускнікоў унтэр-афіцэрскай школы, 79 літоўскіх, латышскіх і беларускіх паліцэйскіх напала на лагер партызан у лесе каля вёскі Возерава. Дзякуючы грамадна арганізаванай абароне партызанскіх сіл колькасцю да 50 чалавек па выніках гадзіннага бою нанеслі карнікам адчувальныя страты і прымусілі адступіць. На левым фланзе партызанскай абароны дзейнічаў літоўскі атрад на чале з Ё. Арлаўскасам. Сярод захопленых партызанамі трафейў былі кулямёт, шэсць аўтаматаў, 21 вінтоўка, 13 пісталетаў, 5 ракетніц, 40 гранат і 2500 патронаў [1, с. 311; 4, с. 362; 14, с. 100; 23, с. 170; 24, лл. 12, 18аб., 311, 313аб.].

Нягледзячы на актыўную баявую дзейнасць, тром партызанскім падраздзяленням не ўдалося замацавацца на поўначы Вілейшчыны і ўтрымаць плацдарм, абапіраючыся на які літоўскія арганізацыйныя і баявыя групы маглі б пранікаць на тэрыторыю прыбалтыйскай рэспублікі. У выніку буйной карнай апэрацыі 22–24 лістапада 1942 г. з гарнізонаў Браслаў, Відзы, Глыбокае, Казяны, Шаркаўшчына праціўнік сіламі да 5 тысяч нямецкіх ваеннаслужачых і паліцыі пры падтрымцы 6 танкаў, 2 бронемашын, артылерыі і мінамётаў пасля непрацяглага бою змог акружыць беларускіх, латышскіх і літоўскіх партызан. У такой крытычнай сітуацыі атрады для змяншэння страт невялікімі групамі з баямі прарваліся з блакады ў напрамку Шаркаўшчыны. Адна частка атрада «Спартак» колькасцю 114 байцоў перабралася ў Расонскі раён, другая колькасцю 70 чалавек апынулася ва Ушачскім раёне. Некалькі невялікіх груп засталіся ў казанскіх лясах. Атрад Ё. Арлаўскаса пасля выхаду з баёў перайшоў на тэрыторыю Літвы. За два месяцы знаходжання на Вілейшчыне літоўскае падраздзяленне пры дапамозе атрада «Спартак» умацавалася арганізацыйна і ў баях з германскімі акупантамі набыло неабходны баявы вопыт [14, с. 101; 24, лл. 12аб., 16, 20, 314 аб.].

Пасля ліквідацыі германскімі рэгулярнымі часткамі Віцебскіх «варот» у канцы верасня 1942 г. тэрыторыя Віцебскай вобласці заставалася і надалей плацдармам, па якім пралягаў маршрут арганізатарскіх і баявых груп у прыбалтыйскай рэспубліцы. У лістападзе 1942 г. лінію фронту непадалёку ад райцэнтра Невель Калінінскай вобласці пераадолелі пяць літоўскіх падраздзяленняў, якія месцам свайго першапачатковага базіравання выбралі Расонска-Асвейскую партызанскую зону. Адно з такіх падраздзяленняў, група «Мечыс» пад камандаваннем П.П. Пранявічуса ў складзе 40 байцоў, разам з віцебскімі, калінінскімі і латышскімі партызанамі неаднаразова ўдзельнічала ў баявых аперацыях супраць германскіх акупантаў. Яшчэ адным рэгіёнам, у якім літоўскія партызаны ў 1942 – пачатку 1943 г. базіраваліся пасля прыбыцця з Вялікай зямлі, стала Мінская вобласць. На партызанскую пляцоўку, размешчаную непадалёку ад месца дыслакацыі чэкіскага спецатрада С.А. Ваўпшасавы на тэрыторыі Чэрвеньскага раёна, у верасні 1942 г. на самалёце прыбылі дзве разведвальныя групы літоўскіх партызан «Сябры» і «Нерыс» на чале з І.І. Вільджунасам. Разведчыкі размясціліся ў зоне адказнасці брыгад «Дзядзькі Колі» (камандзір П.Р. Лапацін) і «Народныя месціцы» (камандзір В.Т. Варанянскі). У пачатку 1943 г. І.І. Вільджунас на тэрыторыі Барысаўскага раёна сустрэўся з камандзірам брыгады імя К.Я. Варашылава Вілейскай вобласці, Ф.Р. Маркавым. Было дамоўлена, што літоўскія групы пасля марша з тэрыторыі Мінскай вобласці на Вілейшчыну і да моманту пераходу ў суседнюю рэспубліку, будуць часова базіравацца разам з вілейскімі партызанамі. На беларускай зямлі зімой 1942/1943 г. у месцах дыслакацыі беларускіх партызан таксама размяшчаліся літоўскія атрады і групы «Вільнюс» (камандзір С. Апівала), «Дуброўскага» (камандзір П. Галубовас), «Мішкас» (камандзір В. Мічунас), «Грыгаса» і інш. [14, с. 102–103; 23, с. 177–179].

З улікам размаху партызанскага руху на тэрыторыі Віцебшчыны напрыканцы восенні 1942 г. Цэнтр стаў разглядаць беларуска-латвійскае памежжа ў Асвейскім раёне ў якасці плацдарма для разгортвання дзейнасці кіруючага органа, здольнага аб'яднаць разрозненыя савецкія патрыятычныя групы на тэрыторыі прыбалтыйскай рэспублікі і звязаць іх з ЦК КП(б) Латвіі. З гэтай мэтай у другой палове снежня 1942 г. з-за лініі фронту быў накіраваны атрад ЦК КП(б) Латвіі пад камандаваннем В.П. Самсона, які стаў базіравацца ў вёсках Гнільцы і Красава Асвейскага раёна. Атрад павінен быў пранікнуць у Латвію, замацавацца там, устанавіць сувязі з патрыятычнымі групамі і стварыць умовы для дзейнасці кіруючага цэнтра антыгерманскага супраціўлення. На беларускай тэрыторыі латышкае падраздзяленне заўважна павялічылася колькасцю. Да яго былі далучаны з брыгады І.К. Захарава група А.М. Грома колькасцю 35 чалавек, з атрада «Спартак» група І. Бараноўскага ў складзе 15 байцоў, а таксама некалькі дробных груп, якія засталіся ад палка «За Савецкую Латвію» пасля яго рэйду і змагаліся супраць акупантаў у брыгадах Віцебскай і Калінінскай абласцей. Дзякуючы дапамозе беларускіх партызан спецатраду В.П. Самсона ўдалося за кароткі тэрмін стварыць неабходную базу для работы аперацыйнай групы ЦК КП(б) Латвіі, якая ў студзені 1943 г. прыбыла ў Асвейскі раён [4, с. 363–365; 11, с. 82, 84–85; 14, с. 91].

На новым месцы дыслакацыі атрад В.П. Самсона адразу далучыўся да баявых аперацый беларускіх і калінінскіх партызан. У пачатку студзеня 1943 г. латышкае падраздзяленне ўдзельнічала ў нападзе на восем варажых гарнізонаў па чыгуначнай лініі Боркавічы – Дрыса, падчас якога праціўніку быў нанесены значны ўрон. У першай аперацыі на латвійскай тэрыторыі 12 студзеня 1943 г. падраздзяленне В.П. Самсона ўзаемадзейнічала з адзінаццаццю беларускімі і калінінскімі атрадамі. Партызаны агульнай колькасцю больш за 700 чалавек разграмілі ў валасным цэнтры Вецслабада гарнізон, які налічваў 69 чалавек, паліцэйскі ўчастак і валасное ўпраўленне, знішчылі 4 склады з харчамі. Акрамя таго, пры блакіраванні апорных пунктаў праціўніка Шкяўне, Шэшкі, Пасіене, Забор'е былі ліквідаваны 30 нямецкіх і два латышскія салдаты. Пры разгроме гарнізона ў Вецслабадзе ва ўдарную партызанскую групіроўку ўваходзілі чатыры беларускія атрады, аўтаматчыкі з латышкага падраздзялення і літоўская група П. Пранявічуса. Паспяховае правядзенне аперацыі аказала станоўчы ўплыў на дзейнасць савецкіх патрыятычных сіл у Латвіі. Пасля нападу на Вецслабаду ў латышскі спецатрад сталі актыўна ўлівацца жыхары з розных населеных пунктаў рэспублікі, у тым ліку з Рыгі, Двінска, Рэзекне, Відземе [3, с. 145; 9, с. 48; 16, с. 219; 26, лл. 127–129; 27, л. 82].

Падчас рэйдаў партызан з Асвейскага раёна на тэрыторыю Латвіі ў другой палове студзеня – першай дэкадзе лютага 1943 г. былі захоплены ў палон восем пагранічнікаў Латышонкаўскага кардона, разгромлены Рундзенская валасная ўправа, паліцэйскі ўчастак і тэлефонная станцыя. Актыўнасць партызан у памежнай паласе істотна абмяжоўвала там уплыў акупацыйнай улады, стварала магчымасці савецкім патрыятычным групам для пранікнення ўглыб тэрыторыі Латвіі. Пры такім развіцці падзей германскае камандаванне прыняло дадатковыя меры па ізаляцыі тэрыторыі Латвіі ад Асвейскага і Себежскага раёнаў. Папершае, у 30-кіламетровай паласе была разгорнута суцэльная сетка гарнізонаў і 27 дадатковых умацаваных аб'ектаў у Лудзенскім і Дзвінскім уездах з прыцягненнем 1000 ахоўнікаў пад камандаваннем нямецкіх афіцэраў. Па-другое, з мэтай ліквідацыі плацдарма для пранікнення партызан на тэрыторыю Латвіі акупацыйны рэжым правёў супраць Расонска-Асвейскай зоны дзве буйныя карныя аперацыі «Заяц-бяляк» (27.01–14.02. 1943) і «Зімовае чараўніцтва» (14.02–20.03. 1943). У цяжкіх баях з карнікамі сумесна з беларускімі і калінінскімі партызанамі ўдзельнічаў латышскі спецатрад, байцы якога падчас першай экспедыцыі мужна трымалі абарону каля вёсак Прохарава і Паўлава Расонскага раёна, а падчас другой эфектыўна дзейнічалі ў тыле карнікаў у раёне населенага пункта Шкяўне і хутара Шрамі, дзе захапілі шмат палонных і трафеі [3, с. 147–151; 7, с. 44–45; 11, с. 87–88; 14, с. 92–93; 20, л. 42–43; 22, л. 85–87; 25, л. 211; 26, л. 138–140].

Нягледзячы на складаную абстаноўку ў месцы базіравання, атрад пастаянна папаўняўся новымі байцамі коштам жыхароў розных рэгіёнаў Латвіі і Беларусі. З прычыны вялікага колькаснага складу падраздзялення, наяўнасці ў ім падрыхтаваных камандна-палітычных кадраў Латвійскі штаб партызанскага руху (начальнік А.К. Спрогіс) сваім загадам ад 23 сакавіка 1943 г. стварыў на базе спецатрада партызанскую брыгаду (камандзір В.Я. Лайвінш). У адпаведнасці з распараджэннямі Цэнтра частка падраздзяленняў брыгады вясной – восенню 1943 г. перамясцілася з беларуска-латвійскага памежжа ўглыб тэрыторыі Латвіі для стварэння новых партызанскіх атрадаў і арганізацыйных цэнтраў. У кастрычніку 1943 г. у рэйд з асвейскіх лясоў у раён Кегума было накіравана падраздзяленне ў складзе 17 чалавек на чале з камісарам Латвійскай брыгады О.П. Ошкалнам. Байцы брыгады, якія засталіся ў раёне на поўнач ад Асвейскага возера, працягвалі разам з беларускімі партызанамі наносіць удары па камунікацыйных праціўніках і ажыццяўляць напады на яго апорныя пунты [10, с. 93; 11, с. 95–96, 98, 108, 110, 120–121, 126].

У якасці аднаго з плацдармаў для збору і гуртавання літоўскіх арганізатарскіх і баявых падраздзяленняў выкарыстоўвалася тэрыторыя Барысаўска-Бягомльскай зоны, куды 21–23 сакавіка 1943 г. на транспартных самалётах з Вялікай зямлі прыбыла аператыўная група ЦК КП(б) Літвы на чале з М.Ю. Шумаўскасам. Партыйныя работнікі і байцы суправаджэння па першым часе знаходзіліся ў раёне базіравання брыгады «Жалызняк» (камандзір І.П. Ціткоў). Пры арганізацыі сваёй дзейнасці аператыўная група ЦК КП(б) Літвы на тэрыторыі Беларусі мела падтрымку і ад камандавання партызанскіх фарміраванняў Полацка-Лепельскай зоны. У пачатку красавіка 1943 г. па загадзе кіраўніка аператыўнай групы ў вёсцы Лесіны Ушачскага раёна шляхам аб'яднання падраздзялення «Мечыс» (камандзір П.П. Пранявічус), якое перамясцілася з Расонскага раёна, і байцоў, закінутых з Вялікай зямлі, быў створаны атрад «Жальгірыс». Пераход у напрамку літоўскай граніцы падраздзяленне ажыццяўляла ва ўзаемадзеянні з беларускімі атрадам «Спартак» (камандзір А.М. Панамароў), які вяртаўся з Ушачскага раёна ў ранейшы рэгіён базіравання – казыянскія лясы. Спрыянне беларускіх партызан дазволіла аператыўнай групе падрыхтаваць і правесці ў маі 1943 г. у вёсцы Зарубаўшчына Ушачскага раёна шырокую нараду з кіраўнікамі савецкага падполля Вільнюса, Каўнаса, Шаўляя, Алігуса, Панявежыса і іншых рэгіёнаў акупаванай Літвы. Мерапрыемства з удзелам каля 100 прадстаўнікоў рэспублікі мела важнае значэнне для далейшага пашырэння ўзброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў на літоўскай зямлі. З мэтай канспірацыі аператыўная група перамяшчалася ў бок граніцы з Літвой асобнымі падраздзяленнямі і па розных маршрутах. Адно з падраздзяленняў у раёне ўрочышча Багна-Мох некалькі дзён базіравалася ў атрадзе «Кастрычнік», дзе папоўніла свае прадуктовыя запасы. На пасадачнай пляцоўцы атрада літоўскія партызаны прынялі самалёт з новымі байцамі для аператыўнай групы і груз са зброяй і боепрыпасамі. Своечасовая дапамога Цэнтра дазволіла беларускім і літоўскім партызанам сумесным ударам разграміць непадалёку размешчаны гарнізон праціўніка. Аператыўная група спачатку базіравалася ў казыянскіх лясах, а потым у раёне возера Нарач, дзе пры ўдзеле мясцовых партызанскіх фарміраванняў разгарнула працу па павелічэнні колькаснага складу атрадаў і арганізацыі новых баявых адзінак. Так, у нарачанскай зоне на аснове падраздзялення «Жальгірыс» былі сфарміраваны партызанскія атрады «Вільнюс», «Гром», імя К. Каліноўскага. Асноўнай базай па падрыхтоўцы партыйных і камсамольскіх груп, партызанскіх падраздзяленняў для засылкі на тэрыторыю Літвы з'яўлялася беларуская брыгада імя К.Я. Варашылава (камандзір Ф.Р. Маркаў). Адным з першых прабіўся на тэрыторыю прыбалтыйскай рэспублікі і размясціўся ў паўднёвым рэгіёне атрад «Гром». У раёне Рудніцкай пушчы з ліпеня 1943 г. стала дзейнічаць партызанскае падраздзяленне на чале з намеснікам кіраўніка аператыўнай групы, сакратаром Паўднёвага абкама КП(б) Літвы Г.О. Зіманасам. Некалькі пазней у Рудніцкую пушчу прабраўся літоўскі атрад імя К. Каліноўскага, дзе правёў некалькі баявых аперацый сумесна з беларускімі асобным партызанскім атрадам «Баец» (камандзір Д.К. Бацяноўскі) [1, с. 297, 312; 4, с. 362; 6, с. 478; 8, с. 609; 12, с. 103–104, 106; 23, с. 172–173].

Практычна адначасова з аператыўнай групай ЦК КП(б) Літвы і атрадам «Жальгірыс» па сваіх маршрутах перамяшчаліся з Мінскай вобласці на Вілейшчыну літоўскія партызанскія групы «Сябры» і «Нерыс» на чале з І.І. Вільджунасам. Перад маршам у пачатку вясны 1943 г. пад яго кіраўніцтвам на базе брыгады «Народныя мсціўцы» (камандзір В.Т. Варанянскі) была праведзена падрыхтоўка літоўскіх партызан да рэйду ў Літву. Для разгортвання эфектыўнай баявой дзейнасці ў тыле ворага літоўскія групы атрымалі з Цэнтра зброю, боепрыпасы, медыкаменты, а таксама радыёстанцыю. Падраздзяленні «Сябры» і «Нерыс» размясціліся ў нарачанскай зоне непадалёку ад атрада «Знішчальнік» (камандзір А.В. Жукаў) брыгады імя К.Я. Варашылава і пасля папаўнення мясцовымі патрыётамі перайшлі на тэрыторыю Літвы. Праз некаторы час І.І. Вільджунас, які застаўся з невялікай групай у нарачанскіх лясах, пры дапамозе партызан брыгады імя К.Я. Варашылава сфарміраваў з савецкіх патрыётаў навакольных вёсак новы партызанскі атрад [4, с. 361; 14, с. 99; 23, с. 181, 184–185].

Асноўнай базай размяшчэння літоўскіх партызан з чэрвеня 1943 г. і да ліпеня 1944 г. сталі казыянскія і нарачанскія лясы, дзе знаходзіўся і Паўночны абкам КП(б) Літвы на чале з М.Ю. Шумаўскасам. Аб'ектамі сумесных удараў груп, атрадаў і брыгад Беларусі і Літвы ў рэгіёне былі чыгуначныя і шашэйныя камунікацыі і гарнізоны ворага. Падчас аперацыі «Рэйкавая вайна» беларускія брыгады імя М.Ф. Гастэлы, «Спартак» сумесна з літоўскімі партызанамі з брыгады «Жальгірыс», атрадаў «Вільнюс», імя К. Каліноўскага, «Маргерыс», «Бічуляй» праводзілі дыверсійныя аперацыі на лініях Вільнюс – Дзвінск, Вільнюс – Мінск, Дзвінск – Кёнігсберг, Вільнюс – Гродна. Агульнымі намаганнямі чыгуначная лінія Паставы – Варапаева

была выведена з эксплуатацыі да прыходу ў рэгіён Чырвонай Арміі. Для больш эфектыўнай дыверсійнай дзейнасці на чыгунцы ажыццяўляўся ўзаемаабмен разведданымі, узаемадапамога ўзрыўчаткай, перадавымі метадамі падрыўной справы. Напрыклад, камандзір літоўскага атрада «Жальгірыс» Б. Урбанавічус па просьбе кіраўніцтва беларускіх брыгад «Спартак» і імя К.Я. Варашылава на працягу двух тыдняў падрыхтаваў для гэтых партызанскіх фарміраванняў каля 80 мінёраў. Мела працяг узаемадзеянне партызан пры правядзенні дыверсій на чыгунцы і ў 1944 г., асабліва падчас летняга наступлення Чырвонай Арміі [8, с. 319, 321; 12, с. 609, 616; 23, с. 174; 186].

Найбольш пашыраным відам сумесных дзеянняў беларускіх і літоўскіх партызан на тэрыторыі Вілейшчыны былі напады на апорныя пункты акупантаў. Ужо ў красавіку 1943 г. атрад «Кастрычнік» і літоўскія партызанскія падраздзяленні на чале з П. Пранявічусам і А. Зайцасам па загадзе БШПР разграмілі базу «народнікаў» у населеным пункце Лужкі за 20 кіламетраў на паўночны захад ад райцэнтра Пліса. Першай буйной сумеснай аперацыяй супраць гарнізонаў ворага быў налёт летам 1943 г. брыгады імя К.Я. Варашылава і літоўскага атрада «Вільнюс» на райцэнтр Мядзель. Падчас нападу партызаны захапілі вялікую колькасць зброі, харчоў і абмундзіравання. Нягледзячы на тое, што апорныя пункты ворага былі абнесены калочым дротам, мелі ўмацаваныя абарончыя кропкі і сістэму траншэй, беларускія і літоўскія партызаны рэгулярна наносілі ўдары па базах ворага, у тым ліку па нямецкіх гарнізонах на чыгунцы Вільнюс – Дзвінск. Некалькі баявых аперацый спатрэбілася правесці беларускім і літоўскім партызанам, каб разграміць гарнізон Шэметава, асабовы склад якога налічваў 150 чалавек. Толькі сабраўшы значныя сілы, атрады змаглі поўнаасцю ліквідаваць апорны пункт праціўніка. Пра важнасць барацьбы з варожымі гарнізонамі ў дзейнасці партызан суседніх рэспублік сведчыць той факт, што за студзень – май 1944 г. беларускія брыгады «Спартак», імя К.Я. Варашылава, імя Ленінскага камсамола, асобны атрад «Баец» разам з літоўскімі партызанскімі фарміраваннямі «Жальгірыс», «Вільнюс», імя К. Каліноўскага, імя А. Міцкевіча, «Бічуляй» правялі больш за 30 буйных нападаў на гарнізоны акупантаў. Адзін з такіх удараў быў скіраваны па праціўніку ў райцэнтры Відзы. У выніку імклівых дзеянняў байцы з брыгады «Спартак», атрадаў «Жальгірыс» і імя К. Каліноўскага захапілі чатыры станковыя кулямёты, шмат аўтаматаў і вінтовак. Яшчэ раз акупацыйны гарнізон у гэтым райцэнтры быў атакаваны партызанамі суседніх рэспублік падчас аперацыі «Баграціён». У ноч з 28 на 29 чэрвеня 1944 г. байцы брыгады «Спартак» і літоўскіх атрадаў імя К. Каліноўскага і «Жальгірыс» пад агульным кіраўніцтвам сакратара Паўночнага падпольнага абкама КП(б) Літвы М.Ю. Шумаўскаса акружылі населены пункт і штурмам авалодалі Відзамі. Затым да падыходу часцей 6-й гвардзейскай арміі партызаны на працягу некалькіх дзён утрымлівалі райцэнтр, адбіваючы атакі германскіх войск [1, с. 311–312; 4, с. 363; 6, с. 478; 8, с. 321; 12, с. 616; 14, с. 106–107; 23, с. 174].

Маршруты перамяшчэння і месцы базіравання беларускіх і літоўскіх партызан на тэрыторыі Вілейшчыны неаднаразова былі аб'ектамі нападаў карных фарміраванняў акупантаў. Так, 11 мая 1943 г. брыгада імя К.Я. Варашылава і літоўскі атрад «Вільнюс» каля вёскі Антоны падчас перадыслакацыі з казынскіх лясоў у Нарачанскую зону ўступілі ў сутыкненне з буйным фарміраваннем праціўніка, сабраным з ваеннаслужачых навакольных гарнізонаў. У выніку 9-гадзіннага бою пад кіраўніцтвам камбрыга Ф.Р. Маркава беларускія і літоўскія падраздзяленні падбілі два бронетранспарціёры, знішчылі дзясяткі акупантаў і не дазволілі праціўніку акружыць партызан. Яшчэ адзін бой на маршы адбыўся летам 1943 г. у Докшыцкім раёне, дзе партызанскі атрад аперацыйнай групы ЦК КП(б) Літвы на чале з Г. Зіманасам разам з брыгадай імя ЦК КП(б)Б (камандзір А.Д. Мядзведзеў) адбілі нападзенне буйнога карнага атрада і нанеслі яму адчувальны ўрон. Канцэнтрацыю ў пачатку восені 1943 г. у Вілейскай вобласці значных сіл беларускіх і літоўскіх партызан гітлераўскае камандаванне разглядала як сур'ёзную пагрозу для сваіх аб'ектаў на тэрыторыі Літвы. З мэтай ліквідацыі небяспекі акупацыйны рэжым неаднаразова з восені 1943 г. і да лета 1944 г. накіроўваў карныя экспедыцыі ў месцы сумеснага базіравання партызанскіх фарміраванняў. Падчас правядзення найбуйнейшай з іх, пад кодавай назвай «Фрыц» (верасень – кастрычнік 1943 г.), праціўнік для акружэння беларускіх брыгад і атрадаў аперацыйнай групы ЦК КП(б) Літвы ў раёне нарачанскіх і казынскіх лясоў прыцягнуў чатыры баявыя групы колькасцю да 20 тысяч карнікаў, 12 артбатарэй, 20 танкаў і 40 самалётаў. Некалькі тыдняў беларускія і літоўскія партызаны змагаліся з пераўзыходзячымі сіламі. Народныя месціцы пазбягалі адкрытых баёў і прарываліся ў тую мясцовасць Вілейшчыны, дзе было больш магчымасцей для маневраў, а ў некаторых выпадках пераходзілі ў Віцебскую вобласць. У дні цяжкіх баёў дапамогу боепрыпасамі беларускім партызанам аказалі партызаны-літоўцы пад камандаваннем М.Ю. Шумаўскаса. У канцы кастрычніка – пачатку лістапада 1943 г. беларускія і літоўскія партызаны вярнуліся на ранейшыя месцы дыслакацыі ў казынскіх і нарачанскіх лясах і працягвалі да ліпеня 1944 г. сумесна праводзіць аперацыі на камунікацыях праціўніка, рабіць напады на яго гарнізоны як на тэрыторыі Вілейшчыны, так і Літвы. У нарачанскім рэгіёне, нягледзячы на пастаянныя напады карных войск, не спыняў сваю дзейнасць Паўночны падпольны абкам КП(б) Літвы, што мела важнае значэнне для далейшага пашырэння антыгерманскага супраціўлення ў прыбалтыйскай рэспубліцы [4, с. 363; 7, с. 421–422; 8, с. 321; 14, с. 104; 23, с. 185–187].

У другой палове восені 1943 г. партызанскія зоны Віцебскай вобласці апынуліся ў прыфрантавой паласе. У такіх умовах германскае камандаванне стала шырока выкарыстоўваць рэгулярныя часці для барацьбы з партызанамі. Дзве маштабныя аперацыі балі разгорнуты акупантамі для ліквідацыі Расонска-

Асвейскай зоны. Пры правядзенні карнай экспедыцыі «Генрых» (31.10–9.11. 1943 г.) ворагу ўдалося рассекчы партызанскую зону з поўначы на поўдзень. Беларускія і калінінскія брыгады з усходняй часткі зоны пад націскам праціўніка з баямі адышлі да лініі фронту і злучыліся з наступаючымі войскамі 4-й ударнай арміі. Наступным ударам, падчас карнай акцыі «Ота» (20.12.1943–1.01. 1944 г.), гітлераўцы сіламі дзвюх дывізіяў да 24 снежня 1944 г. змаглі акружыць партызанскія фарміраванні ў заходняй частцы Расонска-Асвейскай зоны разам з дзясяткамі тысяч мірных жыхароў. У крытычнай сітуацыі па рашэнні нарады камандна-палітычнага складу быў прадпрыняты выхад з блакады дзвюма ўдарнымі групамі. Калона ў складзе Асвейскай і Дрысенскіх брыгад, ударнага батальёна Латвійскай брыгады пад агульным камандаваннем І.К. Захарава за двое сутак фарсіравала рэкі Нішча і Дрыса, перайшла шашу Клясціцы – Полацк і раніцай 30 снежня 1943 г. у раёне возера Страдань дасягнула баявых парадкаў Чырвонай Арміі. Разам з партызанамі ў савецкі тыл выйшла аператыўная група ЦК КП(б) Латвіі і 10 000 мясцовых жыхароў. З калоны калінінскіх партызан, маршрут якой адсачыла разведка немцаў, змаглі прарвацца на ўсходні бераг ракі Нішча і выйсці за лінію фронту толькі 11-я Калінінская брыгада і тры атрады. Партызаны і мірныя жыхары, якія не вырваліся з акружэння, пасля двух дзён баёў адышлі ў Маторынскія лясы. У сувязі з такой перадыслакацыяй партызанскіх сіл у канцы снежня 1943 г. спыніла сваю дзейнасць на тэрыторыі Асвейскага раёна аператыўная група ЦК КП(б) Латвіі, адыграўшы важную ролю ў разгортванні партызанскай барацьбы ў рэгіёнах прыбалтыйскай рэспублікі. У савецкім тыле аператыўная група ЦК КП(б) Латвіі злілася з Латвійскім штабам партызанскага руху [11, с. 177–178; 16, с. 275–288; 19, л. 201–202; 28, л. 114–115; 29, л. 54].

Заклучэнне. Партызанскія зоны Віцебскай і Мінскай абласцей, казьянскія і нарачанскія лясы Вілейшчыны сталі надзейнымі базамі для прыёму, арганізацыйнай і баявой падрыхтоўкі латышскіх і літоўскіх партызан на іх шляху з савецкага тылу да граніцы з прыбалтыйскімі рэспублікамі. Дзякуючы дапамозе органаў КП(б)Б і партызанскіх фарміраванняў, на беларускай тэрыторыі паспяхова разгарнулі работу па выкананні заданняў Цэнтра аператыўных груп Цэнтральных камітэтаў КП(б) Латвіі і Літвы. За 1942–1943 гг. на тэрыторыі партызанскіх зон Беларусі дыслацыраваліся да 30 латышскіх і літоўскіх падраздзяленняў, якія ўмацаваліся арганізацыйна і набылі баявы вопыт падчас сумесных аперацый супраць гітлераўцаў. На тэрыторыі Асвейскага раёна была сфарміравана Латвійская брыгада. Яе арганізатарскія і баявыя групы вясной – восенню 1943 г. пранікалі ў розныя рэгіёны Латвіі, дзе ўсталёўвалі сувязі і аб'ядноўвалі ў атрады дробныя падпольныя і партызанскія адзінкі, стваралі новыя цэнтры барацьбы з акупантамі. У зоне казьянскіх і нарачанскіх лясоў з літоўскіх атрадаў і груп арганізоўваліся партызанскія брыгады. Іх баявая дзейнасць ахоплівала тэрыторыю Беларусі і Літвы. У месцы базіравання літоўскіх і латышскіх партызанскіх фарміраванняў на тэрыторыі Беларусі пранікалі савецкія патрыёты з розных раёнаў прыбалтыйскіх рэспублік, каб уліцца ў шэрагі змагароў з фашыстамі. Можна сцвярджаць, што партызанскія зоны Беларусі адыгралі важную ролю ў пашырэнні антыгерманскага супраціўлення на тэрыторыі Прыбалтыкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941–1945 : в 3 кн. – Рига : «Лиезма», 1966. – Кн. 1. – 368 с.
2. Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны / Редкол.: А.А. Дризул (отв. ред), В.П. Самсон, В.И. Савченко. – Рига : «Зинатне», 1970. – 931 с.
3. В дни войны. (из истории Латвии периода Великой Отечеств. войны 1941–1945 гг.) : сб. ст. – Рига, 1964. – 296 с.
4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3. – 1985. – 531 с.
5. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): документы и материалы. В 3 т. – Минск : Беларусь, 1967–1982. – Т. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – 1967. – 744 с.
6. Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – 1975. – 640 с.
7. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 гг.) : сб. воспом. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 506 с.
8. Климов, И. Партизаны Вилейщины / И. Климов, Н. Граков. – 2-е изд., доп. и перераб. – Минск : Беларусь, 1970. – 420 с.
9. Мацко, А. Боевое братство партизан / А. Мацко // Коммунист Белоруссии. – 1982. – № 9. – С. 46–53.
10. Рашкевиц, А.К. Народные мстители Латвии / А.К. Рашкевиц. – М. : Воениздат, 1973. – 146 с.
11. Самсон, В.П. Партизанское движение в Северной Латвии в годы Великой Отечественной войны / В.П. Самсон. – Рига : Латгосиздат, 1951. – 224 с.
12. Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечеств. войны : сб. ст. / Ред.-сост. В.Е. Быстров. – 2-е испр. и доп. изд. – М. : Гослитиздат, 1963. – 799 с.
13. Титов, А. Боевое интернациональное братство / А. Титов // Коммунист Белоруссии. – 1974. – № 3. – С. 45–52.
14. Хацкевич, А.Ф., Крючок, Р.Р. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР / А.Ф. Хацкевич, Р.Р. Крючок. – Минск : Наука и техника, 1980. – 320 с.
15. Филимонов, А.А. В едином боевом строю: о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан / А.А. Филимонов, А.Д. Титов, Н.И. Эполетов // Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т ист. Беларуси ; ред. А.М. Литвин. – Минск, 2005. – 126 с.

16. Захаров, И.К. Война в краю озер. – 2-е перераб. и доп. изд. – Минск : Беларусь, 1973. – 319 с.
17. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения / Манасенков А.Л [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
18. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 68
19. НАРБ – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 36.
20. НАРБ – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 523.
21. НАРБ – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 180.
22. НАРБ – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 72.
23. Люди нарочанского края: воспоминания участников революционной борьбы и Великой Отечественной войны. – Минск : Беларусь, 1975. – 592 с.
24. НАРБ – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 76.
25. НАРБ – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 263.
26. НАРБ – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 73.
27. НАРБ – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 177.
28. НАРБ – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 31.
29. НАРБ – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 33.

Пастыніў 01.06.2020

**PARTISAN ZONES OF BELARUS AS A SPRINGBOARD FOR THE DEPLOYMENT
OF ARMED ANTI-GERMAN RESISTANCE IN LATVIA AND LITHUANIA (1941–1944):
ORGANIZATIONAL AND COMBAT ASPECTS**

A. KRYVAROT

The issue of deploying a partisan movement on the Belarusian-Latvian and Belarusian-Lithuanian borders was examined. It is noted that the development of anti-German resistance in 1941-1944 on the territory of the Baltic republics was largely determined by the state of partisan forces in the North of the Vitebsk and Northern West of the Vileika regions. The role of the Vitebsk "gates", the Rosson-Osveisk, Surazh, Borisov-Begoml and Ushach partisan zones in the reception, functional training and material and technical support of detachments and battle groups sent from the Soviet rear for further combat activities in Lithuania and Latvia is disclosed. The locations of the operational groups of the Central Committee of the Communist Party of Latvia (b) and the Central Committee of the Communist Party (b) of Lithuania, the main areas of deployment of the Latvian and Lithuanian partisan units are designated. Examples of joint hostilities of the partisans of Belarus, Latvia and Lithuania on the enemy's transport communications and against his garrisons are given. The material was prepared on the basis of the analysis of scientific literature and documents of the National Archives of the Republic of Belarus.

Keywords: task force, garrison, sabotage, kommunikatsii, punitive operation, partisan zone, partisan detachment, bridgehead, raid.

УДК 94(476)«1945/1991»

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛОЦКА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х – 1991 г.)****канд. ист. наук А.А. ОГОРОДНИКОВ
(Полоцкий государственный университет)**

Анализируется процесс экономико-индустриального развития Полоцка (введение в эксплуатацию завода стекловолокна, модернизация Полоцкой ТЭЦ, литейно-механического завода, швейной фабрики, мясокомбината, молокозавода, пивзавода, винзавода и других предприятий), отмечается превращение Полоцка в крупный транспортный узел БССР.

Ключевые слова: Полоцк, экономико-социальное развитие, промышленность, пятилетка, нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), завода стекловолокна.

Введение. Послевоенное десятилетие стало для Полоцка временем интенсивного восстановления экономико-социальной инфраструктуры города. В этот период промышленность Полоцка не только вышла на довоенные показатели, но и была заложена база для последующего развития экономического потенциала города. Однако, несмотря на положительные изменения в индустрии города, в Полоцке так и не были построены крупные промышленные предприятия. Кроме того, в апреле 1954 г. была ликвидирована Полоцкая область. Так Полоцк лишился статуса областного центра, что в свою очередь неблагоприятно отразилось на экономическом развитии города из-за уменьшения финансирования со стороны государства.

Основная часть. Основными отраслями промышленности Полоцка в середине 1950-х гг. являлись: пищевая (58% валовой продукции города), швейная (более 15%), стройматериалов (около 7%), металлообрабатывающая (6%) и деревообрабатывающая (4%). При этом 80% валовой продукции приходилось на производство предметов народного потребления [1, с. 400]. В середине 1950-х гг. партийное руководство СССР приняло директивное решение о дальнейшем векторе промышленного развития Полоцка и региона в целом: строительстве в городе завода стекловолокна и возведении нефтеперерабатывающего завода. 14–25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, который утвердил директивы по развитию народного хозяйства страны на шестую пятилетку (1956–1960 гг.). В частности, руководству БССР была поставлена задача – приступить к строительству нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в республике. Комиссия Министерства нефтяной промышленности при выборе площадки для строительства, после рассмотрения вариантов размещения будущего завода в районе городов Полоцк, Витебск и Бобруйск, остановилась на Полоцке.

Существенным обстоятельством, повлиявшим на выбор, было сокращение затрат на жилищное строительство при возведении завода рядом с городом, а также наличие большого количества водоёмов, которые могли быть использованы как хранилища для загрязнённых стоков [2, с. 13]. Также преимуществом Полоцка выступала возможность обеспечения строительства необходимыми кадрами [3, л. 82], высвободившимися после ликвидации областных учреждений в городе [4, л. 15].

Изначально планировалось, что персонал НПЗ будет жить в Полоцке, а завод будет возведён в городской черте (вариант «Ближний»). В дальнейшем от этого плана отказались по причине слабой несущей способности грунтов на рассматриваемой территории. Выбор площадки для размещения будущего завода в отрыве от Полоцка (вариант «Дальний») предопределил рождение рабочего посёлка (Полоцкий), а впоследствии города [5, с. 21]. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 14 декабря 1963 г. рабочий посёлок Полоцкий был переименован в город Новополоцк [5, с. 109]. Полоцкий нефтеперерабатывающий завод остался полоцким только по названию, в административно-экономическом отношении он больше не являлся составной частью полоцкой промышленности.

В 1956 г. в Полоцке началось строительство завода стекловолокна [6, с. 707]. В СССР стекловолокнистые материалы широко применялись в авиационной, оборонной и электротехнической промышленности, а также в строительстве и автомобилестроении. Первая продукция на заводе была получена уже в сентябре 1957 г., однако официальной датой рождения предприятия считается 27 ноября 1958 г. [7, с. 3].

Завод стекловолокна в конце 1950-х гг. был не единственной новостройкой Полоцка. В 1958 г. в эксплуатацию был введён крупный авторемонтный завод [8, л. 3]. 1 марта 1957 г. начало функционировать предприятие «Полоцкие электросети» [9, с. 4]. В конце 1950-х гг. в Полоцке организовали новое промышленное предприятие – завод металлофурнитуры, который стал выпускать печное и чугунное литьё [10, с. 231]. Данные шаги свидетельствовали о превращении Полоцка в развитый индустриальный центр региона.

С началом шестой пятилетки (1956–1960 гг.) в Полоцке получило развитие движение рационализаторов и новаторов, продолжилось социалистическое соревнование за досрочное выполнение пятилетних планов [10, с. 231]. Передовиками соцсоревнования в городе были рабочие вагонного депо, литейно-механического завода, мебельной фабрики, лесозавода, швейной фабрики [11, л. 6].

В течение семилетки (1959–1965 гг.) в Полоцке были обновлены цеха комбината стройматериалов, модернизированы кирпичный и винокуренный заводы, промкомбинат, вагонное депо, введена в эксплуатацию мебельная фабрика. Уже с 1961 г. была организована теплофикация города от Полоцкой ТЭЦ [6, с. 709]. В течение 1961–1963 гг. в Полоцке вводят в строй вторую очередь завода стекловолокна [12], что тем самым увеличило объём промышленного производства в городе на 40% [13, с. 128]. В период семилетки продолжила развиваться пищевая промышленность. В 1964 г. дал первую продукцию Полоцкий молочный завод, в 1965 г. вступил в строй новый мясокомбинат [14, с. 345]. Помимо строительства новых предприятий продолжалась и плановая реконструкция уже имевшихся (консервного, авторемонтного, литейно-механического и кирпичного заводов). Внедрение современной техники и модернизация производства в годы семилетки позволили увеличить производительность труда на 53,5% [10, с. 247].

В 1966–1970 гг. в производственных коллективах Полоцка началась работа по переводу на новые условия хозяйствования, реализацию принципов хозрасчёта, изыскание внутренних резервов производства [15, л. 158]. В числе первых в городе на новые условия планирования и экономического стимулирования перешли авторемзавод, мясокомбинат, пивзавод и завод стекловолокна [16]. За успехи в развитии производства Полоцкий авторемзавод указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1967 г. был награждён орденом Трудового Красного Знамени [17, л. 263]. Плановых показателей восьмой пятилетки предприятия Полоцка достигли уже к 19 октября 1970 г. Выпуск промышленной продукции за годы пятилетки увеличился в 1,8 раза, а производительность труда за период 1966–1970 гг. возросла на 54,4% [10, с. 265]. На протяжении восьмой пятилетки продолжил дальнейшее развитие авто-, авиа- и железнодорожный транспорт. Увеличивался автопарк государственных и общественных организаций [18, с. 4]. Осуществлялись регулярные железнодорожные пассажиро- и грузоперевозки через станцию Полоцк [19] по направлениям: Москва – Калининград, Орёл – Рига, Полоцк – Ленинград, Полоцк – Минск, Полоцк – Вильнюс, Полоцк – Витебск [17, л. 252]. Установились постоянные авиарейсы из Полоцка в Минск и Витебск, начиная с 1975 г. – в Москву [20, л. 54; 21, с. 4]. Вместе с тем, по причине невысокой рентабельности, в начале 1980-х гг. городской аэродром был закрыт и авиационные перевозки из Полоцка прекратились.

С началом следующей пятилетки (1971–1975 гг.) партийные комитеты организовали кампанию за введение режима экономии на предприятиях города путём интенсификации технологических процессов, бережливого расходования материалов, электроэнергии и минимизации брака в продукции. Однако, несмотря на режим экономии, задания девятой пятилетки промышленностью были выполнены досрочно (к 1 октября 1975 г.). Производительность труда на предприятиях города за период 1971–1975 гг. выросла на 52% [22, с. 20].

Успешное экономико-социальное развитие Полоцка опиралось на соответствующее финансирование проектов из бюджета. Если за девятую пятилетку было освоено капиталовложений на 59,5 млн руб., то за десятую пятилетку (1976–1980 гг.) эта сумма составила уже 105 млн руб. [10, с. 256]. Эти средства были использованы на модернизацию и дальнейшее развития предприятий. В результате за годы десятой пятилетки были запущены новые мощности завода стекловолокна (введена в строй третья очередь предприятия), авторемонтного и винного заводов, комбината хлебобулочных изделий, произведена реконструкция завода железобетонных изделий и комбината стройматериалов [6, с. 707]. На всём протяжении десятой пятилетки происходил неуклонный рост объёма валовой продукции предприятий города. К 1980 г. в сравнении с 1975 г. общий объём произведённой продукции вырос на 112,5% [22, с. 21]. Лучших показателей добились завод стекловолокна, авторемзавод, швейная фабрика [10, с. 255]. В целом темпы прироста городской экономики, по сравнению с девятой пятилеткой, снизились, однако продолжали оставаться на достаточно высоком уровне.

Лидерами по объёму валового продукта в Полоцке в течение 1970-х гг. оставались предприятия пищевкусовой промышленности. За период девятой пятилетки предприятия этой отрасли произвели 62%, десятой – 55,7% городской валовой продукции [22, с. 19]. В течение десятой пятилетки происходил и рост мощностей завода стекловолокна. В 1975 г. удельный вес продукции завода составил 16% от общего объёма промышленной продукции Полоцка, в 1980 г. эта цифра ровнялась уже 21% [22, с. 19]. Завод стекловолокна продемонстрировал существенный рост объёмов продукции. При этом, учитывая совокупные объёмы реализации промышленной продукции в Полоцке в данный период, градообразующим предприятием города завод так и не стал.

Экономико-социальное развитие Полоцка в годы девятой и десятой пятилеток было комплексным. В этот период получил дальнейшее развитие автомобильный транспорт [23, с. 2] и дорожное хозяйство [24, с. 129], что позволило удовлетворить потребности граждан в перемещении.

Одиннадцатый пятилетний план экономического развития (1981–1985 гг.) характеризовался внедрением передовых технологий, автоматизацией процессов, повышением качества продукции. Для совершенствования структуры управления на предприятиях создавались производственные объединения (ПО). Удачным примером производственного объединения можно считать ПО «Стекловолокно» (создано на базе завода в 1981 г.). Это позволило продолжить специализацию и оптимизацию производственных процессов предприятия [10, с. 259]. Продукция ПО «Стекловолокно» поставлялась не только в страны СЭВ, но и на территорию Западной Европы [25, с. 180].

В течение одиннадцатой пятилетки Полоцк продолжил развиваться как крупный узел железных дорог, через который проходил внушительный объём грузов и пассажиропотоков. За десятилетие (с 1965 по 1985 г.) объём грузоперевозок возрос в 1,3 раза и составил 9070 млн т/км. За тот же период пассажиропоток увеличился на 332% (с 215 тыс. человек до 713 тыс. человек) [6, с. 697]. Данные цифры говорят о существенно возросшей мобильности горожан.

Трансформация экономики Полоцка пришлось на период двенадцатой пятилетки (1986–1990 гг.). В сентябре 1986 г. Полоцкий горсовета утвердил план экономического развития города на двенадцатую пятилетку. Предусматривалось, в соответствии с курсом на перестройку всех звеньев производства, ускорение научно-технического прогресса и внедрение передовых технологий [26, с. 7]. Однако в условиях кризиса экономики СССР данные планы не были реализованы в полной мере. Несмотря на кризисные явления, в период перестройки, в целом годы двенадцатой пятилетки оказались временем увеличения удельного веса промышленной продукции Полоцка в объёме индустрии Витебской области: в 1986 г. он составил 4,9%, в 1990 г. – 5,2%, в 1991 г. – 6,9% [27, с. 15]. Рост объёмов полоцкой продукции в годы двенадцатой пятилетки был одним из самых высоких в Витебской области: в 1986 г. он равнялся 109%, в 1987 г. – 118%, в 1988 г. – 127%, в 1989 г. – 137% [28, с. 43]. Новшеством в экономике Полоцка в период перестройки стали кооперативы. На 1 января 1990 г. в городе был зарегистрирован 51 кооператив, выручка от реализации продукции которых составила 4,6 млн руб. [28, с. 117].

Заключение. Полоцк, демонстрируя устойчивые темпы экономического роста на протяжении всей послевоенной истории, стал важным центром индустрии региона и формировал до 7% валового продукта промышленной продукции Витебской области в 1970-х – 1980-х гг. В числе экономически успешных предприятий города были как модернизированные (Полоцкая ТЭЦ, литейно-механический завод, швейная фабрика, мяскокомбинат, молокозавод, пивзавод, винзавод), так и впервые введённый в эксплуатацию в 1958 г. завод стекловолокна. После ввода в 1963 г. в строй второй очереди, на заводе произошло увеличение объёма промышленного производства в 2,5 раза. В период 1970-х – 1980-х гг. завод стекловолокна выпускал примерно пятую часть продукции полоцкой индустрии, имея потенциал стать, в случае дальнейшего наращивания мощностей, градообразующим предприятием. Однако существенное увеличение доли продукции завода стекловолокна в общем объёме промышленности Полоцка не произошло (в 1991 г. она не превышала 21%), по этой причине ПО «Стекловолокно» так и не стало градообразующим предприятием.

Во второй половине 1950-х – 1980-х гг. в Полоцке происходило дальнейшее развитие автомобильного и железнодорожного транспорта, в 1960-х – 1970-х гг. осуществлялись авиaperевозки. Развитие авто-, авиа- и железнодорожного транспорта повлекло за собой интенсификацию путей сообщения, город стал связующим звеном между населёнными пунктами и промышленными предприятиями региона, превратившись в крупный транспортный узел БССР.

Тем не менее, эстафету промышленного флага в регионе (Полоцкий район) в 1970-х – 1980-х гг. перенял молодой Новополоцк, который сформировался как самостоятельный город областного подчинения. Инновационный, по меркам того времени, завод стекловолокна по объёму промышленной продукции уступал нефтехимическому комплексу Новополоцка даже в совокупности с иными промышленными предприятиями. Социально-экономическое развитие Полоцка позволило сохранить его традиционную в индустриальную эпоху специализацию на транспортной инфраструктуре, пищевой и легкой промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономическая география Белорусской ССР / Академия наук БССР, Ин-т экономики. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1956. – 575 с.
2. Тетерук, В. Трудом, умом, душою ...: автобиограф. очерки / В. Тетерук. – Минск : ОДО «Арнелла», 2004. – 416 с.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 3717. Оп. 11. Д. 64.
4. Зональный государственный архив г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 2176. Оп. 6. Д. 1.
5. Шлеймович, М.М. Новополоцк: год за годом: история, архитектура, строительство / М.М. Шлеймович. – Минск : Беларусь, 2008. – 439 с.
6. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск : БелЭн, 2002. – 912 с.
7. Будник, М. Службе качества – 60 / М. Будник // Полац. весн. – 2017. – 10 ліст. – С. 3.
8. ЗГАП. – Ф. 1447. Оп. 1. Д. 30.
9. Шуйская, О. 60 энергичных лет / О. Шуйская // Полац. весн. – 2017. – 27 кастр. – С. 4.
10. Полоцк : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
11. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (НПИКМЗ). – Ф. КП. Оп. 20-26452.
12. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 201597-2.
13. Витебская область. – Минск : Беларусь, 1988. – 191 с.
14. Несцяровіч, Н. Б. Эканамічнае і сацыяльнае развіццё Полацка в 1944–1985 гг. / Н.Б. Несцяровіч // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т

- гісторыі, Полац. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. М.В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 343–350.
15. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 345.
16. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 026919.
17. Полоцкий историко-археологический заповедник (ПИАЗ). – Ф. КП. Оп. 5-2774.
18. Данные о наличии и использовании автомобильного транспорта по Витебской области за 1982 год. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1983. – 18 с.
19. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 022483-02.
20. ЗГАП. – Ф. 658. Оп.1. Д. 247.
21. Вільчынскі, А. У аэрапорце / А. Вільчынскі // Сцяг камунізму. – 1975. – 28 лют. – С. 4.
22. Полоцк к 60-летию СССР : стат. сб. – Полоцк : Инф.-вычисл. центр города Полоцка, 1982. – 160 с.
23. Наличие автомобилей по Витебской области на 1 января 1980 года. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1980. – 9 с.
24. Основные показатели развития народного хозяйства городов Белорусской ССР за 1970–1978 годы / Центр. стат. упр. Белорус. ССР. – Минск : ЦСУ БССР, 1979. – 530 с.
25. Прамысловасць Беларусі / Рэдкал.: В.Г. Аляксееў [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1980. – 248 с.
26. Комплексный план экономического и социального развития города Полоцка на 1986–1990 годы : утв. Гор. Советом нар. депутатов 6 сентября 1986 года. – Полоцк : Полоц. гор. совет нар. депутатов, 1986. – 70 с.
27. Паспорта городов и районов Витебской области (1980–1991 гг.) / Архив Витеб. облстатупр. – Витебск : [б. и.], [б. г.] – Т. 1. – 125 с.
28. Витебская область в цифрах : стат. сб. – Витебск : Стат. упр. Витеб. обл., 1990. – 234 с.

Поступила 30.06.2020

ECONOMIC DEVELOPMENT OF POLOTSK (SECOND HALF OF THE 1950-s – 1991)

A. OGORODNIKOV

The process of economic and industrial development of Polotsk is analyzed (the commissioning of a fiberglass plant, the modernization of the Polotsk heat-electric central, a casting and mechanical plant, a sewing factory, a meat factory, a dairy, a brewery, a winery and other enterprises), the transformation of Polotsk into a large transport hub of the BSSR is noted.

Keywords: *Polotsk, economic and social development, industry, five-year plan, oil refinery, fiberglass plant.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ардукевич А. Б.</i> Сосредоточение войск Российской Империи в Беларуси в период Крымской войны и преддверии восстания 1863–1864 гг.	2
<i>Башков А.А.</i> Использование археологических материалов в реставрации внутреннего интерьера Коссовской резиденции XIX в. на Брестчине	16
<i>Буевич Т.В., Бондарева Е.М.</i> Витебские средне-специальные сельскохозяйственные учебные заведения и их учебно-вспомогательные предприятия: история возникновения, этапы развития и особенности ликвидации (1919 – 1926 гг.)	21
<i>Галынскі Р.Д.</i> Горад Быхаў у XIV–XVIII стст. (узнікненне, развіццё, эканоміка, вайсковая справа і роля ў рэгіёне)	28
<i>Каплиёў А.А.</i> Развіццё эпідэміі інфекцыйных хвароб і супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы на тэрыторыі Савецкай Беларусі падчас Польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.)	37
<i>Кежа Ю.Н.</i> Полоцкие кривичи в письменных источниках: этническая общность или интеллектуальный конструкт?	45
<i>Келлер О.Б.</i> Иезуиты и немецкие университеты	50
<i>Козловская Н.В.</i> История шляхты Великого Княжества Литовского XIV–XVI вв. в контексте литуанистических исследований современной украинской историографии	57
<i>Колос А.В.</i> Механизация крестьянских хозяйств Беларуси в период проведения политики НЭПА в 1921 – 1927 гг.	66
<i>Комар Е.В.</i> Военное строительство на территории Беларуси в 1921 – 1939 гг.: краткий историографический обзор	71
<i>Корсак А.И.</i> Шталаг-354: к вопросу о сохранении памяти	80
<i>Кузнецова-Тимонова А.В.</i> Белорусские воины-интернационалисты: на примере ветеранов войны в Анголе (1975 – 1992)	85
<i>Лобач У.А.</i> 1941 год вачыма дзяцей і падлеткаў Віцебшчыны: антрапалагічны дыскурс ваеннай гісторыі	88
<i>Лугвин С.Б.</i> Властно-административные отношения в условиях европейского Средневековья	98
<i>Лудзіч А.Р.</i> Павятовыя ўстановы па кіраванні земскай гаспадаркай на тэрыторыі Беларусі (1903 – 1911 гг.): структура і функцыі	103
<i>Магалинский И.В., Штемпель О.П.</i> Применение металлографии для изучения технологии ювелирного производства X – XVIII вв. (по материалам отдельных находок из археологических памятников Северной и Центральной Беларуси)	111
<i>Мартинкевич И.А.</i> Социальное обеспечение инвалидов великой отечественной войны во 2-й половине 1950-х гг.: основные направления и трудности реализации	116
<i>Пархимович Н.Н.</i> Большевистские организации в белорусской деревне в 1921-1928 годах: состав и влияние на экономические процессы	123
<i>Пинчук В.Ю.</i> Деятельность чехословацкого правительства в эмиграции по аннулированию условий Мюнхенского соглашения	127
<i>Старостенко Э.В.</i> Епархиальное духовенство на службе в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны	134
<i>Сумко А.В.</i> Пасляваеннае жабрацтва ў дыскурсе вуснай гісторыі Віцебшчыны	142
<i>Сурма К.А.</i> Эволюция иммиграционной политики США в области противодействия нелегальной иммиграции в 1890-х – первой половине 1950-х гг.	148
<i>Ткачѳва М.В.</i> История исследования керамики верхнего Поднепровья III – VII вв. в XX – начале XXI вв.	153
<i>Чернявский И.В.</i> Рейд партизанского соединения Ф.Ф. Капусты на территорию Западной Беларуси (1943 г.)	158
<i>Крыварот А.А.</i> Партызанскія зоны Беларусі як плацдарм для разгортвання ўзброенага антыгерманскага супраціўлення на тэрыторыі Латвіі і Літвы (1941–1944): арганізацыйны і баявы аспект	163
<i>Огородников А.А.</i> Экономическое развитие Полоцка (2-я пол. 1950-х – 1991 г.)	172